Хроники Шалиона

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

Пенрик и Дездемона
Книга 2

Пенрик и Дездемона. Книга 2

Лоис Макмастер Буджолд

Аннотация
Лоис Макмастер Буджолд. Пенрик и Дездемона. Книга 2
Миссия Пенрика
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
Последний танец Миры
I

II
III
IV
V
VI
VII
VIII
Узница Лимноса
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII

Сироты из Распэя
Эпилог

Аннотация

Приключения Просвещенного Пенрика и его личного демона, хитроумной Дездемоны, продолжаются! На этот раз ему доверена опасная миссия по вербовке знаменитого военачальника, сопряженная с таким количеством испытаний и треволнений, что хватило бы на десятерых.

На этом трудном пути Пенрик многое утратит, но и обретет не меньше. Возможно, самое драгоценное, что только может быть в жизни…

Лоис Макмастер Буджолд
Пенрик и Дездемона. Книга 2

Дизайн и иллюстрация Е. Ферез

Печатается с разрешения Lois McMaster Bujold, представленного Spectrum Literary Agency и агентства Nova Littera SIA.

© Lois McMaster Bujold, 2016, 2017, 2020
© Перевод. К. Егорова, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Миссия Пенрика

I

— Дездемона! — ахнул потрясенный Пенрик. — Только взгляни на этот *свет*!

Приникнув к ограждению на борту адриакского торгового судна, медленно шедшего по сужавшемуся заливу Патос, он широко раскрытыми глазами смотрел на скалистые берега Седонии. Из-за сухой прозрачности воздуха далекие гранитные горы казались остро отточенными, будто вырезанными из хрусталя. Восходящее солнце было цвета меда. Пен запрокинул голову, чтобы охватить взглядом раскинувшийся вверху удивительный синий купол, от глубины которого захватывало дух. Казалось, в него можно нырнуть, словно в море, и вечно плыть, не боясь утонуть.

Именно так Пен представлял себе волшебство в какой-нибудь легенде или мифе про воплощенные стихии. Например, «Человек, который влюбился в небо». Он напомнил себе, что обычно такие истории кончались для смертных плохо.

— Верно, однако к полудню этот свет спалит твою бледную кожу книжного червя до волдырей. Прикройся. Нужно будет достать тебе нормаль-

ную шляпу, — ответил его демон собственным ртом Пенрика, прозаично, будто властная старшая сестра, кем он ее иногда и представлял. Но Пен подумал, что Дез не осталась равнодушной к пейзажу, увиденному его глазами, к свету земли, в которой она… можно ли было назвать это рождением? — и которую она покинула более ста лет назад.

— Дольше, — вздохнула Дез.

Он прижал палец к губам, призывая ее не говорить вслух при посторонних, и переместился на нос, держась подальше от членов команды, управлявшихся с веревками и парусами. Полдюжины пассажиров уже стояли там, чтобы первыми увидеть город, в честь которого был назван залив. Корабль сменил курс и против слабого встречного ветра направился к дальнему берегу.

Каменистый склон отодвинулся, словно театральный занавес, открыв пункт их назначения. Раскинувшийся по широкому амфитеатру вершины залива Патос, казалось, был построен из костей этой земли: каменные дома с красными черепичными крышами; каменные улицы с арками и колоннадами; знакомый пятиугольный силуэт каменного храма на высоком холме. Ши-

рокая каменная крепость охраняла уходившие в прозрачные голубые воды каменные пирсы, у которых разгружалась дюжина других торговых кораблей.

Роща кранов и мачт компенсировала явную, на взгляд Пенрика, нехватку деревьев, что было одной из причин, по которым здесь должны были обрадоваться тяжелому грузу их корабля — заготовленной древесине. Медлительный, массивный, скучный — корабль для обычных людей с обычными целями. Таких, как юный адвокатский клерк, везущий пачку неподписанных торговых соглашений и многообещающий брачный контракт. Все поддельные. Пенрик поправил лямку на плече и коснулся кожаного футляра, в котором лежали эти бумаги — а также второй, намного менее скучный набор документов, зашитый в подкладку.

Велка махнул рукой, когда Пен присоединился к нему на верхней палубе. Этот человек был седонийским торговым агентом, с которым Пенрик подружился — или, по крайней мере, установил дружеские отношения — в ходе, как его заверили, на удивление благополучного трехдневного плавания из адриакского города Лоди в Патос. На Велке Пенрик с радостью оттачивал свои

познания в седонийском. Слабо улыбнувшись, мужчина спросил:

— Все еще радуешься своей первой поездке в Седонию?

— Да, — признался Пен, ухмыльнувшись в ответ, по-прежнему опьяненный утренним светом и не тревожась о том, что покажется глупым. Определенно молодому клерку позволительно такое воодушевление.

— Полагаю, тебя ждет много сюрпризов.

— Я тоже так полагаю.

Дез воздержалась от комментариев, даже мысленных, однако Пен чувствовал, что она изучает гавань так же внимательно, как и он.

Два гребца в накидках с эмблемой седонийской таможни подошли на зеленой лодке к кораблю. Пен взял свой единственный саквояж и следом за Велкой в составе первой группы пассажиров покинул судно, без происшествий спустившись по веревочной сетке. Избавившись от человеческого груза, корабль направится к другому причалу у Имперской военно-морской верфи и арсенала, чтобы сгрузить древесину. Пенрик задумался о том, какой смысл одной стране продавать необходимые судостроительные материалы другой стране, с которой она через год может начать

войну или регулярно вступать в морские стычки. Он этого не понимал. С другой стороны, решение этой загадки не входило в задачи его миссии.

Имперская таможня представляла собой длинный деревянный сарай, вмещавший столы, нескольких агентов в официальных туниках, скучающих стражников и скучный дух бюрократии. Пассажиры выстроились в ряд, чтобы предъявить для осмотра свои вещи. Когда подошла очередь Пена, клерк без особого интереса изучил его фальшивые бумаги и записал фальшивое имя, фальшивый возраст и фальшивую цель визита. Высыпав содержимое футляра на стол, он перебрал пожитки Пена в поисках неведомо чего.

Вещи Пена были тщательно отобраны в Адрии, чтобы соответствовать его личности, и среди них не было ничего интересного; уж конечно, он не взял с собой белые одеяния святого Ордена Бастарда или бело-кремово-серебряные наплечные косы храмового чародея. И даже сплетенные из четырех нитей зеленые косы лекаря-наставника Ордена Матери, которые вручили ему в Мартенсбридже, хотя он отказался давать клятву второму богу. Слабые чернильные пятна на его длинных пальцах вполне могли принадлежать адвокатскому клерку.

В любом случае, самая тайная и опасная контрабанда — демон хаоса, дававший ему сверхъестественные силы — осталась незамеченной.

Велка, задержавшийся, чтобы поговорить с каким-то портовым официальным лицом, махнул Пенрику выходить, и тот вновь вышел на солнечный свет, который стал еще ярче. Пен быстро зашагал прочь, не желая сейчас связываться со спутником. Он задумался, следует ли первым делом отыскать человека, ради сделки с которым был проделан весь этот путь, или лучше начать с жилья. Возможно, сначала определить местоположение человека, а затем подобрать удобное жилье. Если Пен станет спрашивать нужный адрес на портовом рынке, это оставит след. Должен быть менее явный способ.

Правильная мысль, заметила Дездемона. *Лучше всего попытать счастья во дворце местного губернатора или какой-нибудь таверне рядом с армейскими бараками, где собираются солдаты.*

Было странным иметь внутреннее представление о городе, в котором Пен никогда не был, но одна из прежних седоков Дездемоны прожила здесь несколько лет. Более века назад, напомнил себе Пен. Город должен был измениться, хотя, вероятно, это не относилось к большим зданиям

или улицам, ведь здесь все было из камня.

Рыночная площадь, полупостоянная деревня из ларьков и навесов, пахла рыбой, веревками, дегтем и специями. Здесь продавали поношенную одежду, местные жестяные изделия и керамику, а также еду — экзотические (для Пена) апельсины и лимоны, сушеные фиги и орехи, странные яркие овощи, оливки и масла. Не меньшим разнообразием отличались торговцы и покупатели — мужчины и женщины, а также дети обоих полов, бегавшие вокруг и вносившие свою лепту в хаос. Из одежды преобладал свободный лен: туники и брюки для мужчин, целомудренные драпировки для женщин. Цвет кожи варьировал от почти рокнарийской бронзы до оливкового и темно-кирпичного загара людей, что определенно работали под открытым небом.

Волосы были кудрявыми или прямыми, бронзовыми — высветленными солнцем или темными, — каштановыми, но в основном черными. Пенрик порадовался, что внял совету покрасить свои волосы в неприметный каштановый цвет. Его собственный почти белый цвет выделялся даже дома; здесь, где он, будучи среднего для горцев роста, внезапно оказался на полголовы выше большинства мужчин, белокурые волосы

пылали бы на солнце, как сигнальный маяк. С глазами Пен ничего поделать не мог, разве что немного прищуриться. Он постарался изобразить присущую клеркам сутулость.

Закончив увлекательную экскурсию по рынку, Пен зашагал по улице, что вела к холму, на котором стоял дворец губернатора. Шум гавани — крики морских птиц, голоса рабочих и торговцев, скрип кранов, цоканье копыт и грохот тележек — поначалу не позволял расслышать мерный топот обутых в сапоги ног за его спиной. Когда он обернулся, отряд из полудюжины стражников уже почти настиг его.

— Стой, ты! — крикнул их сержант.

Пен напрягся, но выполнил приказ, моргая и улыбаясь, выставив пустую, безобидную руку.

— Здравствуйте, — произнес он дружелюбным голосом. — Чем я могу вам помочь?

Лишь потом он увидел Велку, который бежал за стражниками и кричал:

— Это шпион! Арестуйте его!

Первое побуждение Пена — попытаться переубедить стражников — угасло, когда он сообразил, что более тщательный обыск кожаного футляра с документами непременно выявит тайное отделение и секретные письма герцога, после

чего никакие разговоры уже не помогут. Но его туго набитый кошелек висел на шнурке на шее, скрытый от посторонних глаз, а через плечо была перекинута лямка футляра с документами, который никто не мог схватить.

Сержант достал из ножен короткий меч и взмахнул им. *Дез, ускорь нас!* — подумал Пен.

С его точки зрения, нападавшие замедлились. Пен стукнул сержанта футляром так, что мужчина упал назад, и уклонился от лениво поднимавшегося меча другого стражника. Когда он так делал, ему казалось, будто он движется сквозь масло, но Пен придал силу своим ногам и развернулся, сделав несколько шагов к бегству. *Куда*, он подумает потом.

Однако *сейчас* он врезался прямо в другую половину отряда стражников, которые оказались на улице прямо над ним и направлялись к нему с занесенными дубинками.

Пен увернулся от четырех вялых ударов, стремительный, как атакующая змея. Успешно отдернул голову от пятой дубинки — и врезался виском прямо в шестую, вероятно, намного сильнее, чем планировал державший ее стражник.

Вокруг замелькали звезды и снег, Пен ахнул и упал, попытавшись подставить руки, но *снова*

ударившись головой, на этот раз о мостовую. Перед глазами расцвели тошнотворные черные облака, однако полностью он не отключился.

Если бы он отключился, это избавило бы его от последовавших боли и страданий. Множество сильных рук схватили его длинное тело и потащили назад, вниз с холма, в ворота прибрежной крепости. Над головой замелькали тени, потом камень. Сначала Пен решил, что все-таки потеряет сознание — мир потемнел, хотя гудение в голове никуда не делось, — но они просто оказались под землей; мимо промелькнул оранжевый огонь факела. Проход сузился, расширился, снова сузился. Снова расширился.

Его опустили и ловко избавили от футляра, сапог, кошелька, пояса и поясного ножа, а также большей части одежды. Кто-то схватил Пена за волосы и рявкнул:

— Как твое настоящее имя?

Пен не смог ничего простонать в ответ, он только хватал ртом воздух, а потом его внезапно вырвало на допросчика. Это была слабая защита или месть, но тот хотя бы с руганью отпрыгнул.

— Боско, ты слишком сильно его ударил. Он не может говорить в *таком* состоянии.

— Простите, сержант! Но он сам виноват — он

на меня прыгнул!

— Не имеет значения, — раздался голос Велки. — Думаю, здесь мы найдем ответы на все вопросы.

Ну конечно, Велка завладел кожаным футляром. Губы мужчины изогнулись в удовлетворенной улыбке. Пен пожалел, что не позволил Дез обыграть Велку в кости на борту корабля.

— Вряд ли он сможет сам спуститься вниз по лестнице, — сказал один из стражников.

— Мы можем просто сбросить его.

— Точно, и сломать ему обе ноги.

— А разве он зачем-то еще понадобится? Кроме казни? — спросил сержант, по-видимому, обращаясь к Велке.

— Пока трудно сказать. Лучше сохранить его в целости.

Последовало краткое профессиональное совещание, по итогам которого Пена, одетого в штаны и рубаху, спустили в темноту на веревке, которая болезненно впивалась в его тело под мышками. Процесс направлял солдат на качавшейся веревочной лестнице. Сначала холодного, грубого камня коснулись босые ноги Пена, затем колени, а затем и все остальное. Веревка, солдат и лестница исчезли вверху. Скрежет тяжелого камня

отрезал голоса и последние слабые отблески факелов. Полная тишина. Полная тьма.

Полное одиночество.

Но… не в его случае.

— Дез, — простонал Пен, — ты еще со мной?

Потрясенная пауза.

— Им нужно было размазать твои мозги по улице, чтобы я оказалась в каком-то другом месте.

Несмотря на пульсирующую боль, Пен с любопытством спросил:

— В кого бы ты перепрыгнула?

Ощущение угрюмых раздумий.

— В Велку.

Демон, вынужденный перепрыгнуть из-за смерти своего седока, при прочих равных условиях обычно выбирал самого сильного человека поблизости.

— Правда?

— Он бы прожил недолго. — Пауза. — Зато умирал бы долго и мучительно. Уж я бы об этом позаботилась.

Пен подумал, уж не так ли демоны хаоса признаются в любви.

Примерно так, мысленно ответила Дез. Пену стало труднее шевелить губами. *Пен, сосредоточься. Ты не должен терять сознание. В твоем*

черепе трещина и внутреннее кровотечение. Мы можем прижечь поврежденный сосуд, но нужно проделать дыру, чтобы выпустить сгусток, прежде чем давление убьет тебя.

Ты хочешь, чтобы я провел трепанацию самому себе?

Я сама ее проведу, но ты должен оставаться в сознании. Я не смогу работать, если ты… если ты…

Понял.

Деструктивная медицина. Иногда она спасала жизни.

Иногда нет.

Его голова уже так сильно болела, что проделывание в ней отверстия размером с кончик пальца едва ли имело значение. Струйка крови казалась слабой, но онемение губ чуть отступило. *Да, верно.* Он не был уверен, кто из них произнес эти слова.

Теперь я могу отключиться? Больно…

Нет. Оставайся в сознании. Нужно убрать сгусток.

Это тоже было верно. Знакомо. И очень неприятно. Испытывала ли Дез такую же боль, как и он? Может, нет, но если его разум и тело сломаются, она рассыплется на части. *Должно быть, тебе*

тоже не слишком весело.

Не слишком.

Чуть погодя он спросил: *Дез, ты еще можешь включить ночное зрение?*

Да…

Мгновение спустя темнота отступила. При полном отсутствии света эффект был странным, необычно бесцветным, но Пен получил представление о пространстве и формах вокруг. Они находились в круглом помещении, вырубленном в скале, футов четырнадцать в высоту и семь в ширину. Обтесанные стены загибались внутрь и оканчивались небольшим отверстием наверху, которое сейчас закрывал тяжелый камень.

Пенрик изучил грубые углы и вспомнил свой опыт скалолазания в юности. *Нет. Думаю, даже я не смогу здесь вскарабкаться. И уж точно не в таком состоянии.* В своем воображении, по завершении поездки, он уверенно заявлял, что ни одна запертая дверь не может их удержать. *Это место предназначено для того, чтобы удерживать чародеев?* Неужели Велка раскрыл и *этот* секрет, вместе со всеми прочими?

Это обычная седонийская бутылочная темница. Говорят, в такие они сажают узников, о которых хотят забыть.

Тебе уже доводилось в такой бывать? Имея в виду: *Доводилось выбираться из такой?* Не считая жесткого способа, без седока.

Нет.

Чуть позже Пен подполз к стене и, цепляясь за камень, приподнялся, чтобы повернуться и опереться плечами. Они прервались, чтобы выгнать остатки сгустка, и он осторожно ощупал расползавшуюся за ухом влагу, от которой промокла выкрашенная в каштановый цвет косичка. Едва ли он умрет от кровопотери. По крайней мере, не от этой.

Пен сел и сосредоточился на том, чтобы продолжать дышать. В сравнении с сегодняшним утром его амбиции заметно сократились, но пока хватит с него и этого.

* * *

Неизмеримо долгое время спустя он начал гадать, каким образом выдал себя Велке, каким неосторожным словом или поступком раскрыл себя. Ведь его роль не была трудной. Как Пен ни старался, он не мог вспомнить. Велка не был чародеем. Не был шаманом. И уж конечно не был угодником. Он не прибегал к сверхъестественным средствам, чтобы вызнать секреты Пена.

И если на то пошло, кем в действительности был Велка? Седонийским купцом-патриотом, каковым и казался? Или агентом иного рода?

Если на то пошло, я тоже не вижу, где мы ошиблись, сказала Дез.

Пен подумал, что было мило с ее стороны попытаться не дать ему чувствовать себя таким глупым. Предполагалось, что его первая тайная дипломатическая миссия будет простой — и если он справится, то герцог и архисвятой и впредь будут предоставлять ему подобные возможности повидать новые места. Бутылочная темница в воображаемом списке Пена не числилась.

Еще некоторое время спустя он начал гадать, не умрет ли здесь; затем, пока время бесформенно тащилось дальше, как именно он умрет. Его казнят каким-то жутким способом? Или просто оставят умирать в темноте? Которая не была для него темной. И он не умрет в одиночестве; Дез — его друг, который умрет вместе с ним. Наверное, с этим можно было примириться.

Но мне бы хотелось снова увидеть небо.

После этого прошло непростительно много времени, прежде чем он наконец подумал: *Что произойдет с человеком, с которым я должен был встретиться?* Живое, богатое воображение

принялось рисовать ему полную цену его провала, и он проклял дюжины прочитанных им историй, которые в мельчайших подробностях описывали исход. *Пятеро богов. Что произойдет с генералом Арисайдьей?* Возможно, не только Пен заплатит жизнью за это фиаско.

Но не Дез. Хотя бы это.

И еще одна маленькая радость:

— И никаких солнечных ожогов! — Он хихикнул, но во рту слишком пересохло, и Пен поперхнулся смешком.

Пен, ты начинаешь расползаться, встревоженно сказала Дез. *Если ты не сможешь удержать себя, то не сможешь удержать и меня. Держись!*

Как? Он опустил гудящую голову на колени, вспомнив, как страдавшие от невыносимой боли люди убивали себя собственными руками.

Наконец Дез неохотно ответила: *Помолись своему богу. Он единственный, кто здесь есть, кроме нас.*

Пен долго обдумывал это предложение. Потом прошептал:

— Лорд Бастард, Пятый и Белый… — и умолк. Поднял в темноте руки, молитвенно растопырив пальцы. — Повелитель всех несвоевременных катастроф. — И правда. — Я кладу этот день в ка-

честве подношения на твой алтарь. Если хочешь, забери его у меня.

Этой молитве его не учили в семинарии почти десять лет назад, но она казалась правильной. И, возможно, ее услышали, потому что Пен уснул.

* * *

На взгляд Пенрика, прошло очень много времени после того, как его бросили в эту дыру, прежде чем снова заскрипел камень, замерцал оранжевый свет, и вниз спустили на крючке закрытое ведро. Повинуясь выкрикнутым стражником указаниям, Пен подполз и высвободил крюк, который поднялся вверх, чего Пен, увы, сделать не мог. Крышка оказалась грубым круглым подносом, на котором лежала маленькая буханка хлеба, почти свежая, липкий комок сухофруктов, в основном фиг, и бледный квадрат, который, как заверила Дез, представлял собой прессованную сушеную рыбу. Подняв поднос, Пен обнаружил не помойное ведро, а пару галлонов пресной воды и деревянную чашку.

Он жадно напился, потом сбавил темп, задумавшись, на сколько понадобится растянуть эту порцию.

Полагаю, это дневной рацион, сказала Дез. *В*

любом случае, пей. Тебе нужно поправляться.

Пен справился с частью хлеба и обрывками сухофруктов, но после первого укуса отложил рыбу, хотя Дез и уговаривала его с озабоченностью встревоженной матери, настаивая, что это обычная еда, причем питательная. Рыба пахла. И в ней были кости, пусть и тонкие, как шерстинки. И… и *кусочки*.

Итак, его накормили, напоили и оставили в покое, что в первые три дня было именно тем, в чем он нуждался. Диаметр камеры позволял вытянуться на полу, пусть и делал невозможным старый скалолазный трюк, который позволял выбраться из расщелины, прижимаясь спиной и ногами к противоположным ее стенам.

На четвертый день Пен сел и принялся более внимательно изучать свои раны. Дез могла ускорить заживление черепа и противостоять инфекции, но эта магия определенно была восходящей, а значит, ей требовалось сбросить беспорядок. Обычно поблизости хватало мелких вредителей, которых можно было использовать для этой тривиальной задачи, но после того как Дез уничтожила пауков и несколько других бегавших по стенам непонятных существ, у которых было слишком много ног, другие не спешили

приходить в темницу. На пятый день узникам повезло: по центральному водостоку в полу, также служившему туалетом, явилась крыса. Дез буквально накинулась на нее. Пен было испугался, что застрянет в этой бутылке вместе с гниющей крысой, но Дез, которую обстоятельства вынудили быть экономной, не только убила крысу, но и за час превратила ее труп в пыль, которую Пен остатками воды смыл обратно в сток.

За неимением других развлечений он сидел у этого водостока в надежде, что появятся новые крысы, как рыбак у проруби на его родине. Ему не хватало компании теплых душ или друзей, чтобы обмениваться сплетнями, но, по крайней мере, у него была Дез. Пен изучил проделанный в сплошном камне водосток, который шириной не превышал его ладонь. Наверное, он еще не настолько отчаялся…

— И вряд ли отчаешься, — фыркнула Дез. — Даже ты не настолько тощий, чтобы пролезть в эту трубу. Которая выходит в скважину едва ли большего размера.

— И опорожняется в море, надо полагать.

Запахи и случайные сквозняки, выходившие из водостока, пахли скорее устьем, чем клоакой. Но нет, наверное, водосток не годится. Чтобы рас-

ширить его в достаточной степени при помощи магии хаоса, потребуется месяц упорного труда — все равно что рыть подкоп ложкой, которой у него не было. Путь наверх тоже был не самым подходящим вариантом. Пен мог разобрать арку вокруг отверстия, рискуя уронить себе на голову крупные камни и привлечь шумом стражу, однако взлететь туда он не мог. Дождаться, пока его поднимут из темницы на допрос, по-прежнему казалось лучшим и простейшим шансом на спасение, особенно теперь, когда трещины в костях зажили. Он опасно перегрелся в процессе исцеления, что могло скрыть озноб надвигающейся тюремной лихорадки.

Во время ежедневных ритуалов по замене ведра с рационом Пен кричал вверх вопросы, но ответа не получал.

Три крысы спустя его череп, пусть и по-прежнему чувствительный, перестал болеть так, что ему хотелось отрезать себе голову. Он прилежно справлялся с тем, чтобы проглатывать отвратительную рыбу и не извергать ее обратно. Дез помогла скоротать немного времени, рассказывая истории из своих многочисленных прошлых жизней с прежними седоками, все из которых были женщинами, а точнее, десятью женщи-

нами, одной львицей и одной дикой кобылой. Именно благодаря кобыле демон впервые проник в мир из преисподней Бастарда, или хранилища хаоса, или чем оно там являлось. В семинарии велись частые теологические дискуссии о точной природе этого места, которые, по мнению Пена, Дез могла бы разрешить, поскольку только ей довелось там побывать, но она утверждала, что ничего не помнит, поскольку сам хаос не позволял возникнуть памяти. Вся ее личность — личности — сформировались позже, под влиянием материи.

Истории Дез были хорошими, но в этом лишенном света и звуков месте напоминали галлюцинации. Обычно Пен воспринимал их как слова, пусть и внутри собственной головы, и ощущение оживленных жестов, какие может делать сказитель на рыночной площади. Теперь он начал видеть мерцающие картинки. Это напоминало те тревожные ночи, когда ему снились ее сны.

Еще больше тревожило то, что становилось все труднее отличить день от ночи, а сны от бодрствования.

II

Полуночные тени в суде-тюрьме городского магистрата вызывали у Никис желание поглубже заползти в собственную кожу. Плотнее завернувшись в темно-зеленый плащ, она на цыпочках двинулась за тюремщиком, которого подкупила, чтобы повидать своего брата. Этот тюремщик сделает еще больше — точнее, увидит еще меньше, — если ей удастся претворить в жизнь свой план.

Он провел ее по каменной лестнице на галерею третьего этажа, выходившую во двор. В ночной тишине скрип досок под ногами казался воплями, а не мышиным писком. На этом уровне не было промозглых темниц с железными прутьями, только ряд маленьких комнат, которые вполне могли быть административными кабинетами, если бы не тяжелые запертые двери с узкими, окованными железом прорезями.

Никис попыталась увидеть в этом выборе места заключения политический смысл: более суровое, чем домашний арест, но не столь жестокое, как, скажем, те каменные мешки в старой портовой крепости. Быть может, причина заклю-

чалась в обычной осмотрительности. Если бы они попытались арестовать молодого генерала и посадить под арест в армейские бараки или прибрежную крепость, ему бы уже помогли бежать. Он командовал в Патосе всего полгода, но его популярность среди солдат заметно выросла, пусть и подкрепленная лишь тем, что он следил за своевременностью выплат.

Хотя на недавно оспариваемых юго-западных границах люди шли за ним не ради денег. «Победа — лучшее вознаграждение, которое офицер может дать своим людям, — однажды заметил Аделис. — И наоборот».

Это называли блистательной кампанией по маневрированию и атаке, в ходе которой половина армии заставила русиллийское вторжение отступить благодаря уму и дождю со снегом. (Аделис называл это Поносом Самого Бастарда.) В любом справедливом мире — в любом другом *государстве* — за его труды ему бы отплатили повышением и наградой. А не изгнанием на мелкий провинциальный пост и не возросшей политической подозрительностью. Которую, без сомнения, усилило кровное родство его матери с Имперским домом, хотя нескольких предыдущих слишком успешных армейских генералов при-

несли к седонийской имперской власти на своих плечах солдаты, без всяких родственных связей. Но если у Аделиса и были подобные амбиции, он ни намеком не выдал их Никис, а ведь она знала его с самого дня их рождения.

Тюремщик заглянул в дверную прорезь. Он не стал нарушать ночную тишину стуком, а тихо позвал:

— Генерал Арисайдья? К вам посетитель.

Вручив Никис затененный потайной фонарь, он отпер дверь и дал ей проскользнуть внутрь, а сам остался нервно сторожить снаружи.

Аделис, одетый в свободную рубашку и штаны с завязками, сел на кушетке, моргая от внезапного света. Когда Никис поставила фонарь на маленький столик и сняла капюшон, он перекинул босые ноги через край кровати и бросился к ней, чтобы обнять. Сила его объятий выдавала, насколько он встревожен. В ответ Никис так же крепко обняла его, потом отстранилась, чтобы изучить лицо, ладони и предплечья в поисках следов пыток. Синяки, да… но такие же он мог получить во время тренировочных боев.

Когда его разум наконец прояснился, Аделис оттолкнул Никис, не ослабив, однако, панической хватки на ее плечах.

— Что ты здесь делаешь в такой час? — сквозь зубы спросил он. — И вообще, что ты здесь делаешь? Пятеро богов, Никис! Я молился, чтобы тебе хватило ума держаться подальше от всего этого!

– *Все это* само ко мне пришло. В тот день, когда тебя арестовали, губернатор прислал людей, чтобы обыскать мой дом. Они забрали все письма от тебя, а также старые письма от Кимиса, понятия не имею, зачем *они* им потребовались, я была в такой ярости, что…

Его челюсть напряглась.

— Они сделали тебе больно?

Никис покачала головой.

— Просто оттолкнули, когда я начала протестовать.

Несмотря ни на что, уголки его губ дрогнули.

— Ты сделала им больно?

— Боги свидетели, я пыталась, — вздохнула она. — Они сбили с ног моих слуг, перерыли весь дом. Оторвали половые доски, разломали обшивку и мебель, особенно в твоей комнате. Выпотрошили все сундуки с одеждой и оставили содержимое валяться на полу. Хотя они определенно искали… ох, сама не знаю, что они искали, но не ограбили нас и никого не изнасиловали. После их ухода пропало множество маленьких

ценных вещей, но это ожидаемо. — Она сделала вдох. — Аделис, в чем причина всего этого? Единственное, что мне удалось узнать, это то, что тебя обвиняют в сговоре с Адрией, в чем нет никакого смысла.

Он покачал головой.

— Клянусь, я сам не знаю. Мне сказали, что перехватили мою переписку с герцогом Адрии и поймали его агента, но я никогда не налаживал никаких контактов с Адрией. Доказательств мне не предъявили — сказали, что они в курьерской сумке несколько дней назад отправились в Тасалон, и результатом стал ордер на мой арест. Хотя для этого не требуются настоящие письма.

— Думаешь, это подделка, чтобы поймать тебя в ловушку?

— Может быть.

Она махнула рукой.

— Позже. Мы можем поговорить позже. Одевайся и собирай вещи. Я должна вытащить тебя отсюда, и немедленно.

— Что? — Вместо того чтобы подчиниться, он шагнул назад и уставился на нее. — Никис, это что, какой-то идиотский план спасения?

— Да, — огрызнулась она, не желая тратить время на споры о подразумевавшемся оскорбле-

нии. — Торопись!

Он лишь покачал головой.

— Плохая идея.

— Остаться здесь — еще более плохая.

— Согласен, идея скверная, но ничто не станет лучшим доказательством моей вины в глазах обвинителей — в глазах императора, — чем мой побег, словно я пойманный с поличным вор.

— Думаешь, они еще тебя не обвинили?

— Не было ни суда, ни слушания.

— Когда это *ты* стал таким наивным?

Аделис печально улыбнулся.

— Если я не сбежал от четырех тысяч вопящих русиллийских дикарей, то не сбегу и от этого.

— Дикари нападали открыто. Это нападение со спины, в темноте.

— О, русиллийцы тоже так делали.

Она оскалила зубы, яростная в своем недовольстве.

— И каков же твой план?

— Стоять на своем. Защищать себя. Продолжать говорить правду.

— А если тебе уже не на чем стоять?

— Я не совершал измены — и не совершу. При дворе у меня есть не только враги, но и друзья.

— Стой на своем в менее опасном месте!

— Такого места не существует, по крайней мере в границах империи. А покинуть ее будет равносильно признанию ложного обвинения истинным.

Она прижалась лбом к его плечу, от злости едва не впившись зубами ему в рубашку.

— Аделис. Это нужно сделать сегодня. Я не смогу повторить это. Я потратила все, что у меня было, на взятки, чтобы добраться до тебя, и на лошадей. Подкупленные люди не *возвращают средства*.

Он опустился на кушетку и неплохо изобразил булыжник, невозмутимый и неподвижный. Упрямый. Это было семейное. Если бы она привела четверых мужчин, которые ударили бы его по голове и унесли в мешке, быть может, ее план бы удался. Но когда у него на лице появлялось такое выражение, ничто не могло поколебать Аделиса. Иногда Никис восхищалась этим качеством — но не тогда, когда он поступал так с ней.

— Тебе придется уйти, — в ответ заявил Аделис, — и держаться от меня подальше. За тобой будут следить, но сама по себе ты не представляешь достаточной угрозы, чтобы взяться за тебя без повода. Ради любви всех богов и богинь, ради *моей* любви, не давай им его.

— Хочешь сказать, я должна ничего не делать,

а просто застыть на месте, как заяц перед ястребом?

— Для начала — да. — Он провел руками по взъершенным темным волосам, потом стиснул ладони на коленях. — *Пожалуйста*, не пытайся ввязаться в то, что тебе настолько не по зубам. Последнее, что мне нужно, — чтобы мои враги осознали, каким эффективным рычагом ты можешь стать.

По ее щекам катились слезы, и она ненавидела их мокрую беспомощность.

— Пусть будут прокляты все мужчины, и их гордость, и их жадность, и их *идиотизм*.

И их страх.

Аделис ухмыльнулся, прищурив ярко-карие глаза.

— Узнаю мою Никис.

Она не могла закричать. Не могла даже *завизжать*. Еще десять минут яростных споров шепотом ни к чему не привели. *Его надо было поставить руководить осадой*, подумала Никис.

Конец этому положил испуганный тюремщик. Он приоткрыл дверь и прошипел:

— Достаточно. Мадам Катай, вы должны *сейчас же* уйти. Я не могу ждать здесь дольше.

Аделис подтолкнул, тюремщик потянул — и

она вновь оказалась на галерее, ошеломленная, в темноте.

Тюремщик отвел ее вниз по лестнице. Через боковую арку к задней двери.

Где их поджидал отряд из шести стражников и старшего капитана.

Тюремщик не выдавал ее; он заскулил, когда их грубо схватили. Открытый и поднятый фонарь разогнал тени.

— Где он? — в замешательстве спросил один из стражников.

Капитан шагнул вперед. Загнанная в угол, Никис откинула капюшон и вздернула подбородок. Протесты, отговорки и ложь замерли у нее на языке, приглушенные страхом. *Подожди. Ничего не выдавай.*

— Мадам Катай. — Капитан поморщился. — Не ожидал увидеть вас здесь в такой час.

Как ни странно, его ироничный тон придал Никис уверенности. Этот человек будет говорить, а не бить. По крайней мере, сначала говорить, а потом бить.

— Если бы кто-либо здесь обладал обычной галантностью или святым милосердием и позволил бы мне повидать собственного брата средь бела дня, я бы так и сделала. Но мне пришлось

искать иные пути.

Капитан окинул взглядом съежившегося тюремщика.

— Вижу.

— Не надо его винить. Я, знаете ли, расплакалась.

Что было правдой, пусть и не всей. Никис подозревала, что капитан не из тех, кого смягчат женские слезы. Но пусть думает, что это был встревоженный родственный визит, а не попытка к бегству, и, быть может, бедному тюремщику придется не так туго.

— А где ваш брат?

— Там же, куда вы его и посадили. Несправедливо. — Она обнажила зубы в чем-то, едва ли напоминавшем улыбку. — Он утверждает, что Отец зимы подтвердит его невиновность.

Капитан тихо фыркнул, но отступил, чтобы шепнуть несколько слов двум своим людям. Те убежали прочь и несколько минут спустя вернулись с докладом:

— Генерал по-прежнему заперт в камере, сэр.

Капитан раздраженно уставился на Никис. Может, он надеялся поймать ее на месте преступления?

— Кстати, у нас ваши лошади и слуга, — небреж-

но сообщил он. — И явный избыток багажа для вечерней прогулки по городу. Вы так не думаете?

Никис вовсе не оставляла их у парадного входа в тюрьму. А значит, за ней следили — точнее, следили более *ловко*, чем она догадывалась. Едва ли те, кто хорошо знали генерала и его овдовевшую сестру, удивились бы такому повороту событий, но кто в Патосе действительно хорошо их знал? Она сама выбрала уединение и редко навещала Аделиса в лагере; он, в свою очередь, уважал ее выбор.

Похоже, их предали еще раньше, чем все это началось.

Очевидно, ее молчание было не той реакцией, на которую рассчитывал капитан, поскольку он перестал пытаться вызвать ее на откровенность и сменил грубую иронию на суровость.

— Ваши хлопоты о брате понятны, мадам, но бессмысленны. Если вы вернетесь сюда завтра днем, вам без всяких препятствий вернут генерала. На самом деле… — Капитан прищурился. — На самом деле, сейчас мы проводим вас домой и будем охранять ваш покой. А завтра снова проводим вас сюда. На всякий случай. — И мгновение спустя добавил: — Но лошадей мы оставим себе.

— Его отпустят?

Окрыляющая надежда вспыхнула в груди Никис — и умерла. У нее не было никаких сомнений в том, что Аделис невиновен — или, если быть честным, в целом невиновен. Но капитан мог иметь в виду лишь то, что ее брата казнят без суда, после чего из благочестивого милосердия отдадут тело семье — то есть Никис, — чтобы его похоронить, а не оставят болтаться на виселице за городскими воротами в качестве урока тем, кто замышляет измену. Каким бы ни был ответ, капитан уже его *знал*. И жалость на его лице испугала Никис намного сильнее суровости.

Не ответив, он окружил ее своими людьми и повел по извилистым улицам Патоса.

Значит, они оба были правы, и она, и Аделис. Ее жалкий план бегства был обречен на провал. И его решение остаться в тюрьме было ужасной, ужасной ошибкой.

* * *

В полдень солдаты выполнили угрозу: вернулись за ней и привели ее обратно к тому же боковому входу в городскую тюрьму. Капитан выскочил наружу, увидел их и поморщился.

— Слишком рано. Пусть ждет здесь. Вы трое,

со мной. — И добавил, обращаясь к Никис: — Ждите.

И потому они ждали, переминаясь с ноги на ногу. Солдаты не говорили с Никис или друг с другом, не болтали о пустяках, не обменивались армейскими шуточками и грубыми жалобами. Они не оскорбляли и не успокаивали Никис. Неестественное молчание все тянулось. Голова у нее пульсировала, словно к ней прилило слишком много крови, словно ее подвесили вверх тормашками.

Один из солдат вернулся, ведя оседланную лошадь — из тех, что Никис наняла и считала потерянными прошлой ночью. Он присоединился к ожиданию, такой же безмолвный, как и лошадь, которая раздувала ноздри и вскидывала круп.

Внезапно тишину разорвал нечеловеческий вопль — Никис никогда такого не слышала. Даже приглушенный стенами, он то поднимался, высокий и пронзительный, то умолкал, то поднимался вновь. Затем крик оборвался, словно испускавшее его надсаженное горло заткнули или перерезали. Лошадь вскинула голову и испуганно подалась вбок.

Это не мог быть голос Аделиса… ведь не мог? Даже в десять лет, когда он упал с пони и сломал

руку, ее брат ограничился тихим: «Ой!» Быть может, это просто какой-то вор, осужденный в пятый раз и поплатившийся своей рукой? Иногда здесь приводили в исполнение подобные наказания. *Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет какой-то вор…*

Оставшиеся солдаты больше не смотрели на нее, или по сторонам, или друг на друга. Все как один они уставились в землю. Испуганные? А кто не испугается столь кошмарного звука? Никис была в ужасе, ее покрытое испариной тело тряслось, словно на зимнем ветру.

Нет, поняла она. *Им стыдно.*

Наконец в ярком проходе, ведущем во внутренний двор, появились силуэты: два человека поддерживали третьего, ковылявшего посередине. *Аделис?* Это был отнюдь не труп на носилках, но Никис не испытала облегчения. Крупная фигура была ей знакома, а вот скованная осанка — нет. Его тело съежилось и подергивалось, словно он страдал от похмелья.

Только когда они приблизились, Никис разглядела бледную повязку на голове брата и поняла, почему генерала-гения решили отпустить под охрану его сестры.

О боги, о боги, о боги, о боги, о боги…

Они лишили его глаз.

III

По представлениям Пенрика, прошло десять дней, когда камень оттащили в сторону, но не спустили вниз на веревке крюк, чтобы забрать пустое ведро. Вместо этого через край дыры перекинули несколько футов кожаного шланга, хотя недостаточно низко, чтобы Пен мог до него дотянуться. Молчаливые тени стражников двигались в дрожащем свете факела, слабое мерцание которого казалось привыкшим к темноте глазам Пена ярким, будто солнце.

— Что теперь? — крикнул он, не ожидая ответа.

— Милосердие, безумец, — проворчал кто-то наверху.

— Я не безумец. — *Хотя и весьма зол.*

— Ты постоянно бормочешь себе под нос.

— Я разговариваю не *сам с собой*.

А с голосами в своей голове. Со всеми десятью. По личному опыту Пен знал, что лучше этого не упоминать.

Послышалось фырканье, и пара ног в сандалиях зашаркала прочь.

Несколько минут спустя шланг раздулся, за-

кашлял и начал извергать мощный поток того, что, как надеялся Пен, было водой. Он проверил, сунув в него руку. Да, морская вода, а не дождевая и не сточная. Странно…

— Они хотят ополоснуть и промыть наш маленький домик? Он определенно в этом нуждается.

Горло Пена странным образом сжалось, когда Дез ответила:

— Нет. Дело не в этом.

Вода прибывала быстрее, чем выходила через сток. Они что, заткнули дальний конец? Пен с сомнением пошлепал ногами в растущей луже.

— Они хотят утопить нас в темнице, — продолжила Дез. — Как мышь в ведре. Отличный способ избавиться от узника, не оставив следов на его теле.

Какая им разница? И…

— Они не знают, что мы умеем плавать?

— Сколько ты продержишься?

— Часы? Дни?

— Они не торопятся.

— Если они не торопятся, почему бы просто не перестать нас кормить?

Это наводило на мысль… какую? *Что-то изменилось, там, снаружи.*

Несколько минут спустя, когда вода дошла до его лодыжек, Пен огорченно сказал:

— Они даже не допросили меня.

Это была его главная надежда на спасение: пусть только его поднимут из этой каменной бутылки — и какие бы путы, или пытки, или грозные стражи ни ждали его снаружи, он пронесется сквозь них и вылетит из этой крепости, как яйцо из курицы. Хотя он собирался выслушать первые вопросы, чтобы получить некоторое представление о том, в какой ситуации оказался.

— Понадобится много воды, чтобы наполнить эту камеру.

— В их распоряжении целое море.

Крепость располагалась выше уровня моря, пусть и ненамного, и камера тоже, иначе его сливную трубу дважды в день промывал бы прилив. Вода из шланга текла ровно, а не рывками, как из корабельной помпы. Вероятно, она поступала из какого-то заранее наполненного резервуара, а не поднималась прямо из моря при помощи мускульной силы людей или животных. Разум Пена мысленно провел касательную, при помощи с таким трудом давшейся ему геометрии вычисляя объем камеры и предположительную скорость потока воды. *Спасибо, Просвещенный Луренц.* Пен

никогда не думал, что будет с благодарностью вспоминать резкий удар указкой по витающей в облаках юной голове.

— Часов шесть? Восемь?

— Им не нужно наполнять ее целиком, только выше твоей головы. Пен, послушай меня! Мне взорвать шланг?

Это определенно замедлит события, хотя одно из этих событий казалось неизбежным. Уже готовый согласиться, Пен помедлил.

Это была всего лишь салонная магия. Год назад, когда он впервые перебрался через горы — вместе с шестью мулами, которые везли книги, и двумя, которые везли одежду, — чтобы занять пост при новом архисвятом, Пен счел гнетущей жару влажных береговых равнин Адрии. Зажигать огонь приглушенной искрой было первой деструктивной магией, которую он освоил, и самой простой. Провести обратный процесс оказалось намного сложнее. Но попрактиковавшись и проредив ряды паразитов во дворце архисвятого в Лоди, он изобрел способ извлекать воду из воздуха и превращать в крупные градины, чтобы класть в теплые напитки. Пен благоразумно не стал хвастаться своим новым умением, не желая, чтобы его сделали магической машиной по про-

изводству льда для ублажения многочисленных высокородных гостей архисвятого.

Однако это не помешало кузену архисвятого присвоить Пена, когда ему понадобился тайный посланник, обладавший репутацией умного человека и в совершенстве владевший седонийским языком, чтобы совершить… катастрофу, судя по всему.

Не думай об этом сейчас. У тебя нет времени.

Это была Дез — или он сам? В любом случае, как раз время у него было. Несколько часов.

— Как ты думаешь, когда они вернутся за утонувшими мышами?

— Понятия не имею.

Если они ждали, что он примется панически барахтаться, то могли вернуться достаточно быстро. На это он повлиять не мог. Пен прижался плечами к изгибающейся стене камеры и сосредоточился, обдумывая свой план.

Ты планируешь заморозить нас до смерти, прежде чем мы утонем? — жалобно спросила Дез.

Впервые за много дней его губы растянулись в улыбке.

— Ты когда-нибудь видела горных плотогонов весной, как они вырубают заготовленные зимой

бревна из речного льда, чтобы отправить вниз по течению? — Ручия, предпоследний седок его демона, а до нее — Хелвия были уроженками кантонов, совсем как Пенрик. — Это похоже на танец.

— Танец со смертью!.. Ты этим *занимался*?

— Несколько весен подряд, в юности, я помогал местным мужчинам в долине Гринуэлла. — Пен задумался. — Но матери об этом не говорил.

Ха. И, когда вода заплескалась у его колен, она мрачно добавила:

— Это дорого нам обойдется.

— Да. Но подумай про альтернативу.

Когда вода коснулась его бедер, он вслух спросил:

— Как по-твоему, они знают, что я чародей?

Дез замешкалась.

— Едва ли это доказательство, но я думаю, что если бы они знали, то привязали бы наверху козу или овцу.

Пен изумленно откинул голову, потом догадался. *О.*

— Чтобы запереть тебя внутри, когда ты перепрыгнешь, пока не решат, как от тебя избавиться?

— Да, это старый фокус, когда казнишь чаро-

дея.

— Тебе это не понравится.

— Нет. Так что прошу тебя, выживи, Пенрик.

Когда вода достигла его плеч, он приступил к работе, начав с тонкого листа льда в центре камеры. Упершись ладонью в стену и толкая, Пен медленно обошел камеру кругом, чтобы вода двигалась, а его крошечная плавучая льдина оставалась в центре. Тело нагрелось от магии, что на этот раз было приятно, поскольку седонийская морская вода, пусть и терпимая по меркам Пенрика, все равно была намного холоднее человеческой крови и постепенно вытягивала из него силу. Голод и жажда тоже примутся за дело, если он будет медлить.

А Дездемона становилась… он никогда не знал, как это назвать. Возможно, более возбудимой на этих ранних стадиях. Им было еще далеко до неуправляемой мании, которая охватывала ее, когда они пытались сотворить слишком много восходящей магии слишком быстро, но казалось невежливым излишне давить на нее.

И опасным.

Дез пробормотала проклятие, соглашаясь, что само по себе о чем-то говорило.

— Но зато, — с внезапным весельем сказала

она, пока он брел по воде, которая поднялась выше его груди, — с таким умением ты никогда не умрешь от жажды в пустыне.

Пен выкашлял сдобренный морской водой смешок.

— Сейчас это не самая насущная из моих проблем, Дез…

Ледяной диск стал толще, постепенно вырастая вниз в центре; Пен попытался сохранить верхнюю поверхность относительно ровной. Он полагал, что ему потребуется намного больше льда, чем весил он сам. Когда вода достигла его подбородка, он вскарабкался на лед.

И *вверх*…

Его вытянутые пальцы чуть-чуть не доставали до конца шланга. Босые ноги на льдине мерзли и, хуже того, оставляли проталины. Пен попробовал прыгнуть, промахнулся, поскользнулся и плюхнулся в воду, больно ударившись локтем о стену. Подпрыгнувший кусок льда придавил его к камню. Глаза слезились от соли, нос щипало, во рту стоял горький металлический привкус. Пен поднялся, отплевываясь, и вновь забрался на свою плавучую льдину.

На этот раз он немного подождал, давая льдине и себе успокоиться, насколько это было возмож-

но под непрерывным потоком лившейся сверху воды. Затем более внимательно проверил равновесие. Оценил. Вытянулся. Присел. И *ВВЕРХ*…

Одна рука сомкнулась на скользкой коже, потом другая. Поток хлеставшей в лицо воды иссяк, когда вес Пена подтащил шланг ближе к краю отверстия. Рука за рукой, *не отпускай, не падай обратно…* Он перекинул руку через край каменного круга. Затем вылез целиком и рухнул на мощеный пол темницы. Секунду лежал, хватая ртом воздух.

Потом перекатился и в последний раз заглянул в полный воды смертоносный колодец.

— Ты ведь понимаешь, — прохрипел он, — что когда лед растает, — а лед уже таял, и быстро, — они *нипочем* не догадаются, что мы сделали.

Дездемона одолжила его рот, чтобы испустить мрачный смешок, который отдался от стен весьма демоническим эхом. Пен зажал рот рукой, но ухмыльнулся в ответ.

Он так и лежал, мокрый, босой, пылая от жаркого непролитого хаоса, на полу темницы в охраняемой крепости. Один, на границе чужой страны. Не имея ни малейшего представления, что снаружи — день или ночь. *Пожалуй, рановато планировать триумфальное торжество.*

В этом тесном коридоре располагался ряд из трех бутылочных камер. К счастью, две другие пустовали, а значит, Пен был особенным узником? Запертая дверь в одном конце коридора, вероятно, вела на пост охраны. С замком он справится легко, а вот со стражниками могут возникнуть проблемы. Пен прошел вдоль кожаного шланга в другой конец коридора, где шланг уходил в маленькое окошко в стене, решетка которого была снята.

— Мы сможем тут пролезть?

— Может быть. Это лучше, чем слив. Похоже, оно проходит через два фута стены и открывается в оконный приямок. Что за ним, я не знаю.

Пен откинулся назад, потянулся, повернул голову вбок и втиснулся в окно. Отчаянно поизвивавшись, он наконец смог сесть прямо в оконном приямке, не сломав себе позвоночник. Длинные ноги Пена едва не поймали его в ловушку, но ценой нескольких синяков ему удалось протащить их, не сломав кости. Он встал.

Пен оказался на своего рода террасе, выходившей к морю. Рядом виднелся каменный бак, возле которого стояла тихая помпа. В этот час людей поблизости не наблюдалось, потому что была ночь, *спасибо пяти богам*. Пен боялся, что

внезапный солнечный свет ослепит его ничуть не хуже подземной темноты.

Что-то пробежало по краю террасы и с хлопком взорвалось.

Он раньше не видел, чтобы крысы *так* делали. *Тише, Дез!*

Больно, пожаловалась она. *А кроме того, сколько раз я сидела в туалете вместе с* тобой*, когда тебе было плохо от…*

Даже десять лет спустя ей удалось заставить его покраснеть. *И тем не менее. Как нам отсюда выбраться?*

Это твоя работа.

Самым очевидным способом было перелезть через стену, тихо переплыть гавань в темноте и выбраться на одну из пристаней.

Они с одинаковой неприязнью посмотрели вниз, на темное, неспокойное море.

— Ничего не поделаешь, если только ты не хочешь вернуться в бутылочную камеру, — наконец сказала Дез. — Давай.

Пенрик вздохнул и спустился в пенную воду.

* * *

Час спустя, покрытый соленой коркой и страдая от боли в ступнях, Пенрик сидел в каменном

корыте для стирки белья, в которое собиралась вода из скромного мраморного фонтана, располагавшегося на площади перед храмом средних размеров. Пенрик напился благословенно чистой воды, и теперь перед ним стояла следующая задача. Он постарался не думать про нескольких портовых крыс и невезучую сонную чайку, которыми пришлось пожертвовать на берегу; Дез успокоилась и, похоже, вновь причиняла хаос только не вызывавшим теологических вопросов насекомым. Это нельзя было назвать некромантией, но…

Ложись, и я избавлю твои волосы от краски, произнесла Дез практичным голосом Ручии.

Правда?

Они будут искать беглеца с каштановыми волосами. Кроме того, у тебя отрастают светлые корни. Проще вообще снять краску, чем пытаться подкрасить их.

Он решил поверить ей на слово, а кроме того, пресная вода очень напоминала ванну. Пен предпочел бы сжечь провонявшие тюрьмой рубашку и штаны, но пока их нечем заменить, сойдет и такая импровизированная стирка.

И потому, едва не уснув в корыте, он промыл и отжал волосы, распустив их по плечам, — лента,

что удерживала его косу, давно потерялась. Скоро наступит рассвет, и появятся люди. Оставляя следы мокрых босых ног, Пенрик направился к темному портику храма. Вскрытие простых замков давно превратилось для него в рутину, и он даже не помедлил, открыв высокую дверь и скользнув внутрь. После этого все напоминало прогулку за покупками на рынок. Только наоборот.

Обстановка внутри храма была такой же, как дома, с алтарными нишами возле стен и пьедесталом для священного огня в центре, где сейчас тлели угли. Деревянные храмы в кантонах украшала изысканная резьба; здесь оштукатуренные каменные стены были расписаны фресками, неразличимыми в темноте, а пол выложен мозаичной плиткой. Пен решил, что это местный храм, предназначавшийся для жителей соседних кварталов, не такой большой и хорошо охраняемый, как главный провинциальный храм на вершине более высокого холма. И, увы, не такой богатый. Он отыскал нишу Бастарда, для порядка осенил себя знамением и изучил алтарный стол на предмет подношений. К сожалению, его опустошили на ночь.

Однако в этом благоразумном храме в каждой

нише стояли запертые ларцы для подношений. Пен вскрыл ларец Бастарда и заглянул внутрь. Если его тоже опустошили на ночь…

Внутри лежало несколько монет и других мелких предметов. Длинные пальцы Пена быстро извлекли монеты и оставили менее понятные подношения, такие как прядь волос.

Он изучил скудный улов.

— Похоже, здесь не слишком любят белого бога. Или не слишком боятся.

— Ты бы не согласился на мои предложения выбрать другие места в городе.

— Грабить бедных бесполезно, а богатых — опасно. И это не воровство. Я просто… забираю плату более прямым способом, чем обычно.

Дез фыркнула.

— Не думала, что седонийские и адриакские храмы практикуют подобные взаиморасчеты.

— Но бог тот же.

Пен с самого начала знал, что в первую очередь служит своему богу и лишь во вторую — Храму. До сих пор эти две стороны нечасто конфликтовали друг с другом, и он молился, чтобы так оно и оставалось.

Он медленно обошел помещение. Его ладонь зависла над ларцом на алтаре Матери лета, по-

том двинулась дальше. Хотя Пен не сомневался, что Она не будет держать зла на святого своего второго Сына, Пен отказался принести Ей клятву в Мартенсбридже; казалось грубым теперь просить Ее о помощи. Службу Сыну осени Пен оставил много лет назад, а Дочь весны никогда не была его богиней. Наконец он остановился перед алтарем Отца.

— Пен, — опасливо сказала Дез, — *никто* не крадет у бога правосудия.

— Берет в долг, — поправил он. — Полагаю, у меня есть хорошие поручители. Например, ловец Освил. — Пен улыбнулся, вспомнив своего друга в Истхоуме, самого преданного последователя Отца зимы, что он когда-либо встречал. Он вскрыл ларец и вскинул брови. — Ну надо же.

— Очевидно, кто-то очень переживает за свое судебное разбирательство, — предположила Дез.

— Возможно, обе стороны. Хотя если ты пытаешься *подкупить* бога правосудия, то явно упускаешь главное.

А может, какой-то бедный — очевидно, не слишком бедный, назовем это *удрученный* — человек молился о своем ребенке или об облегчении для умирающего отца. Как бы там ни было, Пен осенил себя знамением и склонил голову. *Я по-*

стараюсь потратить их правильно, Господин.

Он вернулся за покровом с алтаря Бастарда, чтобы сложить в него подношения, снова запер оба ларца и выскользнул на улицу, тихо закрыв дверь. Небо и море приобрели необычный прозрачно-серый оттенок. Пен слышал цоканье копыт осла и скрип телеги, а за открытыми окнами, розовыми от света ламп, люди шевелились и гремели горшками.

Найти торговца старой одеждой, найти дешевый постоялый двор, найти завтрак, в котором не будет сушеной рыбы; а потом…

А потом станет сложнее. Эта мысль не была радостной.

* * *

Пенрик бродил по улицам Патоса рядом с армейскими казармами и плацем, пытаясь придумать план. Подойти к главным воротам и постучать — едва ли хорошая идея. Теперь он осознал, как плохо подготовился к своей миссии посланца.

Интересно, заметили ли уже его пропажу из темницы? К счастью, он нашел будку с одеждой и купил еду в уличном киоске, прежде чем встретиться с кроватью на маленьком постоялом

дворе, потому что рухнул на покрытый простыней набитый шерстью матрас, как бревно, и уснул беспробудным сном. Проснувшись ближе к вечеру, Пен обнаружил, что потерял не так много времени, как думал. В отличие от дома, где люди использовали вторую половину дня, чтобы сделать как можно больше до темноты и холода, местные жители избегали палящего солнца, прячась в домах, чтобы спастись от жары, и выходили как раз примерно в это время.

Пен поболтал ногами в необычных кожаных сандалиях. Его рабочая одежда была непримечательной: туника без рукавов и короткие штаны. Он завязал волосы узлом на затылке; пусть и светлые, теперь они не торчали во все стороны, как сигнальный флажок. Сельская соломенная шляпа затеняла глаза. Архаичный выговор далеких северных гор Седонии выдавал, что Пен не из этих мест, оправдывая его растерянность, но не делая чужаком.

Пока ты не пустишься в пространные рассуждения и не продемонстрируешь свой запас ученых слов, заметила Дез. *С таким сельским акцентом это будет все равно, что если осел откроет рот и начнет читать стихи.*

Постараюсь быть кратким, вздохнул Пен.

Проклятье, он должен с *чего-то* начать. Он заметил одинокого солдата, не офицера, который выходил из прямоугольного двора казарм, и свернул, чтобы перехватить его, прежде чем тот скроется на тесных, извилистых улочках гражданской части города.

— Прошу прощения. Вы не подскажете, где я могу найти генерала Арисайдью? Мне велели доставить ему… — *Слезы Бастарда, не говори письмо*, — пакет фиг.

Солдат остановился и уставился на Пена.

— Ты не слышал? Его арестовали. Четыре дня назад, стражники губернатора. Утверждают, что по имперскому приказу. Не знаю, куда его увели, но *здесь* его точно нет.

Он ткнул большим пальцем себе за плечо, в сторону армейского квартала, который внезапно перестал быть целью Пена.

Пен потрясенно сглотнул. Примерно через семь дней после его собственного ареста. Если они связаны, почему такая задержка? Искали другие доказательства?

— По какому обвинению? — выдавил он из себя.

Солдат пожал плечами.

— В измене, надо полагать. Этим можно при-

крыть что угодно. По мне, полная чушь. — Он замешкался, словно желая взять свои неосторожные слова обратно. — Но откуда *мне* знать?

Солдат отодвинулся от Пенрика и мрачно зашагал прочь. Явно встревоженный.

Семь дней. Достаточно времени, чтобы быстрый курьер добрался до имперской столицы, день-другой на споры, уговоры — заговоры, — пара дней, чтобы привезти обратно ордер на арест, выданный высокопоставленным лицом? Очень высокопоставленным, судя по всему. Только самые могущественные руки могли двигать офицеров уровня Арисайдьи, словно игровые фигуры.

Что бы ни произошло, было ясно, что слухи пропитывали армию, будто краска — шерсть. Если Пен хотел получить ответы, не привлекая вопросами внимания к собственной персоне, ему требовалось отыскать место, где солдаты общались друг с другом. К счастью, на соседних улочках располагалось несколько таверн для солдатских нужд. Пен по очереди заглядывал в них, пока не отыскал ту, где было много народу и где его сельская одежда не выделялась в толпе. Он скользнул внутрь.

Держа в руке кружку с дрянным кислым элем,

он бродил по залу, прислушиваясь к нужным словам и особенно к нужному имени. Наконец Пен отыскал стол, за которым сидели полдюжины младших офицеров, пара сотников и их лейтенанты. Он скользнул на табурет у стены, поглубже натянул шляпу на глаза и притворился трудягой, задремавшим от усталости. Точнее, притворился задремавшим. Усталость была настоящей.

— Никакая это не растрата, только не у него, — фыркнул один офицер.

— Я такого не слышал, — ответил другой. — Мне сказали, он замышлял измену с герцогом Орбаса. Или Адрии. Или Тригони. В общем, с каким-то проклятым иноземным герцогом.

Все дружно нахмурились.

— Или не герцогом, — проворчал седой капитан. — Скорее, эти придворные кастраты просто сфабриковали обвинение.

Другой отпустил грубую шутку насчет охолощенных мужчин, которую его товарищи сочли скорее мрачной, чем забавной.

— Да, но *что* толпа жеманных бюрократов могла захотеть украсть у Арисайдьи?

Седой капитан пожал плечами.

— Верность Армии запада, например. У многих

высокородных бюрократов, на месте у них яйца или нет, есть племянники-военные, желающие заполучить ранг, до которого они не в состоянии дослужиться.

— Уж конечно, император… — начал другой, но капитан предостерегающе вскинул руку, и он продолжил более осторожно: — Уж конечно, этим тасалонским *придворным* нельзя доверять…

Люди такого положения вряд ли могли знать больше Пенрика, но их разговор вызывал тревогу.

Нет, вздохнула Дез. *Пока это всего лишь обычный армейский скулеж насчет гражданской власти. Похоже, за сто лет ничего не изменилось.*

Хм.

Разговор свернул на другие темы, но тут к солдатам присоединился новый человек. Пен с трудом сдержался, чтобы не выпрямиться. Новоприбывший солдат был молодым, широкоплечим и мускулистым, с такой же загорелой кирпичной кожей, как и у большинства присутствующих, но его напряженное, испуганное лицо приобрело землистый оттенок. С широко распахнутыми глазами, тяжело дыша, он упал на место на скамье, которое с готовностью освободили для него

товарищи, и сказал:

— Пятеро богов, дайте мне выпить. — Потом, не дожидаясь, выхватил у соседа кружку, которую тот уступил, изумленно подняв брови. — Я только что слышал…

Он запрокинул голову и заработал ртом, но, казалось, не мог проглотить ни капли. Ему потребовалось время, чтобы справиться с этим.

— Арисайдья, — наконец выдохнул он. — Вчера в полдень, тайно, в городской тюрьме. По приказу императора.

— Освобожден? — с надеждой спросил один солдат и умолк.

— Казнен? — мрачно прорычал седой капитан.

Молодой солдат покачал головой.

— Его ослепили кипящим уксусом.

Повисло потрясенное молчание. Все кусали губы.

Пен склонился на своем табурете и подавил тошноту.

Не смей, сказала Дез. *Не выдавай себя.*

— Как аристократично, — заметил седой капитан со странными сардоническими нотками, которые могли выдавать гнев, или скорбь, или проглоченные проклятья. — А я думал, что мы, армейские мулы, обычно получаем раскаленный

штырь в глаза.

— Без такой чести я бы обошелся, — пробормотал другой.

Еще один капитан со вздохом откинулся назад.

— Что ж, ему конец. Что за проклятая потеря.

— Он по-прежнему в тюрьме?

Молодой солдат покачал головой.

— Нет. Я слышал, что его отдали сестре-близнецу, как там ее зовут.

Так как *ее зовут?!*

Мужчины начали расслабляться, хмурясь, но явно не собираясь немедленно устраивать военный бунт после этой новости. Кто-то принес посланцу его собственную кружку, и тот сделал глубокий глоток. Кто-то отодвинул тарелку в сторону, но не выпустил из рук выпивку.

— Надеюсь, она хорошая сиделка, — сказал лейтенант.

— Или умеет обращаться с острым ножом, — добавил другой. — Одно из двух.

Пен ахнул от ужаса, благодаря судьбу, что у него есть соломенная шляпа, которую он теперь натянул до подбородка.

— Они правда близнецы?

— Кто знает? Я слышал, что *он* — сын прежней благородной супруги старого генерала Арисай-

дьи, а *она* — дочь его любовницы, и они родились в один день. Если только повитуха не обменяла их втайне, чтобы обеспечить старику наследника.

— Это старые сплетни.

— Забавно, что об этом никто не слышал, пока он не получил столь высокий пост в столь юном возрасте…

— Что ж, теперь он — бедный слепой ублюдок. Были его родители женаты или нет.

Настроение за столом испортилось, и компания распалась. Большинство закончили есть и ушли, двое остались, чтобы выпить еще. Как только Пен справился с дрожью и смог подняться на ноги, он выбрался на улицу, половина которой теперь находилась в тени от косых лучей садящегося солнца, и нашел стену, чтобы опереться.

Боги, Дез, что теперь?

Вернемся в Адрию, я полагаю. Желательно не через порт Патоса.

Кислая желчь обожгла горло Пена при мысли о таком возвращении с пустыми руками. Нет, намного хуже, чем с пустыми руками.

В этом не было смысла. Герцог Адрии хотел нанять разжалованного и предположительно недовольного генерала в качестве капитана для своих бесконечных междоусобных войн с сосед-

ней Карпагамо. Об этом говорилось в полученном герцогом личном письме от самого Арисайдьи, и герцог воспользовался предложением…

Заглотил наживку?

Но это не было *предательством*, не в большей степени, чем то, как сам Пенрик предлагал свои услуги разным государствам, уйдя от новой архисвятой принцессы Мартенсбриджа к архисвятому Адрии. В конце концов, герцог не собирался использовать Арисайдью против Седонии. Этот вопрос просто был… немного деликатным.

И дело не должно было зайти так далеко, если бы не… если бы не что?

Во всем этом была какая-то скрытая часть, которой Пен не видел. Как не видел, каким образом тому седонийцу, Велке, удалось разгадать его истинную миссию. Если только он заранее о ней не знал…

Но слезы Бастарда и кровь Матери, *ослепить*! Пен видел доходившие до кости ожоги, когда был подмастерьем (и не только) в больнице Матери в Мартенсбридже. В некоторых плохих случаях — видел близко. Ему не нужно было ничего *воображать*.

— Я должен как-то это исправить.

Пятеро богов, Пен, как? Сделанного не воро-

тишь. Пора подумать о себе и сбежать.

— Я пока не знаю. — А потом, через три вдоха, он уже знал.

Ему понадобится информация о сестре, ее имя и адрес, а еще — более приличный торговец старой одеждой. И более приличная баня, в которой найдется цирюльник и мастер маникюра. Аптека. Мастерская по изготовлению ножей, которая сможет выполнить очень необычный заказ. И не только. Как дальновидно Отец зимы наполнил его кошелек…

Впереди ждала трудная ночь. Пен оттолкнулся от стены.

— Давай выясним.

IV

Никис сидела в саду своей арендованной виллы и пыталась съесть… наверное, это был завтрак, потому что сейчас было утро. Утро. Которое?

Прошло… сколько, два дня?.. с тех пор как она привезла сюда вцепившегося в седло Аделиса, чье затрудненное дыхание пугало не меньше, чем слезы. Половина слуг сбежала после визита людей губернатора и не вернулась, а потому, к отвращению Никис, ей пришлось просить сопровождавших солдат помочь брату подняться в спальню и уложить его. Она не хотела, чтобы они к нему *прикасались*. И прогнала их из своего царства так быстро, как только смогла, не поблагодарив, однако один губернаторский стражник по-прежнему маячил у ее парадной двери, а другой — за задней стеной.

После этого начался кошмар. Она обмыла тело брата губкой, одела его в чистый лен, попыталась убедить поесть — без особого успеха, — заставила попить. Он не слишком ей помогал. В прошлом Никис видела Аделиса в скверном расположении духа, усталым, раздраженным и разгневанным, хотя обычно причиной была армия или импера-

торский двор, а не сестра. Но никогда прежде она не видела его *сломленным*.

В утреннем свете сад был очарователен. Вода музыкально струилась по хитроумным каменным канавкам от крошечного источника, благодаря которому вилла, пусть и старая, стала чудесной находкой полгода назад, когда Аделис получил новый пост и пригласил Никис присоединиться к нему. Беседку, затенявшую маленький столик и стулья, оплетали виноградные лозы, что, казалось, росли с каждым часом, выпуская новые листья, среди которых застенчиво проглядывали зеленые виноградные грозди. Над цветами гудели пчелы. В дальнем конце сада, где располагался пышный огород, роса сверкала на паутине, словно драгоценное ожерелье, беззаботно брошенное каким-то пролетавшим мимо духом. Все вокруг дышало очарованием, изяществом и спокойствием, давая передышку от тревог.

Этим утром обманчивая красота *оскорбляла* Никис.

Она съела половину вареного яйца, затем откусила кусочек хлеба, чтобы заставить яйцо проскочить в желудок, и глотнула холодного чая, чтобы заставить проскочить хлеб. Когда

она закончит, ей придется вернуться в спальню Аделиса и снова попробовать снять присохшие к лицу бинты. Когда она к ним прикоснулась, он закричал и ударил — вслепую, конечно же, а потому со всей силы, как не бил со времен их детских драк. Тогда он был намного слабее. Никис потерла большой синяк на щеке и закрыла лицо ладонями.

Она не могла плакать. И спать. И есть. И дышать…

Держи себя в руках. Тебе нужно вернуться.

Когда она подняла голову, напротив сидел призрак.

Никис так удивилась, что даже не вздрогнула, хотя у нее отвисла челюсть.

Ее первой мыслью было не *мужчина* и не *женщина*, а *дух*. Прозрачные глаза, голубые, как летнее море. Волосы потрясающего серебристо-золотого оттенка, собранные в узел на затылке, однако несколько прядей выбились и светились на солнце дымчатым нимбом. И у человека не может быть такой молочно-белой кожи.

Никис отбросила свои отчаянные фантазии. Это определенно был мужчина. Ее взгляд скользнул по длинному согнутому телу. Жилистые руки, ладони слишком крупные и сильные для женщи-

ны, ногти коротко острижены и безукоризненно чисты. Обутые в сандалии ступни слишком большие для женщины, грудь слишком плоская, бедра *чересчур* узкие. Вновь посмотрев на лицо, она увидела необъяснимо радостную улыбку и крепкие белые зубы.

На мужчине была неокрашенная туника без рукавов, доходившая до колен и перехваченная ремнем на узкой талии, а поверх нее — темно-зеленая безрукавка. Наряд вызывал ассоциации с облачением служителя Ордена Матери, хотя таковым и не являлся.

Мягким, дружелюбным тоном видение спросило:

— Мадам Катай, я полагаю?

Она сглотнула, и к ней наконец вернулся дар речи. Резким от тревоги голосом она произнесла:

— Как вы сюда попали? Там стражники.

Которые, как полагала Никис, не столько мешали людям приходить и уходить, сколько отмечали посетителей и докладывали о них.

— Быть может, их смена кончилась? Я никого не видел.

— Мои слуги должны были вас остановить.

— Боюсь, их я тоже не видел, — ответил он, словно извиняясь.

В это она вполне могла поверить.

— Простите, что я вас напугал, — продолжил он тем же мягким голосом.

Ошарашил.

— …Я мастер Пенрик. Целитель.

Она откинулась на спинку кресла.

— Скорее *подмастерье* Пенрик. Едва ли вам сравнялся двадцать один.

— Уверяю вас, госпожа, что мне тридцать.

Он назвал ее собственный возраст, а этим утром она ощущала себя столетней старухой.

— Максимум двадцать пять.

Он небрежно махнул рукой.

— Пусть будет двадцать пять, если хотите.

— А как насчет *мастера*?..

— Во всех смыслах, кроме последней клятвы. — Его улыбка стала печальной.

— Хм.

— Если оставить в стороне мои профессиональные качества, офицеры вашего брата скинулись и наняли меня, чтобы за ним ухаживать. По причинам, которые, должно быть, понятны вам лучше, чем мне, они пожелали не раскрывать себя. — Он поднял светлые брови, и Никис поморщилась, не в силах отрицать это. — Но мои услуги оплачены — и вот я здесь.

— Надолго?

Он пожал плечами.

— Насколько понадобится. — Он махнул рукой в сторону большого саквояжа, который стоял у его ног. — Я привез необходимые принадлежности и смену одежды. — И после паузы признался: — Не то чтобы мои услуги пользовались большой популярностью. Но я согласился прийти… И я неплохо разбираюсь в ожогах.

Его последние слова не столько убедили ее, сколько вынесли, подобно волне, на опасные отмели надежды. Взгляд Никис упал на его чистые, изящные руки. Она могла довериться этим рукам, хотя не слишком доверяла языку. Не доверяла этому внезапному гостю, не доверяла никому, но она так отчаянно *устала*…

Возможно, он прочел капитуляцию в ее позе, потому что продолжил:

— Мне нужно как можно скорее осмотреть генерала. Жаль, что я не смог прийти раньше.

— Тогда идите за мной. — Она заставила себя подняться, бережливо допила чай и повела гостя в дом. — Но он больше не генерал, знаете ли.

Никис возненавидела само звучание предательского — преданного — армейского звания, которое так ценил ее брат.

— Как мне к нему обращаться?

— Арисайдья. Наверное. — Она не предложила этому Пенрику назвать брата *Аделис*.

Таща свой саквояж вверх по лестнице следом за ней, Пенрик спросил:

— Он что-нибудь говорил?

— Не особо.

— Что он сказал?

Она остановилась у двери Аделиса и хмуро посмотрела на целителя:

– *Пожалуйста, дай мне умереть.*

Помедлив, тот негромко ответил:

— Ясно.

Когда она открыла дверь, он сделал очень глубокий вдох, распрямил плечи — Никис вновь пересмотрела его возраст в меньшую сторону — и последовал за ней в комнату.

Аделис лежал так же, как она его и оставила, когда пошла вниз, чтобы позавтракать. Никис посмотрела на поваренка, которому велела присматривать за братом.

— Что-нибудь изменилось?

Поваренок помотал головой.

— Нет, госпожа.

— Можешь вернуться на кухню.

Светловолосый целитель вскинул руку.

— Когда доберешься туда, вскипяти котелок воды и поставь остывать. А потом еще один. Нам понадобится немало.

— Оставшаяся от моего чая вода уже должна была остыть, — нерешительно сказала Никис.

— Хорошо. Сначала принеси ее.

Мастер Пенрик кивнул, и мальчик ушел, с любопытством оглядываясь через плечо.

Никис подошла к кровати и взяла Аделиса за руку. По напряженной ладони поняла, что он не спал.

— Аделис, я привела к тебе целителя, мастера Пенрика.

Точнее, он сам себя привел, но она сомневалась, что Аделис хорошо отреагирует на такое известие.

Под скрывавшей его лицо тканью, так и не снятой после того ужасного первого дня, губы Аделиса дрогнули, и он пробормотал:

— Уходи. Он мне не нужен.

Никис заставила себя проигнорировать эти слова. Ее рука замерла над заскорузлой самодельной повязкой.

— Я уверена, что это нужно снять, но бинты приклеились к коже. Моя служанка заявила, что их нужно оторвать, но я ей не позволила.

Аделис дернулся на постели, ткнув вверх дрожащим кулаком. Никис уклонилась.

— Та криворукая карга вернулась? Избавься от нее!

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, она ушла. Я больше не пущу ее, обещаю.

— Уж постарайся. — Он затих.

Пенрик подошел к кровати с другой стороны, провел рукой над повязкой и откашлялся.

— В поддержку этой дамы скажу, что существует способ обработки раны, который позволяет подавить образование рубцовой ткани на месте ожогов и включает… нечто подобное. Вероятно, она видела это и неправильно поняла. Однако в данном случае это не подходит. — Его голос стал резким. — Если бы глупая женщина попробовала так поступить, то оторвала бы ему веки.

Никис и Пенрик прижали ладони ко рту: она — желая удержать внутри завтрак, он — желая взять назад необдуманные слова. Аделис дернулся и застонал. Пенрик с непонятным раздражением поморщился и поспешно добавил:

— Простите, простите! — Он покаянно кивнул Никис. — Не стану спорить, ожоги — отвратительная штука. Я их ненавижу.

Тихое фырканье со стороны постели.

Пенрик оглядел распростертую на кровати массивную фигуру.

— Что вы ему даете?

— Я достала немного макового сиропа. Но он почти закончился.

Аделис ненавидел опиаты, но на этот раз согласился принимать их из ее рук. Никис не думала, что они в достаточной степени притупляли боль, чтобы он мог уснуть, но маковый сироп делал его слишком вялым, чтобы сопротивляться. Слишком вялым, чтобы встать и попытаться причинить себе вред?

— Я принес достаточно. Можно дать ему еще, прежде чем я начну.

Целитель расчистил место на умывальном столике, открыл саквояж, постелил салфетку и разложил на ней свои принадлежности в такой точной, организованной манере, что Никис немного успокоилась. Первым делом он отмерил дозу сиропа в маленький сосуд с носиком. Затем приподнял голову Аделиса и опрокинул содержимое ему в рот, пальцем поглаживая горло, пока тот глотал. Движения Пенрика были мягкими, но решительными и уверенными, как будто опробованными на практике. Он был аккуратен, но ни в коем случае не робок.

Поваренок вернулся с первой порцией воды. Пенрик подложил полотенце под голову Аделиса и начал лить воду на повязку.

— Потребуется некоторое время, чтобы она отошла, — заметил он, — но никаких сложностей не предвидится. И я обещаю, что вся его кожа останется при нем.

Еще более тихое фырканье.

Это обещание казалось излишне оптимистичным, но Никис хотела верить, а потому промолчала. Наблюдая за мужчиной, присматривающим за ее братом, она начала клевать носом и села, резко подняв голову. Чтобы не дать себе уснуть, а также из неподдельного любопытства спросила:

— Вы с севера полуострова? Ваша речь звучит немного необычно.

Он помедлил, потом снова улыбнулся.

— Оттуда была моя мать. А мой отец был вельдом, из страны за *другими* горами, далеко к юго-востоку.

— Я видела похожих на вас людей в императорской гвардии в Тасалоне. Считалось, что они с островов в замерзшем южном море. Яростные воины, как мне говорили, но дурно воспитаны.

Точнее, совсем не похожих на него, потому

что он ничуть не напоминал воина. Однако некоторые головорезы были светловолосы и светлокожи, пусть и не настолько…

— Я хорошо воспитан, уверяю вас.

— Где вы изучали медицину?

— В… Роузхолле. Это в Вельде.

Она вскинула брови.

— Я про него слышала! В огромном университете, да?

Несмотря на опасения, ее надежда окрепла.

Он изумленно посмотрел на нее.

— Не думал, что седонийцам столько известно о родине моего отца.

— Я жила в столице и разных портовых городах. Туда приезжают люди. Совсем как вы.

Его улыбка стала немного натянутой.

— Да. Надо полагать.

Наконец он перестал возиться с водой и маслами, достал из саквояжа острые ножницы и прорезал ткань по обе стороны лица Аделиса. Убрал повязку с затылка пациента и отбросил в сторону, опустив голову Аделиса обратно на полотенце. От страха Аделис застонал.

— Вам не нужно на это смотреть, — сказал Пенрик через плечо, обращаясь к Никис.

— Я останусь.

— Тогда держите его за руки.

Она подошла к кровати с другой стороны.

— Чтобы его успокоить?

Длинный палец коснулся багрового пятна на ее щеке.

— Чтобы он не смог меня ударить.

Слабо улыбнувшись, она подчинилась; в ответ Аделис отчаянно стиснул ее ладони.

Пенрик вдохнул, взялся с обеих сторон за жесткую повязку и осторожно поднял ее. Казалось, с лица Аделиса сняли отвратительную маску, будто сухой лист, а вместе с ней… ничего больше.

Сглотнув, Никис уставилась на открывшиеся ее глазам руины.

Волдыри, крупные вздутия тончайшей кожи, налитые жидкостью, испещряли верхнюю часть лица Аделиса и *дрожали*. Его веки были кошмаром, торчавшим из глазниц, как круглые пузыри. То, что не было белым и распухшим, оказалось ярко-алым и розовым. Никис с отвращением отпрянула, но Пенрик подался вперед, пристально вглядываясь в то, что осталось от глаз ее брата, словно пытаясь заглянуть к нему в череп.

— Хм. — Вот и все, что он сказал.

Он поймал руки Аделиса, поднимавшиеся, чтобы ощупать лицо, и резко притянул вниз. Это

было первое резкое действие, которое он совершил при ней.

— Нет. Не трогайте. Лежите на спине. Эта кожа — не крепче мыльного пузыря, а мы хотим сохранить волдыри целыми как можно дольше. Они вас защищают, пусть вы этого и не чувствуете.

Аделис тяжело задышал, но подчинился.

В ярко-голубых глазах лекаря, казалось, кипели мысли, но Никис понятия не имела, о чем он думает.

— Я думаю, мадам Катай, что в первую очередь мне нужно, чтобы вы хорошенько отдохнули. Я останусь здесь и присмотрю за ним. Вечером вернетесь и смените меня.

Он ослепительно улыбнулся ей.

— Чуть позже я принесу вам поесть. Или прикажу принести.

— Это будет замечательно. — Он замурлыкал себе под нос, словно что-то обдумывая, потом сказал: — Раз мне придется прожить в вашем доме несколько дней, лучше поразмыслить над тем, как объяснить мое присутствие вашим слугам. Предлагаю сказать, что вы наняли меня в качестве мужчины-сиделки для вашего брата. Что в целом соответствует действительности, среди прочего.

Хотя Никис представить не могла, почему кто-либо, даже политический враг Аделиса, станет возражать против присутствия целителя, каким бы странным образом он к ним ни проник, она вспомнила, что среди ее прежних слуг имелся минимум один шпион. Она медленно кивнула.

— Хорошо.

Никис ушла отдать указания на кухню и проследить за тем, чтобы приготовили свободную маленькую спальню. Она не думала, что сможет уснуть, но когда добралась до своей комнаты на другой стороне внутреннего дворика и села на кровать, ей показалось, будто у нее с плеч свалился вес целой телеги, вместе с волом.

Она все еще плакала от облегчения, когда уснула.

* * *

Как и было велено, она вернулась на закате. Когда она приоткрыла дверь, мастер Пенрик вскочил, прижимая палец к губам, и вышел из комнаты. Схватив ее за руки, он потряс их, словно встретил давно потерянного родственника. Его ладони были горячими, а широкая ухмылка — почти безумной.

— Это чудо, но он спит. Когда проснется, снова

полейте его водой. И не давайте трогать лицо. Через некоторое время я вернусь и отмерю очередную дозу макового сиропа.

А потом Никис подумала, уже не пил ли он сам или хотя бы не пробовал ли маковый сироп, потому что Пенрик крикнул через плечо, сбегая вниз по лестнице:

— Прошу меня извинить, но мне нужно прикончить несколько крыс.

— Что?

— Мыши? Мыши подойдут, но их нужно больше. — Его голос затих внизу — он выбежал не через парадную дверь, а через заднюю. — Что-нибудь бесполезное, шныряющее по кварталу. Бродячая собака — вот был бы настоящий праздник. Добрый бог Бастард, пошли нам *что-нибудь*…

Никис моргнула, закрыла рот, покачала головой и вошла в комнату. Сидя в наползающих тенях и наблюдая, как медленно вздымается и опадает грудь брата под простынями, она решила, что ей *плевать* на странности светловолосого мужчины, если тот сумел помочь Аделису забыться таким сном.

V

Пенрик в темноте оценил расстояние от соседской крыши до садовой стены, легко прыгнул и приземлился на стену, чтобы погрузиться в сосредоточенные размышления. Похоже, сонным провинциальным стражникам велели присматривать за парадным входом в виллу и потерной в задней стене — и именно этим они и занимались. Стражник, которого разместили сзади, в настоящий момент свернулся у двери, которую ему велели охранять, и дремал, совмещая два дела.

На фоне звезд промелькнула летучая мышь, но Пен не стал ее трогать: его тело наконец охладилось. В этом районе за пределами городских стен не водилось крупных, агрессивных крыс, какие обитали в порту, однако Пен не собирался возвращаться *туда* сегодня вечером. Дез уничтожила всех мелких вредителей, до которых смогла дотянуться, но с учетом объемов хаоса насекомые едва ли стоили затраченных усилий. В местных мусорных кучах водилась более теплокровная добыча, в том числе несколько увертливых пригородных крыс и то, что Пену показалось какой-то разновидностью ежа. Ему было жаль паршивую,

страдающую глистами уличную кошку, но они с Дез отчаянно перегрелись, и бедное животное хотя бы не страдало.

— Глаза, — пробормотал Пен. — Они такие маленькие. Почему это порождает настолько больше хаоса, чем изготовление ледяной глыбы весом в несколько раз больше меня?

Его демон не мог тяжело дышать, а потому, наверное, причина была в нем самом, когда Дез ответила:

— Возможно, это самая тонкая восходящая магия из всех, что ты когда-либо пробовал. Лед крупный, но простой. А безумное исцеление, в которое ты нас втянул, — *сложное*.

Изначальный план Пена, скорее эгоистичный, чем сострадательный, состоял в том, чтобы убедиться, что Арисайдья выживет, и избавить себя от груза очередной нежелательной смерти в багаже, который он тащил за собой. И только осмотрев генерала при помощи всего арсенала восприятия Дез, Пен понял, что невероятно сложная *задняя часть* его глаз не пострадала. И внезапно безнадежная задача стала просто очень, очень трудной.

Первым делом ему пришлось с чрезвычайной аккуратностью удалить спайки, начавшие возни-

кать, поскольку пострадавшие веки Арисайдьи попытались прирасти к ошпаренным глазным яблокам. Затем он быстро снял глазной отек, объединив свои умения с мощью очищенной настойки белладонны. Пен влил столько восходящей магии, сколько смог, в тело Арисайдьи, чтобы оно само себя исцеляло, но этот узкий канал был способен вместить лишь ограниченный объем, иначе дело могло кончиться разрушительной отдачей. Это было все равно что пытаться напоить умирающего от жажды человека при помощи чайной ложки, но Пену хотя бы удалось поить Арисайдью весь день.

То, что генерал выживет, больше не вызывало сомнений. А может, и никогда не вызывало. Лежавший в постели мужчина был среднего роста, мускулистый и поджарый, явно здоровый до того, как на него обрушилась эта трагедия. Его лицо, руки и ноги покрывал привлекательный кирпичный загар, распространенный среди жителей этой области, хотя части тела, обычно прикрытые одеждой, оказались светлее, как кожа его сестры, больше времени проводившей в помещении. Орлиные черты Арисайдьи, словно высеченные из грубого гранита, повторяли гладкий, округлый мрамор мадам Катай. У обоих

были иссиня-черные волосы, у него — короткие, у нее — убранные назад и ложившиеся волнами на плечи. Интересно, какого цвета были его глаза? Пен мог спросить сестру, но боялся ее огорчить.

Кстати, об огорчении…

— Пожалуйста, Дез, постарайся вести себя с сестрой более деликатно. Она и так очень расстроена.

Дез фыркнула.

Твоей деликатности хватит на всех нас. У тебя ее с избытком, как я уже говорила.

Кровожадный демон хаоса, подумал в ответ Пен.

Ощущение насмешливого мурлыканья.

Иногда я гадаю, Пен, как ты *выживал до встречи с* нами.

Что до меня, я чаще гадаю, как выжить после…

Он вгляделся в тени беседки, где впервые увидел и рассмотрел мадам Катай на рассвете, как раз отсюда. В ней чувствовалось крепкое здоровье брата, принявшее приятно округлые женские формы, но Пен не думал, что ему прежде доводилось видеть женщину, чья поза столь откровенно выражала беспросветное отчаяние. *Наверное, она весьма красива, когда улыбается.*

А какова же она, когда не улыбается? — сардонически спросила Дез.

Пен обдумал эту загадку.

— Душераздирающа. По-моему.

Неужели Дез опешила?

О нет, Пен. Сейчас не время и не место для очередной бесплодной влюбленности. Нам вообще не следует здесь находиться. Нам нужно вернуться назад в Адрию.

— …Я знаю.

Пен вздохнул. Представил лежавшего в спальне наверху человека, чью жизнь каким-то образом разрушила его глупая пачка бумаг. Нет… Пен оглядел беседку. Похоже, две жизни.

Едва ли ты погубил Арисайдью в одиночку. Тебе помог профессионал.

Верно. Нарастающее подозрение, что его *использовали*, превратилось в зуд в мозгу Пена. Но кто и где в этом клубке событий?

— Кто здесь может знать врагов Арисайдьи? — И сам же ответил на свой вопрос: — Арисайдья. Для начала. Если мне удастся заставить его говорить, а не стонать.

И Пен был уверен: не *если*, а *когда* он этого добьется, кому пациент будет доверять больше, чем собственному врачу?

Дез могла бы сжать губы, если бы они у нее были. Некоторое время спустя она заметила: *Я знаю, что у тебя нет приказов Ордена на этот счет. И я не чувствую руки бога. Ты сам в это ввязался, Пен. Насколько велик шаг между независимостью и вероотступничеством?*

Скорее, сколько между ними мелких скользких шажков? И Дез не могла его остановить — и не стала бы, хотя ей удалось заставить его задуматься.

— В таком случае, не помолиться ли мне моему богу о наставлении?

Оба умолкли: каждый по-своему размышлял о пятом боге.

Как ты поступишь, если получишь ответ — и он тебе не понравится?

— …Быть может, подожду, чтобы Он нанес мне визит.

Дез содрогнулась.

Надо полагать, ты считаешь эту шутку смешной.

Губы Пена растянулись в почти неподдельной улыбке, и он спрыгнул со стены.

VI

В последовавшие несколько дней дом Никис приспособился к странному, хромающему новому распорядку. Никис знала, что их безопасность балансирует на лезвии ножа продолжавшегося небрежения со стороны местного губернатора и кучки интриганов — она даже могла предположить их имена, — что подстроили свержение Аделиса. Без сомнения, они ждали известий о его смерти от шока, заражения или отчаяния. Никис не собиралась доставить им это *удовольствие*. Хотя она полагала, что долгое, безмолвное выздоровление, за которым последует своего рода отшельничество, религиозное или светское, не хуже послужит их целям. С этого момента Аделис всегда будет в темнице, без каких-либо затрат для империи.

Никис не стала искать новых слуг взамен тех, что предусмотрительно сбежали после ареста. Интересно, скоро ли все прочие поймут, как мало денег у нее осталось, чтобы им платить, и тоже сбегут? Конечно, это не касалось горничной, садовника-привратника и поваренка, которые прилагались к вилле вместе с мебелью и оста-

нутся после отъезда нынешних обитателей. Что произойдет… когда? Аделис оплатил аренду на полгода вперед, но этот срок выйдет через несколько недель. Быть может, поэтому владелец виллы не стал выселять политически опасных жильцов.

Ни одна женщина не может придумать, как оставить за собой жилье, не имея *абсолютно никаких представлений* о своих ресурсах. И все же Никис могла высказать обоснованные предположения. Конечно же, армия перестанет платить Аделису и заберет всю собственность, что он унаследовал от своей матери и их отца. Отнимет ли тасалонская имперская бюрократия все до последнего или оставит ему какие-то крохи? Лишат ли они их жалких остатков ее собственного приданого и военной пенсии Кимиса? Все равно что ястреб, поймавший жирного зайца и вернувшийся за мышью.

То, что к ним никто не приходил, говорило о многом. Кое-кому из старых офицеров Западной армии могло хватить смелости явиться, но Аделиса очень ловко с ними разделили. Хотя с учетом того, что кто-то из его новых людей прислал этого удивительного (даже если удивительно странного) целителя, следует повысить их оценку.

Они с мастером Пенриком быстро научились разделять обязанности в комнате больного. Целитель положил на пол матрас, как делали санитары, и приглядывал за Аделисом ночью. Никис сменяла его дважды в день: после обеда, когда он отдыхал в саду или отправлялся скрытно пополнить медицинские запасы, и после ужина, когда он уходил по делам, о которых не говорил, хотя, казалось, они чрезвычайно важны для него. Никис почти готова была поклясться, что однажды видела, как он вернулся через *окно* Аделиса, в чем не было никакого смысла, и потому она выкинула это из своей забитой головы. Иногда она задумывалась, какими профессиональными обязанностями пренебрегал целитель, чтобы столь неотрывно находиться на этой полной страданий вилле.

Поскольку повариха сбежала, а горничная на кухне проявила такую же неуклюжесть, как и у постели больного, Никис взяла эту обязанность на себя, не в последнюю очередь потому, что никому не доверяла готовить еду для брата. Пятеро богов свидетели, она приобрела богатый опыт готовки для Кимиса в тот последний ужасный год. В конце концов ей удалось заманить целителя на обед в беседку, в надежде расспросить его о

том, как продвигаются дела Аделиса, так, чтобы тот не слышал.

После того как они принесли подносы и кувшины, Никис отпустила поваренка и с усталым вздохом села, безрадостно уставившись в свою тарелку, словно забыла, как есть. Мастер Пенрик налил ей разбавленного водой вина и преподнес бокал с улыбкой, сияющей, как солнечные блики в его волосах.

Пока она пыталась сформулировать свой первый вопрос, он сказал:

— Мадам Катай, я заметил ваш зеленый плащ на стене дворика. Это свежая утрата?

Он готовился принести соболезнования в случае утвердительного ответа.

Темно-зеленый для вдовы, верно, хотя ее больше ничто не связывало с Матерью лета. Как ни печально.

— Не слишком свежая. Кимис умер четыре года назад. — Пенрик продолжал вопросительно смотреть на нее, и она продолжила: — Он приходился боевым товарищем моему брату… кем-то вроде старшего наставника, когда тот был молодым офицером. Аделис чувствовал себя в долгу перед ним.

Светлые брови поднялись.

— А вы стали оплатой?

Ее губы дрогнули.

— Быть может, в некотором смысле. К тому времени наши матери овдовели и оказались в стесненных обстоятельствах, а потому помочь мне достойно выйти замуж за хорошего человека, которому брат доверял, казалось правильным. Десять лет назад… мы все были моложе и отчаянно спешили жить. Хотела бы я… — Она умолкла. Но беседовать с этим мягким, симпатичным мужчиной было на удивление легко, и он *действительно* был целителем. Его слова «во всех смыслах, кроме последней клятвы» до сих пор казались правдивыми. — Хотела бы я родить Кимису детей. Я до сих пор не знаю, была ли причина в каком-то… каком-то незаметном физическом дефекте, моем или его, или он просто слишком часто уезжал защищать границу. Когда его ранили и покалечили, Аделис использовал все ресурсы, чтобы вернуть его домой, как будто я могла починить то, что уничтожила война. Все мои попытки сохранить ему жизнь лишь продлили агонию. Под конец он меня проклял. Полагаю, у него были на то основания, но я просто не знала, *как* его отпустить.

Это были самые честные слова, что она сказала

о последнем ужасном годе Кимиса — Аделису она определенно не могла в этом признаться, — но Пенрик только кивнул и ответил:

— Да.

Просто *да*. И больше ничего. Не было никакого повода разражаться рыданиями. Никис с трудом сглотнула. И неловко ответила:

— Думаю, как целитель… по крайней мере, в процессе обучения… вы сталкивались с подобным. С тем, как пытаешься удержать того, кого любишь, и терпишь неудачу.

Блеск в его глазах могло вызвать движение тени; Пенрик ловко превратил вздрагивание в пожатие плечами, и она прокляла свой язык, или мозг, или день. Или жизнь. Улыбка на его лице была такой же, как и прежние улыбки, и Никис начала сомневаться в их искренности. Но он ответил — на ее страхи, а не слова, хотя как он мог *знать*?

— Аделис будет жить. Сегодня я собираюсь вывести его на прогулку. Имейте в виду, что вряд ли он сразу скажет мне спасибо.

— Правда? — ахнула Никис.

— Правда. Он крепкий мужчина. Думаю, он столь многого добился сам. Или скоро добьется.

Столь многого в сравнении с чем? Но Пенрик

добавил, махнув вилкой:

— Так что ешьте, мадам. — И сам последовал своему совету, жуя с явным удовольствием. Несмотря на хрупкую фигуру, у него был отменный аппетит, свидетельствовавший о том, что он не так давно оставил студенческую скамью. — У вас хороший повар. Стыдно тратить ее шедевры впустую.

Никис едва не возразила, что повар — она сама, но вовремя поняла, что почти-мастер Пенрик определенно это заметил. Невольно улыбнувшись, она последовала его примеру. Съев немного и глотнув разбавленного вина, сказала:

— За этим Аделис и привез меня в Патос. Чтобы попытаться найти мне второго мужа, на этот раз постарше и побогаче. Я была рада приехать, но мне не хватило духа сказать ему, что он зря тратит время, что я больше никогда не выйду замуж за военного. Когда мы беседовали прошлой ночью, он извинился. Вот глупец. Кажется, он думает, что, если бы выдал меня замуж за кого-то влиятельного, меня бы не коснулось все… — она обвела рукой вокруг, — это. Забудем про чувства бедного гипотетического мужа, внезапно оказавшегося в родстве с осужденным изменником. А если бы он отказался пускать Аделиса в дом,

когда я привезла бы его назад ослепленного? Я не могу сказать это Аделису, но мне это напомнило его описание того, как человек уклоняется от арбалетной стрелы: ты сам не знаешь, чего избежал, пока все не кончится.

Пенрик почесал голову и улыбнулся.

— Могу себе представить. *Неужели?*

— Что?

Он кашлянул.

— Ничего.

Никис стала более серьезной.

— Я ненавижу все это безумие. Но не могу перестать думать о том, что стало бы с Аделисом, если бы здесь не оказалось *никого*, кто сохранил ему верность. — Быть может, мучители просто вышвырнули бы его слепым на улицу. Так поступали с другими предателями. — Я постоянно боюсь, но не хотела бы оказаться в другом месте.

— Боитесь? — Пенрик поднял брови. — Но, конечно же, худшее позади.

Пришла ее очередь молча пожать плечами под весом страха.

— Умереть легко. Трудно выжить. Я узнала это с Кимисом. — Неудивительно, что в последние дни она так много думала о покойном муже, словно исцелившаяся рана снова вскрылась. — Что мы

будем делать *дальше*?

— Это… — Пенрик ссутулился, помрачнев. — На самом деле, это очень хороший вопрос, мадам Катай. — И пробормотал себе под нос: — Давно пора его задать, Пен. — Он покачал головой, словно желая ее прочистить, и продолжил: — Я кое-что вспомнил. Если Арисайдья встанет и начнет ходить, нужно сделать что-то вроде защитной маски для верхней половины его лица, которую можно будет легко надевать и снимать. С подкладкой из марли, которую можно пропитать целебной мазью или сменить и оставить сухой и чистой, по необходимости.

— Думаю, у меня найдется кое-что подходящее. Я поищу и принесу вам.

Он кивнул.

Каким-то образом за разговором она съела все, что было на тарелке. Допила вино и посмотрела на молодого целителя. Внезапно Никис решила, что он должен знать.

— Я подозреваю, что в моем доме есть шпион.

Он поперхнулся вином, откашлялся, вытер губы.

— Да? — пискнул он, затем наконец прочистил горло и продолжил нормальным голосом: — Почему вы так думаете?

— В ночь перед тем, как Аделиса ослепили, я задумала побег. Рядом с тюрьмой ждали лошади и конюх. Все оказалось впустую, потому что Аделис отказался со мной идти. Что, как выяснилось, тоже было ошибкой, но в любом случае, моих лошадей и слугу забрали прежде, чем я вышла из камеры Аделиса, а солдаты поджидали нас в засаде у входа. Они даже не потрудились арестовать меня. Но кто-то знал о моих планах и рассказал о них — и это был не тюремщик, которого я подкупила. С тех пор я не видела конюха, так что это мог быть он — или любой другой из сбежавших слуг. Или кто-то из оставшихся. Я не знаю.

— Ясно. Очень неприятная ситуация.

— Она сводит меня с ума, но поначалу это казалось наименее важной из моих забот. — Нахмурившись, она посмотрела на него. — Не уверена, что это не последует за вами домой, мастер Пенрик. Быть может, вы, как и я, слишком мелкая мышь для них. Но я бы не хотела, чтобы вы пострадали от того, что помогаете нам. А потому, я не знаю… будьте осторожны?

— Я знал, с чем имею дело, до того как пришел сюда, — мягко заметил он. — Более-менее.

— И все же.

Он согласно махнул рукой.

— Как скажете. Я постараюсь быть очень незаметной мышкой.

Никис уставилась на него, думая: *Безнадежный план.* Но она хотя бы попыталась.

VII

Вытащить Арисайдью из кровати оказалось непросто. Пенрик полагал, что генерал догадывается: это первый скользкий шаг на пути к выживанию, ради которого придется перестать цепляться за воображаемую — желаемую — кончину, как изголодавшийся ребенок цепляется за еду. Но когда он встал, испытываемая им дурнота ничем не отличалась от той, что испытывает человек, неделю пролежавший в постели, а когда вдохнул полной грудью и выпрямился, стало ясно, что природная сила его тела мало пострадала из-за увечья. Он по-прежнему чувствовал боль, но Пен обнаружил, что снижает дозу опиатов быстрее, чем планировал. Неразборчивая, путаная речь Арисайдьи стала более четкой. Даже если в основном это были проклятия.

Пен отвел его на галерею на уровне второго этажа, которая огибала двойные дворики, передний и центральный, что впускали в виллу столько света и воздуха, в отличие от тесных, забранных досками жилищ в далеких горных кантонах. В этой стране вообще когда-нибудь идет снег? Арисайдья держался рукой за стены; Пен шел

со стороны балкона. Он почти не сомневался, что пациент не метнется через перила, пытаясь завершить работу, которую начали его враги. Почти. Во-первых, мозаичный пол милого дома его сестры был бы непоправимо испорчен. Во-вторых, такое короткое падение могло не привести к желаемому результату. И потому они шагали под руку, будто друзья на послеобеденной прогулке.

Чтобы отвлечь Арисайдью от мрачных размышлений, Пенрик спросил:

— Это правда, что вы с сестрой близнецы?

Уловка сработала; Арисайдья почти усмехнулся.

— Этой шуткой мы обменивались с нашими матерями, когда достаточно повзрослели, чтобы осознать свою необычность. Если бы женщина могла родить детей от двух разных отцов в один и тот же день, их бы непременно назвали близнецами. Так в чем разница, если есть две матери и один отец?

Они добрались до угла, где стена поворачивала. Свободная рука Арисайдьи замерла, сжалась, потом послушно опустилась вдоль тела. Только чуть возросшая сила, с которой он на мгновение стиснул руку Пена, выдала его нежелание показывать, что ему страшно.

— Жена и наложница часто являются заклятыми врагами в доме мужчины, но наши матери всегда казались нам товарищами по оружию. Отца взяли в тиски и задавили числом, однако ему хватило ума сдаться. После его смерти они продолжали жить вместе, по-прежнему разделяя имущество, печали и обязанности.

Интересно, делили ли они еще и постель? — радостно спросила Дез. Пен стиснул зубы, чтобы *эти слова* не сорвались с его губ, и спросил:

— Были ли они близки по возрасту, или по крови, или еще по чему-то?

— Вовсе нет. Мать Никис была на двадцать лет младше моей. Очевидно, мои мать и отец долгие годы безуспешно пытались завести ребенка — лишь после его смерти я услышал, как мать упоминала выкидыши. И, конечно же, они надеялись на общего ребенка. А потом, благодаря шутке богов, детей оказалось сразу двое. Мы так и не решили, кого винить — Мать или Бастарда.

Очередной поворот — и стена вернулась. На этот раз Арисайдья почти ее не касался.

В центральный двор вышла Никис, державшая в руке какой-то предмет. Подняла голову на звук их голосов. Увидела, как они идут, и ее губы приоткрылись, а лицо озарил восторг. Пен был

прав: она была очень красивой, когда улыбалась. Он испытал странный трепет в желудке при мысли, что такое выражение появилось на ее лице благодаря его работе. После чего желудок сжался при мысли, какое у нее будет лицо, если она узнает всю историю причастности Пена к горестям ее брата. Ведя Арисайдью обратно в спальню, Пен услышал быстрый шорох туфелек Никис на лестнице.

Помогая своему не слишком терпеливому пациенту сесть на кровать — определенно прямее, чем раньше, — Пен изучал его лицо. Волдыри заметно опали, съежились и сморщились; те, что лопнули, хорошо заживали от краев к центру. Края век серебрились влагой — слезные протоки, боги, сколько крыс погибло ради того, чтобы эти слезные протоки вновь открылись и заработали? Пен по-прежнему испытывал серьезные сомнения насчет нежных радужек. И с большой вероятностью уничтоженные хрусталики помутнеют, сменив одну форму слепоты другой. Пен слышал об ужасной операции, которую проводили в Дартаке, когда мутные хрусталики вырезали и заменяли стеклянными, но процент успеха был невелик, и слезы Бастарда, как может человек лежать спокойно, пока кто-то подносит нож к

его глазам? Дальше он задумался над тем, как держали Арисайдью, чтобы вылить кипящий уксус, после чего попытался перестать думать.

Веки Арисайдьи слишком опухли, чтобы открыться, но вскоре отек спадет. Тогда Пенрик узнает, что сделал. Более того, скоро это узнает Арисайдья. Пенрик понятия не имел, как он отреагирует. Но вряд ли эта реакция будет мягкой.

Никис вошла в комнату и вытянула руку.

— Быть может, это подойдет? Старая маскарадная маска. Клюв должен легко отломаться. Аделис был вороном на поле брани, так он сказал, и мне это показалось зловещим. — Она задумалась. — А может, это была скрытая армейская насмешка над бюрократами. Если так, они ее не поняли.

— Что, вероятно, было к лучшему, — пробормотал Арисайдья, поворачивая голову на звук ее голоса. Очевидно, он помнил маску. — Но тогда я был молод и зол.

Пенрик взял маску и перевернул, чтобы осмотреть обратную сторону, которая его интересовала. Маска закрывала верхнюю половину лица и размером соответствовала области ужасных шрамов. Будет несложно снабдить ее подкладкой из пропитанной мазью марли, которую можно менять в зависимости от потребностей. Пен сказал

Арисайдье, что маска скроет его увечье от недружелюбных глаз, но на самом деле, она также не даст ему преждевременно догадаться, чем занимался Пенрик, до того как он закончит работу.

«Что мы будем делать дальше?» — спросила Никис. У Пена по-прежнему не было ответа на этот вопрос, однако вскоре им придется столкнуться с проблемой — и отнюдь не с той, которую она представляет.

Пенрик перевернул маску. Наружная сторона была из черной кожи, изящно вырезанной и сшитой, украшенной пучками роскошных черных перьев, немного потрепанных и ломких от старости и хранения в каком-то сундуке.

— А кем были вы? — спросил он Никис. — Лебедем?

Белым, чтобы оттенить драматичную черноту брата?

Она рассмеялась.

— Только не я! Даже тогда мне хватало ума. Я была совой. Намного более округлой птицей.

Она махнула рукой на свое тело, которое действительно по форме больше напоминало сову, чем лебедя. Пен думал, что Никис выглядит чудесно мягкой, но едва ли ему хватит смелости это сказать.

— Птица мудрости, — сказал Арисайдья. Его губы изогнулись в призрачной улыбке. — Я это помню. Я тебя дразнил?

— Конечно.

— Глупый ворон.

Пен с любопытством поднес маску к лицу Арисайдьи. И моргнул.

— Надо же, — сказала Дез. Пен быстро захлопнул рот, прежде чем она успела отпустить еще какой-нибудь не столь невинный комментарий.

Когда привлекавшее взгляд увечье оказалось скрыто, Арисайдья превратился в человека не то чтобы красивого, но поразительно могущественного. Время от времени Пен встречал таких мужчин и женщин; скульптор не мог уловить эти черты, не мог передать их линиями или формой, но, увидев такую пылающую душу, ты уже не мог отвести глаз. Маска ворона лишь подчеркивала эффект.

Нет, продолжай смотреть! — потребовала Дез. *После всех взглядов, что ты украдкой бросал на пышную задницу его сестры, дай нам хотя бы это. Он не станет возражать.*

Они уже вели этот спор в банях, куда Пен обычно ходил, потому что хотел вымыться. Семь двенадцатых Дездемоны находили эти места

привлекательными по не столь целомудренным причинам, хотя, как ни странно, это не относилось к отпечатку куртизанки Миры, которая знала о том, чем можно заняться в банях — помимо мытья, — больше, чем Пенрик мог вообразить, и щедро делилась с ним своими знаниями, вне зависимости от его желания. Мира была профессионалом, и похоть ее не впечатляла. Другие же члены женского общества любили поглазеть — Пен мог поклясться, что хуже всех была Ручия, — а поскольку для этого они использовали глаза Пена, поначалу это приводило к тому, что другие посетители били его или делали непристойные предложения. Один раз — то и другое одновременно.

От непристойных предложений ты бы все равно не отвертелся, возразила Дез. *Это не наша вина.*

Пенрик решительно отложил маску.

— Это сработает, — заверил он Никис, не опуская глаз. — Спасибо.

И был вознагражден очередной улыбкой, призрачной, будто лунный свет.

Чуть позже, когда Никис ушла заниматься приготовлениями к очередной трапезе, а Пен трудился над маской, он счел, что достаточно разоружил Арисайдью экскурсами в семейную

историю, чтобы задать более опасные вопросы. Которые обязательно требовалось задать, прежде чем вернувшееся к генералу зрение изменит веру в то, что его секреты больше ничего не значат. *И ты обвиняешь меня в неосмотрительности,* фыркнула Дез. Арисайдья уже слышал маленькую ложь про анонимных армейских доброжелателей, чьи имена Пен стойко отказался разглашать, поскольку их не существовало, и он не осмеливался их выдумать. Однако это создало Пену репутацию высоконравственного человека. И потому Пен решил вновь прибегнуть к этой лжи.

— Ваши тайные друзья, нанявшие меня, очень огорчились из-за слухов о вашем аресте, — начал он. — Что-то привело их в ярость, что-то встревожило. Неужели эти слухи были безосновательными? Как вам кажется?

Уж конечно, генерала застали врасплох, иначе он бы сбежал или попытался бы защититься иным способом.

— Не… безосновательными, — медленно произнес Арисайдья. Поднял руку ладонью вверх, словно взвешивая невидимую угрозу. — Обвинения и контробвинения, слухи и клевета — основа тасалонского двора, где люди дерутся за продви-

жение и доступ к милостям императора. Я думал, что далек от всего этого, и радовался этому здесь, в Патосе.

— Вы знаете, кто ваши враги?

Арисайдья невесело усмехнулся.

— Я могу составить список. Хотя в данном случае самую большую опасность, скорее всего, представляли мои друзья.

— Я… не понимаю. — Пену вовсе не пришлось изображать наивное замешательство.

— Во время нашей последней кампании Тасалон дурно обошелся с Западной армией. Выбить снабжение и подкрепление было почти нереально, плату задерживали… Если кампания наступательная, армия может платить себе сама из трофеев, захваченных на территории противника. Но мы защищали собственную землю. Мародерство не приветствовалось, и на все его случаи поступали жалобы в правительство. За которыми следовало наказание, что делало ситуацию еще более напряженной. В некоторых стычках мы проявили себя такими же неорганизованными, как противостоявшие нам дикари, и нас крепко потрепали. Наша победа была скорее отчаянной, чем триумфальной. Армия всегда жалуется, что ее лишения недостаточно возна-

граждают. На этот раз дело обстояло именно так, и перешептывания в палатках и бараках подпитывали сами себя и приобрели скверный оттенок. Всегда находятся солдаты, которые считают, что стоит сместить императора — и несправедливости придет конец.

— Такие попытки предпринимались, если верить историям, которые я читал. — А Пен читал намного больше, чем собирался открывать, хотя верить писателям на слово и не следовало. — Иногда успешно.

Арисайдья поморщился.

— Десять, даже пять лет назад я бы всей душой поверил, что одного правильного человека достаточно, чтобы победить все неправильное. Но, как вы говорите, такие попытки предпринимались — и в конечном итоге ничего не изменилось. Мне пришлось близко познакомиться с императорским двором, чтобы понять, с чем мы столкнулись, и это не только продажность придворных, хотя и ее нам хватает. Во-первых, ужасная система налогообложения. Эпизодические бедствия оставили дыры в ткани королевства. Полагаю, в отдельные золотые периоды эту нехватку можно было компенсировать завоеваниями, но, похоже, с каждым поколением мы теряем больше терри-

торий, чем приобретаем. Реформам противостоит каждый, кто не желает, чтобы они проводились *за его счет*. Включая армию, как ни печально. Поставить одного человека, пускай героического и добродетельного, против колоссального веса всего этого… а потом обвинить его в неизбежном провале… — Он покачал головой. — Я бы сказал, *избавьте меня Пятеро,* но кое-кто из моего офицерского состава считал иначе. И вышел за рамки разговоров. Очевидно, шести месяцев оказалось недостаточно много, а Патос — недостаточно далек, чтобы спасти меня от их преклонения. И вызванной им реакции.

Пен заметил, что Арисайдья не называл имен — и едва ли по той же причине, что и Пен. В его нынешнем состоянии это скорее казалось привычкой, чем расчетом — и привычкой любопытной.

— Вы не писали герцогу Адрии с просьбой, э-э, о большей дистанции? Это был один из слухов.

Пенрик держал письмо в собственных руках в кабинете герцога и читал его. Канцелярия Адрии была экспертом по подделкам — как по их выявлению, так и по созданию, — но это письмо было написано писцом и лишь подписано Арисайдьей. Герцог откровенно высказал Пену

свои сомнения. По этой причине он должен был сначала незаметно навести справки о генерале. И даже если выяснится, что идея принадлежала не Арисайдье, постараться внушить ее ему.

— Адрия! Определенно нет. С чего мне сотрудничать с Адрией? Иногда их морские торговцы мало отличаются от пиратов. Крысы на лодках, что глодают наши побережья. — Арисайдья стиснул губы. Он еще не мог кинуть на собеседника мрачный взгляд, но его веки напряглись, затем губы болезненно разжались.

— Ах.

Вздохнув, он закутался в простыни, явно утомленный.

Что ж, это не предвещало ничего хорошего второму плану Пена. Тот начал надеяться, что если ему удастся вернуть Арисайдье зрение, то он сможет убедить генерала все-таки бежать на восток. Не то чтобы идея позволить герцогу напустить Арисайдью на Карпагамо — страну, которая не причинила Пену никакого вреда, — казалась такой уж святой миссией, но политика редко бывает святой, и это никогда не мешало Храму вмешиваться в нее. Однако Пен не мог остаться в Мартенсбридже и сохранить рассудок, в то время как архисвятой Адрии пообещал ему

место, не имевшее отношения к его обязанностям в Ордене Матери.

Однако вот он я, вновь занимаюсь медициной вопреки своему желанию. Наверное, Бастард смеется.

Оставался вопрос, кто в Седонии подделал первое письмо, поскольку герцог искренне считал, что оно пришло отсюда. Это выглядело откровенной ловушкой. Коварной по намерениям и результату. Ее мог расставить Велка; он явно сопроводил самый настоящий ответ в неверные седонийские руки, протянутые в ожидании.

Пенрику по-настоящему захотелось провести немного времени в тихой комнате наедине с Велкой. Теологически ему запрещалось убивать посредством магии, но существовали другие способы. Много, много способов. И боги свидетели, теперь он понимал, почему из всех своих скрытых магических кадров Храм строже всего контролировал чародеев-целителей.

Дездемона не могла облизнуть свои губы, но могла облизнуть его. Вздрогнув, Пен очнулся от лихорадочных размышлений. Слабый трепет предвкушающего возбуждения стих, и она вздохнула.

Не искушай меня. Пен понятия не имел, кто из

них это сказал.

VIII

Когда они с целителем водили Аделиса по саду, поддерживая с обеих сторон, всего через два дня после того, как он в первый раз согласился встать, Никис с радостью заметила, насколько увереннее брат держится на ногах. Было очевидно, что всепоглощающая, сводящая с ума боль от ожога, нанесенного с такой жесткой точностью, заметно ослабла. Аделис исцелялся с удивительной быстротой.

Она не знала, что за таинственные вельдские техники применял наполовину чужестранный целитель, но ее уважение к его умениям все росло. Хотя он и был весьма странным. Например, он говорил сам с собой, когда думал, что его никто не слышит, на языке своего отца, как полагала Никис, а иногда на дартакийском. А потом спорил. Он всегда улыбался ей, но его яркие глаза казались беспокойными и напряженными, словно мыслями он был далеко.

Когда они повернули и зашагали вдоль стены, Аделис отпустил руку мастера Пенрика, но не руку Никис; он поднял ладонь и коснулся своей щеки чуть ниже черной маски. Благодаря

хитроумному дизайну брат казался сильным и опасным, а вовсе не искалеченным. На самом деле, он выглядел таким, каким бывал, когда на него находило сардоническое настроение. Однако его голос был необычно робким, когда он спросил:

— Мое лицо похоже на козлиную задницу?

Сердце Никис сжалось, но она беззаботно ответила:

— Я всегда считала, что твое лицо похоже на козлиную задницу, дорогой братец. Лично *я* никакой разницы не вижу.

Озабоченно вскинув брови, Пенрик повернулся к ней. Но Аделис лишь саркастически фыркнул и, стиснув ей руку, ответил таким же тоном:

— Дорогая сестрица. Мой вечный компас. — И, понизив голос, серьезно добавил: — В самых темных местах. Судя по всему.

Сглотнув, она стиснула его руку в ответ.

— Ваши волдыри сегодня выглядят намного лучше, — вставил Пенрик. — Они почти зажили.

— Вы знаток волдырей, мастер Пенрик? — осведомился Аделис.

— Полагаю, это часть моей работы. Ваши были великолепны.

— В этом весь Аделис, — заметила Никис. — Ему

подавай только самое лучшее.

Смешок.

— К счастью, ваша последняя мазь усмирила зуд.

— Это хорошо. Не хочу, чтобы вы чесались.

Они снова повернули, одолели ведущие к беседке ступени, и Никис сказала:

— Еще кружок? Или отдохнешь?

— Еще кружок, — твердо ответил Аделис.

Никис улыбнулась. Но не успели они двинуться дальше, как резкий стук в парадную дверь эхом разнесся по дворикам. Все трое замерли, прислушиваясь. Садовник-привратник открыл дверь и впустил посетителя. Точнее, посетителей: послышались два голоса. Если это был дружеский визит, то он стал первым с тех пор, как они оказались на этом политическом карантине. Если нет…

Мастер Пенрик резко вдохнул, чем привлек внимание Никис.

— Мне знаком этот голос. Один из них. Мне нужно… он не должен меня увидеть!

Голоса приближались, пожилой садовник медленно шаркал ногами, ведя гостей, которые нетерпеливо подстраивались под его шаг. Пенрик лихорадочно огляделся; посетители должны были пройти как раз между ним и домом.

— Нет времени.

К изумлению Никис, он взобрался по угловому столбу часовни, словно кошка, карабкающаяся на дерево, чтобы спастись от собаки. Посмотрев вниз, добавил:

— Он вам не друг. Будьте осторожны.

И быстро пробежал по крыше беседки, заставив виноградные листья дрожать и качаться. Приоткрыв губы в невысказанном вопросе, Аделис поворачивал голову вслед за стуком и шорохом. Добравшись до балкона второго этажа, выходившего на задний сад, Пенрик перепрыгнул перила и лег на пол. Никис видела один синий глаз, смотревший между стоек.

Никис неуверенно подвела Аделиса к стоявшему на улице столу, где он скованно сел. Прибыл привратник и его подопечные, два человека в гражданской одежде, сопровождаемые вымуштрованным местным стражником. Если Пенрик узнал один голос, Никис узнала одного человека: старшего секретаря местного губернатора, мастера Пригоса. Она бы не назвала его ни врагом, ни другом, просто дотошным чиновником, чьи амбиции не выходили за рамки его царства. Чопорный седовласый бюрократ отвесил полупоклон каждому из них, скорее по привычке, чем

из уважения, поскольку Аделис все равно ничего не видел. Пригос небрежно представил своего спутника как Тепелена. Он был моложе, с хитрым лицом, и явно занимал свой пост недостаточно долго, чтобы расплыться и побледнеть, как его начальник.

— Сегодня мне выпала обязанность вручить вам ваш экземпляр приказа о лишении гражданских и имущественных прав за измену, — формально сообщил Пригос Аделису.

Потом кивнул Тепелену, который порылся в папке для документов и извлек толстую пачку — очевидно, список всей собственности, которой больше не владел Аделис. Тепелен вручил ее Пригосу, который повернулся, чтобы передать документы Аделису, но помедлил и сказал:

— М-м.

По какой-то причине Пенрик закрыл глазные отверстия маски двойным слоем черного шелка, создав тревожное впечатление блестящих птичьих глаз. Свет заиграл на шелке, когда Аделис кивнул сестре.

— Пожалуйста, отдайте их мадам Катай, — пробормотал он. — Теперь она выполняет обязанности моего писца.

— А. Да.

Никис взяла бумаги, проглядела убористую правительственную каллиграфию и юридические шаблонные фразы и положила на стол, себе под локти.

Аделис отрывисто спросил Пригоса:

— Мне осталось что-то на жизнь — или пора подыскать миску для подаяний, чтобы попрошайничать на рыночной площади?

Пригос откашлялся.

— Мадам Катай сохранили ее пенсию, а также собственность ее матери, которую той оставила ваша мать. Ваши иждивенцы не останутся без крова над головой.

— Спасибо за маленькие милости, — сказал Аделис.

— Этого достаточно, — прошептала Никис.

Им придется вести стесненную жизнь, ютиться в доме ее стареющей матери в маленьком городке вдали от моря. Преданным. Побежденным. *Но не мертвым. А значит, не лишившимся надежды.* Назовем это, выражаясь языком Аделиса, отступлением с целью перегруппировки.

Рука Пригоса поднялась, затем упала. Он посмотрел на своего клерка, который ответил ему суровым взглядом. Пригос вновь откашлялся и сказал:

— Прошу прощения, но мне также велено доложить о ранах и восстановлении генерала Арисайдьи. — Никис подумала, что армейский титул был оговоркой, необычной для столь щепетильного человека. — Э-э, мадам Катай, могу я попросить вас помочь снять с него маску?

Аделис стиснул челюсти, его руки на столе сжались. Никис ладонью накрыла кулак брата в безмолвном вопросе. Едва заметно Аделис качнул головой.

— Если унижению суждено стать моим хлебом, пора мне привыкать к его вкусу, — пробормотал он.

С отвращением вздохнув, она поднялась, чтобы подойти к нему сзади и развязать завязки, удерживавшие маску и компресс. Протянула руки, чтобы как можно осторожнее снять маску, так, как это делал мастер Пенрик; почувствовала слабое сопротивление мази, но сегодня кожа Аделиса казалась намного менее хрупкой. Он даже не вздрогнул, вернувшись к своей упрямой каменной стойкости.

Потом он ахнул.

Никис мгновенно оказалась перед ним.

— Боги, я сделала тебе больно?

Красный проблеск мелькнул между его съе-

жившимися веками, когда он повернул к ней голову; потом его глаза снова плотно закрылись. Руки стиснули край стола, костяшки побелели. Он сжал зубы и содрогнулся.

— Может, немного, — наконец выдавил он из себя.

Никис рухнула на свое место, положив маску на стол. Пригос сглотнул и отвернулся. Тепелен, напротив, выпрямился с приглушенным проклятием. Наклонился вперед и, прищурившись, вгляделся в наполовину разрушенное лицо Аделиса.

— Прошу на минуту извинить нас.

Он поднялся, положил руку на плечо Пригоса и сжал, заставляя пожилого человека тоже встать и последовать за собой. Пригос изумленно поднял глаза, но, как ни странно, подчинился. Тепелен махнул бесстрастному стражнику, который стоял, опершись о столб беседки.

— Останься. Не дай им уйти.

Посетители прошли через дом и вышли на улицу. Никис навострила уши, но оба молчали, пока закрывшаяся дверь не отрезала все звуки.

— Никис, — напряженным голосом произнес Аделис, — я немного устал. Быть может, ты проводишь меня обратно в спальню?

— Конечно.

Она вновь начала вставать, но стражник сурово сказал:

— Пожалуйста, сидите, генерал.

Руки Аделиса нашарили ее руки, на ощупь добрались до головы. Он повернул ее лицо к своему. Его глаза снова приоткрылись. Белки были кровавыми, почти полностью красными, радужки приобрели странный гранатовый оттенок, но узкие черные кружки зрачков *смотрели на нее*.

— Дорогая Никис, — сказал он, — в таком случае, быть может, ты принесешь напитки для наших гостей и для меня. Пусть мой санитар тебе поможет.

Веки снова сомкнулись, скрывая… ужасное чудо. И не менее ужасную опасность.

От шока ее голова казалась такой легкой, что Никис боялась упасть в обморок, но она ответила: «Разумеется», — и встала. Стражник нахмурился, но, очевидно, счел ее мышиную персону, простую сиделку при важном человеке, слишком ничтожной угрозой.

Уверенным шагом, не оглядываясь, она направилась к дому. Не стала сворачивать к кухне, хотя мысленно провела ревизию остатков вина в кладовой, пригодного только для слуг, а потому

слишком хорошего для этих гостей, и готовых ядов, прискорбно отсутствовавших. Поднялась, не бегом — *не бегом*, — по лестнице на галерею. Мастер Пенрик больше не лежал, распростершись, на заднем балконе, но она услышала слабые звуки из комнаты Аделиса.

Никис вошла и закрыла за собой дверь. Пенрик быстро укладывал последние предметы в свою аптечку. Под тунику он надел штаны. Подняв глаза, он одарил ее притворнейшей из улыбок.

Из всех тревог, кипевших у нее на языке, одна вырвалась первой:

— Он может видеть!

— Да.

— Давно?

— Со вчерашнего дня. Или, если вас интересует, когда я понял, что смогу восстановить его зрение, — почти сразу, иначе меня бы здесь не было.

Никис уставилась на него.

— Вы уходите?

— Нет… Не знаю. Я *не закончил*. — Поморщившись, он захлопнул саквояж. — Хуже того, это видел Велка. Клянусь, он выбрал самое плохое время из всех возможных.

— Кто?

— Тепелен. Клерк, который не клерк. Не знаю, какое имя настоящее. Быть может, никакое. Он высокопоставленный агент столичных заговорщиков, которые подставили вашего брата. Не знаю, насколько высокопоставленный, но он неглуп и не теряет времени даром. — Пенрик огляделся. — И нам тоже не следует. В этой комнате есть деньги? Что-то, что вы или Аделис заходите использовать для бегства из города?

Ей хотелось крикнуть: «Какое бегство?» — но его намерения и причина были слишком очевидны, чтобы спорить.

— У нас не хватит денег, чтобы завтра заплатить *прачке*. Я надеялась, что она согласится взять какую-нибудь вещь за свои услуги.

— Вы умеете ездить верхом?

— Да, но у меня нет лошади.

— Хм. — Он встал и постучал большим пальцем по губам. — Как бы я хотел не привлекать к этому внимания. Но, вероятно, не получится. — Оба замерли, услышав, как вдалеке хлопнула входная дверь, и во внутреннем дворике загрохотали тяжелые шаги множества ног. — Преисподняя Бастарда, это плохо. Возвращайтесь и оставайтесь с братом. Я буду поблизости. Не паникуйте.

Если бы она умела испепелять на месте взгля-

дом, он бы уже превратился в хлопья сажи. Никис развернулась и побежала к лестнице.

Она едва успела вернуться к столу до нового вторжения. За Пригосом и его неклерком следовали четверо стражников: двое стоявших у дверей и двое новых. Тот, которого оставили у беседки, выпрямился и вопросительно посмотрел не на старшего секретаря, а на Тепелена. Или Велку. Или как там звали этого негодяя.

Тепелен показал на Аделиса.

— Схватите и свяжите его.

Опрокинув стул, Аделис вскочил. На этот раз ни о какой покорности не было и речи. Никис слишком поздно сообразила, что ей следовало заглянуть на кухню и захватить пару ножей, но она подняла свой стул и бросилась на одного из нападавших. Она застала его врасплох и едва не повалила на землю, однако он схватил стул за ножки, дернул и едва не свалил ее вместе с собой. Когда она попыталась ударить его ногой, он вцепился ей в лодыжку и опрокинул ее. Она больно ударилась, все вокруг завращалось, а потом он вцепился ей в волосы.

Аделис был более ловким и профессионально свирепым, но ему противостояли четверо стражников и Тепелен. И хотя теперь было яс-

но, что он может *что-то* видеть, также было ясно, что взгляд его затуманен и размыт, а когда один из стражников с силой ударил его по чувствительной верхней половине лица, он ахнул и пошатнулся, после чего все они навалились на него.

Никис и Аделис боролись и сопротивлялись до последнего, но конец наступил быстро, когда сверкнула обнаженная сталь. Их крепко привязали к двум противоположным столбам беседки, задыхающихся и покрытых синяками, в отчаянии глядящих друг на друга. И куда подевался мастер Пенрик со своими обещаниями? Едва ли от тощего целителя в драке было бы больше пользы, чем от Никис, но он хотя бы мог снизить расклад против Аделиса с пяти до четырех.

Запыхавшийся Тепелен выпрямился и поправил одежду. К нему приблизился Пригос, который во время схватки с понимаемым ужасом отошел подальше, и оба направились к связанному Аделису. Тот отдернул голову назад, когда Пригос поднял руку, чтобы коснуться ожогов.

— Как вы и сказали, — заметил он, очевидно, обращаясь к Тепелену. — Видимо, ливший уксус человек подошел к делу безответственно. Позже надо будет его допросить.

— Мне он показался весьма прилежным, — сквозь зубы процедил Аделис. У него изо рта шла кровь — и у Никис тоже. Она слизнула металлический привкус с распухающих губ. — Но не стесняйтесь, допрашивайте. С пристрастием.

— Хватит, — сказал Тепелен. — Давайте исправим промах и уйдем. Нет смысла с этим тянуть. Изящное судебное шоу состоялось более недели назад. — Он махнул стражнику. — Ты… нет, вы двое, держите ему голову.

Стражники встали по бокам от Аделиса и стиснули его голову. Аделис напрягся в их руках, на его шее выступили сухожилия, дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы. Пригос отошел подальше, согласно кивнув, хотя вид у него был больной. Тепелен недовольно поморщился, достал поясной нож и поднес его к глазам Аделиса.

Никис закричала.

— О, нет, — раздался сверху мягкий голос. — Этого я допустить никак не могу.

По непонятной Никис причине Тепелен зашипел и отшвырнул нож, словно обжегшись. Сжимая руку, развернулся и отступил назад, чтобы посмотреть вверх.

Мастер Пенрик стоял на крыше беседки над головой Аделиса, положив руку на бедро. Вид у

него был весьма сердитый.

У Тепелена отвисла челюсть.

— Ты! Ты ведь утонул!

— Неужели? — Пенрик задумчиво наклонил голову. — Может, и так.

На лице Тепелена мелькнул ужас, быстро сменившийся нарастающим гневом. Он захлопнул рот, потом снова открыл и крикнул ошеломленным стражникам:

— Схватить его!

Этот приказ звучал более разумно, и стражники двинулись вперед. Лицо Пенрика приобрело сосредоточенное выражение, он взмахнул бледной рукой, барабаня пальцами, словно дирижер, управляющий оркестром. Один за другим пятеро стражников рухнули на пол, крича от боли, путаясь в подгибающихся ногах, словно новорожденные жеребята. Тепелен дернулся и тоже упал.

Пригос выпучил глаза, взвизгнул и попытался убежать.

Наклонившись, Пенрик посмотрел ему вслед.

— О. Про тебя я забыл.

Он снова махнул рукой, и секретарь споткнулся, упал, да так и не смог подняться, хотя попытался ползти на руках, с ужасом оглядываясь через плечо.

Пенрик вздохнул и спустился с беседки. Его лицо изменилось, и он издал странный, беззвучный смешок.

— Вот тебе и не привлекать внимания, Пенрик.

Он направился к стражникам, которые вяло трепыхались, будто умирающие рыбы, и ногой отшвырнул подальше их мечи. Наклонился, чтобы коснуться горла каждого, и их крики превратились в писк. Тепелена, который единственный из всех не кричал, Пенрик трогать не стал.

— Ты пока подождешь.

Шум стих. Тишина звенела в ушах Никис. Пенрик выпрямился. Поморщился, вновь махнул рукой, и веревки, удерживавшие Никис и Аделиса, ослабли и упали к их ногам.

Никис рухнула на колени. Аделис, пошатываясь, шагнул вперед, схватил Пенрика за рубашку и прижал к другому столбу беседки. Его лицо казалось бешеным — и не только по причине прищуренных ярко-красных глаз. Он толкнул Пенрика и крикнул — почти провыл:

– *Что ты такое?*

— Ну, ну. — Пенрик одарил его блистательнейшей из своих улыбок. — Дареному коню в зубы не смотрят.

— Это не ответ!

Аделис встряхнул целителя, который болтался в его руках, не сопротивляясь. Хотя Никис подозревала, что при желании он мог оказать очень даже эффективное сопротивление.

Дрожа, она схватилась за столб, чтобы подняться на ноги, и вытерла кровоточащий рот и онемевшую челюсть.

— Почему ты не освободил нас раньше? — *И вообще* ничего *не сделал раньше?*

— Я думал об этом, но это добавило бы еще один элемент случайности в весьма сложную ситуацию. У нашего внимания есть границы. Было безопаснее на время оставить вас там, где вы находились.

Выругавшись, Аделис отпустил его. Пенрик отряхнул и без того почти безупречную зеленую куртку и потянулся, будто кошка. Его губы продолжали улыбаться, но улыбка не достигала глаз, которые постоянно оглядывали сцену несостоявшейся резни.

Судя по всему, Аделис собирался это исправить: он наклонился и поднял меч.

Ладонь Пенрика легла на его руку.

— Нет, вы не можете их убить. Они, знаете ли, беззащитны.

– Я тоже был беззащитен.

Пенрик согласно кивнул, но ответил:

— Сейчас у вас есть более важная задача. Вы должны доставить сестру в безопасное место.

Никис, лихорадочно размышлявшую, как *ей* доставить *Аделиса* в безопасное место, оскорбила эта наглая тактика, но она сработала: брат повернул голову к ней. *Вспомнил о моем существовании, да?* Хотя Пенрик умел привлекать внимание к своей персоне. По-прежнему сжимая меч, Аделис поспешил к ней, чтобы обнять.

— Ты в порядке, Никис?

— Просто немного потрепана.

Аделис покосился на стражников, словно выбирая жертву, но Пенрик поспешно вывел брата и сестру во двор, переступая через тела, — Аделис мимоходом отвесил пару пинков.

— Снаружи привязаны две лошади. Мадам Катай, если у вас есть брюки для верховой езды, наденьте их. Возьмите все деньги, какие есть, немного одежды и драгоценности, что влезут в заплечный мешок, и возвращайтесь сюда так, как будто в доме пожар.

— В доме нет пожара. — Хотя ей казалось, что огнем охвачена вся ее жизнь.

— И все же.

Его безумие было заразным, и она побежала. На бегу заметила стопку одежды и медицинский саквояж Пенрика у подножия лестницы.

Вернувшись, она увидела, что Пенрик подвязывает одно из ее длинных платьев вокруг яростно протестовавшего Аделиса. Затем целитель снял с колышка вдовий зеленый плащ, накинул Аделису на плечи и надвинул ему на лоб капюшон.

— Ну вот. Ваш волшебный плащ-невидимка. Держите голову опущенной.

Пенрик выглянул за парадную дверь, потом вывел их на тихую улицу, дремавшую в ярких лучах полуденного солнца. Помог Никис сесть на более крупную из двух лошадей с правительственными клеймами и армейскими седлами. Последовала краткая заминка — он резким шепотом спорил с Аделисом, что вдовам не полагается цепляться за меч. Этот спор разрешился, когда меч спрятали в притороченные к седлу ножны, но возник новый спор насчет того, чтобы усадить Аделиса за спину Никис.

— Здесь две лошади, — возразил Аделис. — По одной каждому из нас.

— Вы не готовы ехать верхом — и быстро в этом убедитесь, когда возбуждение выветрится. А кроме того, нас трое. Другая лошадь нужна мне,

чтобы последовать за вами.

— Вы едете с нами? — спросила Никис. Она не могла понять, что чувствует. Но точно не *сожаление*.

Светловолосый целитель кивнул.

— Понимаете, я не закончил. Шагом выезжайте из города — не привлекайте к себе внимания и берегите бедную лошадь — и сворачивайте на южную дорогу. Мне нужно тут прибраться, а потом я вас догоню.

— Как вы нас найдете?

— У меня есть способы.

— У вас — и кого еще? — раздраженно начал Аделис.

Пенрик пресек дальнейшие споры, отступив назад и шлепнув лошадь по крупу. Никис взяла поводья, и они… двинулись вперед.

Некоторое время оба молчали. Отголоски пережитого ужаса в сердце Никис постепенно затихли. Она не могла представить, что испытывал Аделис, которого предали дважды. Но ощущала его чувства, когда возбуждение схватки начало угасать, и он тяжело привалился к ней.

Они проехали по трем улицам и выбрались на главную дорогу, прежде чем Никис произнесла:

— Интересно, он действительно собирается

сжечь виллу?

Немного подумав, Аделис ответил:

— Она съемная.

— Мне все равно будет жаль. — И добавила: — Что, во имя богов, он *сделал* у нас на глазах?

— Что-то сверхъестественное, — мрачно ответил Аделис.

— Дикий чародей? Ты думаешь? Ты видел его ближе, чем я.

— Это многое бы объяснило. В ретроспективе.

Но почему такой человек пришел к ним? Она с новыми подозрениями вспомнила небрежную историю Пенрика об армейских доброжелателях — однако лучшего объяснения у нее не было. Его странная краткая беседа с Тепеленом тоже осталась загадкой.

— Как ты думаешь, он правда нас догонит?

— Нет. Если он не дурак. Намного умнее воспользоваться шансом и сбежать в безопасное место.

Никис задумалась о том, что слово *безопасность* могло значить для человека, способного творить вещи, свидетелями которых они только что стали.

И что могло значить слово *дурак*.

IX

Пенрик метнулся через дом, пытаясь вспомнить все, о чем нужно было позаботиться. *Слишком о многом.* Помимо нападавших, которые лежали в беседке, и скулящего старшего секретаря, имелись служанка и привратник, спрятавшиеся в комнате наверху. Поваренок сбежал. Что ж, сначала необходимое, затем что получится, а потом он тоже сбежит.

Он собрал все оружие, не забыв поясной нож секретаря, а также забрав его кошелек. Затем освежил давление на избранные нервы своих пленников, чтобы те лежали и не двигались. Пенрик сомневался, что кто-либо еще оценит, какой *тонкой* и *хитрой* была эта работа, и уж конечно этого не оценят его жертвы, но он весьма собой гордился. *Отлично сработано.*

Намного проще *было порвать все эти нервы*, проворчала Дез. *И нам бы не пришлось тревожиться, что они встанут и погонятся за нами.*

Это было верно — но теологически обременительно. Пенрик сбросил свою ношу острой стали в туалет в конце сада и бегом вернулся в беседку. Солдаты лежали хнычущими грудами. Один

смелый человек предпринял слабую попытку поймать пробегавшего мимо Пена за лодыжку, но промахнулся. Пен схватил пыхтящего Велку-Тепелена-Как-его-там — он решил остановиться на Велке — за тунику и поволок в дом. Во дворе было слишком много свидетелей. Этот разговор должен был быть личным.

Что-то вроде чулана, выходившего в передний двор, располагалось достаточно далеко, чтобы их не могли услышать. Пенрик положил Велку на пол, взгромоздился ему на живот, задрав колени, и приложил большой палец к губам, привычно молясь об удаче. Он помнил, что его бог повелевал всеми видами случайностей. Потом он наклонился вперед между своими задранными ногами и улыбнулся.

— Говоришь, утонул, — начал он. Дез зарычала вслух при этом воспоминании.

— Стражники доложили, что ты утонул в камере, а твое тело бросили в море, — сквозь зубы процедил Велка. — У тебя был проломлен череп. Ты *должен* был умереть. Дважды!

— Ну да, а Арисайдья должен был ослепнуть. Сколько загадок.

— Никаких загадок. Ты сбежал, а они доложили обратное, чтобы скрыть свой промах и спастись

от наказания.

— Что ж, это одно из объяснений. Но разве не было бы интереснее, если бы они говорили правду?

Велка уставился на него. Увы, он был не из тех, кому страх развязывает язык. И кто вообще много говорит.

— Я столько всего могу с тобой сделать, — задумчиво произнес Пен. — Лишить тебя слуха, как ты оставил меня в тишине в той камере… — Он наклонился вперед и прижал ладони к ушам Велки. Потом закрыл ему руками глаза. — Или зрения, как ты оставил меня в темноте. — Пенрик снова сел, положив ладони на колени. — Кто твой хозяин?

— А твой? — огрызнулся Велка. — Герцог Адрии?

— По большому счету, нет, — рассудительно сказал Пенрик. — Он просто одолжил меня. А когда одалживаешь у друга ценную книгу, не стоит случайно ронять ее в нужник. Но хватит рассуждений.

Ему пришло в голову, что любой, кого в Адрии заинтересует его исчезновение, скорее всего, столкнется с официальной версией и решит, что Пен мертв, по крайней мере, до тех пор, пока ему

не удастся вернуться и опровергнуть ее. *Слезы Бастарда, что станет с моими книгами?*

Пен, он получает больше информации, чем ты, пожаловалась Дез. *Сосредоточься!*

— Так что выберем? Уши? — Пен закрыл их, но не сделал ничего разрушительного. Он попытался изобразить на лице выражение скучающего недовольства, какое видел у Велки, когда тот поднес нож к лицу Арисайдьи, и одновременно достичь внутренней сосредоточенности, необходимой, чтобы зажать один из самых тонких телесных нервов, не повредив его. Скорее всего, вид в итоге у него получился такой, будто он страдает запором. — Или… — Пен переместил ладонь на левый глаз Велки, удостоверился, что правильно выбрал невидимую мишень, *ущипнул*… — оставшийся глаз?

На этот раз, по мнению Пена, крик ужаса был вполне искренним. Несмотря на сковывавшую движения боль, Велка забился, дергая головой туда-сюда, и Пен вспомнил сцену с Арисайдьей и кипящим уксусом. Он надеялся, что Велка тоже ее вспомнил.

Пен снова подался вперед и прошипел:

– *Кто твой хозяин?*

— Министр Метани, — выдохнул Велка.

Метани был видной фигурой в первом кругу приближенных к императору людей и происходил из высокородной, богатой семьи. Пен помнил это по записям и разговорам в Адрии. Он не знал, принадлежал ли этот человек к тем, кто вызвался — или которого вызвали — быть кастрированным, чтобы повысить доверие императора. Пен недоуменно поджал губы.

— Зачем ему уничтожать лучшего императорского генерала? Лично мне это кажется изменой. Не говоря уже об ужасной трате ресурсов.

— Арисайдья представлял опасность для всех нас, — прохрипел Велка. — Слишком независимый. Слишком привлекательный. Вокруг него уже начали сплетаться военные заговоры. Мы не могли проникнуть в интриги, куда его пытались вовлечь, а потому создали свою.

Что… соответствовало словам Арисайдьи. Похоже, несмотря на весь свой драматизм, Пенрик никуда не продвинулся. Хотя задумался, переводилось ли «слишком независимый» как «не желающий лечь под каблук нужным людям».

— А вам не приходило в голову, что вы не смогли отыскать заговор, потому что его не существовало? Что вы не избавлялись от изменника, а создавали его?

— Если он и не успел изменить, то был к этому готов, — огрызнулся Велка. — И тогда остановить его было бы намного сложнее.

Что ж, нельзя было сказать, что Велка не верил в свою миссию. По крайней мере, он не был абсолютно циничным инструментом в руках абсолютно циничного мастера.

Цинизма ему хватает, заметила Дез. *Шпионам без этого никак.*

Кому знать, как не вам, Ручия.

Туше. Дез скорчила гримаску и утихла.

— А кроме того, — с большей язвительностью продолжил Пен, — если бы вы с самого начала не обращались со своими армиями так плохо, им бы не пришлось искать какого-нибудь несчастного придурка, чтобы взгромоздить на штандарт перед собой и сражаться с вами. На мой взгляд, причина всего этого — отнюдь не в Арисайдье. А в… в… просто в *плохом руководстве* твоих хозяев. Которое им и аукнулось. Если бы вы потратили вполовину меньше сил на решение реальных проблем, то смогли бы предотвратить появление недовольных генералов, вместо того чтобы ослеплять их по одному. Вы не злые. Вы *некомпетентные*.

Велка уставился на него здоровым глазом. От

изумления он даже перестал скулить.

— Зачем тебя на самом деле отправили в Седонию?

— Мне самому это интересно, — скорбно признался Пенрик.

Если ему предназначено было стать духовным наставником *Велки*, это была Чья-то в высшей степени несмешная шутка. Что не снижало такой вероятности.

Он также вспомнил нежданное богатство, обнаруженное в храмовом ларце для подношений Отцу зимы. *Быть может, меня одолжил не только герцог Адрии?* Эта мысль одновременно воодушевляла и пугала.

Отец не был богом Пенрика — но мог быть богом Велки.

— У тебя есть дети? — спросил Пен, а когда Велка вздрогнул, поспешно добавил: — Нет, не говори. Я не хочу знать.

Месть была заманчивой, но не в его компетенции.

А почему нет? — спросила Дез. *Арисайдья был готов убить их всех и не оставить свидетелей.* Чувство неохотного восхищения. Нет… не неохотного.

Ты знаешь, что мы не можем так поступать.

Я не могу, при помощи нашей магии. А ты *мог бы, при помощи своей правой руки, если бы не сбросил все мечи в нужник.*

Пенрик решил проигнорировать этот комментарий. Он выпрямился, размышляя о своей немногочисленной пастве.

— У меня мало времени, — наконец сказал он, — а потому моя проповедь будет короткой. Когда человек становится свидетелем божественного чуда, самая благоразумная реакция — не пытаться его *разрушит*ь. — Длинный палец постучал Велку между глаз; тот отпрянул. На самом деле, это была кропотливая, хитроумная, тяжелая, упорядочивающая восходящая магия, но Велке не нужно было об этом знать. Хотя с учетом происхождения Дездемоны в некотором смысле Пенрик сказал правду. — А потому считай меня посланником силы, что превыше герцога, и позволь помочь тебе запомнить это. Использовать механизмы правосудия, чтобы творить несправедливость — величайшее оскорбление Отцу зимы.

Он прижал большой палец к центру лба Велки. Как Пен прекрасно знал со времен своего горного детства, холод может обжигать так же свирепо, как и огонь. Работа была намного более изощ-

ренной, чем создание ледяной глыбы, но отнюдь не столь тонкой, как то, чем Пенрик занимался последнюю неделю. Когда он поднял палец, на коже остались тонкие замерзшие белые линии, формировавшие стилизованную снежинку, окруженную красным раздражением. В конечном итоге ожог заживет, оставив на коже Велки клеймо — сперва красное, а потом белое.

Это и близко не походило на шрамы, которые останутся у Арисайдьи. Но Пен полагал, что эта зимняя метка сгодится в качестве демонстративного напоминания.

Он слез с Велки, забрал у него кошелек в пару к кошельку местного секретаря и поднялся на ноги, внезапно ощутив колоссальную усталость. Пора уходить.

Давно пора, согласилась Дез.

Когда он направился к двери, Велка завозился на полу и крикнул:

— Дикий чародей! Ты *безумен*!

Похоже, твоя изящная проповедь пропала даром, Просвещенный Пенрик, заметила Дез. Ей явно было чересчур весело.

Пен сделал два шага, собираясь забрать медицинский саквояж и лошадь, которую планировал украсть, потом развернулся. Просунул голову в

чулан и крикнул:

— Я не *дикий* чародей! А ваша правительственная политика *глупа*!

Он по-прежнему кипел от гнева, когда добрался до конца улицы. Краем глаза заметил поваренка: тот возвращался, ведя штурмовой отряд стражников. Что было ответом на вопрос о шпионе среди слуг мадам Катай, но уже не имело практической ценности. Пен пустил лошадь рысью и свернул за угол, чтобы скрыться из вида.

X

— Нам нужно ехать быстрее, — сказал Аделис.

Упершийся в плечо Никис подбородок говорил о том, что он утомился не меньше, чем несущая двойную ношу лошадь. Никис полагала, что они отъехали от Патоса миль на двенадцать.

Поток путешественников, бурный в окрестностях города, где им пришлось пробираться между воловьими упряжками строителей, везущими овощи на рынок ослами, животными, которых гнали на убой, носилками, открытыми колесницами и личными экипажами, кучера которых кричали убраться с дороги, теперь иссяк. Они миновали бригаду дорожных ремонтников, чьи похотливые призывы вслед двум одиноким женщинам заставили Арисайдью зарычать и потянуться к мечу, а также маршировавший навстречу отряд солдат, при виде которых он сгорбился и опустил лицо, выглядывая из тени капюшона в попытке различить полковую символику и звания.

Теперь им попадались только случайная фермерская телега или свинопас. Солнце клонилось к горизонту, заливая желтым сиянием малень-

кие фермы и большие виллы по берегам рек, виноградники и серо-зеленые оливковые рощи на склонах, каменистые скалы, отданные в распоряжение кустарника, коз и овец.

— Мы движемся быстрее твоей армии.

– *Что угодно* будет двигаться быстрее армии, — возразил он. По крайней мере, воспоминание о пережитых тяготах придало ему сил, и он сел прямее.

— Как ты там сзади? — Она помедлила. — Что ты можешь видеть?

— Все… размыто. Я могу различать цвета. Они слишком яркие. От них у меня слезятся глаза. А твой плащ слишком теплый.

— Да, я знаю.

Она испытывала странную радость, что избавилась от него. Когда-то ей казалось, будто вдовий зеленый защитит ее от нежелательного внимания, но нашлись мужчины, которые, напротив, считали это меткой того, что она свободна. Никис быстро научилась не проявлять излишней деликатности, отвергая их ухаживания, и держала свои границы там, где этого хотела. Конечно, ее всегда молчаливо защищали ранг и репутация Аделиса — которых больше не было.

— Быстрее ехать куда? — спросила она.

— Я об этом думаю.

Никис нерешительно сказала:

— Я размышляла, не попробовать ли нам добраться до моей матери. — В этом случае им нужна другая дорога.

— Пятеро богов, нет.

Оглянувшись через плечо, она увидела, как он поморщился.

— Там нас будут искать в первую очередь, а приютив меня, она навлечет на себя катастрофу. — Он помолчал. — Возможно, ты могла бы там укрыться, и тебя бы не тронули.

Она ответила долгим неодобрительным молчанием, которого заслуживало подобное предложение. Очевидно, он понял намек, потому что лишь хмыкнул себе под нос.

Он то опускал голову, закрыв воспаленные, чувствительные глаза, то оглядывался, вновь и вновь проверяя вернувшееся зрение, словно боясь снова лишиться его. Она прервала его занятие, спросив:

— Ты догадывался о сверхъестественных способностях мастера Пенрика? До того ужасного представления в саду?

— Я… Он казался разумнее большинства целителей. Сказал, что знает особый массаж скальпа,

который снимает головную боль, и это сработало. Я не знаю. — Аделис задумался. — Он мог лгать. Я имею в виду, насчет исцеления. Быть может, моя рана была не такой серьезной, как мне казалось по ощущениям.

— Нет. Я видела твое лицо, когда он впервые снял тюремную повязку. Рана была очень серьезной. — *И еще какой.*

Аделис добавил, немного непоследовательно:

— Я представлял его другим. По его речи я подумать не мог, что он так молод.

Он вновь огляделся и напрягся.

— Нас преследуют? — спросила Никис.

Быть может, им удастся съехать с дороги и спрятаться?

— В некотором смысле.

Она встала на стременах, чтобы посмотреть, но села обратно, узнав одинокого всадника, поднимавшего клубы бледной пыли на проселочной колее, тянувшейся вдоль мощеной армейской дороги. Несколько минут спустя мастер Пенрик поравнялся с ними. И он, и его лошадь вспотели и запыхались. Лицо Пенрика под сельской соломенной шляпой раскраснелось.

— А, хорошо! Я вас догнал.

— Если это было легко для вас, значит, будет

легко и для них, — сказал Аделис.

— Возможно, не так быстро. Им потребуется время, чтобы навести порядок. И я знал, по какой дороге ехать. — Он весело улыбнулся, но ответом ему стали только подозрительные, хмурые взгляды. — Однако теперь им известно, с кем они имеют дело, и это, хм, неудачно. Едва ли они снова подойдут к делу без должной подготовки.

— Вы не убили их, хотя могли, — сказал Аделис. Это был не вопрос. — Вы оставили свидетелей.

— На самом деле, с этим бы возникли проблемы. Вы бы хотели, чтобы я заодно прикончил служанку и привратника? Поваренка? Прачку? Помощника мясника? А как насчет аптекаря?..

Аделис нахмурился и смущенно отвернулся.

— Радуйтесь, — сказал Пенрик. — Много свидетелей — почти так же хорошо, как ни одного свидетеля. Они все противоречат друг другу. Или рассказывают историю, которая больше соответствует их нуждам, чем действительности.

— Вы сожгли виллу? — спросила Никис, уныло размышляя о своем напольном ткацком станке, покинутом вместе со многими другими инструментами ее жизни.

— Что? А, нет.

— Так как его звали? Велка или Тепелен?

— Знаете, я забыл спросить. Он был тем же человеком, что… — Пенрик умолк и с улыбкой махнул рукой, словно отгоняя муху.

— Тем же, что и кто? — спросил Аделис.

— Не имеет значения. Но он сказал, что его хозяин — министр Метани. Это имя о чем-то вам говорит?

Аделис пожал плечами.

— Метани? Да, очень может быть.

Столь равнодушный ответ явно разочаровал Пенрика.

— Как я понимаю, вы не удивлены.

— Не особо. Мы на протяжении нескольких лет воевали друг с другом при дворе.

— Вы когда-нибудь совершили что-то, чтобы разозлить его лично? Оклеветали его мать? Украли тапочки? Надругались над козлом?

Аделис откашлялся.

— Быть может, я позволял себе несдержанные высказывания. Время от времени.

Никис фыркнула. Затем вновь искоса посмотрела на странного светловолосого человека.

— Значит, вы действительно чародей? — А был ли он целителем? — Почему вы последовали за нами?

Он выпустил поводья и покачал ладонью ту-

да-сюда.

— По нескольким причинам. В основном потому, что я не закончил лечение глаз вашего брата. Очень неприятно, когда ты подбираешься так близко к… тому, что собирался сделать, а тебя так грубо прерывают.

Аделис испустил смешок, резкий и сардонический.

Пенрик повернулся в седле и добавил, глядя на него:

— Кроме того, я обещал Дез, что попробую восстановить ваши брови. Она на этом настаивала.

— Дез? — спросил Аделис, опередив Никис.

— Ну да, Дездемоне, моему демону. Полагаю, вам всем пора познакомиться, с учетом того, что последнюю неделю она жила вместе с вами, внутри меня. — Он с надеждой посмотрел на них. — Ведь вам известно, что приобретение, точнее, обладание демоном хаоса делает человека чародеем?

Никис думала, что внешне ее реакция никак не проявилась, но их лошадь отодвинулась подальше от лошади Пенрика.

— Он… вознесся? — опасливо спросил Аделис. — Я слышал, что это серьезная опасность для диких чародеев.

— Нет, определенно нет. То есть да, это серьезная опасность, но к нам она не относится.

— Откуда вам знать? — спросил Аделис. — То есть… откуда нам знать?

— Чародей или чародейка, чей демон вознесся, будет вести себя намного более хаотично, то есть странно.

Долгая пауза. Два скептических взгляда.

Похоже, это уязвило Пенрика.

— Нет, конечно же, нет! Хотя Дез время от времени и просачивается. Вы оба ее слышали. Конечно, она говорит моим голосом. Было бы не слишком любезно постоянно держать ее взаперти.

Аделис медленно произнес:

— Вы… делите тело… с этим сверхъестественным существом?

— Делю — а она делится со мной. У нас близкие отношения.

Аделис явно испытывал отвращение. Судя по всему, Пенрик начал оскорбляться.

Никис поспешно вмешалась:

— Мне это кажется вполне естественным. Каждая мать делит тело со своим нерожденным ребенком. Даже мы с Аделисом когда-то делили тело и кровь с другим человеком.

— Значит, это не по-мужски, — пробормотал

Аделис.

Пенрик коснулся большим пальцем губ и отвесил небольшой поклон в седле.

— Есть и преимущества. Как вы… можете видеть. — Он многозначительно улыбнулся.

Никис вновь попыталась ослабить напряжение.

— Офицеры Аделиса знали, что вы чародей, когда нанимали вас?

— Э-э, не совсем. Кстати, вам известно, далеко ли до ближайшего крупного города? Потому что в маленькой деревне мы будем сильнее выделяться. И я бы хотел отыскать тихий, чистый постоялый двор, чтобы сегодня вечером продолжить лечение глаз.

— Доара примерно в восьми милях, — ответила Никис. — Мы должны быть там к закату.

— Великолепно. И самое время избавиться от этих обличительных лошадей.

— У вас есть план? — с сомнением спросил Аделис.

— О да.

* * *

Сгущались сумерки, и впереди уже виднелась Доара, когда мастер Пенрик велел им съехать с

дороги под прикрытие низкорослых деревьев и спешиться.

— Я думаю, самым лучшим — и сбивающим с толку — будет отправить этих животных обратно в их собственное стойло. Это уж точно лучше, чем просто выпустить их рядом с нашим маршрутом.

Аделис снял седельные ножны, а Пенрик разнуздал свою лошадь, почесал за ушами и начал тереть ей лоб, что-то мурлыча себе под нос на странном языке. Повернувшись, чтобы закрепить повод на седле, он заметил:

— Как-то я провел год в Истхоуме, столице Вельда, изучая магию Королевского братства шаманов. Гейс внушения нелегко дается демону хаоса, но мы научились ему подражать. Настоящий шаман способен наложить гейс, который продлится недели и даже месяцы. Мое лучшее достижение — часы. Что ж, это всего лишь лошадь, и она привыкла к принуждению. Думаю, это сработает.

Он повторил загадочные действия с другим животным, после чего отпустил лошадей, дружелюбно шлепнув по крупу.

— Идите.

Фыркнув, лошади затрусили рядом по дороге.

— Ох.

Пенрик с растерянным видом наклонился. Красная капля упала с его обгоревшего на солнце носа в сухую пыль.

— У вас кровь, — смущенно сказала Никис, гадая, следует ли принести ему ткань из ее мешка. Для этого придется пожертвовать одним из нескольких платьев.

— Да, — приглушенно ответил он. — Не волнуйтесь. Это сейчас пройдет. Чародей платит за магию, за восходящую магию, большим объемом беспорядка. Шаман платит кровью. Проливание которой, признаю, тоже является формой беспорядка. Мы с шаманом Инглисом пытались в этом разобраться… — Он поднял глаза, чтобы посмотреть на их реакцию. Никис подалась вперед, нерешительно подняв руку, но понятия не имея, что собирается делать. Аделис отступил назад и встал спиной к дереву, стиснув кулаки. — Я с тем же успехом мог бы говорить с вами на вельдском. Забудьте.

Кровавая струйка иссякла. Пенрик вытер верхнюю губу тыльной стороной ладони, выпрямился и бесцветно улыбнулся.

— Давайте отыщем постоялый двор. Я устал. А вы?

* * *

На постоялом дворе на одной из улочек Доары мастер Пенрик договорился о двух соседних комнатах, в то время как Аделис в мрачном молчании смотрел вниз, изображая замкнутую дородную вдову. Неуклюжие попытки спрятать под плащом меч придали его фигуре убедительную старческую сутулость. Как только дверь комнаты захлопнулась за ними, он сорвал с себя плащ и платье и отшвырнул с приглушенным проклятием. Никис подобрала смятую одежду, благородно воздержавшись от комментариев. Притворившись, будто овдовевшая мать его нанимательницы больна, Пенрик заказал наверх ужин, который, о счастье, быстро принесли. И который был съеден в напряженном молчании.

Убрав посуду с маленького стола, Пенрик посерьезнел, разложил медицинские инструменты и наконец повернулся к Аделису. Сначала он аккуратно убрал с лица пациента грязь — липкую массу из мази, пота и дорожной пыли. Область вокруг глаз он тоже очистил, но Никис не думала, что Аделис вздрагивал только из-за уверенных прикосновений.

Очевидно, Пенрик тоже так не думал, потому

что небрежно сказал:

— Да ладно вам. Вы неделю ходили с моей помощью на горшок. Раз уж вы доверились мне в темноте, то можете довериться и на свету.

Аделис хмыкнул и смирился с процедурами. Некоторое время спустя он сказал:

— Вы дикий чародей.

— Вроде того.

— С талантом целителя.

Голос Пенрика стал суше:

— Вроде того.

— А вовсе не целитель.

— Я говорил, что не принес клятву. Это… сложно. И не имеет отношения к делу.

Сидевшая рядом и наблюдавшая за происходящим Никис произнесла:

— Я бы хотела понять.

Пенрик помедлил, затем пожал плечами.

— Двое из прежних седоков — обладателей — моего демона были целителями, прошедшими обучение в Храме. Я получил в дар их знания вместе со способностью говорить на их языках. И добавил к ним свои собственные знания, после того как приобрел Дездемону. Которые она в свое время, после моей смерти, передаст новому седоку, что сейчас кажется странным. Но это намного

полезнее, чем стать призраком. Отлученные души ни на что не способны. Обычно они даже не могут говорить.

Услышав это последнее небрежное замечание, Никис моргнула. Аделис повел распухшими красными глазами.

— Вы пытались говорить с призраками? — не сдержалась Никис.

— Несколько раз. Кажется, будто они могут ответить на столько вопросов, начиная с «Кто тебя убил?» — но почти никогда этого не делают. — Встав за спиной сидящего Аделиса, Пенрик раскинул пальцы над головой пациента и замолчал, хотя одарил Никис слабой улыбкой, очевидно, желая ее приободрить.

Никис подумала обо всем, что видела.

— Почему вы называете это… создание хаоса *она*?

— Все предыдущие десять человеческих седоков Дездемоны были женщинами. А еще львица и кобыла, если их считать, но это было в самом начале. Кстати, прямо здесь, в Седонии. Со временем — за две сотни лет — возникла сложная личность, которую я назвал Дездемоной, когда она попала ко мне. — Его взгляд стал задумчивым. — Твой первый подарок мне, Пенрик. Но не

последний.

Прислушиваясь к едва заметным изменениям в его голосе, Никис разрывалась между страхом и восхищением. Неужели он всегда так делал, просто она этого не замечала?

— Могу… могу я поговорить с ней? Напрямую?

Пенрик изумленно посмотрел на Никис поверх головы Аделиса.

— Кажется, никто раньше нас об этом не просил. — Его губы дрогнули. — Почему нет?

Никис сглотнула, посмотрела ему в глаза и начала:

— Здравствуй… Дездемона.

Улыбка Пенрика стала насмешливой.

— Здравствуй, Никис.

— Ты… действительно живешь внутри мастера Пенрика? Как другая личность?

— Или десяток других личностей. Такова наша природа.

— И как давно, э-э, ты находишься… там? — Глупый вопрос, все равно что спросить нового соседа: «Как давно вы живете в Патосе?»

— С тех пор как ему исполнилось девятнадцать, и он остановился, чтобы помочь моей бывшей хозяйке, Просвещенной Ручии, когда той стало плохо на обочине дороги в кантонах. Ручия на-

звала его последним благословением Бастарда. Мы… думали, что нужно узнать, как лечить больные сердца.

— И давно вы вместе? — Словно семейная пара по соседству.

— Одиннадцать, двенадцать лет? — Мастер Пенрик — или его демон? — махнул рукой.

Чтобы убедиться, что он не разыгрывает с ней какую-то мистическую шутку, Никис решила придумать вопрос, на который демон будет знать ответ, а Пенрик — нет, но ей ничего не приходило в голову. *Тебе нравится быть демоном? Пенрик — хороший хозяин? Каково это — жить столетиями?* Не говоря уже о: *Каково это — быть сначала женщиной, а потом мужчиной?* Демоны вообще мыслят такими понятиями? Она выбрала вопрос, ответить на который вроде бы было проще:

— Почему мастер Пенрик — то есть Пенрик — ненастоящий целитель?

На его лице отразилась короткая борьба с самим собой, но он — или она? — ответил:

— Хороший вопрос, дитя, но не мне на него отвечать. Однако, если он когда-нибудь скажет тебе, знай, что ты завоевала его доверие. — Его голос стал резче. — Думаю, достаточно, Дез.

По-прежнему неподвижно сидевший Аделис

закатил глаза, точно считал эти слова сомнительной монетой, а свою сестру — простофилей, раз она ее приняла. Глядя, как длинные пальцы едва касаются волос брата, Никис задумалась, уж не вершится ли прямо сейчас некое хитроумное волшебство. Судя по рассеянности Пенрика, очень может быть.

Некоторое время спустя Аделис тоже задал вопрос:

— Вы можете убивать своей демонической магией?

Пенрик поморщился — да, это снова был Пенрик. Это напоминало умение различать двух идентичных близнецов.

— Нет.

— Сражаться?

— В определенных пределах. Вы полагаете, что все пытавшиеся арестовать вас солдаты просто запутались в своих ногах?

— А если противников будет больше, чем вы можете одолеть?

— Сбежать — всегда мой первый выбор. После этого — обезвредить и сбежать. Как вы сами видели.

— А если бы вас на самом деле загнали в угол? В схватке *либо он, либо вы*?

Пенрик поднял брови.

— Надо полагать, вы убивали на войне.

Аделис отрывисто кивнул.

— А когда-нибудь совершали убийство? Убивали стоящего перед вами беззащитного человека?

Аделис пожал плечами.

— Поле боя очищают. Скорее приближают неизбежную смерть, чем убивают. В этом нет ничего красивого и героического, но иногда это необходимо.

Подумав, Пенрик согласно кивнул и сказал:

— Надо полагать. Но каждая смерть, вне зависимости от ее причин, открывает врата богам. Если я умру, моя душа отправится к моему богу, при условии, что Он согласится меня принять. Но если мой демон совершит убийство — не важно, по моему приказу или вознесшись и обезумев, — святой Хозяин вырвет ее из моего тела через душу-дверь жертвы, и две сотни лет жизни и знаний мгновенно вернутся к первозданному бесформенному хаосу. Это хуже, чем сжечь дотла огромную библиотеку. И потому передо мной никогда не стоит вопрос: либо он, либо я. Это либо он, либо я, либо *она*. Видите проблему?

— …Нет.

— Представьте… не знаю, представьте, что

Никис — ваш демон. И если она убьет, то не просто погибнет сама, но будет отлучена. Теперь понимаете?

— Возможно, — неохотно сказал Аделис. — Я понимаю, что вы лишитесь своей силы.

— И потому я убегаю.

Заклевавший носом Аделис несогласно хмыкнул, но не стал развивать тему дальше.

Однако он проснулся, чтобы возразить, когда Пенрик собрался надеть ему на лицо на ночь маску — когда он только успел ее забрать? — снабженную чистой марлей и мазью.

— Если хотите, чтобы ваши веки заработали, придется сотрудничать, — сурово произнес Пенрик и одержал победу.

Никис сомневалась, что у него и дальше это получится.

Закончив чистить и убирать инструменты, Пенрик сказал ей:

— Я пойду пройдусь.

— Зачем? На вилле вы делали это каждую ночь, и я не могла понять причину.

— О. — Он задержался у двери. — Тут нет никакой загадки, если вы вспомните мои слова о цене восходящей магии. Создание порядка, например, во время исцеления, порождает больший объем

хаоса, от которого нужно быстро избавиться. Чем более эффективные способы я для этого найду, тем больше восходящей магии смогу сотворить без ущерба для себя.

— Подождите. Значит, занимаясь этим… этим исцелением, вы подвергаете себя опасности?

— Необязательно, — весело ответил он и выскользнул за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

– *Необязательно*, — вслух повторила она, испытывая смесь замешательства и раздражения. — Это не ответ!

— Если ты еще не заметила, этот человек скользкий, как рыба, — сухо заметил со своей кровати Аделис. — А также безумный, как сапог.

— Рыбы не носят сапоги, — ответила Никис со всем возможным достоинством. Это было не слишком остроумно и не слишком содержательно, но послужило отличным поводом удалиться в свою комнату.

XI

По мнению Пенрика, на следующее утро глаза Арисайдьи выглядели лучше — и видели лучше. А также четче, хотя дело было не только в глазах. В первый раз он отказался даже от половины дозы макового сиропа и настоял на том, чтобы его побрила сестра, а не Пенрик. Очевидно, его армейский ум до сих пор не понял, что чародею-целителю не нужно оружие, но, наверное, не стоило об этом говорить.

Осторожно обходя пеной и бритвой недавно зажившие ожоги, Никис спросила:

— Его глаза снова будут карими?

Радужки Арисайдьи по-прежнему сохраняли странный темно-гранатовый оттенок, хотя белки прояснились и теперь скорее напоминали о похмелье.

— Не уверен. Я никогда прежде не занимался таким тонким целительством. — И не знал никого, кто бы это делал.

Услышав это, Арисайдья потребовал зеркало, которое Никис пришлось одолжить внизу, у супруги хозяина. Оно было из хорошего посеребренного стекла, и маленький круг четко отражал

половину лица Аделиса.

— Хм, — сказал тот, нахмурившись и наклоняя голову туда-сюда. Однако, судя по всему, увиденное не вызвало у него сильного отвращения, как боялся Пенрик. Наверное, за свою военную карьеру он повидал более ужасные травмы. — С этим я могу работать.

Если бы не труды Пена, верхняя половина его лица превратилась бы в шишковатую массу желтой волокнистой рубцовой ткани, но, конечно же, если бы не труды Пена, Арисайдья никогда бы этого не увидел. Оставшиеся шрамы со временем сгладятся и побледнеют — и вместе с красноватой кожей между ними превратятся в узор, немного напоминающий совиные перья. Непривычно — но не настолько, чтобы пугать детей, а любая женщина, которую оттолкнет это зрелище, в любом случае едва ли будет достаточно крепкой для Арисайдьи. Никис удалось сохранить невозмутимость, и это зеркало должно было показаться Арисайдье более обнадеживающим, чем стеклянное.

Он эмоционально отказался снова надеть закрывавшую глаза маску, поэтому Пенрик изготовил из марли повязки и наложил на кожу под и над глазами, сверкавшими, словно угли.

К завтрашнему дню нужда в этих легких повязках тоже отпадет. Прошлой ночью Пен серьезно поработал, и результат наконец стал очевиден не только его собственному отточенному восприятию.

Еще одним преимуществом большого города было наличие общественной конюшни, которую Пен обнаружил, когда избавлялся от хаоса. Арисайдья не стал возражать против предложения нанять частный экипаж, чтобы уехать подальше на юг, и это, без сомнения, означало, что генерал вынашивал собственные планы, которыми не хотел делиться. Транспортное средство заставит их перемещаться по дорогам, и в этом крылась опасность, зато так будет быстрее.

Пен выпотрошил кошелек Пригоса, чтобы заплатить за самый маленький и легкий экипаж, запряженный четверкой лошадей, которыми будет управлять форейтор, едущий на одной из передних лошадей, вне зоны слышимости. Пен притворился, будто это позволит ему продолжить исцеление в дороге, но самым главным преимуществом такого экипажа была уединенность, необходимая для следующей стадии переговоров. Которые должны были от деликатных перейти к возмутительным и, возможно, мятежным.

К тому времени как они достигнут Скироса, лежавшего в ста восьмидесяти милях отсюда, он должен будет убедить Арисайдью и Никис свернуть вместе с ним на восток, к побережью. Там им нужно будет найти какое-нибудь рыболовное судно, что отвезет их на остров Корфара, а оттуда добраться до Лоди в Адрии. И если ему не удастся их убедить…

Нам все равно нужно будет свернуть на восток, закончила Дез.

* * *

Арисайдья отказался вновь надевать платье сестры, но неохотно согласился закутаться в зеленый плащ и поспешно пройти через постоялый двор к экипажу. Когда все уселись, и экипаж со скрипом тронулся, Арисайдья тут же избавился от плаща, свернул его и сунул сидевшей рядом Никис.

— Никогда об этом не говори.

— М-м, — мелодично откликнулась та, ничего не обещая, и Пенрик обнаружил, каким привлекательным становилось ее круглое личико, когда от улыбки появлялись ямочки на щеках.

Арисайдья обратил свой сердитый взгляд на Пена, с большей убедительностью.

Пенрик вместе со скромным багажом расположился на сиденье против хода. Убедившись, что его ноги крепко стоят на лежащих на полу ножнах с мечом, он принялся думать, как начать переговоры. Которые неизбежно повлекут за собой его признание. Арисайдья решил проблему за него.

— Что имел в виду клерк Пригоса — Тепелен, Велка, как бы его ни звали, — сказав, что вы должны были утонуть? Он узнал вас. А вы — его.

Пенрик откашлялся.

— О. Ну да. Нам нужно это обсудить. Я откладывал разговор до тех пор, пока не убедился, что смогу вернуть вам зрение. Время пришло.

Арисайдья сделал нетерпеливый жест: *так давайте*.

Пенрик осенил себя знамением, дважды постучал по губам большим пальцем и коротко поклонился.

— Позвольте мне полностью представиться. Я Просвещенный Пенрик из Мартенсбриджа, бывший придворный чародей покойной архисвятой принцессы того кантона. Последний год я был на службе у архисвятого Адрии. Который, поскольку я владею седонийским языком и некоторыми другими способностями, одолжил меня своему

кузену герцогу в качестве посланника в ответ на ваше прошение о почетном армейском назначении в его владениях.

Глаза Никис расширились.

— Я не писал ничего подобного! — рявкнул Арисайдья.

— Да, письмо было подделано. Велка это подтвердил. Это с самого начала был заговор. Велка, следовавший за мной на корабле из Лоди, перехватил подлинный ответ герцога, как только я сошел на берег в Патосе. Велка знал, что я посланник, но не знал ни моего настоящего имени, ни, подозреваю, моего истинного призвания. Хотя не уверен, что, даже зная все это, они обошлись бы со мной иначе. Мне проломили череп, а потом швырнули меня в бутылочную темницу в прибрежной крепости. Ночью после вашего ослепления меня попытались утопить в камере. Чтобы обрезать все концы, я полагаю.

Никис ахнула.

— Как вы спаслись?

Пенрик, ночами у постели больного сочинявший научную статью о своем новом методе, уже открыл рот, чтобы начать излагать основы, но понял, что его спрашивали не об этом.

— При помощи магии.

Арисайдья выпрямился и гневно уставился на него.

— Скорее его отпустили. Он либо их агент, либо безвольная марионетка.

— Если хотите знать, когда вода дошла до середины камеры, я превратил ее в лед, встал на него и дотянулся до люка, — огрызнулся Пенрик, оскорбленный.

— Я в это не верю, — фыркнул Арисайдья.

У Никис на лице отразились сомнения.

Пенрик со вздохом откинулся на спинку сиденья.

— Минуточку…

Он поднял сложенные щепоткой пальцы и сосредоточился. Дез была права насчет своей теории про воду в пустыне — или, по крайней мере, в Седонии. Пен с радостью убедился в этом, когда крошечное холодное пятнышко выросло в градину диаметром полдюйма. Он наклонился вперед, взял ладонь Арисайдьи и уронил на нее льдинку. Арисайдья в ужасе поспешно стряхнул градину. Для убедительности Пен изготовил градину побольше для Никис; та хотя бы посмотрела на него с более уместным восхищением. И мгновение спустя наклонилась, чтобы положить льдинку в рот.

— Не надо!.. — начал ее брат, но она уже с хрустом раскусила градину и улыбнулась.

— Это настоящий лед! — И продолжила, обращаясь к Пенрику: — Иногда при дворе в Тасалоне бывает лед, но его привозят с гор зимой и хранят под землей. — Она прищурилась. — Если вы храмовый чародей, то должны были присягнуть Ордену Бастарда, верно?

— Да, он мой избранный бог. — Или избравший — Пен так этого и не понял. — Я действительно обучался в семинарии белого бога в Роузхолле, которая относится к местному университету.

— Но не на медицинском факультете?

Вы солгали? — спрашивали ее глаза.

Пенрик отмахнулся.

— Тогда мне хватало теологии, потому что я делал все наоборот, и в большой спешке. Храмовый чародей должен сначала отучиться на святого и лишь затем получить демона. В конце концов все встало на свои места.

Никис наклонила голову, сжав губы с сомнением, но не с тем, что испытывал ее брат.

— Вы не обманщик и не шарлатан. Ваши умения, пусть и сверхъестественные, не могли взяться из ниоткуда.

Именно *это* он не хотел обсуждать.

— Они были заработаны тяжелым трудом, но не только моим. Однако это не имеет отношения к делу. Меня отправили сюда как посредника, а не как целителя. Герцог Адрии совершенно искренне желает заполучить вас, генерал Арисайдья. Он будет рад, если я вернусь вместе с вами. И с вашей сестрой. Сейчас вы бежите, но этого недостаточно. Надо бежать к чему-то. Если в Скиросе мы свернем к побережью, думаю, я смогу найти для нас корабль в Адрию.

— Капитаны не любят брать на борт чародеев, — медленно произнес Арисайдья. — Говорят, это к несчастью.

Но не к такому несчастью, как быть пойманным, помогая имперскому беглецу, полагал Пен. — Э-э, диких чародеев — определенно. Храмовые чародеи знают достаточно, чтобы не устраивать хаос в корабельных снастях — и умеют этого не делать.

— А моряки могут их различить?

— Обычно нет, и потому я путешествую инкогнито.

Никис переводила взгляд с одного на другого, явно ошеломленная этим предложением распорядиться ее жизнью, не спросив ее мнения.

— Я не говорю по-адриакски. Я немного знаю

дартакийский.

Пен с надеждой улыбнулся ей.

— Я могу помочь. Могу переводить. Могу научить вас.

Судя по тому, как нахмурились его собеседники, переговоры шли не слишком удачно. Он вновь попытался вернуться к сути:

— Герцог действительно хочет вас заполучить. Он считает, что с вашими талантами и опытом вы пройдете сквозь армии Карпагамо, как нож сквозь масло, и я с ним согласен. Хотя даже вы можете обломать зубы об их наемников из горных кантонов. Если только герцог не наймет вам собственные кантонские отряды, хотя ситуация может выйти очень неловкая и неприятная, так что, наверное, это плохая идея. Для моих бедных кантонов — определенно. — И секунду спустя добавил: — Адрия и Карпагамо творят друг с другом ужасные вещи при всякой возможности, но я хотя бы могу обещать, что там не приняты ослепления.

Никис ухватила во всем этом свободную нить.

— Вы не наполовину седониец, верно? Это была очередная ложь.

— Э-э, да. Я из долины Гринуэлл, что в горах в ста милях к востоку от Мартенсбриджа. Едва ли

вы отыщете ее на седонийской карте. Или большинстве других карт.

— Эти кантоны вообще являются государством? — с презрительным сомнением спросил Арисайдья.

— М-м, скорее лоскутным одеялом из… *городов-государств* звучит слишком помпезно, городков-государств. Многие завоеватели — от Старой седонийской империи до Великого Аудара из Дартаки, от Саона до Вельда — пытались удержать разные кантоны, но никому это не удавалось. Мы не терпим иноземных беспорядков. Предпочитаем свои *собственные* беспорядки. — Губы Пена изогнулись в ностальгической улыбке. — Да нас и незачем завоевывать. В наших горах мало богатых рудников, а наши поля и того хуже. Если только вы не любите коз и коров. В основном мы экспортируем сыр и наемников. И то и то весьма хорошего качества, — добавил он со слабым всплеском патриотизма. — У нас часто идет снег. Когда не идет дождь. Быть может, поэтому я умею обращаться со льдом.

Боги, как он устал.

— Безумный, как три сапога, — загадочно пробормотал Арисайдья.

— Адрия хорошо вам заплатит, — сказал Пен.

Рот Арисайдьи скривился от отвращения.

— Не сомневаюсь. — Он вскинул подбородок и сверкнул рубиновыми глазами. — Я никогда не писал писем герцогу Адрии. Я писал письма герцогу *Орбаса*.

Глаза Пена расширились. *Ага!* — прошептала Дез. Недостающий кусочек мозаики *наконец* встал на место…

— Я не успел посоветовать ему прыгнуть в море, хотя и собирался. Удачно, что нас прервали, в ретроспективе. Когда мы прибудем в Скирос, можешь отправляться обратно в Адрию, с моими наилучшими проклятиями. Мы с Никис поедем на юг, в Орбас.

Он откинулся назад и непоколебимо сложил руки на груди. Губы Никис приоткрылись, она подняла ладонь, потом уронила ее, оставив свои мысли при себе.

Арисайдья добавил:

— И если ты попробуешь наложить на меня гейс, как на этих чертовых лошадей, я проткну тебя насквозь.

Пен украдкой сильнее прижал ножны ногой.

— Для меня это будет труднее, чем кажется. А для вас — труднее, чем вы думаете.

Фыркнув, Арисайдья закрыл глаза, кладя ко-

нец… всему. Пен его понял.

XII

Экипаж окутала напряженная, усталая тишина, которую нарушила лишь суматоха смены лошадей через первые пятнадцать миль. Слуга продал путникам чашки слабого эля, который Никис выпила за неимением других напитков, и они по очереди воспользовались конюшенным туалетом. Никис улучила момент, когда целитель… чародей… *Просвещенный* Пенрик, давший клятву храмовый святой, *о боги*, не мог их слышать, и увела Аделиса в сторонку, под дерево, нависавшее над двором для экипажей.

— Воротить нос от герцога Адрии очень мило, но ты заметил, что Пенрик — единственный из нас, у кого есть деньги?

— Я думал, у тебя что-то есть.

Сам Аделис покинул виллу, унеся с собой только одежду, которая на нем была.

— Хватит, чтобы оплатить ночь в гостинице и, быть может, пару обедов. Но не на проезд до Орбаса. Если мы туда направляемся, то Пенрик опустошил свой кошелек, чтобы довезти нас до самого Скироса.

И оплатил грядущую ночную поездку, что даст

им значительное преимущество перед преследователями.

— Полагаю, это был кошелек секретаря Пригоса, но ты права. Едва ли нам удастся забрать его у чародея.

— Я не предлагала ограбить его в благодарность за доброту, — немного колко ответила Никис. — Он может оказаться чрезвычайно полезен. — Тот факт, что он служил принцессам, архисвятым и герцогам, говорил о высоком положении, которое чародей скрывал. — Ты не хочешь служить в Адрии…

Его смех был отрывистым и невеселым.

— Я плохо владею адриакским, страдаю от морской болезни и не желаю позволять этим морским крысам использовать меня против Седонии, что они, без сомнения, попробуют сделать, рано или поздно, и плевать на Карпагамо. Нет. — И добавил чуть тише, словно стесняясь своей надежды: — В Орбасе у меня будет шанс в конечном итоге примириться с Тасалоном. В Адрии — никакого.

Никис обдумала его слова.

— Для этого с министром Метани и его приспешниками должно случиться что-то ужасное.

Зубы Аделиса сверкнули в звериной усмешке

под изувеченной верхней половиной лица.

— Возможно.

Никис глубоко вдохнула.

— Что скажешь, если мы попробуем сделать все наоборот и заманить Пенрика в Орбас? — *Или к себе?*

— Я все еще пытаюсь придумать, как безопасно избавиться от него. Поскольку я отказался служить его герцогу, он вполне может нас предать.

— Думаю, это так же вероятно, как то, что художник сожжет свой шедевр. Несмотря на все его бормотание, он страшно горд тем, что сделал с твоими глазами. — И эта гордость заслужена, полагала она. Не знай Никис про магию, сочла бы это чудом.

— Никис, он адриакский агент. Он сам в этом признался!

— Он намного больше этого.

Аделис фыркнул.

— Ты уверена, что хочешь заманить его именно в Орбас?

Ее губы дрогнули; она надеялась, что не покраснела.

— Да, он мне нравится. Просто он… другой. Странный, но не злой.

— Это была *шутка*. — Аделис прищурился с

новым подозрением. — Он к тебе приставал? Он не пытался… соблазнить тебя чародейским способом?

Она невольно рассмеялась.

— Не думаю, что для этого ему понадобилось бы чародейство, но нет. — Пожалуй, не следовало добавлять *увы*.

Но Аделис был Аделисом — и поэтому услышал непроизнесенное.

— Из всех!.. Я представил тебя стольким честным офицерам — а ты хочешь строить глазки какому-то чужеземному мелкому… мелкому…

— Он выше тебя! — возразила Никис, пока ее брат пытался подобрать слово для описания Пенрика. По ее мнению, одним словом тут было не обойтись.

— Тогда костлявому, дерганому, лживому… У него внутри демон хаоса! Если он что-то сделал, ты можешь это понять? Я не могу!

— Так значит, наверное, он ничего не делает. Не делал. Как бы там ни было. — Быть может, в этой тревоге крылся корень его неприязни? Или неприязнь служила прикрытием тревоги? Никис вдохнула, чтобы взять себя в руки. — Мы оба определенно можем видеть, что он сделал *для* тебя. Так что тебе есть с чем сравнивать. — Она

не спорила, что невидимость магии Пенрика вызывала опасения — как можно защититься от нападения, которого не видишь? Но обычно ей не приходилось выжимать справедливое суждение из Аделиса, словно масло из оливкового пресса. — Я-то думала, Тасалон преподал тебе жестокий урок о том, как опасно видеть угрозу там, где ее нет.

Он вздрогнул и немного сдал позиции — но дюйм для Аделиса значил столько же, сколько ярд для любого другого человека.

— Просто я верю, что он может быть опасен. Для тебя.

Она скрестила руки и склонила голову от столь наглого лицемерия.

— Значит, зря ты учил меня не бояться опасных людей?

Ему хватило ума не ступать в эту трясину, но он вскоре нашел другую, сварливо заявив:

— Я думал, ты будешь завидовать парню, который красивее тебя.

— Что, серьезно? Умоляю тебя, Аделис! — Она заметила предмет их беседы, сворачивавший за угол конюшни, и вынуждена была признать, что последняя братская шутка наполовину попала в цель. Но не слова про зависть; с тем же успехом

можно было завидовать солнечному свету. — Тихо, он возвращается.

Они вновь забрались в тесный экипаж и продолжили путь уверенной, ровной рысью, трясясь и подскакивая.

Через несколько миль их обогнал скакавший галопом местный курьер. Пенрик выглянул в окно и нахмурился. Чуть позже лошадь проскакала обратно, взбрыкивая и пинаясь, с висящим под брюхом седлом. За ней бежал запыхавшийся, сыплющий проклятиями курьер. Изогнув шею, Аделис смотрел на них, пока они не скрылись позади.

— Твоих рук дело? — спросил он Пенрика.

— Да, — вздохнул тот. — Не уверен, что это чем-то поможет.

Аделис побарабанил пальцами по оконной раме.

— Мне не нравится быть в ловушке на этой дороге.

Пенрик пожал плечами.

— Мы опережаем их по меньшей мере на день. Я гарантирую, что Велка до сих пор недостаточно оправился, чтобы ехать верхом. И потом, если он захочет преследовать меня, ему понадобится одолжить чародея в Храме Патоса или

каком-нибудь другом месте. А если седонийский Храм похож на те, что мне известны, задержка будет колоссальной. Хотя если они сочтут меня диким чародеем, то воспримут запрос всерьез. Контролировать диких чародеев — их дело, вне зависимости от политики.

— Если мы смогли нанять экипаж, то и Велка сможет, — возразил Аделис. — С ручным чародеем или без.

— Хм.

— Ты не искалечил его на всю жизнь.

Хотя следовало бы. Очевидно, это имел в виду Аделис, даже если статус просвещенного храмового святого объяснял, почему Пенрик не может убивать.

— Нет.

— Почему?

— Думаю, самый простой ответ — потому что не хотел причинять нам самим теологический вред? — Пенрик нахмурился. — Я понимаю, к чему вы клоните, Арисайдья. Армии всех стран пытаются заполучить у Храма губительных чародеев, хотя мы и редкость. Не скажу, что мое начальство никогда не поддавалось на уговоры, но впоследствии всегда кому-то приходилось об этом пожалеть. Обычно чародею. Это известная

опасность.

В ответ Аделис только фыркнул. Никис все отчетливее понимала, что за поступками чародея стояло рациональное мышление, пусть она и не знала скрытых правил. Ей даже пришло в голову, что, быть может, сказав, что ему тридцать лет, он солгал в *другую* сторону.

Хотя еще имелась Дездемона, двухсотлетний демон. Было обманчиво легко, но ошибочно упустить из виду постоянного спутника Пенрика. А потом Никис задумалась, как все это выглядело с точки зрения демона.

Во время третьей смены лошадей они съели горячий обед в таверне при конюшне, затем вновь забрались в экипаж. Было невозможно поддерживать утреннюю напряженную атмосферу, когда Никис этого не хотела, а Пенрик дружелюбно обмяк на сиденье. Когда он предложил занять время очередным исцелением, Аделис заколебался.

— А если я пообещаю заняться вашими бровями? — спросил Пенрик.

— Откуда, во имя Бастарда, мне знать, чем ты занимаешься? — огрызнулся Аделис, но его неприязнь явно пошатнулась.

— На что это похоже? — с любопытством спросила Никис.

Аделис пожал плечами и признался:

— Как ни странно, обычно это успокаивает.

— Поездка будет долгой, — заметила Никис, и Аделис сдался.

Они поменялись местами, и мужчины неуклюже устроились так, чтобы руки Пенрика могли добраться до головы Аделиса. В результате значительную часть ног чародея оказалось некуда девать, и его ступни едва не улеглись Никис на колени.

Через некоторое время веки Аделиса сомкнулись.

— Он уснул? — прошептала Никис.

— Нет! — проворчал Аделис, и уголок рта Пенрика дернулся.

Значит, ее брат не настолько расслабился. Но вялость будто перетекла из Пенрика в его пациента. Чародей же, напротив, стал более напряженным и нервным, его лоб заблестел от пота.

Во время следующей смены лошадей Пенрик натянуто улыбнулся спутникам.

— Мне нужно обойти конюшню. Я скоро вернусь. Не уезжайте без меня, ха-ха.

Любопытная Никис вышла из экипажа и последовала за ним. В конюшне было прохладно

и темно, уютно от смутных силуэтов лошадей, которые отдыхали в стойлах, ритмично пережевывая корм. Никис увидела сухощавую фигуру Пенрика, выходящего через задние двери.

Эти двери привели ее к навозной куче, едкий аромат которой пропитывал воздух. Никис услышала, как затихает жужжание мух. Вместе с самими мухами. Пенрик прислонился к стене конюшни, скрестил руки на груди и мрачно наблюдал за их гибелью.

– *Что* вы делаете?

— Порожденный исцелением беспорядок должен куда-то уйти, а смерть — самый эффективный выход для хаоса. Убивать мух, блох и прочих вредителей, приписанных Бастарду, — теологически приемлемое жертвоприношение. Большинство животных с красной кровью принадлежат Сыну осени, но есть несколько исключений. Крысы, мыши, другие твари, что мешают там, где не следует. Возможно, старший Брат моего бога в долгу передо мной, но я не хочу этим злоупотреблять. А потому — мухи. Они скучны, но их всегда много.

Наверное, это была самая странная беседа из всех, что ей доводилось вести в жизни, но, как ни удивительно, Никис не боялась. Она прислонилась к стене рядом с ним и тоже скрестила руки,

молчаливо предлагая свою компанию. Он одарил ее быстрой благодарной улыбкой.

— Но никогда — люди. — Эта мысль утешала.

Его улыбка померкла.

— Ну…

Она подняла голову, глазами выразив сомнение.

— Не совсем никогда. В конце концов, Бастард — бог исключений и сын Своей Матери. На высших уровнях медицинской магии есть несколько исключений. Это ничуть не похоже на противостояние *либо я, либо он*, которое описывает ваш брат, так что не рассказывайте ему. Он возбудится и вообразит то, чего нет на самом деле. Когда выбор стоит между одной жизнью и другой или между жизнью и не-жизнью… — Он умолк.

Она позволила тишине длиться, ожидая, пока ее заполнят тем, что он выберет. Или нет. Ни за какие сокровища мира она не стала бы на него давить. Это было все равно что слишком сильно надавить на стекло.

— После чего целитель проводит ночи лицом вниз на храмовом полу, молясь о знамении и получая лишь молчание. Таких молитв я бы не пожелал… никому.

— Я… — Могла ли она искренне сказать: «Я

понимаю»? — Я сожалею.

Двор погрузился в полную тишину.

Он сделал глубокий вдох.

— Да, я тоже.

Потом оттолкнулся от стены, осторожно растянул губы в улыбке, и они прошли обратно через стойла.

И что именно этот на вид рассеянный, на вид юный человек знал о *высших уровнях медицинской магии*?

Она начала подозревать, что ответом было: *Все.*

А это, как лодка — сеть, влекло за собой следующий вопрос: *Откуда?*

* * *

Ближе к вечеру равнины Патоса сменились холмистыми возвышенностями, и скорость экипажа снизилась. Единственное утешение Никис заключалось в том, что крутые склоны точно так же задержат и их преследователей. Они заплатили за третью пару лошадей, чтобы преодолеть самый высокий перевал.

Чародей то проводил целительные сеансы, которые стали более интенсивными теперь, когда им с пациентом вскоре предстояло расстаться, то

при любой возможности выбирался наружу, чтобы избавиться от хаоса. Он трудился не покладая рук, а Никис сидела совсем близко — и начала видеть результат на лице не только Аделиса, но и Пенрика. *Он себя истощает.*

Получив наконец возможность говорить о своем ремесле, Пенрик заговорил. Он вовсе не походил на шпиона, скорее на раздосадованного ученого, который добрался до любимой темы и благодарных слушателей. Никис подумала, уж не принадлежал ли он к тем загадочным людям, что, уставая, начинали говорить больше, а не меньше. Несмотря на опасения, Аделис наконец проявил откровенное любопытство, хотя все его наводящие вопросы крутились вокруг армейских применений.

Нет, никто не сможет создать отряд чародеев. Демоны плохо ладят друг с другом, и именно поэтому никто никогда не слышал о двух придворных чародеях одновременно. Нет, один чародей не слишком отличается от другого по грубой силе; все ограничивается объемом хаоса, который человеческое тело может вместить и излить за раз без вреда для себя. Различия в способностях в основном объясняются ловкостью и эффективностью, которые возрастают с течением

лет и опытом. Неэффективное применение магии приводит, среди прочего, к выделению тепла; неловкий чародей может потерять сознание от перегрева или, быть может (злобная ухмылка), взорваться, как поджаренная сосиска. Никис сомневалась, что в это стоит верить, как и Аделис, судя по выражению его лица. Если последнее и соответствовало действительности, добавил Пенрик, то живых свидетелей не осталось, а потому доказательств не было.

Нет (тоскливый вздох), ни один чародей не может пускать огненные шары с кончиков пальцев. Оба мужчины явно были этим разочарованы.

— Хотя я весьма неплохо пускаю горящие стрелы, — добавил Пенрик. — Но это стрельба из лука, а не магия.

Нет, нет, нет — постоянными опровержениями Пенрик аккуратно увел Аделиса от гипотетических военных схем с привлечением магии — или, по крайней мере, одного конкретного чародея.

Никис задумалась, как вся эта опровергающая уверенность сочеталась с богом исключений и отбросов. Действительно скользкий, как рыба.

Ее собственные вопросы, казалось, упали на более плодородную почву. Да, чародеи-целители

встречались редко. Только самые ручные и покорные храмовые демоны, которых взращивали на протяжении нескольких жизней — точнее, жизней их просвещенных седоков, — считались подходящими и безопасными для уже обученного и опытного целителя. Да, две сотни лет — необычно долгий срок для демона. Большинство новых элементалей быстро покидали этот мир, изгнанные специально призванным угодником из Ордена Бастарда или в результате какого-либо другого несчастного случая. Чем дольше демон жил, тем с большей вероятностью мог вознестись и захватить контроль над телом седока, без дисциплины которого краеугольный демонический хаос обязательно вырвется наружу и уничтожит все вокруг. Да, демоны сохраняли отпечатки личностей своих человеческих партнеров, к добру или к худу. В случае некоторых людей — определенно к худу, и несправедливо, что именно *демон* подвергался немедленному отлучению и уничтожению, наконец настигнутый своим богом.

Никис не знала, кому принадлежали последние слова — Пенрику или Дездемоне, — но произнесены они были с яростью.

На покачивающийся экипаж опустилась ночь, и даже говорливого Пенрика накрыла унылая

усталость. Аделис изобразил на лице хладнокровную походную мину. Никис обмякла.

Они с Аделисом по очереди приваливались друг к другу, погружаясь в беспокойный сон. Пенрик крутился туда-сюда на сиденье, принимая все более неудобные на вид позы, пока наконец не задрал ноги почти к крыше и не успокоился.

Никис могла бы сделать путешествие более комфортным, если бы оно было запланированным и проводилось в подобающей секретности, а не представляло собой лихорадочное бегство от наступающих на пятки преследователей. *Если бы желания были лошадьми*, как пелось в одной старой детской песенке. Новое средство передвижения, вот чего она будет страстно желать, когда они доберутся до Скироса.

Где у них кончится время, деньги, силы… все.

* * *

Они прибыли в Скирос на закате следующего дня. Наконец выбравшись из экипажа, Никис подумала, уж не так ли чувствовал себя Пенрик, покинув бутылочную темницу. В дешевой и неопрятной гостинице им удалось снять лишь одну комнату, но в ней была вода, чтобы умыться, и неподвижная, ровная кровать, чтобы на нее

упасть. Хозяин притащил тонкий шерстяной матрас, который можно было положить на пол. Поморщившись, Пенрик мимоходом избавил матрас от ползучей, кусачей живности, заодно проведя рукой и над кроватью. Никис и Аделис заняли кровать, Пенрик — матрас. У Никис кружилась голова, синие глаза Пенрика затуманились от усталости, а невозмутимость Аделиса постепенно переходила в оцепенелость. Грозила им опасность или нет, они должны были поспать несколько часов.

Глубокой ночью Никис проснулась и увидела, что Пенрик, который, как и все они, лег спать наполовину одетым, натянул куртку и выскользнул в темноту. Аделис храпел. Быть может, чародей решил сбежать в Адрию? Задумал какое-то последнее, запоздалое предательство? Встревожившись, Никис надела туфли, завернулась в плащ и на цыпочках последовала за ним.

Он безмолвно вышел через переднюю дверь гостиницы; мгновение выждав, она сделала то же самое, прижавшись к стене и высматривая знакомый узкий силуэт, мелькавший в лунном свете без факела или фонаря. Натянув капюшон, она прошла за ним по улице и свернула за угол. Он пересек мощеную площадь и скрылся под

портиком храма. Никис дождалась, пока второй раз скрипнет тяжелая дверь, потом решилась на бег, чтобы догнать чародея. Что ему понадобилось внутри?

Он оставил дверь незапертой; Никис беззвучно приоткрыла ее и нашла глубокую тень, чтобы спрятаться. Недавно было полнолуние, и луна сияла прямо над священным атриумом; в ее свете пьедестал для огня отбрасывал голубую тень. Несколько красных углей мерцали среди пепла. Когда глаза Никис приспособились к темноте, она разглядела Пенрика, который медленно шел по периметру, от алтаря к алтарю, осеняя себя знамением, а потом мимоходом открывая, как предположила Никис, запертые ларцы для подношений, забирая их содержимое и ссыпая монеты в кошелек. Что объясняло, каким образом он добывал деньги после своего бегства из бутылочной темницы, если не считать ограблений местных чиновников. Пенрик не тронул ларец Матери, хотя все равно осенил себя знамением и склонил голову перед ее алтарем.

У ларца Бастарда он пробормотал:

— Хм. Должно быть, в этих холмах Тебя любят больше.

Он наполнил свой кошелек, а затем, вместо

того чтобы просто поклониться, опустился на колени перед покрытым белой тканью алтарем и просительно вскинул руки ладонями наружу. Минуту спустя он лег на пол, вытянув руки в позе отчаянной мольбы. А может, истощения.

Воцарилась тишина. Но, подумала Никис, не покой, потому что еще через минуту он пробормотал:

— Кого я пытаюсь одурачить, о добрейший-и-жесточайший Господин? Ты все равно никогда мне не отвечаешь.

Его голос стал резким.

— Ты и правда дурак, если пытаешься привлечь Его внимание. Нам оно не требуется. Серьезно.

Никис не хотела прерывать молитву, но это больше напоминало спор. Она подошла и села, скрестив ноги, рядом с… целителем, чародеем, святым? Кто из его ошеломляющего числа личностей лежал в позе столь отчаявшегося смирения?

Он перекатился на спину и без всякого удивления улыбнулся ей.

— Привет, Никис. Пришли помолиться?

— Может быть.

Он кивнул на покрытый белым алтарь.

— Это и ваш бог? Кажется, вы однажды так сказали, еще в Патосе.

— Поскольку другие на мои молитвы не отвечают, да.

— Мои соболезнования.

Она не знала, как на это реагировать.

— Я хотела кое-что вам сказать. В экипаже мне пришла в голову еще одна идея.

— Да?

— Вместо того чтобы везти Аделиса в Адрию, куда он не поедет, почему бы вам не отправиться в Орбас вместе с нами?

Тихий звук, который он издал, ничего не значил, хотя нечто похожее издает человек, получивший удар. Пенрик с сомнением помедлил.

— Арисайдья это одобрил?

— Уверена, что смогу его убедить, — небрежно бросила Никис. — Как только мы устроимся, Аделис поможет вам подыскать достойное назначение. Быть может, даже пост придворного чародея.

— Скорее всего, у герцога уже есть чародей. Именно так я лишился своего последнего места. Когда архисвятая принцесса Ллевен внезапно умерла, ее преемница привезла с собой из Истхоума доверенную чародейку. Я предложил вести тихую жизнь среди книг и бумаг — я так и не закончил свой последний перевод, — но все

решили, что во дворце не место двум демонам хаоса. Включая самих демонов хаоса.

Кажется, последние слова он произнес другим голосом? Однако Пенрик продолжал, открывая свои воспоминания ночному небу в обрамлении внутреннего архитрава.

— Все они изо всех сил пытались отправить лишнего чародея в мартенсбриджский Орден Матери, который желал заполучить его так же сильно, как дворец внезапно захотел от него избавиться. Очень ловко. Счастливы все, кроме меня. Никто не должен хоронить двух матерей за один год.

От последних слов у нее сжалось горло.

— Что?

Он поднял руку, отмахиваясь от чего-то ей неведомого.

— Принцесса Ллевен стала для меня второй матерью. Моя родная мать умерла незадолго до этого, при дворе Юральд. Меня не было рядом ни с одной из них. Не знаю, благословение это или проклятие.

— Мне жаль. — Едва ли можно было подобрать менее уместные слова, но он снова поднял руку, на этот раз в понимающем принятии. Никис попыталась вернуться к своему предложению. —

Если не придворным чародеем, Орбас несомненно захочет взять вас придворным целителем.

И с готовностью, когда узнает, что он сделал для Аделиса.

Равнодушно и с уверенностью Пенрик сказал:

— Я скорее умру.

Его улыбка стала натянутой и странной.

Никис выпрямилась, собираясь с духом.

— Я пыталась понять, почему человек с вашими очевидными — невероятными — способностями не хочет заниматься целительством. Думаю, у меня получилось.

— Правда? Расскажите мне.

В его голосе слышалась ирония, но не злоба. Кажется, в нем не было ни крупицы злобы.

— Вы потеряли пациента. Возможно, дорогого вам человека, — его принцессу? мать? — или просто кого-то, за кого боролись изо всех сил. Это разбило вам сердце и лишило желания продолжать.

Уголком глаза она попыталась оценить его реакцию. Быть может, она вела себя слишком откровенно, слишком навязчиво? И он рассердится на ее расспросы?

Никис не ожидала взрыва хриплого смеха, который резко оборвался. Она вздрогнула. «Безумный,

как сапог», — сказал Аделис. Может, он оказался более наблюдательным, чем она думала?

— Если бы только это. — Пенрик вновь растянулся на полу, сложил руки под головой и, прищурившись, посмотрел на луну, которая омыла его нежное лицо бледным светом, превратив в ледяную статую. — Как насчет троих за неделю? А иногда и больше.

— Что?

— Это место для исповедей, так почему бы и нет? Наступит завтра — и мы едва ли встретимся снова, что к лучшему. Это все равно что вскрыть нарыв — и такое же омерзительное и завораживающее, как то, что из них обычно вытекает. Быть может, пойдет мне на пользу.

Три сапога? Она прикусила губу.

— Все началось хорошо. Я упивался работой ученого для архисвятой принцессы. Но благодаря моим копиям и переводам первоначальных томов Просвещенной Ручии о магии и медицине Орден Матери в Мартенсбридже обнаружил, что двое из прежних седоков Дездемоны были целительницами. Принцесса хотела натянуть на мой лук новую тетиву, и я тоже этого хотел. Она отправила меня в больницу ордена, чтобы учиться. Подмастерьем, как все мы думали, пока знания

Просвещенной Амберейн и Просвещенной Хелвии не начали пробуждаться во мне — и внезапно я из ученика превратился в учителя. Хотя каждый новый пациент преподает урок своему целителю, на протяжении всей жизни. Мне действительно нравилось учить студентов анатомии. Я вылечил несколько сложных случаев. Понимаете, все зависит от исходного состояния. Если бы вашему брату выжгли глаза раскаленным железом, мне не осталось бы материала для работы. Но со стороны никто не мог понять, почему иногда мне сопутствует удача, а иногда нет. Больница начала все чаще звать меня, потому что, в конце концов, *иногда* у меня получалось. Попытка — не пытка, верно? Я разрывался, но не сдавал позиций, а потом принцесса умерла — и я лишился защитника, о котором даже не подозревал. Понимаете, Орден пытался меня беречь — и звал только на самые сложные случаи. Меня никогда не просили вылечить, ну, не знаю, заусенец или даже глистов, мне не позволяли одерживать *легкие* победы. Всегда только самые ужасные травмы и болезни, снова и снова. Большинство умирало. Когда я понял, что каждый день шагаю в больницу, изобретая… ладно, теперь это не имеет значения.

— Для меня имеет, — осмелилась вставить

Никис.

Его посеребренные луной брови поднялись.

— С чего бы? Не важно. Я ведь обещал полную исповедь. Сидя — лежа — перед своим богом. Хотя Он и так это знает. — Ледяная улыбка, едва тронувшая уголки рта. — Так вот, когда я начал каждый день по пути на работу изобретать способы, которыми чародей может убить себя — а сделать это весьма непросто, если его демон против, — то понял, что пора остановиться. Я подал прошение архисвятому Адрии, чтобы заниматься переводами и прочей храмовой научной деятельностью, и окончил свою карьеру чародея-целителя в Мартенсбридже. Было хорошо ехать на север через горы. Словно я чудом спасся.

Никис изобразила дружелюбное молчание. Потому что альтернативой было закричать от ужаса и негодования, что определенно стало бы лишним. Как далеко зашли эти *изобретения? Уверена, Дездемона сможет мне сказать.*

Пенрик продолжил:

— И так я узнал разницу между умением и призванием. Призвание без умения — трагедия, понятная каждому. Обратная ситуация… не столь очевидна.

— О. Я… понимаю. — Она сделала вдох и вы-

палила свой вызов: — Знаете, я бы очень хотела услышать версию Дездемоны.

Он удивился; его глаза расширились. Он неуверенно ответил:

— Полагаю… это можно устроить.

Теперь она заметила, как внутренний близнец изменил выражение его лица. Демон сказал:

— Ха. *Мы* полностью виним его начальство. Амберейн и Хелвия в свое время обучались в величайших центрах медицинских искусств в Саоне и Дартаке, где их способности и границы должным образом понимали — и не забывали о подобающей скрытности. Отсталый Мартенсбридж увидел только, что ему в руки упал магический дар — и захотел выжать из него все, что сможет. Как жадный объездчик слишком рано выпускает благородного жеребца на скачки — и убивает его. А Пенрик, дурак, не отказывал и не уходил, пока все мы не оказались на рассвете на склоне холма, чтобы выяснить, смогу ли я исцелить его руки прежде, чем он их вскроет, что вовсе не соответствовало *моим* представлениям о том, как нам надлежит расстаться.

— Это было *не всерьез*! — возразил он другим тоном. — Если бы я был серьезен, рядом имелся обрыв. А как ты неоднократно заявляла, тебе не

под силу заставить нас летать.

— К счастью, он отключился прежде, чем выиграл. Пришлось пожертвовать небольшим оползнем и невезучим лосем. А когда он очнулся, мы *поговорили*.

Пенрик исповедовался; *это* больше напоминало гневную отповедь.

— И он *по-прежнему* не отказывает и не уходит, и потому мы оказались в бутылочной темнице в Патосе, а не в милом, уютном кабинете в Лоди с видом на канал. Что ему *нужно*, так это начальник, которому хватит духу говорить *нет* за него. — Голос стал вкрадчивым, взгляд сместился к Никис. — Например, опытная женщина, которая знает, как не дать глупым мужчинам умереть.

— Дез! — Он резко сел.

— Что? Это ты всю неделю восхищался ее бедрами. Так сделай что-нибудь.

Он захлопнул рот. При таком освещении невозможно было понять, покраснел он или нет, но его щеки немного потемнели.

Никис сглотнула, не сомневаясь, что правильно поняла намек демона. Пусть и не первое, это определенно было самое странное предложение, что ей когда-либо делали. И, как ни удивительно,

наименее оскорбительное.

— Опыт у меня есть, — тихо ответила она. — Но неудачный.

— Стоит спросить, — пробормотал он.

Никис не знала, кто из обитателей его головы это сказал.

Пенрик выпрямил спину.

— Это *стоит* спросить. — Теперь голос принадлежал ему. Он повернул к ней голову, в тенях его глаза казались серебристыми и непроницаемыми. — У меня есть для вас контрпредложение. Что, если вы отправитесь в Адрию со мной? Пусть Аделис сам добирается в Орбас. Я думаю, он справится.

Никис покачнулась.

— Я не могу так поступить, не могу оставить…

— Сколько раз он оставлял вас, уезжая на очередную войну? Быть может, одному ему будет грозить меньшая опасность — и он определенно доберется быстрее.

— Вашему герцогу не нужна *я*. — Ее сердце бессмысленно колотилось.

— Я не говорил, что вы нужны герцогу. — Казалось, ему не хватает воздуха.

— Я стану заложницей, которую можно использовать против Аделиса.

Его губы приоткрылись, сомкнулись. Он тихо произнес:

— Я имел в виду не это.

— Но это случится. Обязательно. Мир таков, какой он есть.

— О. — Пенрик вновь обмяк и лег на пол, глядя на движущуюся луну. — Я могу защитить…

— Мы все недавно увидели, как трудно получить *защиту*, когда твой повелитель обращается против тебя.

— Полагаю, что так.

Она никогда не получала столь жестокого добросердечного предложения, безнадежно ошибочного. Это было все равно что дарить перчатки безрукому вору или цветы умирающей от голода женщине. Никис ответила тем же.

— Остается Орбас.

Его голова дернулась, словно уклоняясь от дротика.

— Все мои книги находятся в Адрии. Я надеюсь.

— Любимые заложники?

— В некотором смысле. Что говорит обо мне кое-то печальное, я полагаю.

Она обдумала эти уклончивые слова.

— В Орбасе тоже есть книги. Я слышала, что у

герцога отличная библиотека. Книги, которых вы не читали. А о некоторых, быть может, даже не слышали.

Она заметила, что он не сказал «нет» Орбасу, по крайней мере, так категорично, как Аделис отверг Адрию. Даже скользкая рыба иногда попадает в сети…

Уголки его губ поднялись вверх.

— Птица мудрости. Мадам Сова. Ваш брат правильно вас назвал.

Да, и что, если Аделис проснется и обнаружит, что они оба исчезли?

— Нам нужно вернуться. Если вы закончили.

Он печально огляделся.

— Тут говорим только мы с вами, поэтому да, судя по всему, я закончил.

Он вскочил на ноги, как жеребенок, и подал ей руку, чтобы помочь встать.

XIII

Пенрик взял Никис… мадам Катай под руку, пока они шагали в темноте назад к гостинице. Подавил гримасу, представив, как ей пришлось красться за ним к храму одной среди ночи в незнакомом городе.

Тут недалеко, заметила Дез.

Дез, только не… позорь меня перед этой женщиной.

Предпочитаешь опозориться сам? Ощущение хмыканья. *Раз мне пришлось слушать, как ты по ней сохнешь, то пусть и она выслушает. Пользы от этого будет больше.*

Хватит того, что он заставил Никис слушать его обрывочную исповедь. *Есть препятствия. Начиная с моей храмовой клятвы архисвятому Адрии.*

Твой бог везде одинаков. В Адрии, Седонии… или Орбасе.

Хочу обратить внимание, что мой бог только что промолчал насчет того, куда мне направиться. Как и всегда. Как и повсюду. Надо полагать, это в некотором смысле постоянство.

Что? Ты молился о наставлении — и в следу-

ющую секунду это милое дитя подошло и село рядом с тобой. Я думала, она собирается погладить тебя по голове. Могла бы сказать ей, что от доски будет больше проку. Чего ты от Него ждешь, письма с печатью и подписью, переданного лично в руки? Парада с фанфарами?

Пенрик нерешительно спросил: *Она тебе нравится? Тебе не всегда нравятся женщины, с которыми я, э-э, встречаюсь.*

Я тоже не всегда им нравлюсь. Но, кажется, она готова учиться. А вот насчет брата не уверена.

Я думал, вам всем нравилось глазеть на него.

Пока он не открыл рот и не нагрубил нам.

Это не самый плохой случай. Полагаю, его можно исправить. Дай ему время.

Время, которого ты не собираешься ему давать? Ты сам себе противоречишь, Пен.

Он натянуто улыбнулся. *Если тебе нужна последовательность, значит, я принес клятву не тому богу.*

Они как можно тише вошли в гостиницу через парадную дверь, и Пенрик повернул ключ за их спиной. К счастью, здесь не было ночного портье. Они поднялись по темной скрипящей лестнице и дошли до комнаты, под дверью которой пробивалось слабое оранжевое свечение. Поэтому

Пенрик не слишком удивился, войдя вслед за Никис и обнаружив Арисайдью сидящим в единственном кресле и мрачно глядящим на них при свете сальной свечи. Его глаза сверкали алыми искрами. На коленях лежал обнаженный меч.

— Где вы были? — спросил он тихим, но разъяренным голосом.

Должно быть, он встревожился, проснувшись и не обнаружив спутников. Или, по крайней мере, свою сестру. Пен этого не планировал. Хорошо, что Арисайдья не кинулся искать их в город, и им не пришлось тревожиться за него.

— В храме, — так же тихо ответил Пенрик.

— Среди ночи?

— Боги слышат молитвы в любое время.

— Вообще-то, — сказала Никис, снимая и вешая на колышек плащ, — я застала его за ограблением ларцов для подношений.

Под мрачным взглядом Арисайдьи Пенрик ответил:

— Вы же захотите нанять завтра лошадей?

— Я боялся, что нам придется добывать лошадей, как это делает армия на вражеской территории, — неохотно признал Арисайдья. — Но лучше их купить, это не оставит свидетелей, которые смогут указать, куда мы направились.

— Ты думал их украсть? — спросила Никис, подняв брови. Затем покосилась на Пена. — Мне трудно представить Седонию вражеской страной.

Арисайдья коснулся виска, словно говоря: *А мне теперь не трудно.* Но он явно сожалел об этой новой враждебности, пусть и шел против ветра.

— В любом случае, в этом захолустье среди ночи лошадей не купишь. — Он выдохнул и поднялся. — Попытайтесь поспать.

По крайней мере, он убрал меч в ножны, прежде чем снова лечь, но, задувая свечу, одарил Пенрика особым братским взглядом.

Пен лежал на своем матрасе и обдумывал возможные варианты.

Их было немного. Из Скироса второстепенная армейская дорога шла на восток, к морю, и на запад, через Седонийский хребет, чтобы слиться с сетью дорог вокруг Тасалона. Мелкая местная дорога уходила на юг в холмы и разветвлялась на непригодные для колесного транспорта тропы, которые вели через скалистые перевалы в соседнюю провинцию. За этой провинцией, миль через сто, лежал следующий горный хребет, а за ним — земли Орбаса, который иногда являлся государством-сателлитом Седонии, иногда

— союзником, иногда — врагом, а в настоящий момент пытался сохранять нейтральную независимость. Тасалон с радостью бы силой вновь превратил Орбас в налогооблагаемую провинцию, если бы императору не пришлось иметь дело с другими насущными проблемами: Адрией на востоке, Рокнари на северном побережье и островах, Русилли на юго-западе.

Для Пенрика самый прямой путь домой лежал на восток к морю и по нему в Адрию. Путь по суше был длиннее, на юг по прибрежной дуге, через Орбас и Тригони, прежде чем он доберется до адриакских владений. Хотя, оказавшись в Орбасе, он перестанет считаться беглым преступником и, предположительно, сможет сообщить о себе в Храм и обратиться за помощью в местную ветвь Ордена Бастарда. И потому, отправившись на юг с Арисайдьей и его сестрой — ну ладно, с Никис и ее братом — он ничего не *решит*. Альтернативный путь — найти каботажное судно, которое доставит их в один из немногих портов Орбаса, хотя Пен сомневался в своей способности убедить Арисайдью подняться на борт транспорта, которым тот не мог управлять и который не мог покинуть по своему желанию.

Никис, конечно же, последует за своим близне-

цом. А не полубезумным незнакомцем, которого встретила пару недель назад. Арисайдья не ошибся — хотя и был неправ, — считая это само собой разумеющимся. Он сам понимал, сколько берет на себя?

Не то чтобы Просвещенный Пенрик мог предложить ей нечто лучшее, чем другое опасное бегство и сомнительный прием.

Пен, раздраженно сказала Дез, *что ты можешь, так это перестать тревожиться и лечь* спать, *чтобы утром мы могли сделать хоть* что-нибудь.

Она была права. Он проворчал что-то в ответ и повернулся на другой бок.

* * *

Вскоре после рассвета они позавтракали в общем зале гостиницы, сев как можно дальше от других посетителей и не разговаривая. Еда включала ничем не примечательную кашу, пристойные сушеные фиги и абрикосы, небольшую порцию белого сыра, кошмарно знакомые квадратики сушеной рыбы, которую Никис и Аделис съели, не проронив ни слова, и чрезмерно большую миску жестких, наполовину высушенных маслин, которые Пенрик с подозрением

попробовал, а затем передал спутникам. После завтрака они вернулись в свою комнату, чтобы пересчитать монеты Пена на умывальнике и составить план.

— Если мы направимся к берегу и купим проезд на каком-нибудь местном судне, то одинаково быстро доберемся до порта Орбаса или острова Корфара, — рассуждал Пен. — Что для мадам Катай будет определенно легче поездки через все эти холмы.

И даст Пену еще несколько дней, чтобы попытаться убедить их насчет Адрии, если только он подберет более удачный рычаг, дабы сдвинуть этот булыжник в человеческом обличье. Хмурое лицо Никис говорило о том, что ей не слишком понравились сомнения в ее выносливости, однако упоминание болезненного состояния Аделиса было бы воспринято еще хуже.

Казалось, этот аргумент поколебал уверенность Арисайдьи; по крайней мере, его хмурая мина стала более задумчивой. Он покосился на сестру и принялся размышлять. Наконец произнес:

— Наших денег хватит на покупку одной относительно крепкой лошади. Не трех. Отдай кошелек Никис, и мы отправимся искать прокат лошадей. А ты купи нам еды, чтобы хватило на

два дня пути. Потом встретимся здесь и обсудим, куда ехать.

Это не было согласием, но и не было привычным категорическим отказом. Пен решил не настаивать и не пытать удачу и отправился на поиски того, что в местном городишке считалось дневным рынком. Он также хотел выстроить следующий набор доводов. Споры никогда не были его сильной стороной, еще со времен семинарии.

Он вернулся с мешком разных продуктов, среди которых были кожистые маслины, и уселся на скамью во дворе перед гостиницей, прикрыв лицо соломенной шляпой, в ожидании брата и сестры с лошадьми.

Ожидание затянулось.

Встревожившись, он пошел наверх в комнату. Записки не было. Арисайдья и Никис забрали свои скудные пожитки в надежде сложить их в седельные сумки, а саквояж Пена стоял наготове. Арисайдья не любил терять времени даром.

И правда.

В желудке Пена возникла тяжесть, не имевшая никакого отношения к каше и маслинам. Он поспешно пустился по лестнице и вышел на главную улицу, где располагались конюшня и постоялый двор, обслуживавшие армейскую

дорогу. Быстро опросив конюхов, Пен услышал лишь: «Нет, сэр, за последние два часа мужчина и женщина не пытались нанять трех верховых лошадей или хотя бы двух. Была ли в городе другая конюшня? Да, сэр, маленькое заведение рядом с западной дорогой, но оно сдавало животных лишь для местных целей, и у них не было таких прекрасных упряжек, как у нас, двенадцать миль в час по ровной местности!» Отметив про себя, что эта местность не отличалась ровностью, Пенрик ускорил шаг и направился к западной дороге.

Вторая конюшня была маленькой, но опрятной, с дюжиной стойл, большинство которых пустовали. «О да, сэр, мужчина с супругой наняли двух лошадей вместе с обязательным конюхом-проводником и уехали примерно два часа назад. Куда? По южной дороге. Кажется, они собирались навестить родственников в деревне в дальнем верховье долин».

Арисайдья, сукин сын, про себя выругался Пенрик. И натянуто улыбнулся владельцу конюшни. Оставшегося в карманах Пена не хватило бы, чтобы прокатиться на пони вверх-вниз по улице.

Топая по дороге, он сдерживался, пока не оказался вне зоны слышимости, после чего выругался вслух. Это не принесло особого облегчения.

Едва ли проклятый негодяй выигрывал войны, сидя на месте и ожидая, пока битва придет к нему. Пену следовало об этом вспомнить.

У него ловко получилось, согласилась Дез, чем не слишком помогла делу. *Если бы он потребовал отдать кошелек ему, ты бы вряд ли столь поспешно с ним расстался.*

Пен зарычал.

И неужели Никис согласилась — или спорила и проиграла? Уехала с радостью или с сожалениями? Пен полагал, что его сжавшееся сердце едва ли сейчас имело практическое значение.

Вернувшись в гостиницу, он вынес свой саквояж и мешок из комнаты, которую больше не мог себе позволить, и попытался решить, что делать дальше. Идти за беглецами пешком в надежде их догнать было бессмысленно. А еще бессмысленнее было бы действительно их догнать. Украсть или хотя бы одолжить на время лошадь — задача не из простых. *Но выполнимая.* Однако если он собирается это сделать, нужно действовать быстро.

Придется подождать темноты, чтобы вновь нанести визит божественным ростовщикам в храме, хотя дважды совершать налет на одно и то же место казалось опрометчивым. Если кто-то заметил внезапную недостачу, там могли

выставить стражу. Еще один вариант — сдаться и пойти к побережью пешком. Ношеные седонийские сандалии были не самой подходящей обувью для походов, но он сможет заменить их в следующем городе. Где наверняка окажется свой храм, хотя едва ли столь зажиточный. Пен грыз кусочек сушеного фрукта из своего мешка и кипел от ярости.

Обдумывая вероятности, он взял саквояж и мешок и вернулся в первую конюшню. Выбор лошадей там был больше — но и больше людей сновало вокруг. Увести животное среди бела дня определенно будет непросто, даже для чародея. Ждать прикрытия темноты — бессмысленно, если он хочет догнать Арисайдью и Никис. А если собирается идти пешком на восток, лучше выдвинуться прямо сейчас.

Он стоял в нише между двумя беленными домами и медленно рвал свои надежды на части. Он сделал все, что было в его силах. Значит, на восток.

Подъехали два экипажа, шумных и пыльных, каждый тянула взмыленная шестерка лошадей. Похоже, кто-то заплатил за скорость. Почуяв щедрое вознаграждение, конюхи и слуги засуетились вокруг. Уже было шагнувший на дорогу

Пен отпрянул назад, когда из экипажей высыпали десять солдат, сержант, человек в свободном белом одеянии седонийского Ордена Бастарда и знакомая фигура Велки.

С колотящимся сердцем Пен вскарабкался по стене дома, царапая пальцы рук и ног о камень и подоконники, и лег на плоскую крышу, откуда была видна улица и кусочек постоялого двора. *Ну конечно*, экипажи. Если бы Велка попытался отправить за Арисайдьей войска, они бы сейчас едва ли отошли на сорок миль от Патоса.

Потоптавшись на месте, сбегав в туалет и успешно приобретя несколько кружек быстро проглоченного эля, сержант согнал своих людей, пересчитал и отравил парами в город.

— Вы уже знаете, какие вопросы задавать, — крикнул он им вслед.

Пенрик тоже знал. *Зубы Бастарда.*

Одеревенелый Велка, на лбу которого красовалась тонкая белая повязка, прихрамывал. Возможно, это были последствия того, как грубо Пен обошелся с ним на вилле три дня назад, однако седобородый мужчина в мятом белом одеянии двигался так же скованно, а значит, скорее всего, дело было в экипаже. Серебристый проблеск в наплечной косе сообщил бы Пенрику все, что

он хотел знать, и без сдержанного комментария Дездемоны: *Что ж, Пен, к нам присоединился коллега.*

Ты можешь узнать что-нибудь еще, не раскрыв себя?

Пока нет.

Велка принялся опрашивать конюхов и слуг, которые с готовностью отвечали, показывая в разные стороны. Появление монет сократило число сторон вполовину. Пенрику хотелось стукнуть себя по голове: их воспоминания о его недавних расспросах наведут Велку на другую конюшню намного быстрее, чем он сам бы ее обнаружил. Хотя рано или поздно он бы это сделал. Едва ли Арисайдья и Никис успели проехать больше десяти миль. Быть может, там много боковых дорожек? Пенрик надеялся, что их десятки.

Велке потребуется время, чтобы собрать разведданные, определиться с маршрутом и нанять либо конфисковать тринадцать верховых лошадей. Хотя сержант уже требовал у слуг постоялого двора быстро приготовить его людям поесть, что вполне можно было сделать, пока ищут и седлают лошадей. После отряда конюшня опустеет, если не считать дюжину загнанных упряжных животных, бесполезных для Пена. Храмовый чародей

ушел внутрь, вероятно, тоже в поисках пищи.

Велка вскоре узнает, что Пена видели отдельно от Никис и Арисайдьи, и не так давно. Пен подумал, уж не показаться ли, чтобы они погнались за ним. Затем печально осознал, что его вполне могут поймать, хотя быстро об этом пожалеют. Но у Велки хватит солдат, чтобы при необходимости разделить силы. Достаточно будет послать за Пеном чародея и пару людей. Остальные могут отправиться на юг, нахлестывая лошадей.

Пен полагал, что Арисайдья будет драться насмерть — и какая участь ждет Никис? Попасть в руки уцелевших разъяренных солдат, жаждущих отомстить за своих павших и раненых товарищей? Если только близнецы не решат совершить последнее путешествие вместе. В любом случае кошмар был ужасно правдоподобным.

Сглотнув, Пен спустился по стене здания, подобрал саквояж и мешок и проскользнул на соседнюю улицу, которых в Скиросе было немного. Он свернул на запад, двигаясь параллельно армейской дороге, но невидимый с нее. Пробираясь через жидкую оливковую рощу напротив маленькой конюшни, заметил двух людей Велки, которые уже спешили назад с новостями.

Выругавшись себе под нос, Пен дождался, пока

они скроются из вида, и метнулся через дорогу к конюшне.

Конюшенный мальчик вскочил, встревожившись сильнее, чем следовало при виде потенциального клиента. Пен тщетно попытался угомонить его, но, когда он с криком побежал прочь, защемил нервы в его ногах и, как только смог, в горле. Паренек в ужасе съежился, когда Пен перекатил его к краю прохода, шепча:

— Прости, прости! Это скоро пройдет.

Он надеялся. У него не было времени подготовиться, как с солдатами на вилле.

В конюшне осталась всего одна лошадь, жилистый гнедой мерин, беспокойно крутившийся в стойле. *Выглядит неплохо*, сказала Дез. *Его ноги даже длиннее твоих.*

А позвоночник острее пилы; за десять минут рысью без седла распилит всадника пополам. Пен принялся лихорадочно искать седло, поводья и седельные сумки, в которые запихнул свой саквояж и мешок. Вернувшись в стойло, он обнаружил причину одиночества мерина: тот любил кусаться. И брыкаться. И в целом не хотел сотрудничать. Когда он второй раз клацнул желтыми зубами, Дез хорошенько кольнула его в нос, что для мерина стало загадкой, поскольку человек, до

которого он пытался добраться, к нему не прикасался. То же самое повторилось, когда он клацнул зубами в третий раз. Больше мерин не пытался.

Чтобы надеть на него удила, пришлось сражаться с ушами; дело едва не кончилось потерей ценных чародейских пальцев. Пен еще раз проверил подпругу — ну конечно, мерин также был любителем надуть живот — и благоразумно сел в седло прямо в стойле. Позволил Дез открыть щеколду и распахнуть дверь и сосредоточился на том, чтобы держать голову животного поднятой на коротком поводе, а собственную голову опущенной, дабы не врезаться в притолоку, когда мерин рванулся на дневной свет.

Пен заставил его выбраться на дорогу, где мерин хотя бы с удовольствием переключился с вертикального движения на горизонтальное. Только схематичная иллюзия волков, фрагмент гейса, которому Пен научился у своего друга-шамана, заставила животное свернуть — точнее, метнуться — на южную дорогу. После чего Пен пригнулся в седле и позволил проклятой твари нестись сломя голову.

Мерин пролетел пять миль. Задыхающийся Пен был впечатлен. *Ты благословение Бастарда, верно?*

Галоп сменился прыгучей рысью, почти такой же тряской, затем бодрым шагом. Дорога шла по извилистой долине, поднимавшейся к горным перевалам. Среди густого леса виднелись маленькие фермы, жавшиеся к ручью. Рядом с одной в огороде работала женщина, и Пен осмелился остановиться, чтобы попросить воды и узнать, проезжал ли кто-то до него. Женщина встревоженно нахмурилась, потом, еще раз оглядев Пена, невольно улыбнулась. Он получил воду, но не новости: хозяйка недавно вышла из дома. Пен осенил ее благословляющим знамением; женщина моргнула, но помахала в ответ.

Он напоил лошадь в пересекавшем дорогу ручье, немного поспорив с желанием мерина упасть на землю и сбросить Пена среди камней. Пен жалел, что это животное не досталось Арисайдье. Они были достойны друг друга.

XIV

По мнению Никис, Аделис грыз удила намного сильнее, чем их неторопливые лошади. Попытка выжать из проводника большую скорость привела лишь к неохотной тряской рыси. Никис думала, что проводник чрезмерно бережет хозяйских животных, пока они не совершили тщательно рассчитанную остановку на ферме, которая, как выяснилось, принадлежала кузену проводника и где им предложили купить обед. Аделис с яростью — и весьма серьезно — прошептал, что будет быстрее переехать мерзавца и все-таки украсть лошадей, но воспользовался шансом получить еду, которой у них не было *лишь потому*, что они бросили мастера — Просвещенного — как-там-его Пенрика.

Широкоплечий улыбчивый кузен накрыл для них обед на столике в тени у ручья, что при любых других обстоятельствах было бы идиллией. Сейчас Никис ухватилась за возможность возобновить личный спор, который они прервали в конюшне.

— Я все равно считаю, что мы были неправы, бросив Просвещенного Пенрика. Если не с такти-

ческой точки зрения, то с моральной. А вдруг с ним что-то случится?

Аделис презрительно фыркнул с набитым ртом.

— Он чародей. И шпион. Он приземлится на ноги. Как кошка.

— Насчет кошек это не всегда верно. — А насчет чародеев? — И в последний раз он приземлился в бутылочную темницу.

— Если его правда туда бросили, значит, он правда оттуда сбежал. Что… назовем это беспрецедентным. Без нас он быстрее и безопаснее доберется до Адрии. То, что он адриакский агент — единственная часть его сказочек, в которую я верю.

Никис глотнула разбавленного вина и постучала пальцами по доскам.

— Я наблюдала за ним и немного с ним беседовала, в те первые дни, когда ты был одурманен болью и маковым сиропом. Что бы ни творилось в его разуме, он очень переживал из-за того, что пытался сделать с твоими глазами.

— Это говорит лишь о том, что у парня есть совесть — с чем я не спорю — и что она нечиста. Потому, что его история правдива, или потому, что он спрятал в рукаве какой-то секрет, я не знаю.

То, что он до последнего пытался убедить меня поехать в Адрию, после всех наших несчастий, и то, что предпринял столь героическую попытку исцелить меня, позволяет предположить, что его герцог слишком сильно во мне нуждается — и это вызывает вопросы. Никис, мы слышали эту фантастическую историю только в его исполнении. Он лишь утверждал, что является храмовым чародеем и всем прочим. Мы этого не знаем.

— Тебе недостаточно всего, что он для нас сделал?

Аделис покачал головой.

— Клянусь, ты проглотила все, что он говорил, и не поперхнулась. Почему? Тебя очаровали его голубые глаза?

— Ты не можешь отрицать, что он чародей, не можешь отрицать, что он выдающийся целитель… то, что он рассказал мне в храме прошлой ночью…

– *Он* рассказал, — перебил Аделис. — Опять.

Никис отмахнулась.

— В любом случае, это личное. Что касается прочего… он думает о людях лучше, чем следует. И тем самым подвергает себя опасности. На мой взгляд, это больше похоже на просвещенного святого, чем на шпиона. Он думает иначе.

— Он и его двенадцатиголовый демон, ну конечно. Совсем иначе. — Аделис с кривой ухмылкой откинулся назад.

Она по-прежнему не могла представить, что творилось в переполненной голове Просвещенного Пенрика. Постоянно. В любом случае, его разум должен был быть очень, очень плотным. Удивляло не то, что он мог быть безумным, а то, что он им не был.

— В любом случае, теперь мы можем двигаться быстрее, — сказал Аделис.

— Но не сейчас, — заметила Никис.

— Верно. — Он запихнул в рот остатки хлеба и поднялся, продолжая жевать. — Пойду потороплю кучера. И попробую достать флягу с водой. И немного еды. Они нам понадобятся, чтобы одолеть эти холмы.

И он направился к старой каменной ферме.

Никис подумала, что сильнее всего ей понадобится человек — и демон. Увидит ли она еще когда-нибудь странного чародея? Действительно ли с ним все будет в порядке, как утверждал Аделис? В последний — и в первый — раз, блуждая в одиночку по Седонии, он пережил ужасные испытания. Она не испытывала такой кошмарной беспомощной тревоги со времен… Кимиса.

А потом Аделиса, до тех пор, пока не появился Пенрик. А теперь тревожилась о Пенрике. Ее цепочка вызывающих тревогу мужчин росла, но не становилась лучше.

Найдется ли способ узнать, удалось ли ему добраться до дома? В Лоди у нее не было знакомых, за всю жизнь она встретила лишь несколько адриакских торговцев. Наверное, кто-то из них мог бы отвезти письмо, но кому?

Хотя погодите, Просвещенный Пенрик был слугой Храма. Если он не солгал, послание архисвятому Адрии вполне может достичь адресата. Недавняя печальная участь писем из Адрии и обратно пугала, но Никис внезапно приняла решение: если они с Аделисом в конечном итоге достигнут Орбаса, она обязательно попробует.

Итак, у нее был план. Это лучше, чем бессильно плакать под хурмой. Когда Аделис вышел из дома, буквально волоча за собой проводника, она вытерла глаза и поспешила к лошадям.

XV

День клонился к вечеру. Деревья поредели и сменились кустарником, фермы уступили место пастушьим хижинам, а дорога сузилась до извилистой каменистой тропы. У поворота Пен встретил всадника, который вел в обратном направлении двух оседланных лошадей.

Всадник остановился и в изумлении уставился на Пена.

— Пятеро богов, друг, кто-то сдал тебе в аренду Упрямца? И ты до сих пор в седле?

Одного этого было достаточно, чтобы узнать в человеке конюха-проводника из маленькой конюшни.

— Так его зовут? Подходящее имя. По пути мы иногда спорили, но до сих пор я брал верх. Скажи, это ты сопровождал путников, мужчину и его жену? Куда они отправились?

— Ага. Я сказал, что они не одолеют перевал до темноты, поэтому лучше остановиться на ночь и продолжить путь утром, но они не стали меня слушать, а потому, думаю, заслужили то, что получат. Я проводил их так далеко, как смогли дойти лошади, после чего они захотели, чтобы я

их оставил.

Хвала пятерым богам, Пен был на верном пути.

— Далеко они? Мне нужно их догнать.

— Около мили.

Пен благодарно кивнул.

— Кстати, должен тебя предупредить. За мной едет отряд солдат, который конфискует лошадей на нужды армии. Если не хочешь идти домой пешком, возможно, стоит увести животных с дороги, спрятаться и переждать, пока они пройдут.

— О! — Конюх удивился, но проглотил ложь. — Спасибо!

— Э-э… — Пенрик ощутил укол совести. Если бы ему удалось проехать чуть дальше… — Хочешь забрать этого, чтобы отвести домой вместе с остальными?

Конюх ухмыльнулся.

— Нет уж. Пусть его забирает армия.

И они поспешно разъехались.

Действительно, через милю пути по скользкой каменистой осыпи, больше пригодной для осла, чем для усталой, нервной лошади, начался настоящий подъем по каменной лестнице в узкой теснине. К облегчению Пена, он увидел движение наверху: две фигуры, одна — в зеленом плаще.

Но к своему отчаянию, оглянувшись, чтобы посмотреть на долину, прежде чем спешиться, он увидел отряд верховых солдат, неутомимо рысивших друг за другом. Он сосчитал… да, все тринадцать. Белый промельк подтвердил, что Велка захватил своего чародея. Пен втянул воздух сквозь зубы. Свесивший голову от усталости мерин предпринял последнюю вялую попытку укусить его, пока он доставал свои пожитки из седельных сумок, разнуздывал и отпускал животное.

Взвалив вещи на плечо, Пен начал карабкаться по склону. Несколько минут спустя Никис оглянулась, заметила его и тронула брата за рукав. После короткого спора они сели на валуны, дожидаясь Пена. Оба выглядели изнуренными, но решительными. Конечно же, Арисайдья сохранил меч.

Пенрик забрался к ним, потрясая мешком.

— Вы забыли еду, — прохрипел он. — Среди прочего.

Арисайдья нахмурился, но Никис с застенчивой радостью сказала:

— После того как Аделис… как мы оставили вас в Скиросе, мы подумали, что теперь-то вы точно отправитесь назад в Адрию. Вы все-таки решили к нам присоединиться?

Пен подумал, что ее улыбка окупала необходимость терпеть того мерзкого мерина, пусть и не брата. Можно было не спрашивать, кто придумал его бросить.

— Не совсем. Однако Велка с солдатами прибыли в город через час после вашего отъезда. В экипаже, как вы и предполагали. — Пен одобрительно кивнул Арисайдье, но не дождался ответной благодарности. — Сейчас они отстают от нас всего на несколько миль.

Никис ахнула. Лицо Арисайдьи стало еще мрачнее.

По молчаливому обоюдному согласию они отложили споры на потом. Арисайдья оглядел местность, напоследок посмотрев вверх на сужавшееся ущелье.

— Значит, полезем дальше. Там может быть пещера.

— Чтобы спрятаться? Он привез чародея. Так что вряд ли получится, — предупредил Пен.

— Хм. — По крайней мере, Арисайдья не стал возражать. — Признаю, мне не хотелось бы оказаться в бутылке.

— Как и мне, — горячо откликнулся Пенрик.

— Значит, лезем дальше.

И они полезли. На это потребовалось почти

все дыхание, но Арисайдья все равно расспросил Пена о числе и составе преследователей и, похоже, рассердился, что тот не смог более детально описать их оружие.

— Скольких ты одолел на вилле, семерых? Значит, мне останется шестеро. Возможно, лучше развернуться и встретить их здесь, чем дать настигнуть нас позже, в менее удачном месте, еще более усталых и в темноте.

Его арифметика не интересовала Пена. В одиночку он бы попробовал взлететь на холм, сворачивая и петляя, карабкаясь, скрываясь из виду. Убежать. *Но не втроем. А значит, командовать должен тактик. В некотором смысле.*

— Храмовый чародей Велки отнимет все мое внимание, как только мы окажемся в зоне досягаемости друг друга, — признался он ровным голосом. — Это будет схватка совсем иного рода.

Красные глаза Арисайдьи сузились.

— Ты сможешь его одолеть?

— Я… не смогу сказать, пока не пойму, с чем столкнулся. Мы не будем пытаться убить друг друга. Иначе возникнет проблема с перепрыгивающим демоном. — Помимо других теологических проблем. *Зубы Бастарда, ну и месиво.*

Наконец Арисайдья остановился, огляделся и

сказал:

— Здесь. Ничего лучше мы не найдем.

Пен тоже огляделся. Самый крутой участок тропы спускался зигзагом вниз, давая им преимущество в высоте. Они будто стояли на крепостном валу. Заросшие кустарником склоны по сторонам не позволяли скрытно обойти беглецов и подобраться сзади. Ущелье сверху едва ли было хорошим путем к отступлению, если кому-то все-таки удастся зайти оттуда, но обеспечивало хоть какую-то возможность бегства.

Немного напомнив Пену осмотрительного сержанта, Арисайдья усадил всех и раздал пищу из мешка Пена и воду из кожаной фляги. Где он только ее достал? Арисайдья покосился на саквояж Пена.

— Ты тащишь его с собой?

— Его содержимое дорого стоит, и найти замену будет непросто. Хорошие стальные иглы, ножницы, скальпели. Чистая марля, остатки мазей… мне пришлось потрудиться, чтобы получить правильный состав.

Никис посмотрела на саквояж, затем на Пена.

— Я думала, вы будете рады с ним расстаться.

Да, нет, не знаю, может, потом я об этом пожалею…

— Бережливость — стойкая привычка.

Никис задумалась, потом встряхнулась и принялась собирать груду камней для метания. Моргнув, Аделис присоединился к ней. Пенрик пожалел, что с ним нет его доброго охотничьего лука, который остался в Адрии, но тоже занялся делом.

Он прервался, когда первые люди из отряда Велки на оскальзывающихся, фыркающих лошадях преодолели последний доступный всадникам поворот внизу, подняли головы и увидели беглецов. Послышались крики, десять солдат и сержант спешились, привязали лошадей, построились и стали ждать. Пен увидел, что четверо были лучниками и теперь натягивали тетиву на короткие луки, опасливо поглядывая вверх в ожидании приказа. Их колчаны щетинились стрелами.

— Это будет проблема, — вздохнул Арисайдья, наблюдая за ними.

— Вряд ли, — пробормотал Пен.

Никис покосилась на него, взяла камень и взвесила на руке. Казалось, она тоже ждет приказа.

— Мне жаль, что мы втянули вас в эту катастрофу, — тихо сказала она Пену.

— Это сделали не вы. И я собираюсь поделиться сожалениями, если смогу.

Ее слабая улыбка напомнила ему жуткую ухмылку брата.

— Хорошо.

Они были вне досягаемости лучников, по крайней мере, если стрелять вверх. Но и лучники были вне досягаемости магии Пена, особенно той изящной ее разновидности, которую он надеялся применить. Еще одним вариантом были оползни, хотя в нужных местах не наблюдалось достаточного количества булыжников.

Внизу Велка, сержант и чародей о чем-то спорили. Потом человек в белом одеянии повернулся, казалось, собрался с духом и принялся карабкаться по изломанной тропе, опираясь на крепкий посох.

Он выглядел именно так, как должен выглядеть храмовый чародей и просвещенный святой. Высокий, серьезный, зрелый, могущественный, с аккуратно подстриженной бородой, хотя бровям бы ножницы тоже не помешали; в их лохматой тени пылали черные глаза. Арисайдья и Никис уставились вниз с безмолвной тревогой.

— Думаю, это моя часть, — без энтузиазма вздохнул Пенрик. *Дез, мы готовы?*

У-тю-тю, заворковала она, *какой миленький демонический младенчик!*

Что?

Парень с бородой тоже миленький, но его демон — совсем малыш. Всего два животных до нынешнего седока, и это его первое человеческое обиталище. Демон знает лишь то, что знает человек.

— Хвала Бастарду, — выдохнул Пен и дважды постучал по губам большим пальцем. А потом еще дважды, потому что всем им потребуется Его удача, чтобы пережить следующие минуты. Он на несколько шагов отступил от места, где укрылись его товарищи, и стал ждать, пока пыхтящий чародей приблизится. Пен задумался, как он выглядит со стороны. Усталый, тощий, обгоревший на солнце молодой человек с растрепанным узлом волос — он выдул прядь изо рта, — в странных обносках, а именно потной тунике, зеленой куртке и неуместных штанах для верховой езды, провонявших лошадью. Длинным ступням не понравился подъем в разваливающихся сандалиях. Нужно поскорее отыскать нормальные сапоги.

Человек остановился и крикнул:

— Дикий чародей! Я Просвещенный Кирато из Ордена Бастарда в Патосе. Именем бога я приказываю тебе сдаться. Приди ко мне добровольно — и тебе не причинят вреда!

— Очевидно, не в этом случае, — крикнул Пен в ответ. — Спросите Велку, что он делал со мной в бутылочной темнице!

Голова чародея дернулась назад от растерянности, но он быстро взял себя в руки.

— Второй раз я приказываю тебе сдаться! Или твою жизнь вышвырнут из убежища Храма!

Пенрик прокомментировал оставшимся за его спиной спутникам:

— Это ритуал, который он должен попробовать. Нет смысла прерывать, пока он не закончит.

Кирато повторил свое предупреждение еще трижды, всякий раз подбирая все более крепкие слова. Арисайдья обнажил меч, недоверие на его лице нарастало. Темные брови Никис изогнулись от потрясенного любопытства.

— Мне жаль, — серьезно произнес Кирато, осенил себя знамением и раскрыл ладонь, попытавшись поджечь одежду и волосы Пена.

Пен пресек его попытку своим холодным искусством. Тело Кирато едва заметно дернулось, потом он попытался снова, с тем же результатом. И еще раз.

Тому мерину хватило двух укусов, чтобы научиться, насмешливо заметила Дез.

Чародей озадаченно уставился на свою руку,

затем попытался поджечь Никис и Арисайдью. Эти попытки Пен отбил еще быстрее, после чего сбросил хаос; несколько камней зашатались и покатились вниз. Кирато ошарашенно увернулся. Дез гудела, словно отпущенная тетива: *Позволь мне, позволь мне, позволь мне…*

— Что ты такое? — крикнул Кирато, его глаза наконец округлились от настоящего страха.

— Я же *сказал* Велке, что я не дикий чародей, — нетерпеливо ответил Пен. — Он что, не передал вам? Это нечестно. Клянусь, этот человек вообще не слушает, что ему говорят.

Интересно, насколько странным это противостояние казалось сторонним наблюдателям? Два эксцентричных человека стоят на склоне, корчат рожи и машут руками друг на друга…

Велка крикнул снизу:

— Арисайдья! Сдавайся или погибнешь!

— Он имел в виду «и», — пробормотал Арисайдья и крепче вцепился в меч, нетерпеливый, как Дез.

— Сдавайся — и твою сестру пощадят, и она будет в безопасности под моей защитой, — громко вставил чародей из Патоса. Вполне возможно, он верил в то, что говорил.

— Иди *отымей* себя, — огрызнулась Никис и

бросила первый камень.

Она хорошо прицелилась, но снаряд взорвался в воздухе на кусочки. За ним последовал второй, который свернул в сторону.

— Почему они не попадают в него?

Пен не знал, вопрос это или жалоба. *Возможно, и то и другое.*

Арисайдья положил ладонь ей на руку, удерживая от следующего броска, и пробормотал:

— Бесполезно…

— Нет, пусть кидает. Это хороший отвлекающий маневр. — Обернувшись, Пен одарил ее сияющей улыбкой. — Заставляет его трудиться. Разогревает.

В ее глазах вспыхнуло понимание. Ха, по крайней мере, хоть *кто-то* его слушал — и запоминал. Еще один камень просвистел в воздухе. Арисайдья очнулся и присоединился к сестре. Его снаряды издавали более злобный свист.

Сержант тоже не терял времени даром. Лучники, объединившись по двое, взобрались повыше с двух сторон, чтобы мишени оказались в зоне выстрела, и наконец выпустили стрелы.

Развлекайся, Дез.

Поднявшиеся по дуге стрелы по очереди вспыхнули синим пламенем, добравшись до цели

безвредными облачками пепла, или закувыркались, упали и застучали по камням. Второй залп постигла та же участь.

Почему он не двигается быстрее? Он что, не знает этот фокус? — спросил Пен, чьи чувства ускорились вместе с чувствами Дез.

Он жестко контролирует своего демона. Они могут делать только одну вещь за раз. На самом деле, это почти грустно.

Помни, он собрат-святой, а не твоя игрушка.

В таком случае, ему не следовало угрожать тебе.

Лучники почти вошли в зону досягаемости Пена, но пока им нравилось тратить впустую стрелы, Пен не собирался их трогать. Чуть ближе — и он сможет в любой момент перекусить тетиву на их луках, а также, почти с такой же легкостью, их ахилловы сухожилия. Пен полагал, что у Кирато есть больше способов защититься, чем он продемонстрировал, просто пока у него не было повода, поскольку на него никто не нападал всерьез. Пену все лучше удавалось дергать седалищные нервы, чтобы не дать врагу сбежать, однако здесь был не тот случай. А вот ахилловы сухожилия тоже прекрасно могли отвлечь противника.

Чародей сдвинул пыльный щебень под ногами Пена, очевидно, пытаясь повалить его на спину; Пен отпрыгнул на более твердую почву. Бесформенное облако галлюцинаций пронеслось перед ним — интересный природный талант, позволявший предположить, что со временем, попрактиковавшись, этот человек сможет создавать удивительные видения. Но, увы, не сегодня. Даже без помощи Дез Пен легко их проигнорировал. Чародей на мгновение отвлекся, отклоняя один из свистящих снарядов Арисайдьи, в результате чего последний камень Никис с приятным стуком ударил его прямо по голове. Этот камень был тяжелым, она кидала его двумя руками. Наполовину оглушенный, чародей упал и заскользил вниз по тропе, цепляясь за посох, чтобы остановиться. Испустив безумный вопль, он вскинул руки.

Боль вспыхнула в груди Пена: его сердце попыталось разорваться на куски. Он рухнул назад, словно в него врезался таран. Внезапно Дез оказалась внутри, обернувшись вокруг сердца, не давая ему лопнуть. Следующий залп стрел беспрепятственно посыпался вокруг, едва разминувшись с целью.

Снизу раздались крики: солдаты восприняли

его падение как сигнал и двинулись вверх.

Пен поднялся на колени, задыхаясь, разинув рот от изумления. Этот удар был *смертельным*.

Кирато тоже стоял на коленях, раскрыв рот от ужаса и потрясенного триумфа. Пен подумал, что чародей не собирался совершать эту запретную вещь — но явно не раскаивался в содеянном. Его взгляд метался — он пытался понять, куда перепрыгнет демон Пенрика, когда тот испустит дух.

Хаос *вырвался* из Дездемоны.

Половина склона откололась и с грохотом понеслась вниз.

Кирато проехал с ней несколько ярдов и остановился, наполовину засыпанный щебнем. Потный и красный, он напрягся, повернулся, внезапно побледнел и… потерял сознание.

Тепловой удар, определил Пен из какой-то загадочной, отстраненной плоскости сознания, такой же неуютной и нежелательной, как и визит в бутылочную темницу. Его грудь *болела*. Прочие части тела тоже поживали не слишком хорошо, хотя был один приятный момент, когда торопливые руки приняли его в мягкие, мягкие объятия.

Мимо прошли сапоги Арисайдьи; скрежет и лязг стали мелодично разнесся над пульсирующим эхом оползня.

— Не убивай чародея! — предостерегающе крикнул Пен.

Хмыканье, скрип шагов.

— Я помню, — донесся до Пена раздраженный голос Арисайдьи. — А он помнит?

— О, кровь Матери, Пен, с тобой все в порядке? — прерывисто спросила Никис.

Ее лицо покрывали капли, хотя вечернее небо было безоблачным, невероятного темно-синего оттенка. Могут ли слезы быть благословением? Но боги, какое прекрасное небо в этой стране.

— Буду в порядке. — *Я надеюсь.* — Разве тебе не нужно бросать камни?

— Ты только что все их сбросил. Думаю, у Аделиса все под контролем… остальные бегут. То есть те, кто могут. Сержант кричит им вернуться, но сам тоже бежит.

— Хм. Хорошо. — *Дез?..*

…Дез?..

Ш-ш. Занята. И мгновение спустя, с мрачным возмущением: *Кирато собирался* пожертвовать *своим* демоном, *чтобы убить тебя. Позволить богу забрать его вместе с твоей душой. А* он *бы выжил.*

Да. Магия по военным законам. Вот почему я не хочу иметь ничего общего с войной.

...Хорошо.

XVI

Никис обнимала Пенрика, чье бормотание сменилось разборчивой, но не слишком осмысленной речью, и следила за фигурой Аделиса, которая методично двигалась по склону внизу. Солнце скрылось за холмами, но небо еще сияло, и на нем виднелись лишь несколько звезд. Сухую землю окутал голубой сумрак без теней. Аделис прогнал двух солдат, которые готовы были драться после оползня. Оба были покрыты кровоточащими ссадинами, их отвага дала слабину, и, пока была возможность, они развернулись и побежали по тропе вниз, за своими скрывшимися товарищами. Никис испытала облегчение.

Аделис остановился возле смутного силуэта у подножия оползня. Приглушенные голоса, протестующий крик, звучный удар. Тишина. Никис содрогнулась, вдохнула, отвернулась.

Пенрик дернулся на ее коленях.

— Что это было? Он ведь не добивает раненых? Я должен его остановить…

— Нет. Может, только одного. Лежи спокойно. Насколько серьезно ты ранен?

Он обмяк.

— Полагаю, не очень. — Его перебил голос внутреннего двойника, который, фыркнув, добавил: — Только что чуть не погиб. И погиб бы, если бы не я.

— Дез! — запротестовал Пен и сжал челюсти.

О чем это говорило, если Никис могла с большим успехом добиться честного ответа от демона хаоса, чем от человека? *К сожалению, ни о чем новом.*

— Дездемона, что происходит на самом деле? Расскажи мне!

Пенрик стиснул зубы, но потом сдался — или подвинулся.

— Этот проклятый Бастардов святой попытался разорвать ему сердце запретной магией. Сейчас у меня все под контролем, но следующую неделю Пенрик должен провести лежа в постели.

Никис окинула взглядом сумрачные холмы, где не наблюдалось никаких постелей, и вздохнула.

— Это была… нормальная магия?

— Нет, — ответила Дездемона, а Пенрик, подняв дрожащую руку, чтобы коснуться лица Никис, добавил: — Никому не позволено разбивать мне сердце, кроме вас, мадам Сова.

Ее дыхание прервалось, но прежде чем они смогли продолжить эту многообещающую бесе-

ду, вернулся Аделис. Он задержался внизу, чтобы изучить бесчувственного чародея, наполовину погребенного в щебне, потом наклонился, вытер меч о широкий рукав белого одеяния и убрал в ножны. Поднявшись на холм и подойдя к Никис, он уронил на землю два лука и колчан со стрелами. Устало крякнув, сел рядом и уставился на поле внезапной битвы.

Пенрик приподнялся на локте.

— Что произошло? И происходит?..

— Сержант, два лучника и еще два солдата сбежали. Еще двое раненых последовали за ними. Прочих наполовину засыпало камнями. Кое-кто сможет выбраться сам и помочь другим. Думаю, со временем их сбежавшие товарищи приползут обратно. Лошади освободились и сбежали во время, полагаю, твоего оползня. По крайней мере одна упала. К счастью, сломала шею. Со сломанными ногами пришлось бы повозиться. Кому-то другому, не нам. Нам нужно идти дальше.

Пенрик сдвинул брови.

— А Велка?

Аделис пожал плечами.

— Он дважды пытался меня убить. Трижды, если то, что ты говоришь, правда. Я решил не давать ему четвертого шанса.

— О. — Пенрик опустился обратно, осенив себя знамением. — Мне жаль… что я не справился лучше.

— Что ж, теперь он забота бога. Не бери на себя обязательств, которые выходят за рамки твоего ранга.

— Теологически здравый совет.

— В армии это тоже работает.

— А. — Пенрик помедлил. — Ты узнал его настоящее имя?

— Я не спросил. Мне было уже все равно.

— Странно убивать человека, даже не зная его имени.

— Не вижу в этом ничего странного. — Аделис повел плечами. — Хотя в его случае мы можем узнать ответ позже. Однако даже с отсеченной головой тело продолжает дергаться. Полагаю, этим парням потребуется несколько дней, чтобы откопаться и дохромать до помощи. После чего вновь начнется суматоха. Если только этот, — он кивнул вниз на бледную груду, являвшуюся чародеем из Патоса, — не оклемается быстрее, чем я думаю. Что, с учетом его демона, знает только ваш бог.

Пенрик, обмякший в гостеприимных объятиях Никис, снова приподнялся.

— Я должен попробовать помочь раненым…

— Нет, не должен, — перебила Никис, укладывая его обратно.

— Нет, и я не стану помогать, — добавила Дездемона. — Сейчас у меня другие приоритеты. Они выживут, если их друзья вернутся.

— Я согласен с демоном, — сказал Аделис, удивив всех как своим согласием, так и тем, что он понял, кто произнес слова, сказанные ртом Пена. — Клянусь, у этого создания больше мозгов, чем у тебя, Просвещенный Глупец.

Что, наверное, было маленьким шажком к признанию правдивости рассказа Пенрика о себе. Совсем крошечным, в духе Аделиса. Никис наклонила голову и улыбнулась.

Аделис взял один из луков и проверил.

— Ты говорил, что можешь пускать горящие стрелы, чародей. Как насчет простых?

— Обычно могу. Но, наверное, не прямо сейчас.

Он передал лук Никис.

— Проверь, как натяжение.

Сидя на земле, она немного неуклюже взяла лук, повернула, натянула и поморщилась.

— Для меня туговато, но я справлюсь, если придется.

И, наклонившись, положила лук рядом с дру-

гим.

— В таком случае, оставим оба. — Повернувшись, Аделис посмотрел вверх. — Не знаю, высоко ли еще лезть, но если мы сумеем преодолеть узкое место до темноты, то сможем остановиться и дождаться восхода луны.

Никис прикусила губу, думая, как это сочетается с рекомендованным Дездемоной покоем для выздоровления Пенрика. Звучало не очень.

Груда бледной ткани внизу шевельнулась и застонала.

На этот раз Пенрик поднялся с большей решимостью.

— Помогите мне. Я должен отнести ему немного воды, иначе он не доживет до утра. Это важно, поверьте.

— Проблема прыгающего демона? — с усталой покорностью спросил Аделис.

— По меньшей мере. Хотя он его не заслуживает.

Никис держала кожаную флягу и Пенрика. Соскользнув на несколько футов вниз, они остановились у засыпанного чародея.

Пенрик взял бутылку и вылил воду на голову чародея, втирая в волосы.

— Мне нужно охладить его доступным спосо-

бом, если он до сих пор слишком оглушен, чтобы избавиться от хаоса, — сказал он Никис. — Вот так, Просвещенный Кирато. — Он похлопал чародея по бородатой щеке. — Просыпайтесь. Вам нужно попить.

Он поднес горло фляги к губам чародея.

Кирато глотнул, поперхнулся, выплюнул воду и, кажется, полностью очнулся. Тщетно попытался поднять засыпанное тело.

— Перестаньте дергаться, — сказал Пенрик, кладя ему на плечо суровую руку. — Вы только сильнее разогреетесь. У меня мало времени…

— Я ничего тебе не скажу! — взвизгнул Кирато резким от ужаса голосом.

— Хорошо, потому что я хочу, чтобы вы слушали, — ответил Пенрик.

— Это безопасно? — встревоженно спросила Никис. — Он же только что пытался тебя убить.

— Теперь, когда я начеку, да… Возможно. Лучше сядь подальше. — Пенрик махнул рукой.

Никис отошла на пару футов и нащупала подходящий обломок камня, готовая вновь ударить Кирато по голове, если тот сделает резкое движение. Хотя, надо полагать, главную опасность представляли не те движения, что она могла увидеть, а те, что не могла. Придется довериться

Пенрику и Дездемоне. Это оказалось… на удивление легко.

Кирато посмотрел на нее, потом вновь на Пенрика.

— Схватка окончена, — сообщил ему Пенрик. — Ваша сторона проиграла. Вы сдались.

— Нет, не сдался, — заплетающимся языком ответил Кирато. Он собрался с духом. — Может, на этот раз тебе и удалось уйти, но Орден Бастарда тебя выследит.

— Что будет несложно, поскольку я служу Ордену Бастарда. И белому богу.

Кирато выдавил из себя дрожащий смешок.

— Кто ты такой, чтобы говорить за белого бога? Ты с Ним встречался?

— Однажды, одиннадцать лет назад. Незабываемые ощущения для человека. — Он пожал плечами. — И для демона. Вы можете называть меня Просвещенным… Анонимом, хотя если мы встретимся при более приятных обстоятельствах, я обязательно представлюсь вам, как положено.

Кирато выглядел так, будто не верит ни единому слову. Нет… будто верить было *страшнее*, чем не верить. Очень любопытно. Никис завороженно следила за беседой.

— У меня мало времени, — продолжил Пен-

рик, — но я должен поговорить с вами о том, как вы обращаетесь со своим демоном. Потому что это теологически некорректно… и грубо, и жестоко, — добавил кто-то, — а также крайне неэффективно. Ваш демон — дар, врученный вам богом и Храмом, отличная возможность для взаимного роста, а не животное, которое нужно подавить, посадить в клетку и подчинить себе. Для него вы — модель, наставник и единственный родитель, какой может быть у элементаля. Становясь обладателем храмового демона, вы берете на себя обязательство к концу вашей жизни сделать его лучше, а не погубить своим эгоизмом, невнимательностью или, как в вашем случае, страхом, ошибками и паникой. — Пенрик махнул рукой. — Хотя, признаю, вас ввели в заблуждение.

Ужас в глазах Просвещенного Кирато постепенно сменялся потрясением. *Отлично*, подумала Никис, *значит, я не одинока.* Даже храмовому святому Пенрик казался странным.

— Не знаю, удастся ли вам примириться со своим демоном, — продолжил Пенрик, — хотя я бы определенно посоветовал начать с раскаяния, молитв и медитаций. Скорее всего, он не научится прощать, пока вы сами этому не научитесь, а

что до отпущения грехов, тут нужно обратиться к высшей инстанции. Но я бы предложил, в качестве первого извинения — а также хорошей основы для ваших будущих отношений, — подарить ему красивое имя.

Пенрик выпрямился и радостно улыбнулся закопанному святому. В ответ Кирато вновь попытался высвободиться из каменной тюрьмы. Нет, попытался отодвинуться от Пенрика.

— Ты безумен, — прохрипел он.

— Мой брат говорит, что он безумен, как три сапога, — услужливо вставила Никис, начиная входить во вкус. — Но он также очень просвещенный святой с очень мудрым демоном. Вам следует к нему прислушаться.

— Он вознесся! — хрипло сказал Кирато. Потом его глаза буквально сошлись к переносице. — Нет… Но он чудовищно плотный. Я думал, он должен был вознестись. — Его голос снова стал резким. — *Почему он не вознесся?*

— Именно это я и пытаюсь объяснить, — терпеливо ответил Пенрик. — Теперь имена. Вы можете придумать имя, которое вам нравится? — Он с надеждой посмотрел на Кирато, но тот вновь захрипел. Пенрик нахмурился и принудил его сделать еще глоток воды.

Оставив святого в покое, Пенрик обратился к самому себе.

— Дез, у тебя есть идеи, как назвать юного коллегу-демона? — Пауза. — Это глупо. — Снова пауза. — А это непристойно. — И еще одна. — Нет, мы не будем называть его в честь меня. — Вздохнув, он повернулся к Никис. — Мадам Катай? Какое седонийское имя вам нравится?

Никис, когда ты его произносишь, подумала она, но вслух сказала:

— Ресин? Куна? Саранда?

— Дез, у демона Просвещенного Кирато есть предпочтения? — спросил Пенрик. — Нет? — Он хмуро посмотрел на Кирато. — Как давно вы владеете этим несчастным созданием, если он не понимает простейшую номенклатуру?

Пенрик ненадолго задумался, потом снова выпрямился.

— Хорошо. — Он осенил себя знамением и положил руку на лоб Кирато. Тот отпрянул, и Пенрик повторил жест. — Именем белого бога благословляю тебя и нарекаю Куной. — И добавил, обращаясь к Никис: — Так себе церемония наименования, но вы с Дез — взрослые и можете быть свидетелями, так что все по правилам.

Поскольку Кирато больше не пытался сбежать,

а просто вяло лежал в состоянии отступающего теплового удара и наступающего Пенрика, который продолжил свою проповедь, Никис вернулась наверх. Аделис закончил собирать их вещи.

— Он когда-нибудь затыкается? — мрачно спросил ее брат.

— Мне кажется, он больше говорит, когда устает. Но в его словах меньше смысла.

Она подобрала несколько уцелевших стрел, что упали рядом с ними, и положила в колчан.

Пенрик наконец закончил свою лекцию, осенил потрясенного чародея знамением, дважды постучал по губам большим пальцем и поднялся — заполз — наверх, где лег на спину, пытаясь восстановить дыхание. Аделис проследил за тем, как ходит ходуном его грудная клетка, и скорбно покачал головой.

— Да. Я вижу проблему.

— Может, возьмем его за руки? — предложила Никис.

— Думаю, будет лучше, если ты понесешь еду, воду, луки и… да, мой меч.

— А его саквояж?

— Если хочешь. А я потащу твоего глупого блондина. Считай это запоздалым подарком на

Бастардов день, сестричка.

— Ах да, ты ведь пропустил последний.

— Был занят войной. Не сомневаюсь, твой бог поймет. Я почти посвятил ее Ему.

Пенрик возражал, но оказался один против троих — и в итоге был водружен на спину Аделису. Ноги того подогнулись, затем выпрямились.

— Тяжелее, чем кажется, — проворчал он.

— Уверен, что справлюсь сам… — начал Пенрик, на что Никис и Аделис хором ответили: — Пенрик, замолчи.

Никис подумала, что Дездемона присоединилась бы к хору, если бы могла.

Тени в расщелине приобрели пурпурный оттенок. Этот неровный отрезок пути был трудным по любым меркам. Никис и Аделис берегли дыхание, однако Пенрик продолжал болтать, рассказывая что-то на вельдском, пока Аделис не пригрозил сбросить его с холма. Голова Пенрика опустилась Аделису на плечо, и остались только звуки закатных холмов: гудение мелких насекомых, пение соловья, хруст земли и камней под ногами, а потом едва слышное хлопанье крыльев летучей мыши. Когда они выбрались из расщелины, в десяти футах над ними пролетела сова, раскинув крылья в полной тишине, и Никис заметила,

как сверкнули белым зубы Пенрика, который посмотрел вверх и улыбнулся.

Ей в голову пришел вопрос. К счастью, она знала, кому его задать.

— Дездемона, если бы Пенрика убили, — ужасная мысль, — и тебе пришлось бы прыгать, кого бы ты выбрала? Если демон всегда выбирает самого сильного человека поблизости, это был бы Аделис, верно?

Аделис дернулся, сбавил шаг, чтобы поправить соскальзывающего пассажира, и двинулся дальше. В темноте Никис не видела его лица, но догадывалась, что это настоящий этюд ужаса.

— Нет, дитя, — ответила Дездемона. — Это была бы ты.

При этих словах Аделис резко остановился. Никис тоже остановилась.

— Я! Но почему я?

— Мы провели с Пенриком одиннадцать лет, и он оставил на нас серьезный отпечаток своей личности. У нас просто не было бы выбора.

Пенрик выдохнул, и Никис увидела слабый сапфировый блеск его расширившихся глаз, но в кои-то веки он промолчал. Мгновение спустя они продолжили путь.

Сзади не доносилось звуков погони.

По мнению многих людей, молить Бастарда о чем-либо значило напрашиваться на неприятности, но Никис подумала, что благодарственная молитва за Его лучшие дары будет весьма уместной. Она мурлыкала себе под нос старый хвалебный гимн, когда они выбрались на более ровную тропу.

— Пой вслух, — попросил Пенрик со своего насеста. — Я никогда не слышал его на седонийском.

Она посмотрела вверх — и обнаружила, что верха больше нет: впереди земля уходила вниз, в бархатную темноту, чтобы через сто миль вновь подняться, словно черное одеяло, скомканное на горизонте. Обещание Орбаса.

— Достаточно далеко, — пропыхтел Аделис и опустил свою ношу.

Они расположились на каменистой земле, под россыпью звезд. Никис передала по кругу флягу с водой.

Затем выпрямилась и запела старинные слова, как просил Пенрик. Аделис басом подхватил напев, чего не делал с тех пор, как они в детстве пели в храме, до того как произошло… все. Пенрик что-то довольно пробормотал, а потом, по просьбе Никис, запел собственный гимн на родном вельдском, слабым, но удивительно верным

баритоном.

Его слова звучали странно и сладко, и так, делясь тайнами, они пением встретили восход луны.

Последний танец Миры

I

Никис тревожилась из-за чародея.

Два дня назад они отыскали эту маленькую ферму в холмах, представив свою потрепанную компанию как супружескую пару и их друга, который потянул лодыжку, когда они заблудились на каменистых тропах в темноте. Никис полагала, что их деньги говорили убедительнее, чем они сами. За небольшую, на ее взгляд, сумму фермер с женой уступили им свою беленую спальню, перебравшись на сеновал, а детей-подростков отселили в конюшню. Никис опасалась, что это сельское гостеприимство причинит фермерам намного более серьезные неудобства, если сюда доберутся имперские преследователи. Держа в руках поднос, она толкнула бедром дверь спальни и вошла внутрь.

Просвещенный Пенрик покорно лежал в кровати, как было велено, но не спал. Приподнявшись на локте, он моргнул потускневшими синими глазами и одарил Никис одной из своих странных, милых улыбок. Словно не *оказался на краю гибели* три ночи назад, защищая Никис и ее брата Аделиса.

— А. Снова еда. Уже?

— Уверена, что ты в ней нуждаешься. Или Дездемона. — Пускай Пенрик был одним из этих возмутительных длинных, тощих людей, которые могли есть, как лошадь, и совсем не набирать вес, однако Никис полагала, что его демон хаоса, обитавший внутри, словно вторая личность — очень сложная вторая личность, — также черпал ресурсы из его тела.

— Ты ведь должен есть за двоих?

— М-м, возможно. Погоди, я могу встать…

— Ляг обратно! — хором скомандовали Никис и Дездемона. Поскольку Дез говорила ртом Пенрика, эффект получился весьма странный, но Никис подумала, что начинает к этому привыкать. — Слушай своего демонического врача, — сказала Никис, а Дез добавила: — Да, и свою очаровательную сиделку. Она знает, как обращаться с больными.

— Когда это вы успели объединить силы? — пробормотал Пенрик.

Никис поставила поднос на умывальник, передвинула его к кровати, взбила подушки и позволила Пенрику сесть.

— Эй, не надо кормить меня с ложечки!

— Это не суп, так что с ложечки не получится.

Никис плюхнулась рядом с ним, намазала козий сыр на крестьянские лепешки из муки грубого помола, добавила нарезанный лук, скатала все это и принялась кормить Пенрика, периодически давая ему запить еду разбавленным вином. Пенрик попытался взять стакан в одну руку, но в итоге ему пришлось использовать обе, потому что они дрожали. Он покосился на Никис сквозь свои возмутительно длинные светлые ресницы.

Не в первый раз Никис задумалась, что именно *произошло*, когда вражеский чародей, которого Пенрик одолел в той странной сумеречной схватке, попытался разорвать его сердце внутри тела, и сколько магии приходилось с тех пор непрерывно применять Дездемоне, чтобы заставить это сердце продолжать биться. Их с Аделисом отец, старый генерал Арисайдья, пережил полдюжины кровавых военных кампаний, чтобы умереть от внезапного сердечного приступа. Этот последний, смертельный удар не оставил на нем никаких следов. Больные сердца пугали Никис.

Она закончила скармливать свое кулинарное подношение не слишком сопротивлявшемуся пациенту. То, что Пенрик задыхался после еды, говорило намного больше, чем его прерывистые заявления о том, что он поправился. Никис про-

верила высокохудожественную повязку на его правой лодыжке, главным назначением которой было напоминать, какую ногу он предположительно повредил, и затянула ее.

Скромный светлый узел волос на затылке Пенрика превратился в спутанный клубок.

— Я принесла расческу, — сказала Никис, доставая ее из кармана взятого взаймы фартука. — Давай расчешу твои колтуны.

Она неделями искала оправдания, чтобы прикоснуться к этим удивительным серебристо-золотым волосам, с тех самых пор, как он возник, будто невероятный дух-хранитель, в саду ее виллы и предложил исцеление несправедливо ослепленному брату.

Пенрик было начал возмущенно протестовать, но потом либо разум, либо демон взял верх. Он проглотил свои мужественные заявления о самодостаточности и с надеждой улыбнулся.

— Это было бы очень мило.

Она усадила Пенрика на край кровати и опустилась на колени за его спиной. Натянутая на раму кровати веревочная сетка и лежавший поверх шерстяной матрас были не самой твердой поверхностью, и узкие бедра чародея оказались между ее коленями. Она начала с нижней части

хвоста волос, доходившего ему до поясницы, вычесывая узлы, словно работала с тонкой куделью. На вилле в Патосе Пенрик заботился о чистоте, будто кот, как и подобало целителю, но неделя побега не прошла бесследно ни для кого из них. Интересно, позволит ли он ей вымыть ему голову? Может быть, судя по тому, что он принялся издавать тихое мурлыканье, очень напоминавшее кошачье, когда черепаховый гребень добрался до его шеи и кожи головы и начал совершать медленные, размеренные движения.

Чередуя гребень и собственные везучие пальцы, Никис принялась разделять мягкую массу на три пряди, чтобы заплести косу, и внезапно обнаружила, что не может этого сделать, поскольку между его костлявой спиной и ее… некостлявым фасадом почти не осталось места. Откашлявшись, она немного отодвинулась, а он, казалось, очнулся и подался вперед, выпрямив спину и вновь превратившись в чопорного храмового святого. Правда, святого, принесшего клятву Бастарду, пятому богу, символическим цветом которого был белый, в жизни обычно двусмысленно запятнанный. Иногда Никис гадала, не было ли это проявлением теологического юмора белого бога. Серьезно, прачки должны были принадлежать

Его пастве; вероятно, они служили Ему на коленях чаще, чем святые. Просвещенный Пенрик тоже откашлялся, и Никис заметила, как слабо покраснела его молочно-бледная скула.

Она заплела и завязала косу — куском белой ленты от одного из немногочисленных платьев, которые смогла захватить с собой, когда они спасались бегством от солдат в Патосе. Непобежденный враг все еще шел по их следу. Этого воспоминания хватило, чтобы остудить ее краткую теплую радость. Тем лучше: она едва успела вскочить с кровати и затолкать туда Пенрика, когда знакомые шаги ее брата застучали по половицам фермерского дома, и он вошел в комнату.

— Вот ты где.

Аделис выглядел почти как прежде, по крайней мере, начиная ото рта и ниже. Снова прямой, крепкий, мускулистый — тридцать прожитых лет не слишком отразились на внешности молодого генерала Арисайдьи. Молодого бывшего генерала Арисайдьи. Лишь когда он снял сельскую широкополую шляпу, стали видны ужасные шрамы от ожогов на верхней половине его лица. Едва зажившая россыпь красных и выступающих розовых рубцов окружала его глаза подобно кошмарным цветочным лепесткам, хотя Пенрик

утверждал, что со временем они побледнеют. Прежде темно-карие радужки Арисайдьи, уничтоженные кислотой, после восстановления стали гранатово-красными. Но благодаря магическому целительству Пенрика он снова мог видеть — и, судя по всему, хорошо, что, по мнению Никис, выходило за пределы чародейства и граничило с чудом.

Аделис провел рукой по черным волосам, которые успели не по-армейски отрасти, и обратился к пустоте между своей сестрой и человеком в постели:

— Как он?

— Хорошо, — ответил Пенрик.

— Не настолько хорошо, насколько утверждает, — поправила Никис. — Дездемона говорит, ему нельзя поднимать тяжести и подвергаться внезапной нагрузке, чтобы не напрягать заживающее сердце.

— Хм. — Аделис посмотрел на Пенрика. — Как думаешь, сможешь завтра ехать верхом? Шагом, в поводу?

— Только не на том бедном ослике со двора, — ответил Пенрик. — Мои ноги будут волочиться по земле.

Аделис пожал плечами, признавая справедли-

вость этих слов.

— Я отыскал по соседству парня с мулом. Он не может довезти нас до самого герцогства Орбас, но может проводить на ферму своего кузена, что внизу в долине. Что, по крайней мере, увеличит расстояние между нами и перевалом, который, как им известно, мы одолели. Здесь мы недолго будем в безопасности.

Пенрик кивнул; Никис нахмурилась.

— Перемена обстановки не повредит, — сказал Пенрик. — Избавляясь от хаоса, Дез уничтожила почти всех мелких вредителей в округе. Нужно пополнить запасы.

Насколько поняла Никис, его демон накапливал беспорядок, который образовывался в результате магических исцелений, а потом выпускал его в мир со всеми возможными предосторожностями. Святой утверждал, что убийство теологически разрешенных вредителей было самым эффективным способом сброса. Другие способы были не столь эффективными. Или не столь разрешенными. Никис задумалась об опасном различии между *неразрешенным* и *невозможным*. Знал ли Пенрик, где проходят настоящие границы? Она надеялась, что да.

— В таком случае, выезжаем на рассвете, — ска-

зал Аделис.

* * *

В конечном итоге уже наступил день, когда они наконец погрузили Пенрика, который по-прежнему задыхался, и свои немногочисленные пожитки на смирного высокого мула. Украденный Аделисом меч, а также луки со стрелами были для скрытности завернуты в ткань, что не слишком устраивало бывшего генерала. Однако Никис была рада. Она не сомневалась, что брат будет сражаться насмерть, чтобы не дать взять себя живым снова, но казалось бессмысленным преждевременно отправлять к богам незрелые души незнакомцев, если это никак не влияло на результат. Бойкий язык Пенрика мог оказаться лучшей защитой, чем правая рука Аделиса. Или магия Пенрика, хотя сегодня его демон был очень тихим. Трудился внутри, продолжал исцелять скрытые повреждения, как предположила Никис по случайным мухам, круживším над навозом на фермерской тропе и падавшим замертво, когда они проезжали мимо. Она надеялась, что мальчик, который вел мула, ничего не заметил.

Присутствие этого юноши не позволяло вести беседу на протяжении всего долгого пути, кото-

рый, к счастью, в основном вел под уклон. Колея, в конце концов превратившаяся в проселочную дорогу, следовала по берегу извилистого ручья, по обеим сторонам которого поднимались холмы. К полуденной остановке Никис было жарко, она вспотела, и у нее болели ноги. Мальчик привел их на возвышенность в тени старых дубов, очевидно, любимое место стоянки. Никис понимала почему. Отсюда открывался последний вид на широкую долину, которая делала эту провинцию столь ценной и хранимой, ведь это была житница Седонийской империи.

Мальчик увел мула на траву, чтобы тот тоже подкрепился. Аделис подошел к краю обрыва, сдвинул на затылок шляпу и, прищурившись, огляделся. Никис и Пенрик присоединились к нему.

— Ничуть не хуже карты, — заметил Пенрик, проследив за его взглядом. — Что мы видим?

Аделис опустил подбородок.

— Окруженный стенами город на том маленьком возвышении над рекой — это Соси. Не столица провинции, та располагается в устье, где есть порт. Но здесь размещается гарнизон, который охраняет верхний конец этой долины. — Он очертил рукой квадратный участок, слабо раз-

личимый на таком расстоянии. Вероятно, там стояли казармы. — Имперские полки, не провинциальные. Часть Четырнадцатого пехотного.

— Звучит так, будто нам лучше с ними не встречаться, — сказал Пенрик. — Кто-то из них может тебя узнать?

Аделис коснулся своего по-прежнему чувствительного лица.

— Хотелось бы мне это знать.

— Мы трое весьма примечательны, если наше описание успели разослать, — грустно заметила Никис. Даже поодиночке увечье Аделиса и рост и цвет волос и кожи Пенрика выделяли их из толпы. Только Никис могла остаться незамеченной.

— Однако в Соси есть большой храм, — продолжил Аделис. Силуэт каменного здания виднелся на холме за городскими стенами. — Быть может, ты, э-э, обновишь там содержимое своего кошелька?

И он покосился на Пенрика.

Улыбка Пенрика больше напоминала гримасу.

— Я бы не хотел, чтобы ограбление ларцов для подношений вошло у меня в привычку. Хотя это лучше, чем грабить людей напрямую. С этими деньгами они уже расстались, а потому, предположительно, не будут о них жалеть, — задумчиво

сказал он, пытаясь то ли убедить, то ли разубедить себя. — Но для местного Храма это тяжкий удар. Вы не поверите, сколько они тратят.

— Но тогда мы бы смогли вновь нанять лошадей или даже какой-нибудь экипаж, — не сдержалась Никис.

Ее ноги устали, однако экипаж не повредил бы и выздоравливающему чародею.

— И какой путь выбрать? — спросил Пенрик.

— Есть только два варианта, — ответил Аделис. — Точнее, три. Мы можем добраться по долине до ведущей к побережью дороги или даже до порта и нанять местное судно, чтобы отвезло нас на юг.

— Я предлагал поступить так в предыдущей долине, — сухо заметил Пенрик. — Мы могли бы сэкономить телодвижения.

Аделис натянуто проигнорировал его слова и продолжил:

— Побережье и гавани будут хорошо охраняться. И могу гарантировать, что наше описание первым делом разошлют на приграничные посты и в порты. Другой путь — отыскать тропу, ведущую через Орбас в горы.

Скалистые стены на другой стороне долины были намного внушительнее холмов, которые

они только что одолели. Что в немалой степени объясняло, каким образом нынешнему герцогу Орбаса удавалось поддерживать шаткую независимость от соседа, который был бы весьма рад снова превратить его земли в имперскую провинцию. Прежде Никис всегда считала, что правда в этом старом споре на стороне Седонии.

Пенрик тоже долго смотрел на далекие вершины и наконец сказал:

— Если только мы не сможем замаскироваться.

— Я не стану снова надевать платья Никис! — огрызнулся Аделис.

Пенрик обидно улыбнулся.

— Вдова из тебя правда вышла не слишком убедительная.

— Я офицер, а не актер. — Аделис стиснул челюсти, и Никис подумала, что он вспомнил, что больше не является офицером.

— В любом случае, наши пути лежат вместе, пока мы не доберемся до Вилнока в Орбасе, — примирительно сказала Никис. — Пенрик с тем же успехом может отправиться в Адрию оттуда. — *Или не отправиться…*

— Или мы вместе туда отправимся, — предложил Пенрик. Снова.

— Мы с Никис едем в Орбас, — заявил Аделис. — А ты можешь отправляться куда угодно.

Пенрик изучил его мрачное лицо и вздохнул.

И если никто из мужчин — один их которых был неподатливым, как камень, а другой — слишком изворотливым, чтобы его прижать, — не передумает, что тогда станет с Никис? *Ничего хорошего.*

После еды они продолжили спуск. Глядя, как Никис плетется по тропе, Пенрик, очевидно, забыл про свою лодыжку и предложил ей поменяться местами. Громко, чтобы услышал мальчик-проводник, Никис спросила про вымышленную травму Пенрика, умолчав про настоящую, и тот затих, изящно поставленный на место. Однако мальчик предложил им сесть на мула вместе. Никис подняли на спину животного позади Пенрика, и она, поерзав, кое-как устроилась на пристегнутом к крупу одеяле. Ни ей, ни мулу это нововведение не слишком понравилось, но они не стали брыкаться. Для безопасности Никис обхватила Пенрика руками за пояс, а он немного выпрямился, по причинам, ей неведомым. Утомившись на жарком солнце, она прислонилась головой к его плечу и задремала. Тысячи круживших в ее сознании тревог на время замедлили

свой водоворот.

* * *

Добравшись к вечеру до очередной фермы, они отдали последние деньги за ночлег. Поскольку этих денег было немного, а фермерская семья была большой, путникам пришлось заночевать на сеновале над конюшней. Аделису и Пенрику было явно неловко перед Никис. Та же слишком устала, чтобы жаловаться, и к тому же не была какой-то капризной дурой. Этот более плодородный край также подразумевал более богатые запасы зерна, а значит, обилие мышей и крыс. Дездемона была довольна. Размахивая палкой, на которую иногда вспоминал опираться, Пенрик отправился на охоту в темноте, будто кот.

Аделис повесил фонарь на гвоздь подальше от сена и демонстративно разложил одеяла, устроившись посередине, точно булыжник. Никис фыркнула.

— С тех пор как я последний раз девочкой возлагала цветы на алтарь Дочери весны, — которая, среди прочего, являлась богиней девственности, — прошло больше десяти лет, — заметила она.

— А по тебе и не скажешь, если посмотреть, как

ты полдня вешалась на плечо этому чародею.

— Вообще-то у тебя нет права говорить своей тридцатилетней овдовевшей сестре, на кого вешаться.

При условии, что ей этого захочется, чего не случалось давным-давно.

Хмыкнув, Аделис с несчастным видом улегся на соломенное ложе. Никис подумала, что предпочитает ворчание, на которое могла ответить тем же.

— Хорошенько подумай. Я знаю, что этот парень сотворил для нас чудеса, и я ему благодарен, но Пятеро богов свидетели, он — агент Адрии. Которого отправили сюда, чтобы меня подкупить, пусть *этот* план и развалился на части. Однако он не перестал быть агентом Адрии, хоть я и выбрал подать прошение герцогу Орбаса. Предположим, что при лучшем раскладе мы все доберемся до Вилнока живыми и невредимыми. Тогда у него не останется выбора, кроме как вернуться домой с пустыми руками. Не надо… не надо увлекаться, вот все, о чем я прошу. Ты же не хочешь остаться с голубоглазым младенцем на руках.

Никис вовсе не была уверена, что стала бы возражать против такого сувенира, но в ответ

только фыркнула:

— Я шесть лет была замужем за Кимисом — и у меня не осталось даже этого. И уверяю тебя, причина не в том, что мы не пытались. Так что едва ли об этом стоит тревожиться. — Хотя частые длительные отлучки ее покойного мужа по армейским делам не способствовали процессу. — В любом случае, я сомневаюсь, что в своем нынешнем состоянии Просвещенный Пенрик способен соблазнить кого-либо.

Аделис ухмыльнулся.

— Верно. Мы же не хотим, чтобы бедняга скончался от удара прямо между твоих бедер.

— Аделис! — Что за ужасная картина.

— Поверь, такое случается! Я об этом слышал. Хотя обычно с более пожилыми мужчинами.

Она швырнула в него соломой. Он ответил тем же. Прежде чем они успели полностью преобразиться в пятилеток, которыми когда-то были, дверь конюшни скрипнула: вернулся предмет их споров. Никис прикусила язык, сдержав ответную грубость. Но все-таки добавила:

— Тебе все равно следует держать его рядом, по крайней мере до тех пор, пока ты не получишь место у герцога Джурго. Твоя позиция в переговорах сильно укрепится, если Джурго будет знать

— или хотя бы думать, — что у тебя есть другое предложение. Ты будешь не просителем, а… а…

— Торговцем? — сухо произнес он. — Лошадь и продавец в одном лице?

— Хорошенько подумай, — бросила она ему обратно его собственные слова, и он вскинул руку, уступая.

* * *

Они провели на ферме в долине два дня. Аделис скрывался на сеновале, все больше скучая и сердясь. Пенрик спускался вниз лишь для того, чтобы сбросить хаос, когда обитатели фермы ложились в постель, хотя, очевидно, объемы этого хаоса были весьма велики. К нему явно возвращались силы и дыхание, однако благодаря трудам Дездемоны в конюшне начало попахивать мертвыми грызунами.

Сидя скрестив ноги на своем одеяле, Пенрик принюхался к теплому вечернему воздуху, в котором отчетливо разнесся особенно едкий аромат.

— Хм. Обычно я не оставляю столь очевидный след в одном месте. Боюсь, люди это заметят.

— Думаю, они будут благодарны, — сказала Никис.

Хотя лучше им не знать, что он чародей, по-

скольку их преследователи наверняка ищут чародея.

— Тебя может ждать сюрприз. Однажды, еще студентом, я избавил человека от вшей, не спросив. У него едва не случился припадок. Я и подумать не мог, что он считал их своими питомцами. И был уверен, что их гибель свидетельствует о какой-то ужасной болезни. Ведь крысы бегут с тонущего корабля. У меня не было возможности объяснить свое призвание, а потому я на цыпочках удалился.

— Почему ты не мог объяснить, что сделал? — спросила Никис.

— Мы играли в азартные игры. Я не жульничал, но доказать это было бы весьма непросто.

Аделис фыркнул.

— Скорее всего, тебя бы побили.

Никис наклонила голову, пытаясь представить юного Пенрика, столкнувшегося с такой дилеммой.

— Ты бы это допустил?

Он пожал плечами.

— Мы не делали ставок, а просто коротали вечер. Героические меры были неуместны. И потому — цыпочки. Вскоре нам нужно будет поступить точно так же.

В этот раз пришла очередь Никис вести переговоры. Пообщавшись с местными женщинами, она узнала, что их сосед собирался в Соси с телегой зерна. В серых предрассветных сумерках следующего дня они догнали его и договорились о проезде в обмен на остатки монет и обещание, что Аделис поможет вытолкнуть телегу, если та застрянет. Вол брел неторопливо, и поездка была долгой, но они въехали в городские ворота до наступления темноты. С тем, чтобы выдать себя страже за потрепанных сельских работников, не возникло никаких проблем. Возле храма они слезли с телеги и попрощались с ее хозяином.

Пенрик пообещал, что они тайком переночуют в храмовом дворике, после того как он проведет их внутрь и вновь запрет двери. Никис очень хотелось безопасности, хотя от комфорта она бы тоже не отказалась. Бегство длилось, и места их ночлега становились все хуже, а силы истощались. А пристанище в Орбасе, столь близкое, по-прежнему маячило вне досягаемости.

II

При меркнущем свете дня Пенрик пробрался по узким улочкам Соси к храмовой площади. Ведя за собой свою паству из двух человек, хотя Арисайдью и его сестру едва ли можно было сравнить с агнцами. На площади располагался маленький фонтан, вокруг которого стояли каменные скамьи — дар какого-то благочестивого зажиточного благотворителя, если верить надписям, высеченным на них изящным старым седонийским шрифтом. Пенрик выбрал самую укромную скамью и усадил всех, чтобы дождаться, пока наступит ночь, и площадь опустеет.

Никис достала остатки купленного на ферме хлеба и разделила между спутниками. Аделис приподнял шляпу и стал изучать площадь, проводя тактическую разведку и одновременно жуя.

— Сомневаюсь, что городская стража позволит нам задержаться здесь после вечернего колокола, — заметил он. — Если Соси похож на другие города, в которых стоят гарнизоны, стража постоянно враждует с молодыми солдатами из казарм, а потому более активна, чем обычные сонные отряды.

— Тогда, быть может, они будут заняты делами в другом месте и не тронут нас, — с надеждой предположила Никис.

Пенрик представил их со стороны, съежившихся, будто затаившиеся бродяги. Именно таких бродяг и подозреваешь в ночных кражах. В данном случае — с полными на то основаниями. Арест обеспечит их бесплатным ночлегом — но другие его последствия могут оказаться очень, очень печальными.

Небольшая группа горожан собралась под портиком у входа в храм. Они рассредоточились по ступеням, когда два служителя вышли, широко распахнули двери, закрепив их крюками, и зажгли светильники высоко на каменных стенах по обе стороны от входа. Вскоре с одной из боковых улочек вышла похоронная процессия: двое слуг в ливреях несли шесты с фонарями, а шесть мрачных мужчин — носилки, на которых лежала укутанная в саван фигура. За ними следовала толпа родственников, поспешно надевших траур. Вместо того чтобы войти в храм, процессия остановилась. Призрачный золотой свет священного огня, не притушенного на ночь, но, напротив, разведенного посильнее, озарял площадь. Несколько минут спустя с другой улицы вышла другая про-

цессия. Ее носилки были усыпаны цветочными гирляндами. Две процессии опасливо сошлись, потом носилки расположили рядом и бок о бок занесли в храм.

За процессиями последовал отряд городской стражи. Половина вошла внутрь, а другая половина расположилась вокруг портика. Двери закрылись. Из священного атриума донеслась погребальная песнь, исполненная пятью голосами и отдававшаяся от камня причудливым эхом. Пенрик вспомнил, что, будучи даром чистого духа, песнь считалась особо желанным подношением богам. Люди под портиком не разошлись, а уселись, словно приготовившись к долгому ожиданию. Пенрик не знал, к добру ли это — ведь с толпой можно было смешаться — или к худу, ведь у стражников было время, чтобы изучить обстановку и решить, что чужакам на дальней скамье здесь не место.

После долгого обескураженного молчания Никис наконец сказала:

— Я пойду выясню, что происходит.

Она достала и надела свой уважаемый темно-зеленый вдовий плащ и направилась к портику. Аделис и Пенрик забеспокоились, но собрание выглядело мирным, а Никис была среди них

троих наименее примечательным шпионом. По мнению Пенрика, она очень долго беседовала с женщинами на краю толпы. Наконец Никис вернулась, неприметный темный силуэт в подсвеченных огнем тенях. Повинуясь ее жесту, мужчины отодвинулись друг от друга, и она со вздохом опустилась между ними.

— Это займет все ночь, — сообщила она. — Двойные похороны после двойного самоубийства. Настоящая трагедия. Юноша и девушка из враждующих семей влюбились друг в друга и, когда им не позволили быть вместе в жизни, решили быть вместе в смерти.

— Что за идиотизм, — сказал Аделис.

Пенрик тактично не стал напоминать, что совсем недавно Аделис сам обдумывал подобный способ избавиться от своих печалей.

Никис пожала плечами и не стала возражать.

— Похоже, они были очень молоды. В любом случае, городской совет и святые Соси приказали обеим семьям молиться всю ночь за их души и об искуплении своей вражды. Люди ждут, что к утру они либо помирятся, либо переубивают друг друга, залив кровью храмовый пол. Судя по всему, городской совет устроит любой вариант.

— Что ж. — Аделис потер шею. — Значит, мы не

сможем там переночевать. — Он нахмурился. — И я не допущу, чтобы Никис спала на улице.

Пенрик с ним согласился. Лично он предпочел бы отыскать какое-нибудь место повыше и затаиться там. Дездемона снабдила его своей способностью видеть в темноте, и потому он мог справиться с этой задачей не намного хуже, чем при свете дня, однако протащить за собой спутников, причем тихо, может оказаться непросто. Ночь выдалась безлунной, и на узких улочках царила беспросветная тьма. Все добропорядочные горожане уже сидят по домам, оставив улицы людям другого сорта. Конечно, любого негодяя, неосмотрительно напавшего на храмового чародея, будет ждать ужасный сюрприз, и Пенрик сомневался, что Аделис станет легкой добычей. Но намного лучше покинуть Соси без всяких происшествий.

Спасибо, прошептала Дездемона.

Да. Пен подумал, что Седония была прекрасной страной — но все время пыталась его убить. В какой-то момент его демон может не успеть, и тогда у них… нет, у *нее* будут серьезные неприятности. В то время как его неприятности предположительно кончатся.

Однако они еще не кончились. Поднявшись,

Пенрик повел своих спутников по темным извилистым улицам, камень мостовой под ногами был в основном сухим, но иногда становился неприятно влажным. Пенрик держал за руку Никис, а та держала Аделиса, чтобы чародей помог им миновать самые скверные места. Дома здесь были построены в седонийском стиле: высокие глухие стены окружали внутренние дворики; выходившие на улицу немногочисленные окна и балконы располагались на верхних этажах. Пенрик не обнаружил ни удобных ступеней, ни лестниц, ни хотя бы ползучих лиан.

В любом случае, тебе рано лазать, неодобрительно проворчала Дез. *У тебя может снова закружиться голова. И бегать тоже рано.*

Я чувствую себя сильнее. И грудь перестала болеть. Ты отлично потрудилась.

Лесть тебе не поможет, не совсем искренне ответила она, отчасти польщенно, отчасти с прежней суровостью.

За следующим углом мерцал оранжевый свет. Пенрик осторожно выглянул. У света было два источника: простой свечной фонарь, висевший на скобе над дверью, и более яркая масляная лампа в руке одного из двух солдат. Молодые офицеры, судя по одежде и манерам, капитаны

или лейтенанты сотни; Аделис бы сразу понял. Другой солдат нетерпеливо колотил в крепкую деревянную дверь.

— Эй! Открывай, Зихре! Не заставляй своих лучших клиентов ждать под дверью!

Снова стук. Наконец дверь со скрипом приоткрылась, и из нее выглянула женщина.

— Мы не работаем, господа. Приходите в следующий раз.

— Но ты ведь можешь нас впустить, — вкрадчиво попросил офицер. Пенрик подумал, что он немного пьян.

— Мы закрыты на стирку. Если не хотите отскребать грязное белье, уходите.

— Горячий пар так возбуждает, — сообщил нетрезвый офицер, попытавшись схватить и поцеловать женщину. Та с легкостью увернулась, не выказав ни малейшей обиды.

— Конечно, мы можем держать твою голову в мыльной воде, пока ты не поумнеешь, — сказала она. — Или не отмоешься. Не знаю, что случится раньше. — Второй солдат гоготнул. — Если только вы не прачки… — она оглядела улицу, — сегодня я не могу вас принять.

Дальнейшие уговоры ни к чему не привели, и солдаты, сдавшись, ушли. Их голоса донеслись из-

за следующего угла: похотливая шутка, а за ней — резкий остроумный ответ. Пожилая женщина в сопровождении еще двух товарок с мешками отвергла их пьяные приставания и направилась к свету у двери, возле которой задержалась увидевшая гостей хозяйка.

— А, хорошо. — Женщина в дверном проеме помахала рукой. — Наконец-то.

Предполагаемая прачка вскинула руку, останавливая спутниц.

— Да, мы здесь, в этот недобрый час. Но сразу скажу тебе, Зихре, что мы возьмем двойную оплату — или развернемся и уйдем. И твои девицы могут сами кипятить свои гнусные простыни. — Она демонстративно содрогнулась.

Зихре вздохнула.

— Да, да, как скажешь. Мы не сможем работать, пока не избавимся от этой Бастардовой напасти. — Она постучала большим пальцем по губам в быстрой отвращающей полумолитве, словно сам бог мог услышать и обидеться на столь непочтительное отношение к Его двусмысленным дарам.

Пенрик быстро понял, в чем дело, и ухмыльнулся. *Воистину хвала Бастарду.* Он шепнул Аделису и Никис:

— Ждите здесь. Быть может, я смогу заполучить для нас крышу над головой.

Он вскинул подбородок и зашагал вперед, проигнорировав «Что?» Никис и «Мы не можем привести туда Никис!» Аделиса.

— Мадам Зихре? — произнес он своим самым сладким голосом, когда женщина уже закрывала дверь за компанией топочущих, ворчливых прачек.

— Мне жаль, сэр, но сегодня мы закрыты, — машинально начала та, когда Пенрик шагнул в круг света дверного фонаря. Взглянула ему в лицо, и ее глаза расширились. — Очень, очень жаль!

Он от всего сердца улыбнулся в ответ. В конце концов, проститутки считались паствой Бастарда. Вместе с пиратами, полагал Пен, но сомневался, что ему удастся поладить с последними, пусть он и дал клятву святого.

— О. Я пришел не дать вам работу, но в поисках работы. Могу я зайти в дом и побеседовать с вами?

Женщина моргнула.

— Прежде у нас не было мальчиков для Бастардовых утех, но мы вполне можем это исправить. У вас есть опыт? Хотя это необязательно. Я могу вас обучить. — Уголки ее губ поползли вверх.

Пенрик откашлялся, чтобы заглушить понимающий смешок Дездемоны.

— Ха-ха, работы иного рода. Насколько я понимаю, вас тревожит неудачное нашествие телесных паразитов. У меня есть опыт по уничтожению подобных вредителей в аналогичных заведениях. Я храмовый чародей, Просвещенный… Юральд. — И он осенил себя знамением пяти богов, лоб-губы-пупок-чресла-сердце, после чего снова постучал по губам в знак особого благословения Бастарда.

Темные глаза женщины стали цепкими. Теперь, вблизи, Пен увидел, что она определенно была привлекательной дамой средних лет. Ее платье было скорее почтенным, нежели вызывающим, за исключением охватывавшего талию широкого зеленого пояса, расшитого жемчужинами, который призывно приподнимал ее грудь.

— Вы слишком красивы, чтобы быть Просвещенным Кем-бы-то-ни-было, — возразила она.

— Я мог бы привести научные доказательства, но, полагаю, будет быстрее продемонстрировать мои способности. И вы сами сделаете выводы. — Пен ослепительно улыбнулся. — Если останетесь недовольны, я ничего с вас не возьму.

— А что возьмете, если останусь довольна?

— Немного, всего лишь ночлег для меня и двух моих… — он быстро прикинул варианты, — слуг на сегодняшнюю ночь. Мы оказались в Соси без, э-э, ресурсов, которые ожидали здесь найти, и вынуждены как-то справляться.

Она снова прищурилась.

— А почему бы вам не пойти в Храм, о просвещенный святой?

Неряшливый, одетый и, вероятно, пахнущий, как фермерский работник, он едва ли походил на святого.

— Это долгая история. — Которую ему лучше поскорее придумать. — Мы потерпели кораблекрушение, — начал он, а потом сообразил, что есть кое-что получше. — Как вам, наверное, известно, сегодня ночью Храм Соси занят попытками прекратить трагическую вражду между двумя местными семействами.

— О, — сказала женщина. — Да. Верно. Юные дураки. Хотя старые дураки еще хуже. — Она фыркнула. — Не скажу, что они заслужили то, что получили, поскольку никто не заслуживает смерти своего ребенка, но остается надеяться, что они усвоят преподанный богами урок, который отказались выслушать от всех прочих. Весь город устал от их шума и ссор. — Она сдалась и

открыла дверь.

Пенрик поблагодарил ее и поспешил назад за Никис и Аделисом.

— Я странствующий святой-чародей, вы двое — мои слуги, и мы недавно потерпели кораблекрушение… где-то, — быстро прошептал он. — Вот почему у нас нет ни багажа, ни денег. Я только что вызвался избавить дом от нашествия, э-э, вредных насекомых в обмен на ночлег.

— Каких насекомых? — спросила Никис.

— Постельных клопов, — рявкнул Аделис.

— Да? Судя по ее беседе с прачками, я бы предположила лобковых вшей.

Пенрик подавил смех Дездемоны. Никис проплыла мимо него.

— Возможно, и тех и других, но я могу уничтожить их всех. Помните, вы слуги. Усталые, тихие слуги. Стражник и горничная. Которые ни с кем не общаются.

— С первым ты не ошибся, — проворчал Аделис, следуя за Никис. — Кораблекрушение? Тебе известно, что мы в восьмидесяти милях от моря?

— Мы долго шли пешком, — огрызнулся Пен, подавив раздражение. Может, Аделису и не нравилось снова играть роль, но изображать стражника ему было проще, чем вдову. Если он

снизойдет до сотрудничества.

Шагнув через порог, Пенрик вновь осенил себя знамением и пробормотал:

— Пятеро богов, благословите и сохраните этот дом ото всех бед. — *И нас тоже.*

Тонкие, выщипанные брови хозяйки поднялись; она сделала крошечный шаг к тому, чтобы поверить в призвание Пена.

Повернувшись, она сняла со стены палку с крючком и с ее помощью достала висевший над дверью фонарь, прежде чем вновь захлопнуть дверь с решительным стуком и задвинуть засов.

— Его дело сделано, — пробормотала она. — Обычно это работа привратника, но сейчас он занят тем, что носит воду. — И она поманила новых гостей за собой.

Этот дом вполне мог принадлежать богатому семейству, прежде чем превратился в то, чем являлся сейчас. Просторный, но до дворца не дотягивает. Следуя за Зихре, Пенрик увидел, что планировка была типичной для этой страны: каменные стены, перед входом — атриум с мозаичным полом, затем еще один, более крупный атриум, на который выходила галерея второго этажа. Сзади, в небольшом огороженном саду, располагалось отдельное здание для кухни,

прачечной и бани. Там же имелся собственный колодец, рядом с которым кипела работа: люди таскали воду и дрова для кипящих чанов, под строгим присмотром прачки. Здесь царила напряженная, ворчливая атмосфера. И зудящая. Непохожая на привычное этому саду вечернее веселье, подумал Пенрик.

Безнадежный диагност, он спросил:

— Вам известно, когда начались ваши неприятности?

Зихре пожала плечами.

— Может, месяц назад. Это была либо компания торговцев, либо новые солдаты из казарм. А значит, парни обязательно вернут нам это добро обратно.

Аделис поморщился, без сомнения, представив происходящее с точки зрения солдат. Пенрик задумался, стоит ли поделиться способами дипломатично избавить своих клиентов от вшей. Эти способы он узнал в Мартенсбридже, когда его в качестве чародея-целителя просили избавить определенные заведения от подобной напасти. С этого для него началась удивительная учеба, какую он не мог даже вообразить в юности, проведенной в кантонах. Он завел много новых интересных друзей. И лучше познакомился с

куртизанкой Мирой из Адрии, образом давно мертвого пятого седока своего демона, которая в некотором смысле жила вместе с другими своими странными сестрами в его голове. Он подозревал, что вскоре снова попросит у нее совета.

Для избавления человека от наружных паразитов не требовалась деликатность, в какой нуждались внутренние паразиты. Пенрик и Дез так часто практиковались в этом, что он мог разобраться с проблемой, просто обойдя дом, но Пен полагал, что следует устроить спектакль, дабы хозяйка оценила его заслуги по достоинству. Прямо противоположный скрытности, которую он обычно предпочитал. Высокая оценка хозяйки им понадобится. Когда у него будет время, нужно придумать способ, как сделать магию видимой для простых наблюдателей, например, что-то вроде фальшивого светового шоу. Возможно, ему удастся позаимствовать какие-нибудь фокусы у рыночных жонглеров.

Пенрик, прошептала Дез. *Взгляни на это.*

На его обычное зрение внезапно наложилось зрение внутреннее, и он огляделся, думая, что она заметила отлученного призрака. Задержавшиеся мазки этих потерянных душ встречались весьма часто, и потому Дез обычно не беспокоила

Пенрика такими вопросами, чтобы он не пугал своих спутников, постоянно уворачиваясь от пустоты. Однако при включенном на полную силу взгляде он также видел души живых, пребывающие в гармонии со своими телами, как странные кружащиеся нимбы жизни и света. Пенрику казалось, что столь интимное божественное зрение не пристало простому человеку, но он научился им пользоваться, когда был практикующим врачом. Слишком много практики — и по-прежнему далеко до совершенства. Сейчас он видел Аделиса преимущественно темно-красным, хорошо сдерживающим нервозность и гнев. Тут никаких противоречий. Пусть этот человек порой и раздражал Пена, он ценил его прямоту. Никис — он осмелился взглянуть — была синей от усталости, с запутанной нитью густой зеленой тревоги, которую Пен очень хотел из нее выгнать. Если бы только у него был способ, но способа не было.

Нет, сказала Дез. *Посмотри на мадам Зихре. Левая грудь.*

Женщина была нормальной смесью цветов, в основном сине-зеленых оттенков, но он сразу увидел черную кляксу хаоса в ее левой груди. Это знакомое смертоносное яйцо… *Ох.* Он сглотнул. *Ох, Дез, зря ты мне это показала.* Что было

еще одной причиной, по которой Пен избегал использовать внутреннее зрение. Вся это ошеломляющая боль, лившаяся из людей вокруг… как боги и угодники выносили подобное знание?

Опухоль еще инкапсулирована. Еще есть шанс. Дез погасила тревожное видение, к облегчению Пена. *Иначе я бы не стала тебя беспокоить. Быть может, ты займешься ею позже.*

Может быть. Пен сделал глубокий вдох и снова сосредоточился на том, что его окружало. Мадам Зихре с сомнением покосилась на шагавших сзади спутников Пена — Никис с мешком, набитым их скудными пожитками, и медицинским саквояжем Пенрика и Аделиса в натянутой на нос шляпе, вцепившегося в скатку, которая выглядела в точности как связка оружия.

— Мы можем сперва отвести моих слуг в нашу комнату? — спросил Пенрик. — Они очень устали.

— М-м, да, — задумчиво откликнулась Зихре. Взяла со столика у лестницы свечу, зажгла от другой свечи и повела их в маленькую галерею над входным атриумом. Войдя в располагавшуюся там спальню, она зажгла стоявшие на полке свечи, а также свечи в двух изящных зеркальных настенных подсвечниках, после чего покосилась

на Пенрика. — Как насчет этой?

В комнате царил беспорядок. После быстрой разведки Дез доложила: *Тут весьма оживленно. Она тебя проверяет.*

— Здесь… чисто? — спросила Никис, остановившись на пороге.

Пенрик махнул рукой и с удовольствием почувствовал, как знакомая волна слабого тепла пробежала по его телу: это Дез избавлялась от хаоса.

— Теперь да.

— О. Спасибо, Просвещенный Юральд.

Сразу вжилась в предложенную роль. Никис улыбнулась и уверенно вошла в комнату. Аделис последовал за ней.

Судя по приподнятым уголкам губ, Зихре больше убедила вера Никис, чем болтовня Пенрика.

Никис поставила саквояж и подняла мешок с их одеждой, преимущественно грязной.

— Могу я присоединиться к вашим прачкам, мадам? То немногое, что осталось после кораблекрушения, давно нуждается в стирке в пресной воде.

— Конечно. Спускайтесь вниз, когда будете готовы.

Женский голос пронзительно выкрикнул имя

Зихре, зазвенев эхом по атриуму, и женщина поморщилась.

— Мы скоро к вам присоединимся, — сказал ей Пенрик, и она, кивнув, поспешила на встречу с очередным домашним кризисом.

Пенрик закрыл за ней дверь. На умывальнике стояли таз и кувшин; Пен улучил момент, чтобы ополоснуть лицо и руки, говоря Никис и Аделису:

— Аделис должен оставаться в этой комнате, подальше от чужих глаз. Нам нужно согласовать нашу историю. Где потерпел крушение наш корабль?

— Вороний мыс — наиболее разумное место, — предположил Аделис.

— Хорошо, тогда я плыл из… скажем, Тригони. Пытаясь добраться до… — Пенрик изучил мысленную карту. — …Тасалона. После кораблекрушения я не захотел вновь садиться на корабль, и ни один капитан не хотел меня брать, из-за морских суеверий насчет чародеев на борту.

— Которые, очевидно, подтвердились, — пробормотал Аделис.

Пенрик его проигнорировал.

— И потому мы двинулись на запад по суше. Вы двое недавно ко мне присоединились. Что поз-

волит вам отвечать на большинство вопросов: «Я не знаю».

— Ты нанял нас в Тригони, — предложила Никис, входя во вкус. — Мы согласились на небольшую оплату, потому что пытались попасть домой в Седонию. Нам по-прежнему быть мужем и женой?

— Вы были ими в последний раз. Лучше поменяем. Вернемся к брату и сестре?

Никис, которая, стоя на коленях, разбирала грязную одежду, кивнула.

Аделис скрестил руки со скептическим видом.

— Зачем ты путешествуешь?

— По делам Храма, — сразу ответил Пеник. — Которые, конечно же, не обсуждал с вами. Вы считаете меня…

— Шпионом? — радостно предложила Никис.

— Психом? — добавил Аделис.

— Врачом, — прервал этот полет фантазий или комментариев Пенрик. — Которого вызвали, чтобы лечить кого-то важного. Или относительно важного. Но на самом деле, если вы просто скажете: «По делам Храма», — и многозначительно посмотрите на того, кто задал вопрос, этого должно хватить.

Губы Аделиса дрогнули.

— Что подтверждает мои давние подозрения насчет храмовых чиновников.

Пенрик отмахнулся и наклонился, чтобы помочь Никис с рассортированными узлами.

— Нет. — Она шлепнула его по рукам. — Ты ничего не будешь поднимать, пока Дез не разрешит.

— Мне намного лучше, — запротестовал Пенрик, но выпрямился с пустыми руками. — Хотя надо как можно скорее разобраться с работой. Я умираю от усталости. В переносном смысле, — поспешно добавил он, когда Никис встревоженно подняла глаза.

Аделис помог ей встать, вручил узлы и открыл дверь.

— Я попытаюсь отыскать нам что-нибудь поесть, — сказала она ему.

— Только не споткнись о ступеньки, — негромко сказал Аделис им вслед. — Или о язык Пенрика.

* * *

Пенрик отыскал мадам Зихре внизу и попросил провести его по всему дому, от комнаты к комнате. Здесь оказалось на удивление мало постельных клопов, но они с Дез также уничто-

жили вездесущих блох, мух, платяную моль и все их яйца в каждой щели, буфете, сундуке и складке ткани, не говоря уже об изначальной цели — вшах. Почти все местные обитатели собрались в саду и прачечной, помогая со стиркой, и это позволило Пену встать в тени и обработать всех разом. *Это греет сердце*, радостно пошутила Дез, пресыщенная равновесием. Пен убедил мадам Зихре не представлять его и даже не показывать своим клиентам, потому что у него начала зарождаться новая идея.

Прислонившись в тенях к одному из столбов атриума и скрестив руки на груди, он сказал мадам Зихре:

— У вас, к счастью, паразитов нет.

— Вам это известно?

На ее лице по-прежнему читалось сомнение. Подобно любому торговцу, она наверняка часто сталкивалась с жуликами и шарлатанами — и откровенно ждала, когда он допустит оплошность.

Пенрик кивнул.

— Мы можем где-нибудь поговорить наедине?

Ее губы растянулись в удовлетворенной полуулыбке: она приготовилась к тому, что он сейчас начнет юлить.

Она отвела его наверх в спальню, очевидно, ее

собственную, если судить по богатому убранству, и отперла дверь в маленький личный кабинет. Письменный стол, перья и чернильницы, полки с гроссбухами для счетов и налогового учета, сейф — это место принадлежало только ей. Мадам Зихре зажгла многочисленные свечи, усадила Пенрика на табурет у стены, а сама опустилась на стул с прямой спинкой возле стола.

Пенрик сложил руки между колен, улыбаясь, чтобы скрыть огорчение. Он *так* не хотел вновь этим заниматься…

— Мадам Зихре. Вам известно, что находится в вашей левой груди?

Она ахнула, и ее рука метнулась к этому месту. *Ага, ей известно*, пробормотала Дез.

Мадам Зихре сглотнула, вскинула подбородок и произнесла мрачным голосом:

— Моя смерть. В свое время. То же проклятие убило мою старшую сестру… в конечном итоге.

Пенрик очень хорошо мог себе это представить. Он кивнул.

— Я узнал о подобных вещах, когда обучался на чародея-целителя в, э-э, моей родной стране. Мне не удавалось уничтожить опухоли, которые разрослись, как древесные корни, но те, что были инкапсулированы, как яйцо, иногда… удава-

лось. — Хотя он и не смог объяснить видимые только ему критические различия коллегам-врачам в Мартенсбридже или пациентам, которых те приводили к нему слишком поздно.

— Уничтожить как?

— Неоднократными небольшими дозами тепла, выжигания пораженной плоти. Хотя недавно мне пришло в голову, что выжигание холодом — более мягкий метод.

— Выжигание холодом? — Она уставилась на него. — Это звучит безумно.

— Ах да, Седония — теплая страна, я все время об этом забываю. Да, можно выжечь холодом.

Он выпрямился, поднял руки и сосредоточился. Крошечная градина возникла в воздухе между его пальцами. На протяжении нескольких вдохов он позволил ей расти, пока она не достигла размеров куриного яйца, затем вручил градину мадам Зихре.

Та взяла ледяной шарик, и ее губы приоткрылись от изумления. Это была первая видимая восходящая магия, которую он при ней сотворил. Когда она вновь посмотрела на него, ее лицо было пугающе сосредоточенным, потрясение и страх на нем мешались с надеждой — и совершенно новым сомнением.

— О, — выдохнула она. — Вы сказали *правду*. Но вы выглядите таким юным.

Он кивнул, не став делать вид, будто обиделся.

— Мне тридцать, но это не имеет значения. Вы хотите, чтобы я попробовал вас вылечить?

Ее глаза снова сузились, а губы сжались: она решила, что заметила крючок.

— За какую цену?

— Бесплатно, — ответил Пенрик. — Не в последнюю очередь потому — и вы должны это понимать, — что я не могу гарантировать, что исцелю вас, что опухоль не вернется. Иногда они возвращаются. — И зачастую хуже, чем прежде, сжигая ложные надежды, как огонь. — Но мое предложение остается в силе. Однако у меня есть просьба. Я хочу покинуть Соси в чужом обличье, неузнаваемым. Вместе с моими слугами.

Она обдумала его слова, задумчиво моргая.

— Почему такая секретность?

— Дела Храма.

Это была не совсем ложь. Архисвятой Адрии одолжил Пена герцогу, который поручил ему привезти генерала Арисайдью — в этом был корень всех последних событий, которые вышли из-под контроля. И незапланированно привели его сюда. Незапланированно для любого челове-

ка, смущенно признал он.

Знаешь, для святого бога лжи ты держишься весьма близко к правде, заметила Дез.

Во мне говорит ученый. Тише.

Однако мадам Зихре, несмотря на свою опасливость, приняла этот ответ, удостоив Пена чуть более уважительным кивком.

— Так… как вы поступаете с подобными вещами? — Она вновь указала на свою грудь.

— Как вы уже заметили, глубинная магия всегда остается незамеченной. Воздействие будет более точным, если вы позволите к вам прикоснуться.

— Прямо сейчас?

Судя по всему, она ожидала больше приготовлений. Больше церемоний или чего-то такого.

Он слишком устал, чтобы что-то придумывать.

— Раньше начнем… — *Раньше кончим.* Он протянул к ней раскрытую ладонь. — Должен предупредить, что вы почувствуете боль.

— Что ж, это будет в некотором роде доказательство, верно?

Она с почти медицинской непринужденностью — интересная параллель между ее и его профессиями — стащила с плеча половину платья и наклонилась к нему.

Дез, пожалуйста, взгляд. Внутреннее зрение

тут же включилось. Пен положил пальцы на тонкую, мягкую кожу мадам Зихре, отыскал темную кляксу и создал в ее центре пятно леденящего холода, как только что проделал с градиной. Дыхание женщины прервалось, но по мере нарастания холода она сохранила неподвижность, хотя ее руки вцепились в юбку на коленях. Она была не первой из встреченных Пеном женщин, что терпели ужасную боль в пугающем молчании, и он задумался, окажется ли Никис такой же. Когда лед достиг края кляксы, он остановился и отодвинулся.

Она втянула воздух и позволила себе отдышаться.

— Это все?

— Первый сеанс. Нужно повторить его завтра, чтобы быть уверенным. Настолько уверенным, насколько возможно. Позже я должен буду удалить омертвевшую ткань, чтобы избежать некроза и инфекции. — А также влить в эту область столько восходящей магии, сколько получится, но этого пациентка не увидит.

Она кивнула и поправила одежду. К облегчению Пенрика, ее дыхание постепенно выравнивалось.

— Я это чувствую. Быть может, лечение пошло

мне на пользу.

— Скорее всего, ночью грудь опухнет и будет болеть. Опишите все, что почувствуете. Это поможет мне… — *Понять, что я сделал?* Едва ли стоило такое говорить. Поэтому он не закончил фразу.

— Итак… каким образом вы собираетесь сделаться неузнаваемым и как, по-вашему, я могу в этом помочь? Вы не можете прибегнуть к магии?

— К сожалению, так магия работает только в сказках. Я бы очень хотел превратиться в птичку и летать. Однако не могу создать даже плащ-невидимку, хотя и нашел способы сделать плащ-обманку. — Он глубоко вдохнул. — Думаю, следует начать с кожи и волос. Не найдется ли у вас где-нибудь дамского приспособления, которое называли *фижмами*?

— О! — Мадам Зихре оглядела его с ног до головы, и впервые с момента их встречи ее лицо озарилось неподдельной радостью. — О да! Я поняла, что вы задумали… О, я *обожаю* маскарады!

III

Когда суматоха ночной стирки и банный кризис миновали, и почти все имевшиеся в доме простыни и предметы одежды были развешаны на веревках в саду в ожидании утреннего солнца, Никис тоже вымылась, прежде чем вернуться в комнату. Пенрик стоял, облокотившись о перила балкона, перед их дверью. Вид у него был печальный, но заметив Никис, он выпрямился и улыбнулся.

— Аделис уснул, — сказал он. — На самом деле, он еще не окончательно поправился, хотя думает иначе.

Быть может, это касалось и самого Пенрика: он выглядел изнуренным. Никис тихо вошла в комнату, гадая, как они будут делить постель на этот раз. Однако мадам Зихре прислала два матраса для слуг странствующего святого. На одном из них спал Аделис.

— Ты должна занять кровать, — прошептал Пенрик.

— Нет, кровать твоя, — прошептала в ответ Никис. — Что, если кто-то войдет? Будет странно, что ты отдал кровать своей горничной.

Он открыл было рот, но она поднесла палец к его губам и покачала головой. Пенрик покосился на Аделиса и, к ее облегчению, не стал спорить. Все равно матрас лучше кучи соломы. До безопасности им определенно было далеко. Но с одной стороны похрапывал Аделис, с другой поскрипывал кроватью устраивающийся поудобнее Пенрик, и все эти звуки достаточно успокаивали, чтобы, несмотря на тревоги, Никис быстро уснула.

Этот дом не просыпался с рассветом, в отличие от ее благоустроенной виллы в Патосе, по которой она очень скучала. Но вскоре после восхода тихий стук в дверь возвестил прибытие служанки с водой для умывания и завтраком для необычных гостей. Никис перехватила ее у дверей, всучив взамен ночной горшок. Трое беглецов благодарно накинулись на горячий чай, хлеб и фрукты. Никис удивилась, когда со следующим стуком в комнату вошла не служанка, а сама хозяйка дома.

— Просвещенный Юральд. Баня сейчас свобода. Отличный момент, чтобы приступить к делу, которое мы обсуждали прошлой ночью.

— С удовольствием, мадам, — изящно ответил Пенрик.

— Захватите свою горничную. Я не хочу испачкать руки хной.

Все вместе они пробрались за ней через лес белья, уже наполовину высохшего в преддверии нового жаркого дня, к маленькой бане, куда Аделиса уговорили натаскать воды при условии, что потом ему тоже позволят вымыться. Кинув хмурый взгляд через плечо, он ушел, повинуясь приказу до этого никому не попадаться на глаза.

Пенрик скинул рубаху, в которой спал, и принялся было развязывать штаны, потом остановился.

— О. Я не хотел выходить за рамки приличий, мадам Катай. Боюсь, что после четырех лет преподавания анатомии любой человек с кожей кажется мне одетым.

Даже Зихре вскинула брови, услышав это скорбное замечание.

Никис обдумала услышанное. *Фу*. Реакция второй дамы его не беспокоила.

— Залезайте в ванну, Просвещенный, — со вздохом ответила она.

— О. Хорошо.

Никис окатила его водой — пришлось встать на скамью, чтобы достаточно высоко поднять ведро. Пенрик намылился, Никис вновь окатила

его водой, и он осторожно опустился в деревянную ванну. Он был худым, но жилистым, а не истощенным, с удовольствием отметила Никис. И его кожа везде была молочно-белой.

А потом ей позволили воплотить в жизнь фантазию, в которой она бы не призналась даже под угрозой пыток: вымыть эти восхитительные волосы. И ополоснуть их слабым настоем хны, от чего у Никис едва не разбилось сердце. Но серебристо-золотой стал почти таким же чудесным медно-золотым, а не вульгарно рыжим, как иногда получалось. Пенрик вытерся, и Зихре вручила ему тонкий халат, а Никис велела крепко зажмурить свои прекрасные глаза и очень аккуратно покрасила его брови. Ее ладони приобрели не столь привлекательный оранжевый оттенок.

Зихре удовлетворенно улыбнулась.

— О да. Очень естественно. Полагаю, это сработает.

— Это лучше, чем краска из грецкого ореха, с которой я начал это путешествие. Думаю, следует соблюдать умеренность.

— Это только начало. Дальше нужно избавиться от щетины. Вы захватили свою бритву, или нам воспользоваться одной из наших?

Никис пришло в голову, что она видела, как

Пенрик брил слепого Аделиса, но ни разу не видела, чтобы он брился сам, даже в тесном жилье, что им приходилось делить во время бегства.

— На самом деле, я знаю фокус. Мне хватит полотенца и капли масла.

Он намазал подбородок маслом и тщательно вытер полотенцем. Щетина чудесным образом осталась на полотенце. Была ли эта магия восходящей или нисходящей? Никис напряглась, когда Зихре провела рукой по гладкой коже Пенрика.

— Ну надо же. Вот это *эффективность*. — Она показала на его грудь, слабо припорошенную тонкими золотыми волосками. — А теперь это.

— Э-э. На самом деле, я собирался ходить одетым. — Он взмахнул жилистой рукой. — Длинные рукава. Высокий воротник. И так далее. Образ богатой скромности.

— Придется поэкспериментировать с одеждой. У меня немного вещей в таком стиле. Значит, только верхняя половина груди.

Поморщившись, он повиновался. И Никис начала понимать, что он планировал изменить не только цвет волос.

— Вы хотите преподать моему брату урок актерского мастерства, Просвещенный?

— Что-то вроде этого. Посмотрим, сработает

ли.

Он стоял к ней спиной, и она постучала большим пальцем по изогнувшимся в улыбке губам, вознося искреннюю благодарственную молитву Бастарду. А когда Зихре сказала: «Мы можем продолжить в уединении моей комнаты», — прибралась, как настоящая служанка, и с энтузиазмом последовала за ними.

Мимоходом она сняла с веревки нижнее белье Пенрика — изношенные льняные подштанники, почти сухие — и, когда дверь комнаты Зихре закрылась за ними, молча вручила их ему. Он взял белье с благодарной улыбкой и сразу надел.

Принадлежавшая Зихре… мастерская — Никис решила называть ее так — была элегантно обставлена, без сомнения, отчасти благодаря высоким ценам. Никис могла предположить, во сколько обходится содержание заведения с дюжиной работников и еще дюжиной слуг, плюс ночное гостеприимство. Недавно восстановленная чистота и приятное впечатление от украшений, конечно же, тоже помогали не дать клиентам перейти к грубостям и поддерживали неуловимое равновесие между соблазнительным и пошлым. Мебель была в основном простой: сундуки и необычно широкая кровать. Личную

нотку вносила большая коллекция причудливо украшенных маскарадных масок на стене.

Постель была завалена женскими платьями и бельем. Зихре заставила Пенрика стоять неподвижно, а сама прикладывала к его длинному телу то одно, то другое, бормоча: «Нет, нет… да, нет», — и кидая их в разные кучи. Она встряхнула два длинных валика, набитых тканью; Пенрик сразу показал на более тонкий.

— Хм, пожалуй. Я думала, что для таких тощих бедер понадобится больше, но вы правы.

Она закрепила завязки на его талии, чтобы валик окружал бедра. Еще один кусок ткани ушел на верхнюю часть туловища, после чего они обсудили, сколько набивки класть, и вновь остановились на меньшем количестве, а не на большем.

— С вашими руками и ногами придется поработать. Сами знаете, мелочи решают все.

— Совершенно верно, мадам.

Радостно повинуясь ее указующему жесту, он опустился на скамью перед маленьким столиком с ящичками и зеркалом.

Зихре порылась в ящиках и достала несколько лакированных шкатулок, в которых лежали инструменты для ухода и косметика. Никис никогда

столько не видела. Мадам велела Никис заняться ногами Пенрика, а сама взялась за его руки. Никис не делала такой педикюр другому человеку с тех пор, как вышла замуж; в юности они с подружками хихикали вместе, неуклюже подражая умелым действиям матерей и старших сестер. И еще был уход за Кимисом во время его последней болезни, но там не было места хихиканью. На губах Зихре блуждала слабая улыбка, и Никис подумала, уж не вспоминает ли та с нежностью подобные девичники своей молодости.

Ноги у Пенрика были загрубевшие. Но Никис быстро вспомнила прежние навыки обращения с пилочками, скрабами и маслами, чему способствовало несколько профессиональных советов Зихре. Напоследок та передала Никис яркий медный лак, который стал финальным штрихом. Никис довольно выпрямилась — и обнаружила, что Пенрик смотрит на нее с кривой полуулыбкой. Она понятия не имела что он — *они*, не будем забывать про Дездемону — думают обо всем этом.

— Волосы высохли, — сообщила Зихре, взбивая их; от хны обычно мягкие волны превратились в настоящие кудри. — Что думаете? Назад? Вверх? — Скатав массу рыжего шелка в ладонях,

она поворачивала ее туда-сюда.

— Конечно же распустить, — ответил Пенрик, закатив глаза в тщетной попытке увидеть, что она делает. — Чтобы как можно лучше спрятать мою шею.

— М-м, но хочется использовать эти скулы.

Расчески и заколки в умелых руках помогли достичь компромисса: несколько прядей падали Пенрику на лоб, волосы с боков были забраны в пучок на макушке, а медный водопад закрывал затылок.

— Теперь давайте посмотрим…

Руки Зихре нырнули в шкатулку с декоративной косметикой. Она накрасила его ресницы коричневым, едва тронула веки сурьмой и закончила мазком румян на щеках и губах. Пенрик в первый раз повернулся, чтобы, вскинув окрашенные хной брови, изучить результат в маленьком зеркале.

— Встаньте.

Зихре махнула рукой, и Пенрик повиновался. Она встряхнула свободное одеяние из сине-зеленого окрашенного льна и надела на него через голову, осторожно, чтобы не повредить прическу. Направив руки с медным маникюром в рукава, разгладила мягкие складки. Рукава были

составными, по их верхнему краю шли отверстия, сквозь которые выглядывала бледная кожа; ткань цвета морской волны с притворной скромностью скрывала ключицы, а волосы — глубокий вырез сзади.

К сожалению, подол доходил только до икр. Никис молча показала на этот недочет.

— Да, так я и думала. Давай, девочка, помоги мне.

Они вместе прикололи булавками вторую юбку, темно-синюю с оборкой по подолу, к валику на бедрах Пенрика и к изнанке платья, добившись нужной длины до лодыжек. Обхвативший талию пояс из медных звеньев завершил образ. Зихре отошла назад, чтобы, поджав губы, изучить свою работу. Пенрик дружелюбно моргнул.

— Пятеро богов, это правда нечестно, — пробормотала Никис.

— Аминь, — с глубоким вздохом согласилась Зихре.

— Что? — спросил Пенрик, когда задумчивое молчание затянулось.

— Не важно, Просвещенный. — Зихре повернулась и порылась в другом сундуке, достав пару сабо, в которых пятка была поднята выше, чем носок. — Примерьте.

Он с сомнением ответил:

— Быть может, плоские сандалии подойдут лучше? Я и без того слишком высокий.

— Богиням дозволено возвышаться над простыми смертными. — Она потрепала его по нарумяненной щеке. — На самом деле, это изменит вашу походку. Нет смысла так вас наряжать, если тело внутри по-прежнему будет двигаться рывками, как мужское.

Секунду спустя он согласно кивнул, и Никис наклонилась закрепить кожаные завязки, аккуратно, чтобы не смазать лак. Пенрик встал и, покачиваясь, осторожно прошелся по комнате. Что-то пробормотал на адриакском.

— Что вы сказали, Просвещенный? — спросила Никис.

— Мира говорит, что она рисковала сломать шею в туфлях в три раза выше на мостовых рядом с каналами, только и ждавшими, пока ты оступишься, и что я не должен быть таким слабаком.

Второй круг он сделал уже увереннее; на третьем его походка выглядела естественно, и Никис задумалась, какими быстрыми консультациями его снабжал демон с множественным разумом.

— А каковы имя и история этой высокой элегантной рыжеволосой дамы, Просвещен-

ный? — спросила она. — Не говоря уже о ее слугах? — Легенды так стремительно сменяли друг друга, что Никис сбилась со счета.

— О. Хороший вопрос.

Он направился к скамье.

— Не *плюхайтесь*, — торопливо сказала Зихре. — Изящно подберите юбки.

Помедлив, он вполне приемлемо справился с задачей.

— Полагаю, мне лучше быть Мирой. Это проще всего запомнить. Что до истории… Хм. Я не знаю, сколько продлится этот маскарад.

Вполне возможно, до границы с Орбасом, подумала Никис. *Сколько дней? И у них по-прежнему не было денег*.

Немного поразмыслив, Пенрик сказал:

— Я Мира из Адрии, э-э… отошедшая от дел куртизанка. Путешествую по личному делу. В юности мы с Зихре были подругами… нет, скорее у нас была общая подруга. А мы сами прежде не встречались. Вспомнив про нее, я воспользовалась вашим гостеприимством, когда мой отряд внезапно был вынужден заночевать в Соси. Потому что… э-э, почему мы лишились багажа на этот раз?..

— Вы отправили его с извозчиком, и он еще не

прибыл, — предложила Зихре. — На самом деле, он может никогда не прибыть.

— А, очень хорошо.

— Такое случается, — вздохнула Зихре. — Они заявили, что потеряли его во время переправы, но лично я думаю, что его украли.

Никис не знала, было ли это дополнением к их выдумке или какая-то личная история. Которая определенно звучала правдоподобнее кораблекрушения — и намного скучнее, а значит, требовала намного меньше сопутствующих деталей.

— А ваши слуги? — спросила Пенрика Никис.

— Поступили ко мне недавно, но направляются туда же, куда и я.

— А мой брат и его?.. — Она коснулась верхней половины лица.

Пенрик дернул плечом, признавая проблему. Любое хоть немного точное описание беглецов должно упоминать шрамы от ожогов на лице Аделиса, уникальные и компрометирующие. Старая маскарадная маска, которую они переделали для него в Патосе, чтобы накладывать компрессы, не годилась; будучи слишком заметной, она лишь привлечет внимание не хуже самой раны. Взгляд Никис упал на коллекцию изящных масок, укра-

шавших стену Зихре, и у нее начала зарождаться идея. *Позже.*

Пенрик — Мира — постучал — или постучала — большим пальцем по губам. Посмотрел сквозь длинные ресницы на мадам Зихре.

— Я бы хотел повторить вчерашнее лечение. Сейчас. Как вы себя чувствовали утром?

— Это место опухло и болело, как вы и сказали. — Она пожала плечами. — Ничего… невыносимого. Пора?

Он едва заметно кивнул.

— Должно соблюдаться равновесие между разрушением и исцелением. Я обеспечиваю разрушение, но ваше собственное тело должно обеспечить исцеление. В основном.

Веселое настроение внезапно стало серьезным, и Никис нахмурилась.

К ее краткому потрясению, хотя ей хватило ума его не выдать, Зихре опустилась на колени перед Пенриком и спокойно расстегнула лиф платья. Нахмурившись, Пенрик приложил два пальца к ее левой груди, к участку, который действительно казался распухшим и красным, и на его лице появилось то выражение внутренней сосредоточенности, которое Никис замечала, когда он лечил глаза Аделиса. Она прикусила губу. Разве

он не должен беречь истощенные силы Дездемоны для своего собственного раненого сердца? Позже она с ним поговорит.

Дыхание Зихре прервалось, и на минуту она застыла. Наконец рука Пенрика упала.

— По-прежнему выносимо? — мягко спросил он.

Зихре кивнула и поднялась, глядя на него с тревожным изумлением, которое он столь часто вызывал у людей.

— Позже я принесу свой медицинский саквояж, проведу дренирование, и тогда мы посмотрим, — сказал он.

Она снова дернула подбородком.

— Я бы не хотел злоупотреблять вашим гостеприимством дольше необходимого, — добавил Пенрик.

Зихре отмахнулась.

— Утреннее развлечение стоило нескольких ванн и обедов, Просвещенный Юральд. Или… госпожа Мира? Мадам Мира?

— Сора Мира, если придерживаться адриакского стиля. — Он задумался. — Мне нужно поработать над своим акцентом. Ее акцентом. Мира плохо говорила на седонийском. И великолепно на дартакийском. Кстати, что с моим

голосом? — И повторил повыше: — Как вам такой голос?

— Не переигрывайте, — посоветовала Зихре. — Высокая Мира может говорить хриплым голосом. Или с придыханием. Главное не басить и не кричать.

— Понял. — Он начал было вставать, затем помедлил и поднялся с более осознанным изяществом. — Что ж. Давайте проведем проверку. — Он улыбнулся Никис. — Не пора ли нам представить сору Миру вашему брату?

Никис едва сдержала ухмылку, пытаясь изобразить угодливость.

— Да, *прошу вас*, Просвещенный.

Мадам Зихре махнула в сторону двери, а сама занялась наведением порядка в шкатулках с инструментами. Никис и Пенрик вышли на балкон атриума.

— Давай сделаем пару кругов, — шепнул Пенрик. — Мне нужно попрактиковать походку.

Никис кивнула, и он взял ее под руку, чтобы они шли рядом. Секунду спустя она спросила:

— Что ты сделал для мадам Зихре? Когда прикоснулся к ней рукой?

Он поморщился.

— Небольшое исцеление. Я надеюсь.

— Какого рода? Восходящее или нисходящее?

— Понемногу того и другого. У нее опухоль. И, боюсь, агрессивная.

— О. — Никис помедлила. — Ты можешь это исцелить?

— Иногда могу. Иногда — нет. — Он вздохнул. — Думаю, мы давно уедем, прежде чем выяснится, получилось у меня или нет.

— Это дорого тебе обходится? В магическом смысле?

Он отмахнулся от вопроса, что вызвало у нее подозрение. И понизил голос:

— Не так дорого, как риск приютить беглецов, даже по неведению. Если дела пойдут не по плану.

— Что ж. — Никис выдохнула. — В таком случае, мы не позволим им пойти не по плану.

— Да. — Он заговорил еще тише. — Мне следовало лучше разобраться с подобными вещами еще в Мартенсбридже. С опухолями и тому подобным. Здесь присутствует элемент хаоса, который я чувствую, но ни одна молитва моему богу не принесла полезных откровений. Несмотря на то, что пять первых человеческих седоков моего демона в конечном итоге умерли от подобных заболеваний. Кстати, включая Миру.

— Нам жаль, — еще тише ответила Дездемона. — Тогда мы не понимали.

Пенрик с необычным сочувствием кивнул.

— Это не ваша вина. Прежде чем Умелан — шестой седок Дез, — пояснил он Никис, — попала в руки Ордена Бастарда в Браджаре, вы едва ли могли научиться уравновешивать свой хаос и не изливать его внутрь неконтролируемо. — Он вновь кивнул Никис. — Полагаю, это еще одна причина, по которой Храм ищет диких чародеев и подчиняет своим порядкам. Или лишает демонов. Не могу сказать, что она широко известна и что ее понимают.

При упоминании уничтожения демонов Храмом Дездемона тихо зарычала, но не стала спорить. Никис пожала руку, сплетенную с ее рукой, сама не зная, кого из обитателей этого сложного тела хочет утешить. Грозила ли сейчас Пенрику подобная внутренняя опасность? Судя по всему, он так не думал.

Они добрались до двери своей комнаты.

— Интересно, почему мужичины, переодетые в женщин, кажутся нелепей женщин, переодетых в мужчин?

Никис покачала головой.

— Я не знаю. Это очередная несправедли-

вость. — Она мрачно потыкала в свою пышную грудь — Едва ли мне стоит даже пробовать. Я такая с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Не помогут даже тугие повязки.

— Нет. Определенно не стоит. И не стоит переживать на сей счет. Ты само совершенство. — Его накрашенные розовым губы изогнулись в слабой улыбке. — По крайней мере, Дез нравится платье. Понятия не имею, откуда у бестелесного демона любовь к красивой одежде, но она ее любит. Дома я пытаюсь соответствовать ее стандартам, насколько позволяют призвание и кошелек, но, очевидно, ей не хватает женского стиля.

Пенрик вошел в образ Миры — в обоих смыслах — и жестом пропустил Никис вперед.

За то время, что они с Пенриком провели в комнате Зихре, Аделис воспользовался баней и вновь надел наименее вонючую рубашку и штаны, из которых виднелись босые ноги. Никис напомнила себе, что вскоре нужно будет забрать высохшую одежду. Когда Пенрик вплыл в комнату следом за ней, Аделис схватил шляпу, надвинул на лоб и встал, бросив на сестру взгляд, полный отчаяния.

— Простите, это ваша комната? — пробормотал он. — Мадам Зихре выделила ее… моему

хозяину.

— В некотором смысле, но все в порядке. — Мира одарила его ослепительной улыбкой. — Я готова поделиться.

— Я нашла новую подругу, — радостно сообщила Никис. — Ее зовут Мира.

Аделис нахмурился.

— Ты не должна болтать с незнакомцами. Просвещенный… Юральд велел нам вести себя скромно.

— Прошу, садитесь, — хриплым голосом произнесла Мира, любезно взмахнув бледной рукой. — Я не хотела прерывать вашу работу.

Аделис, который ничего не делал, оглянулся, словно ища, чем заняться, не нашел и рухнул обратно на стул. Мира продефилировала к постели и соблазнительно опустилась на нее, подставив руки и выпятив грудь. Затем наклонила голову, и ее глаза блеснули, словно солнце на морских волнах.

— Я встретила вашу сестру в прачечной. Я очень люблю рассказы путешественников. — И она качнула ступней с медными ногтями оборчатый подол юбки.

— Что за истории ты рассказывала? — спросил Аделис. Его наигранно небрежный тон не скры-

вал тревоги. На самом деле, с учетом натянутой на глаза шляпы это была не слишком честная проверка.

— А вы действительно выглядите очень сильным, — промурлыкала Мира. — Так сказала ваша сестра. Я была уверена, что она преувеличивает, но, кажется, она преуменьшила. Что ж, сестры — они такие. Полагаю, она привыкла к этому чудесному зрелищу. Как вас зовут?

— А… Адо, — выдавил из себя Аделис. Его глаза в тени шляпы широко раскрылись, а обожженные щеки покраснели.

Мира всплеснула руками.

— Адриакское имя! Вы там бывали? Это очень красивая, богатая страна, если вас не тревожат периодические вспышки трехдневной лихорадки. — Она скорчила гримаску. — Вам обязательно нужно туда съездить.

Аделис кинул на Миру третий взгляд, потом четвертый. Никис точно знала, в какой момент он догадался, потому что брат сдернул с головы шляпу и швырнул на пол.

— Это ужасно, — сказал он совершенно другим голосом.

— Как грубо! — Мира выпрямилась, трепеща ладонью перед надутыми губками. Пенрик

повернулся к Никис и обычным голосом произнес: — Знаешь, думаю, нам пригодится веер. Мира знает целый язык жестов с использованием вееров, очень проработанный, хотя, возможно, он немного устарел. Или соответствует адриакскому диалекту. Вот хороший проект для перевода. Интересно, найдется ли где-то в чудесных шкатулках Зихре веер, который она сможет одолжить?

— Думаю, да, и не сомневаюсь, что ты заставишь ее смеяться, — ответила Никис. Она опустилась на кровать рядом с ним. С ней. С ними. И повернулась к Аделису. — Он дурачил тебя на протяжении пяти минут. Как по-твоему, сможет дурачить пограничных стражников на протяжении пятнадцати?

— Если они не завели манеру раздевать путешественников догола — сможет. — И секунду спустя добавил: — Хотя не исключено, что сможет в любом случае. Если все, что от него требуется, это не быть Просвещенным Пенриком, храмовым чародеем. — И еще секунду спустя: — Я никогда не сомневался, что *он* сможет выбраться из страны, тем или иным способом. Быть может, даже вы вместе. Корень наших проблем… в другом. — Его ладонь коснулась пылающих шрамов.

Никис подалась вперед.

— У меня есть идея на этот счет. — Она покосилась на Пенрика. — Может ли Мире прийти в голову нарядить своих слуг в одинаковые ливреи?

— О да.

— И одинаковые маски?

— …Хм.

— Один слуга в маске привлечет внимание к своей персоне. *Двое* слуг в масках привлекут внимание к… я не знаю, к Мире?

— Мира жила ради внимания, — признал Пенрик. — По крайней мере, на публике. Хотя и в стороне от чужих глаз — тоже.

Никис подозревала, что этот стиль жизни совсем не подходил Пенрику-ученому, но тот определенно доказал, что готов к любым вызовам.

Взгляд Аделиса метался между Никис и Пенриком. Или, быть может, Никис и Мирой. Пенрик заметил это и с усмешкой взбил медные кудри. Аделис поджал губы и отвернулся. Румянец так и не сошел с его щек.

— В таком случае, мне следует заняться шитьем, — решительно сказала Никис. — При условии, что я смогу достать необходимые материалы.

— Я помогу, — вызвался Пенрик. — Я умею делать очень аккуратные стежки, как на ткани, так и на коже.

Она ответила улыбкой. *Уверена, что так оно и есть.*

Его слова: «Ты само совершенство», — она спрятала, чтобы изучить позже, как ребенок прячет сладость, которую может отобрать суровый взрослый. *Мне слишком долго приходилось быть взрослой для самой себя.*

IV

На Пенрика произвели впечатление способности Никис добывать нужные вещи, когда она собирала материалы для их следующего маскировочного проекта. Которому они посвятили остаток дня, удалившись в свою комнату. Зихре пожертвовала две одинаковые черные полумаски, закрывавшие верхнюю половину лица и скромно украшенные блестками. Из старой широкой черной юбки Никис соорудила две накидки, которые, надетые поверх черной рубахи и брюк Аделиса и темного платья самой Никис, смотрелись весьма гармонично. Разделавшись с примерками, очистив все сандалии и наточив все оружие, Аделис просто сидел и наблюдал.

— Здесь должна быть одинаковая вышивка и другие украшения, — пробормотала Никис — взятая взаймы игла в ее руках так и летала, — но у нас нет на это времени. Придется обойтись тесьмой по краю.

— Быть может, это повседневная одежда, — предположил Пенрик, пытаясь так же быстро работать над вторым нарядом. — Уверен, что для экзотических вечеров Мира одевала своих слуг в

нечто более броское, но, к сожалению, эти наряды остались с другими вещами, которые задержали проклятые перевозчики.

Не поднимая головы, Никис улыбнулась. Пенрик искоса наблюдал за ней. Сосредоточенно склонившись над работой, она даже не догадывалась, как прелестно выглядит. Конечно же, она была создана для умиротворения, чтобы быть незыблемым центром… чего-то. *Моей жизни.* Он подавил эту мысль. Потому что она останется с братом в Орбасе, а он вернется в Адрию, верно? Пенрик продолжил трудиться иглой.

Но он не мог перестать думать про эту безвыходную ситуацию. *Все равно что ковырять болячку?*

— Я знаю, что собирается делать Аделис, когда мы прибудем в Вилнок, — сказал Пенрик. — А что насчет тебя?

Никис изумленно подняла глаза.

— Что?

— Ты не думала, что будешь делать?

— Никис это не нужно, поскольку за нее подумал я, — вмешался Аделис.

Пенрик мысленно отметил — но не стал говорить вслух, — что сейчас у Аделиса имелись только их пожитки и кровожадные преследователи. И тем и другим он, без сомнения, честно

делился с сестрой.

— Ладно, — решил попробовать еще раз Пенрик, — а чего бы тебе хотелось? Я имею в виду, если бы у тебя был выбор.

Было немного больно смотреть, как Никис пытается представить, что у нее есть *выбор*. Или как не может представить.

— В чем смысл таких рассуждений? — в свою очередь, спросила она. — Я разберусь с возможностями, которые у меня будут, когда они появятся. — И она сделала жест, который напомнил Пену скорбящего, что бросает в могилу первую горсть земли. Он полагал, что катастрофы, случившиеся с теми, от кого зависела Никис, трижды переворачивали ее жизнь: внезапная смерть отца, долгое умирание супруга, а теперь — бегство Аделиса от гибели. Она покосилась на единокровного брата и отвела взгляд, но ее игла продолжала мелькать. — Мне действительно нравилась вилла в Патосе. Я воображала, будто она моя. Хорошо, что это было не так.

Она хочет свой дом? попытался интерпретировать ее ответ Пен.

Как и большинство женщин, ответила Дез, *в определенный момент жизни. И, полагаю, неспроста почти невозможно получить дом, не*

связавшись с мужчиной.

Подойдут ли две маленькие комнатки с видом на канал в чужом особняке? Ему их хватало, но они выглядели скудным подношением.

— Мы скоро разбогатеем, — пообещал Аделис.

Пен подозревал, что это не столько оптимизм, сколько попытка поддержать моральный дух сестры. Аделис тоже очень многого лишился во время последней — нынешней — катастрофы, в том числе едва не остался без глаз. Быть может, их восстановление заставило его взглянуть на все прочее с иной перспективы?

Никис пожала плечами.

— Безопасность не имеет никакого отношения к бедности или богатству. Либо к добру или злу. Человек может быть очень набожным и владеть дворцом — а потом в мгновение ока лишиться всего из-за пожара или землетрясения. — Она хмуро изучила свои стежки. — Быть может, истинная безопасность кроется не в корнях, а в ногах. Или крыльях. — И она кинула странный взгляд на Пенрика.

Шалашники, подумал Пен. Кажется, эти птицы привлекали самок при помощи затейливых, красивых гнезд.

А еще есть птица, которая часами свисает с

ветки вниз головой, яростно трясет крыльями и орет, с фальшивой услужливостью добавила Дез. *Можешь попробовать.*

Я не настолько отчаялся. Пока. Хотя храмовому святому едва ли было по карману даже арендовать виллу.

Но это вполне по карману твоей чародейской изобретательности, если только ты не будешь постоянно недооценивать *наши услуги.*

Наша сила — дар божий. Неправильно использовать ее, чтобы разбогатеть.

В таком случае, сделай вывеску целителя.

Веселье Пенрика угасло. *Нет.*

После смущенной паузы Дез пробормотала: *Прости. Плохая шутка?*

Да. Пенрик глубоко вдохнул. *Забудь.*

Он закончил пришивать тесьму и завязал нитку одной рукой, машинально воспользовавшись техникой, которой его научил хирург. Никис прервалась, чтобы посмотреть на это, затем покачала головой и продолжила шить.

Так чего бы хотел я, если бы у меня был выбор? — спросил Пен самого себя. Ответ был очевиден и сидел прямо перед ним. Но имел ли он право сделать этот выбор?

Ты можешь выбрать много чего, заметила

Дездемона. *Вопрос в том, чем ты готов за это заплатить?*

* * *

Посоветовавшись с мадам Зихре во время дренирования, Пенрик договорился о еще одной ночи и еде, а также одежде и масках, в обмен на то, что вечером он займет место над входным атриумом и тихо избавит от вшей всех клиентов, которые будут в этом нуждаться. Таковых оказалась добрая треть. Никис в образе личной служанки соры Миры, одетая в черную накидку и маску, сопровождала Пенрика, когда они спрятались в уголке, который обычно занимала горничная верхнего этажа. Пенрик не знал, кто из них охранял другого от излишнего внимания, но в результате клиенты Зихре вели себя сдержанно. Пусть и страдали от излишней живности.

Это была нисходящая магия, которая ничего им не стоила, но столь скудной добычи едва ли было достаточно, чтобы восстановить силы Дездемоны, уходившие на лечение Пенрика и его работу над опухолью мадам Зихре. Он подумал, не переодеться ли позже и не выбраться ли на крыши в поисках более подходящих выходов для хаоса. Кроме того, он до сих пор не посетил

храм. Дом Зихре оказался заманчиво удобным местом для отдыха, но они не осмеливались тут задерживаться.

Ближе к середине вечера поток посетителей иссяк, и Пенрик решил, что может покинуть свой пост и выйти в сад, где Зихре развлекала клиентов едой и напитками, а также музыкой и беседой. Это был импровизированный, озаренный факелами салон под открытым небом, хотя Пенрик полагал, что личности и политика этого провинциального городка едва ли были столь возвышенными, сколь на аристократических приемах в Лоди, где когда-то царила Мира.

Они были и вполовину не столь возвышенными, какими хотели казаться, — усмехнулась Мира.

В любом случае, это выглядело безопасной возможностью немного попрактиковаться с Мирой, прежде чем отправить ее на потенциально смертоносную встречу с пограничной стражей. А кроме того, Пен проголодался.

В сопровождении Никис он грациозными шажками спустился по лестнице, умудрившись не опрокинуться в собственных сабо. *Ты хоть представляешь, что я могла бы сделать с твоим восхитительным ростом?* — вздохнула Мира. В саду расположились несколько дюжин муж-

чин и женщин; Пен немного испугался, когда *все* головы повернулись в его сторону. Многие челюсти отвисли, прежде чем владельцы успели взять себя в руки. Пен благосклонно улыбнулся и выбрал место на мягкой скамье под висевшим на шесте фонарем. *Хороший выбор*, прошептала Мира. *Обеспечит великолепную игру света на наших волосах.*

Он неловко откинулся назад, поправил волосы и накрутил прядь на пальцы. Никис, да благословят ее боги, направила к нему слугу с подносом, и он взял пару закусок — ароматное мясо, завернутое в вареные виноградные листья, и кусочки белого сыра.

— Разве ты не голодна? — шепотом спросил он Никис.

— Я служанка, помнишь? — прошептала она в ответ. — Меня уволят, если я буду угощаться на глазах у гостей.

— К счастью, Мира — эксцентричная особа.

Он сурово постучал ее по подбородку и собственными скользкими пальцами положил кусочек мяса в виноградных листьях ей в рот. Она невольно улыбнулась ему. Возможно, это был глупый поступок: внезапно мужчины принялись таращиться не только на него.

Три человека окружили Миру, причем один покинул свою партнершу, к ее явному огорчению. Двух молодых людей отпугнул мрачным взглядом мужчина постарше, широкоплечий и мощный; в его подстриженных на армейский манер волосах пробивалась седина. Его лицо великолепно подходило для мрачных взглядов: крупный крючковатый нос, крупный подбородок, крупные уши; смуглую кожу испещряли старые оспины. Пену он напомнил разношенный сапог, возможно, подбитый гвоздями. Однако выдающееся уродство искупали проницательные карие глаза — и немного мрачная улыбка, с которой он опустился на скамью рядом с Пенриком. Забавно, но он не был в числе клиентов, которых Пенрику чуть раньше пришлось избавить от вшей. Никис заняла подобающее служанке место позади них.

Мужчина взял Миру за руку.

— Здравствуйте. Вы здесь новенькая, верно?

Пенрик позволил ему коснуться губами костяшек пальцев Миры и решил не жеманничать.

— А вы, как я полагаю, нет?

Он усмехнулся.

— Во мне не найдешь ничего нового. Меня зовут Чадро. А вас, мадам?

— Вы можете называть меня Мирой. Увы, я

тоже не новенькая. Я всего лишь гостья мадам Зихре, остановилась немного отдохнуть здесь во время путешествия.

Его густые брови разочарованно поднялись.

— Значит, вы здесь не работаете, Мира?

Пен покачал головой.

— О. Жаль. — Он положил руку Пена на укрытое юбкой бедро и погладил ее. — Как вы познакомились с Зихре?

— Мы не встречались до вчерашнего дня, но у нас есть общая подруга, благодаря которой я смогла воспользоваться любезным гостеприимством мадам.

— А вы… — Он помедлил. — Быть может, эта ваша подруга и вы также разделяете с Зихре ее ремесло?

— Когда-то так и было, но теперь я отошла от дел и перешла к оказанию, скажем, личных услуг. Вот почему я путешествую.

— И правда. — Его улыбка вернулась. Вместе с рукой. — Но не отошли от дел полностью, верно?

— Вы меня искушаете, сэр, но у меня есть невыполненные обязательства.

— Вы очень хорошо лжете, любезная Мира. Едва ли это лицо сильно вас искушает.

— Одна часть не есть целое и не может служить

мерилом целого.

— Ха. — Он развеселился. — Столь красивого философа я еще не встречал.

— Осмелюсь предположить, выиграть в этом состязании нетрудно, — с улыбкой откликнулась Мира.

— Верно. Если вы… — Но его следующую фразу в этом не слишком выдающемся обмене остротами заглушила суматоха в атриуме, которая быстро перекинулась на сад.

Два раскрасневшихся молодых человека с обнаженными кинжалами кружили друг вокруг друга в поисках свободного пространства. Другие посетители сада поспешно дали им место, с встревоженными криками отступив к стенам. Молодые люди были хорошо одеты в местном стиле и, судя по замысловатым прическам, не имели отношения к военному делу, в отличие от большинства клиентов. Две служанки выронили подносы и убежали, зовя на помощь привратника и Зихре.

— Сволочь Берат! — крикнул один. — Чума на твой дом и на тебя!

— Пес Парга! Я вырежу твой поганый язык!

Они кинулись друг к другу. Сталь пронзительно заскрежетала о сталь.

— О боги, — простонал Чадро. — Кто впустил сюда двух этих идиотов одновременно?

Он поднялся, но, в отличие от более осмотрительных свидетелей, шагнул не назад, а вперед.

Пенрик не отставал от него. Последним, в чем нуждался их отряд, была кровавая драка, которая привлечет местные власти, чтобы допросить и внимательно изучить всех присутствовавших, включая случайных путешественников. Будучи чужаками, они вызовут повышенный интерес — и кто-нибудь вполне может соотнести слугу со следами ожогов на лице с присланным из столицы приказом об аресте Аделиса. Это требовалось прекратить — и у Пенрика имелись для этого средства. Однако будет непросто сделать это, не раскрывая своих способностей…

Дез, ускорь меня. Скользкий, как змея, Пенрик ввинтился между противниками и схватил одну из державших кинжал рук за запястье. Увернулся от вспышки сзади, хотя и лишился при этом локона. Быстрый перекрут нерва под кожей — и ладонь раскрылась, выронив оружие. Пенрик обхватил ногой колени жертвы, одновременно дернув за нервы, и аккуратно уложил юношу на землю. Чадро тем временем обошел второго драчуна сзади, обхватил мускулистыми руками

за подмышки, рывком поднял и прижал к себе. С силой встряхнул, словно собака крысу, и второй кинжал со стуком упал на плитку.

— Хватит! — рявкнул Чадро громким, низким голосом — отточенным на плацу, привыкшим отдавать приказы. — Я остужу ваши горячие головы в колодце, если вы не угомонитесь!

Пенрик не сомневался, что Чадро может это сделать — и сделает. Очевидно, все прочие тоже не испытывали никаких сомнений.

Наклонившись, Пенрик быстро подобрал оба кинжала, а также вытащил нож, спрятанный сзади под курткой первого юноши, и еще один, скрывавшийся в сапоге второго. Сжимая оружие, он отскочил назад, улыбаясь и переводя дух. Два молодых человека с армейскими стрижками запоздало шагнули вперед, чтобы помочь Чадро с его пленником, и наконец прибыл крупный привратник, вид у которого был одновременно встревоженный и разгневанный. Противник Пенрика еще не мог встать и скорчился, баюкая парализованную правую руку левой, хотя несколько минут спустя к нему вернется способность пользоваться конечностями, в которых он, без сомнения, ощущал покалывание. Наверное, вернется.

Чадро наклонился, поднял что-то с земли и направился к Пену.

— Мадам, — серьезно сказал он, — вам не следовало становиться между этими безумцами. Они едва вас не убили. — И он протянул ладонь, на которой лежал блестящий медный локон волос Пенрика.

Пен уже собирался возразить, что ему ничего не грозило, но тут вмешалась та часть Дездемоны, что была Мирой. *Предоставьте это мне, о-столь-Просвещенный, иначе вы все испортите.* Он с усмешкой уступил место Мире.

— О боги! — ахнула она, когда Чадро поймал ее за руку и уронил локон ей на ладонь. — Я ничего не заметила. Как хорошо, что вы его остановили.

— Что в вас вселилось?

Правдивое объяснение того, что вселилось в Пенрика, заняло бы всю ночь.

— Я думала лишь о том, что мадам Зихре не заслуживает такого ущерба своему дому.

— Совершенно верно. — Нахмурившись, он оглядел ее. — Что вы сделали с тем, которого уложили? Вы действовали очень быстро.

— О. — Мира взбила волосы. — Меня обучили нескольким фокусам еще в самом начале, чтобы отпугивать назойливых клиентов. — Она взяла

толстую ручищу Чадро и вложила в нее локон. — Оставьте его себе. Все равно я не могу приделать его обратно.

Ладонь Чадро сомкнулась, и он улыбнулся.

— Надо полагать.

Пенрик огляделся в поисках Никис, которая, хвала их общему богу, благоразумно осталась за скамьей. Ее темные глаза переполнял страх. Она подбежала к нему и крепко вцепилась в его руку. Он чувствовал, как дрожит ее ладонь.

— Сора Мира! С вами все в порядке?

Она не добавила: «Ах ты, проклятый идиот!» — но он прочел это по ее лицу.

— В полном порядке, благодаря этому господину, — промурлыкала Мира, и Никис бросила на нее… него… них еще более гневный взгляд, который быстро скрыла, опустив голову. Сглотнув, она восстановила контроль над своим лицом. По крайней мере, ее испуганный вид вполне соответствовал преданной служанке.

Появилась весьма взъерошенная мадам Зихре, чтобы разобраться с неприятностями, и Пен отступил назад. Стычка началась, когда оба молодых человека попытались выбрать на вечер одну и ту же спутницу — очевидно, лишь с той целью, чтобы обидеть друг друга. С видом матери,

отправляющей непослушных детей в постель без ужина, Зихре провозгласила, что девушка не достанется ни одному из них, и сама выделила каждому по девице, заявив, что, если им не нравится, они могут убираться на улицу без какой-либо компенсации.

— Мои ножи! — неосмотрительно запротестовал один.

Если вернуть им оружие даже перед уходом, они непременно возобновят драку, как только окажутся снаружи.

— Мадам Зихре, — вмешался Пенрик, — могу ли я предложить, чтобы слуга отнес оружие их родителям вместе с объяснением причины? Утром они смогут выпросить свою собственность у отцов.

Оба юноши побледнели; тот, что стоял на ногах, бросил на Пенрика взгляд, полный ненависти, а тот, что сидел, — взгляд, в котором ненависть мешалась со страхом. Чадро ухмыльнулся. Зихре сухо кивнула и вручила оружие слуге. Сердитых, но усмиренных противников развели по разным лестницам девушки, которых, как полагал Пенрик, Зихре выбрала за благоразумность, а не за внешность.

— Полагаю, этих двоих проводят к двери в раз-

ное время, — шепнул он ей.

— О да, — рассеянно согласилась она. — Спасибо за помощь, Про… сора Мира. — И, повернувшись, добавила: — И вам, генерал Чадро. Без вашей сообразительности и ловкости все могло бы кончиться ужасно.

Пенрик моргнул. *Что ж, это кое-что объясняет…* С учетом ранга и того, что Чадро явно состоял на действительной службе, он должен был командовать тем Имперским пехотным полком, который упоминал Аделис говоря про местный гарнизон. Четырнадцатым. Боги, неужели они с Аделисом были знакомы?

— Сегодня все ваши развлечения — за счет заведения, — продолжила Зихре, обращаясь к Чадро.

— Хм, — откликнулся тот. — Кстати, о развлечениях…

Одарив Миру слабой улыбкой, он увел Зихре в атриум. Пенрик навострил уши, но не мог разобрать их тихую беседу, хотя оба по очереди бросали взгляды в сад. Зихре несколько раз беспомощно развела руками и пожала плечами. Чадро уныло поморщился. Через минуту-другую еще более тихого разговора они вернулись. У Зихре был виноватый вид, у Чадро — сердитый.

Чадро вновь уселся рядом с Мирой и улыбнул-

ся ей.

— Зихре говорит, что вы принадлежите самой себе, и если я хочу вас соблазнить, придется сделать это без ее помощи.

— Что ж, так и есть. Я с большим трудом завоевала независимость — и она многое для меня значит.

— Это весьма жестоко, с моей точки зрения. Оставлять мне только мои скудные ресурсы. Если бы я умел обращаться с женщинами, то не приносил бы Зихре такой доход.

— Не падайте духом, сэр. Едва ли в Соси найдется человек, способный позволить себе меня.

Чадро со странной застенчивостью покосился на Миру.

— Но я могу попытаться.

Она улыбнулась в ответ и погладила его по щеке. Прервав этот обмен любезностями, Пенрик наклонился и, прикрывая рот рукой, заговорщически прошептал на ухо генералу:

— В любом случае, ничего не выйдет. В это время месяца мне приходится брать выходной. — Ну вот, это должно положить конец обидам. Генерал уже выпрямлялся, удовлетворенный ее словами, когда Мира добавила: — Хотя я знаю несколько приятных способов обойти подобные мелочи.

Однако мужчина должен согласиться целиком и полностью отдать себя в мои руки.

Мира!..

— Не могу представить более приятной судьбы, — прошептал Чадро, — чем полностью отдаться в ваши руки, сора Мира. — И он вновь коснулся губами костяшек пальцев Миры.

Пенрик начинал думать, что скромная сдержанность Чадро была такой же фальшивой, как и его собственное поведение. С другой стороны, у человека с такой внешностью имелась сильная мотивация оттачивать свое обаяние.

— Если вы говорите искренне, то должны обеспечить мне такое же развлечение, как и я вам, — сказала Мира. — Чтобы восполнить пробелы в нашем соглашении.

— О, я говорю искренне, — выдохнул Чадро.

— В таком случае, договоритесь с мадам Зихре, чтобы она уступила нам свою комнату, и я покажу вам секреты Лоди, которые обратят в рабство даже герцога.

Чадро поспешно вскочил и направился к Зихре, которая тихо общалась со слугой у двери кухни.

Мира, что ты задумала? — в панике спросил Пенрик. *Ты рехнулась?*

Тише, тише, Пенрик. Теперь она больше на-

поминала Ручию, предлагавшую совершить безумие в характерной для нее деловой, практичной манере. *За все эти годы нам пришлось вынести немало твоих постельных приключений. Теперь наша очередь.* И мгновение спустя добавила: *А кроме того, ты узнаешь кое-что новое. Тебе как ученому это должно понравиться.*

Нам нельзя оказаться в ловушке в одной комнате с ним!

Напротив, я планирую заманить его в ловушку в одной комнате со мной. *Пенрик, я за первые пять минут поняла, что он из себя представляет. Доверься мне. Тебе не придется снимать одежду, он будет очень счастлив, и маленькая проблема финансирования следующего этапа нашего путешествия будет решена.*

Его планы ограбить храм выглядели слабым контраргументом, с учетом того, что он не знал, принесет ли храм в Соси хоть что-нибудь. А кроме того, это был не самый высокоморальный поступок.

Склонившись над его плечом, Никис встревоженно прошептала:

— Пенрик, что ты *делаешь*?

— У Миры есть какая-то идея, — прошептал Пен в ответ. По прежнему опыту он знал, что

у Миры было много идей, и некоторые из них — скандальные. — Она в этом *специалист*…

Он было подумал, не попытаться ли добиться консенсуса — или вето — от всех десяти личностей, что составляли его демона хаоса, но в постельных делах это скорее привело бы к какофонии. Просвещенная Ручия поддержала бы Миру, как и Вазия из Патоса. Две целительницы, Амберейн и Хелвия, посмеялись бы над ним. Просвещенная Аулия из Браджара с наигранным достоинством осталась бы в стороне, однако Пен подозревал, что ее повеселил бы любой результат. Рокнарийка Умелан ненавидела мужчин в целом, и не без причины. Рогаске никто не был нужен. Седонийки Литикон и Шугана, первые человеческие седоки Дездемоны, почти слились за две сотни лет, хотя Пену казалось, что Шугане нравились женщины. *Проклятье, как и мне.* Львица и кобыла, к счастью, воздерживались от комментариев; Пен полагал, что, будучи животными, которые подчинялись течке, они не сталкивались с человеческими проблемами такого рода. Он начинал им завидовать.

Чадро вернулся, ведя ошеломленную Зихре.

— Сора Мира, — с сомнением сказала та, — вы уверены? Вы вовсе не должны платить за мое го-

степриимство тем, чего вам… не хочется делать.

Мира одарила ее самой ослепительной улыбкой Пенрика. Зихре отшатнулась, приложив ладонь к горлу, а встревоженно наблюдавший за разговором Чадро ахнул, словно получил удар в живот.

— Обещаю вам, — и Пенрик полагал, что она имела в виду их обоих, — что все будет хорошо.

Зихре беспомощно вскинула руки, словно снимая с себя ответственность, и повела их наверх. Никис наступала им на пятки. Когда Зихре открыла дверь в свою спальню, Мира небрежно спросила:

— Зихре, у вас не найдется запаса шелковых шарфов или чего-то подобного? Предпочтительно подобного; шелковые узлы *такие тугие*.

— Никакого шелка. В верхней части того зеленого сундука, вместе с, э-э, другими вещами. Которые могут лучше подойти для этой цели.

— Великолепно.

Мира прошествовала в комнату с видом королевы, вернувшейся в свое государство. Чадро последовал за ней с исполненным надежд любопытством, словно верный генерал, поклявшийся служить ей.

Мира, это безумие, жалобно сказал Пенрик,

половина которого была в ужасе. Большая часть другой половины, похоже, собиралась наблюдать за происходящим, как зрители на состязании в стрельбе из лука.

Вовсе нет, спокойно ответила Мира. *Ближе к концу моей карьеры в Лоди я специализировалась на пожилых джентльменах. Они прозвали меня Воскресительницей. Я думала, что с годами мой доход упадет, но он вырос. Что очень приятно.*

Но Чадро не старый.

Тем лучше. Мира фыркнула.

Он может разорвать меня надвое голыми руками. Если он поймет, кто я, то убьет меня!

Если он поймет, кто мы, то убьет нас всех. Подчиняясь приказам. Мы ничем не рискуем.

Боги, это попахивало логикой Ручии, перевитой, как наплечная коса святого, и столь же пригодной для того, чтобы на ней повеситься. Пенрик часто гадал, был ли это результат ее научных изысканий для Храма или просто характер. А может, это преамбула к вознесению?

Ты сможешь в любой момент вернуть себе контроль, но я не советую этого делать, сказала Дез целиком. *В конце концов, не стоит толкать под локоть акробата, который жонглирует огнем.*

— Сора Мира, — с отчаянием пробормотала

Никис, — я останусь рядом с дверью. Позовите, если вам *что-то понадобится*. — Имея в виду спасение.

Плохая идея, заметила Мира. *Я не знаю, насколько шумным окажется Чадро. Слишком велик шанс на ошибку. И я знаю, что она тебе нравится, но ты правда думаешь, что она сможет вмешаться достаточно искусно?*

Пен понятия не имел, но хотел, чтобы Никис оказалась как можно дальше от этого недоразумения. Например, в другом государстве. Что и было их конечной целью. Он должен об этом помнить. Если игра Миры кончится катастрофой, быть может, ему удастся спастись, несмотря на тревожащие габариты Чадро, пусть для этого и придется раскрыть свой чародейский статус, но…

— Нет, — сказал Пен, — возвращайся в комнату к брату. И жди там.

Он не знал, как передать: «И готовься к бегству», — однако Чадро уже закрывал дверь, оставляя за ней двух чрезвычайно встревоженных женщин.

Генерал повернул ключ в замке и с лукавой улыбкой посмотрел на Миру.

— Сора Мира, я думаю, что ваша служанка

влюблена в вас. И не могу ее в этом винить.

Пенрик закашлялся.

— Конечно, нет. — Или, по крайней мере, ненадолго.

— Она буквально метала в меня молнии. Готовая наброситься. Очевидно, я должен вернуть вас в целости и сохранности.

Дездемона спросила, отчасти сладким, отчасти серьезным голосом: *Если бы здесь не было Никис, дорогой Пен, ты стал бы так возражать? Или просто счел бы это еще одним странным приключением?*

Пен лишь что-то мысленно пробубнил в ответ.

Поскольку Никис собирается связаться с тобой, ей также придется связаться и со всеми нами. Или ты вообразил, будто сможешь скрыть от своего самого близкого спутника то, кем в действительности являешься?

Являешься, стал, становишься…

Потому что это не кончится ничем хорошим.

Голос двухсотлетнего опыта, накопленного за десять разных жизней? Двенадцать, считая львицу и кобылу. Пенрик безмолвно сдался, позволив Мире заняться поиском нужных предметов.

V

Никис неохотно вернулась в комнату. Аделис, дремавший на матрасе, когда они уходили, проснулся и расхаживал по комнате. Ему было нечем заняться, кроме как прятаться здесь весь день напролет, и вынужденная задержка в бегстве нервировала его все сильнее.

— Наконец-то! — сказал он. — Что там происходит? Где Пенрик? Он по-прежнему разгуливает в этом проклятом платье?

— Я понятия не имею, что он делает. Аделис, ты знаком с генералом Чадро?

Аделис замер.

— Эджином Чадро?

— Я не слышала его полного имени. Очевидно, он командует Четырнадцатым здесь, в Соси.

— Он тут? В этом доме?

— Да. Он может тебя узнать?

— Да, скорее всего.

— Насколько хорошо ты его знаешь?

— Мы несколько лет служили вместе. Очень уравновешенный офицер, но без денег и связей, чтобы продвинуться по карьерной лестнице. Если его назначили в Четырнадцатый, значит,

кто-то наконец совершил правильный поступок.

— У него вспыльчивый характер?

— Он не любит дураков. На дух не переносит. А почему ты спрашиваешь?

— Он очень увлекся Мирой.

Аделис проворчал что-то неразборчивое. И неохотно признал:

— Пенрик был очень убедителен.

— И я думаю, Мира увлеклась им. Кстати, они уединились в спальне Зихре. Представить не могу, что она затеяла. — Точнее, Никис могла *представить* очень многое, но все это кончалось кровопролитием.

— Он *спятил*? — рявкнул Аделис, и у Никис не возникло никаких сомнений насчет того, кого он имеет в виду.

Она обдумала вопрос. Был ли Пенрик безумным, по стандартам обычных людей? Или следует спросить, был ли он безумным *по стандартам* чародеев? У нее начали возникать вопросы насчет чародеев, которые не приходили ей в голову раньше, когда чародеи были просто далекими слухами или случайными фигурами в белых одеяниях.

— Не думаю, что генералу Чадро нравятся мужчины? — со слабой надеждой спросила она. — Как

по-твоему?

— Я никогда об этом не слышал. И уверен, ему не понравится, что его провели.

— О.

Аделис смерил ее взглядом.

— Думаю, нам лучше собрать вещи. Возможно, придется спасаться бегством.

Никис отрывисто кивнула, испытывая дурноту.

— Сколько будем ждать?

— Понятия не имею. Хотя Чадро не станет терпеть дураков молча. Если поднимется шум, мы услышим.

— Через весь дом? — Спальня Зихре располагалась на другом конце внутреннего атриума.

— Вполне возможно. Бастардовы зубы, смелите нас в муку. — Никогда еще проклятие не казалось таким уместным. — Если Пенрика разоблачат и арестуют, нам придется его бросить. Пусть выпутывается сам.

Он никогда нас не бросал. Ни разу. Этот вопль боролся с — *Что, по мнению этого долговязого психа, должно произойти?* Никис лишилась голоса, разрываемая между обидой и страхом.

Работая вместе, они быстро собрали пожитки в два узла. Никис разложила скудную одежду

Пенрика на кровати. Его медицинский саквояж она поставила в стороне, хотя сначала убедилась в том, что он аккуратно собран. Аделис достал меч. Все это не заняло много времени, после чего им осталось только сидеть рядом на кровати и прислушиваться к случайным голосам и шагам на галерее, которые по мере наступления ночи становились все реже и тише. Никис встала, распахнула дверь и, склонив голову, прислушалась, но различила лишь звуки засыпающего дома. В конце концов Аделис вытянулся на своем матрасе, одетый, с мечом под рукой, и задремал, поэтому Никис не стала расхаживать по комнате. Вместо этого она ерзала на месте, напрягая колени и ступни.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем она услышала приближающиеся шаги в галерее — шлепанье босых ног, а не стук сабо. И с каких это пор она научилась узнавать эти шаги по звуку? Никис вскочила. Дверь открылась, и появился Пенрик, по-прежнему в образе Миры, с медной макушки до лакированных ногтей на ногах. Сабо он держал в руках. Его платье не выглядело помятым. И никакой крови. Он закрыл дверь и прислонился к ней, устало выдохнув. Его глаза были темными и немного безумными. Никис по-

чему-то вспомнила неуклюжую кошку, которую они однажды выловили из бака.

— Что ж, — сказал он голосом, который был слишком низким для него и тоже напоминал нечто, исходившее из бака. — Это было познавательно.

Аделис вскочил на ноги.

— Где Чадро?

— Спит как убитый. Не знаю, позволит ли ему Зихре лежать в ее кровати до утра или разбудит и вышвырнет.

— Что ты с ним *сделал*? — спросила Никис. — Что-то магическое?

Магия, иллюзии… конечно же, Пенрик был способен на что-то такое. Быть может, ему не пришлось ничего делать… по-настоящему. Она покосилась на шрамы Аделиса, наполовину зажившие, и на его глаза, полностью восстановившиеся. *Но чародейство реально.*

Пенрик долго молчал. Наконец ответил:

— Мира не обсуждает своих клиентов. Насколько я понял, это очень жесткое правило. Ему следуют лодийские куртизанки высшего ранга; отчасти благодаря этому они и становятся куртизанками высшего ранга.

Аделис покосился на него, поджав губы, но не

стал продолжать расспросы. По крайней мере, в присутствии Никис. Это сводило с ума.

— Ты не ранен? — настойчиво спросила она. — Тебя не… обидели?

— Вовсе нет. — Поморщившись, Пенрик пару раз сжал руки в кулаки. — Все в порядке, Никис. Ни мое платье, ни тело мое не пострадало, но клиент остался доволен.

— Более важный вопрос, — вмешался Аделис, — разгадал ли Чадро твой маскарад?

Пенрик серьезно задумался, потом просто ответил:

— Нет. — Он стукнулся головой о дверь, вытянул шею и повел плечами. — Боги, как я устал. Но тут ничего не поделаешь. Никис, помоги мне выбраться из образа Миры и надеть собственную одежду. Но осторожно: она понадобится нам утром.

Он сделал два шага вперед, остановился и в отчаянии шлепнул себя по туловищу.

— Вот *дерьмо*!

Поскольку Пенрик был самым сдержанным на выражения человеком из всех, кого доводилось встречать Никис, та испугалась.

— Что случилось? — выдохнула она.

— Я забыл попросить денег. *Мира* забыла. Ты

можешь в это поверить? Я еще подумал, что она слишком возбуждена. И все это ради… дерьмо, вот *дерьмо*. — Он сделал глубокий вдох. — Ладно, быть может, сейчас мне удастся пробраться в храм Соси. И мой дорогой беленый бог, по пути я должен избавиться от хаоса. Он копился внутри весь день. Как вода за дамбой. Для таких объемов хаоса мелкие насекомые бесполезны, да их тут и не осталось.

Если он и заметил упакованные для бегства вещи, то ничего не сказал. Волей-неволей Никис пришлось помочь Пенрику выбраться из наряда Миры и отложить его в сторону. Она никогда не верила, что одежда делает человека, но отсутствие одежды определенно его делало: было на удивление приятно увидеть, как привычный Пенрик возникает из-под маскировки… и, быть может, контроля демона? Потому что она все больше убеждалась, что Мира не была чем-то поверхностным. Не была просто игрой.

Так значит… значит, сегодня Пенрик делал вещи, которые напугали бы ее. Мужчины часто их делали. Например, втыкали мечи в других людей или осаждали города. Однако Никис обнаружила, что, вопреки здравому смыслу, спокойствие Пенрика ее отталкивало. Было бы ей легче, если бы

он сильнее расстроился? По крайней мере, такую реакцию она смогла бы понять.

Она спросила:

— Как ты выберешься из дома незамеченным?

— В задней стене, возле прачечной, есть черный ход. Мне не нужен фонарь, и в темноте у меня не должно возникнуть проблем.

А если он заперт? — хотела спросить она, потом сообразила, что это глупый вопрос. Она видела, как он обращается с замками. Очевидно, существовали преграды, способные остановить чародеев, но обычные замки к ним не относились.

А потом он исчез, ушел тихо, как кошка. Но на этот раз ей на ум пришли крупные дикие кошки, обитавшие в северных горах, те, что по ночам воровали ягнят и детей. Она давно знала, что Пенрик странный, однако почему-то считала, что он *неопасен*.

Но разве Аделис, или Кимис, или Чадро были неопасными? Несмотря на мягкоголосую скромность Пенрика, на его бесхитростные, безобидные улыбки, Никис начала осознавать, что он самый опасный человек из всех, кого она встречала. Или, по крайней мере, самый непредсказуемый… быть может, дело было в этом. Большинство

людей играли в жизни отведенные им роли. Если ты знал, что это за роль, то мог с большой вероятностью предположить, как они будут себя вести. У нее не было сценария для *одержимого демоном чародея*.

Как и у Аделиса, надо полагать. Пенрик владел силой, которую Аделис не мог увидеть и которой не мог противопоставить свои армейские умения. Интересно, догадывался ли Пенрик, что причиной холодности брата по отношению к нему был подавленный страх? И догадывался ли об этом сам Аделис?

Следующий час тревог был повторением двух предыдущих, хотя Никис настолько устала, что легла на матрас рядом с Аделисом. Он спал; она не могла уснуть. Наконец Пенрик проскользнул обратно в комнату, не позаботившись вооружиться свечой. Та, что стояла на умывальнике и едва разгоняла сумрак, уже догорала.

Аделис и Никис резко сели.

— Какие-то проблемы? — спросил Аделис.

Пенрик махнул рукой в полумраке.

— Да и нет. Меня не видели. Но храм Соси, очевидно, опустошает ларцы для подношений, прежде чем закрыться на ночь. Ни одной монетки.

Аделис нахмурился.

— Там должны были быть ценные предметы. Хорошие подсвечники, блюда…

— Верно — и все они слишком узнаваемы, чтобы пробовать продать их в этом городе. — Голос Пенрика обрел непривычную резкость. — Поскольку суть затеи состоит в том, чтобы выбраться из города, это плохая идея. Которая приходила мне в голову, уж поверь. — Он помедлил, чтобы избавиться от куртки и штанов, и рухнул на кровать в рубашке и подштанниках. — О боги. — И мгновение спустя добавил: — Однако мне удалось избавиться от всего накопившегося хаоса. Я встретил больную бродячую собаку. Бедное животное.

Никис обдумала эти слова, и ей в голову пришел новый вопрос:

— Как ты избавлялся от хаоса, когда работал на Орден Матери в Мартенсбридже?

С постели донеслось тихое фырканье.

— Я заключил сделку с мартенсбриджским мясником. Однажды я лечил его дочь. А он позволил мне забивать животных. Это была двойная выгода: я мог избавляться от колоссальных объемов хаоса, а животные умирали безболезненно, без страха и стресса. Похоже, это было теологически приемлемо, потому что ни один бог не наказал

меня. К счастью. Моему начальству такая схема весьма понравилась. Она позволяла им использовать меня до последней капли.

И дальше, пока он не сломался, насколько поняла Никис из ночной исповеди Пенрика в храме Скироса. Которой Аделис не слышал, а она ему не рассказала. Сейчас ей не хотелось ничего объяснять.

— Это отлично сработало, — продолжил предаваться воспоминаниям Пенрик. — Хотя я на время перестал есть мясо. Странно. У меня никогда не было такой проблемы с животными, на которых мы охотились или которых забивали на ферме. — Его голова упала на подушку, и он осенил себя знамением. Казалось, его голос доносится из-под кровати. — Завтра нам понадобится новый план. Этот становится чересчур сложным.

— Думаешь? — скептически проворчал Аделис.

Пенрик не ответил.

* * *

Следующим утром, когда они еще крепко спали после трудной ночи, их разбудил стук в дверь. Никис сползла с матраса и поплелась к двери, накинув на себя роль служанки, словно мятый халат. Но это была мадам Зихре. Никис впустила

ее и плотно закрыла дверь, поскольку сонно севший на кровати Пенрик по-прежнему был собой, с плоской грудью и небритым подбородком.

Зихре подошла к постели, уперла руки в бедра и пристально посмотрела на него.

– *Что* вы сотворили с бедным генералом Чадро прошлой ночью, *Просвещенный*?

Пенрик потер лицо и явно проглотил первый напрашивавшийся ответ — *Ничего!* — как откровенно неправдоподобный.

— Почему вы спрашиваете? Он жаловался? — Пенрик замер и сглотнул. — Он догадался, кто я на самом деле?

— Я понятия не имею, кто вы на самом деле, — раздраженно ответила Зихре. — Но нет, он не жаловался. А прислал вот это, с курьером. — И она сунула Пенрику под нос маленький кошелек.

— О! — изумленно воскликнул Пенрик. — Честный человек, да прольют пятеро богов благословения на его уродливую голову! — Он взял кошелек, ощупав содержимое через ткань. — Если это серебро, а не медяки, что было бы оскорблением, возможно, нам все-таки удастся нанять экипаж и продолжить путь.

Он разложил на коленях одеяло за неимением подноса и высыпал на него содержимое кошель-

ка. Зихре, Никис и Аделис — который снова натянул на нос шляпу, хотя на столь близком расстоянии это было бессмысленно — столпились вокруг кровати, чтобы посмотреть.

Звонкий поток металла цвета настоящих волос Пенрика хлынул на ткань и сложился в маленькую кучку.

Все долго молчали, глядя на сверкающее золото.

— На это мы можем *купить* экипаж, — дрожащим голосом сказала Никис.

— И упряжку, — добавил Аделис. — Слаженную.

— Что ж. — Пенрик сделал глубокий вдох. — Мира определенно путешествовала именно с таким шиком.

Никис сглотнула, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

— Только это будут пустые траты.

Губы Пенрика растянулись в быстрой, мимолетной ухмылке, хотя Никис понятия не имела, чем его насмешила.

* * *

Просвещенный Пенрик демонстративно отказался доверять новый кошелек Аделису или

Никис, которая могла отдать его Аделису — щеки последнего немного покраснели от напоминания о том, как он обманул Пенрика в Скиросе, перед бегством через холмы. К тому времени как они позавтракали, вновь преобразили Пенрика в Миру, и та вместе с Никис, предусмотрительно сопровождаемая слугой, которого одолжила Зихре, добралась до конюшни и обо всем договорилась, утро давно миновало. Когда они выехали за ворота Соси в наемном экипаже, почти наступил полдень. Кучер быстрой рысью погнал упряжку на восток, по речной дороге.

Пенрик еще больше задержал отъезд, уединившись вместе с Зихре, чтобы сменить компресс и в последний раз обработать опухоль. Пытаясь ничего не выдать, он недомолвками постарался предупредить ее, чтобы она никому не рассказывала правду о своих гостях. Никис решила, что женщина хорошо поняла его предупреждение. Ее прощальные слова были уклончивыми, пусть и вежливыми. Хотя она и добавила, что, если Храм когда-нибудь отлучит Просвещенного Юральда от служения, для него может найтись работа в ее доме. По крайней мере, Зихре не попросила отдать взятую взаймы одежду.

Дорога повернула, и Никис посмотрела назад,

на город на возвышенности.

— Как по-твоему, ты еще вернешься сюда, Пенрик? Чтобы узнать, сработало ли то, что ты попробовал с мадам Зихре?

Пенрик откинул голову на потертые кожаные подушки сиденья и закрыл глаза.

— Нет, — ответил он.

Несмотря на платье, прическу и макияж, в этот момент он не слишком напоминал Миру. Никис удивилась этой разнице — и тому, что так легко ее заметила. Она помолчала.

— Почему нет?

— Если оно сработало, мне не нужно это знать, а если нет, я не хочу об этом знать. — И он отвернулся, сделав вид, будто задремал. Не слишком убедительно.

Аделис смотрел на реку, барабаня пальцами по коленям. Соси стоял на границе речного судоходства; до него доходили в основном лодки, а не баржи.

— Нам следовало позавчера украсть одну из этих лодок, — задумчиво сказал он. — Или предложить отработать свой проезд, например, на зерновозе. Мы бы уже почти добрались до берега. Избегнув ужасных рисков, которым подверглись в своем последнем месте проживания.

Не открывая глаз, Пенрик поморщился. Возможно, Аделис был прав. Никис подумала, что его слова ловко обесценили все, что Пенрик сделал для них за последние два дня, почти исчерпав свои странные ресурсы.

Пятеро богов, не могу дождаться, когда это путешествие наконец закончится.

VI

К наступлению темноты их экипаж преодолел три четверти пути до границы. После недолгих споров Пенрик решил, что они остановятся на следующем постоялом дворе, чтобы поесть и поспать, и не станут платить лишние деньги за ночную езду. Если они будут ехать всю ночь, Мира прибудет на границу растрепанной и некрасивой, подобные путешествия были редкостью, а значит, чаще привлекали внимание, и Аделису лучше подать прошение об убежище при дворе Орбаса днем. Задержка привела Аделиса в ярость. Пенрик не мог его винить.

Постоялый двор оказался скромным и чистым, но Мира дулась и предоставила Пену самому играть ее роль. К счастью, много усилий не потребовалось, золотые монеты сами говорили за куртизанку-путешественницу, купив им отдельную комнату и ужин. Дездемона в целом по-прежнему разговаривала с Пенриком, хотя сказать ей, похоже, было нечего.

Никис тоже отмалчивалась, явно испытывая отвращение из-за его ночной — на удивление успешной — авантюры. На самом деле, это была

авантюра Миры, но к чему спорить? Тем самым он лишь создаст впечатление, будто его демон вот-вот вознесется, что едва ли улучшит ситуацию. Достаточно будет переправить Никис и ее брата через границу в целости и сохранности, что в конечном итоге и было задачей, которую он взялся решить с самого начала. Все прочее, включая благодарность, являлось даром, на который он никак не мог повлиять. Уж лучше пусть она сердится на него. Это сделает расставание менее болезненным. Верно?

Мысль о том, что весь их визит в Соси вполне мог быть ответом Бастарда на молитвы, которых никто из них не произнес вслух, была слишком тревожной, чтобы на ней задерживаться. Когда они задули свечи и улеглись в постели, Пенрик занялся более приземленными вопросами.

Вилнок станет первой возможностью сообщить о себе в Орден после известий о его казни-или-бегстве из бутылочной темницы в Патосе. К этому моменту первые сообщения о судьбе их посланника должны были дойти до герцога и архисвятого в Лоди, но он понятия не имел, что они услышали и чему поверили. Они могли считать его мертвым. Пен с болью подумал, не забрал ли архисвятой себе все его книги, а может, отдал их

герцогу или выставил на продажу.

Но если его драгоценные тома безвозвратно пропали, зачем ему возвращаться? Он обдумал идею остаться мертвым. Это будет очень хитрый, ловкий побег ото всех его клятв и обязанностей. Вот только он на самом деле этого не хотел. Ему бы не хватило мужества уничтожить репутацию ученого, которую он создавал последние десять лет, а ученый нуждался в богатом покровителе. Простые люди не станут платить за работу, которая не принесет мгновенной прибыли.

Запомни это на будущее, насмешливо шепнула Дез, терпеливо выносившая его терзания. Как будто у нее был другой вариант, кроме как терпеть его. Точно так же, как и у него.

Дез!

Но его гневу не хватало искренности.

* * *

Следующим утром они выехали достаточно рано, несмотря на время, потраченное, чтобы довести Миру до совершенства. Аделис стискивал рукоять меча от нетерпения. Но наконец, сопровождаемая парой слуг в масках и накидках, Мира уселась в экипаж, и они тронулись в путь. Им осталось всего двадцать пять миль. Еще одна сме-

на лошадей — и они у цели, хотя в приграничной деревне им вновь придется сменить обеих лошадей и экипаж, оставив седонийский транспорт и наняв орбасский. Без сомнения, за высокую цену, но благодаря этому такие услуги были доступны. Обирать чужеземных путешественников, попавшихся в ловушку приграничных законов, было любимой традицией местных жителей по обе стороны границы.

Они сменили лошадей, и им осталось проехать всего десять миль, когда болезненно напряженный Аделис повернул голову.

— Стук копыт. Лошади. Скачут галопом за нами.

— Надевай проклятую маску, прежде чем высовывать наружу голову, — потребовал Пен.

Аделис смерил его злобным взглядом, но подчинился. Никис тоже смерила его взглядом за это редкое ругательство и выглянула в другое окно.

— Кавалерия. Полдюжины всадников, — сообщила она.

Аделис выругался.

— Зубы Бастарда и кровь Матери! Это Эджин Чадро. Явился мстить тебе, Пенрик?

— Сможет экипаж опередить их и первым добраться до границы? Если предложить кучеру

золото? — спросила Никис.

— Никаких шансов, — ответил Аделис. — Слишком далеко. Они догонят нас через милю. Придется драться. — Он проверил висевший на ремне нож и лежавший рядом меч. Достал из свертка лук, надел тетиву и извлек скудный запас стрел. Хмуро посмотрел на Пенрика. — Вместе нам уже удавалось одолеть столько противников. Ты сможешь снова делать свои магические фокусы, Пенрик? Стрелять из лука? Или мне отдать его Никис? А может, ты побоишься запачкать платье?

Пенрик проигнорировал скрытое оскорбление. Он хотел думать быстро, но все его мысли занимал тихий кабинет над каналом, где он внезапно очень захотел оказаться.

— Хватит одного выжившего, чтобы предупредить приграничную стражу и привести подкрепление. Ехать недалеко.

Аделис стиснул зубы.

— В таком случае, нужно позаботиться, чтобы никто не ушел.

Пенрик обдумал грядущий хаос. Был ли это дар его бога? *Если так, он мне не нужен, Господин.*

— Это оживленная дорога. Любой посторонний свидетель может скрыться и сделать то же самое.

Или кучер. Не думаю, что нам удастся сохранить секрет в такой кровавой схватке. — Он пересел к Никис и тоже выглянул наружу. Всадники приблизились настолько, что за стуком копыт лошадей, звоном упряжи и скрипом экипажа можно было различить низкий крик. — Погодите.

— Что еще? — в ярости рявкнул Аделис. — Ты выжил из ума? — Его рот сжался в тонкую линию. — Или наконец решил нас предать? О чем ты беседовал с Чадро той предпоследней ночью?

— Не об этом, — напряженно ответил Пенрик. — Слушайте.

Крик превратился в слова:

— Сора Мира! Остановитесь! Пожалуйста!

— Вы не думаете, — медленно произнес Пенрик, — что если бы он разгадал мою маскировку, то кричал бы что-то вроде: «Остановись, чтобы я мог тебя убить, Юральд, проклятый сукин сын!»?

Брови Никис поднялись.

— Правда?

— …Если, конечно, он не настолько хитер. Он хитер, Аделис?

— Возможно. — Рука Аделиса стискивала рукоять меча. — Возможно.

— Потому что если он по-прежнему считает

меня Мирой, думаю, я смогу с этим справиться. — Что бы это ни было. — Может, отдам ему остатки золота. — *Верно, Мира? Верно?*

Ответная тишина была ощутимой и демонстративной.

Пен попытался уговорить ее. *Прекрасная Мира, если я недостаточно восхищался трудами ваших рук, я прошу прощения и обещаю исправить свою оплошность позже — но только если это позже наступит. А кроме того, если нас всех убьют на этой дороге, куда вы перепрыгнете? Я хочу сказать, я знаю, что вам понравился Чадро, но не в этом же смысле?*

Дездемона фыркнула. *Достойный восхищения человек, но его ум недостаточно быстр и пластичен. В отличие от твоего, юный Пенрик.*

— Мы сможем подраться после разговора, — Никис сглотнула, — но не сможем поговорить после драки. Думаю, надо дать Пенрику попробовать.

Аделис гневно выставил челюсть, но выдавил из себя:

— Может, и так.

Пен отрывисто кивнул.

— Сиди в экипаже и не показывайся, Аделис. Эти маски могут обмануть того, кто тебя не знает, но не твоего знакомого. Если дела пойдут скверно,

я попытаюсь направить к вам пару лошадей. Или перерезать упряжь, или сделать, что получится. Скачите и не оглядывайтесь.

— Не надо объяснять мне, как делать мою работу, и я не буду объяснять тебе, как делать твою, — проворчал Аделис.

Их окружили ухмыляющиеся всадники, один протянул руку к изумленному кучеру, другой — к поводьям лошадей. Требования остановиться звучали скорее весело, чем кровожадно. Под протесты, но не сопротивление кучера экипаж с грохотом встал. Подскакавший Чадро прижал взмыленную лошадь к двери, блокируя ее. Животное раздувало алые круглые ноздри. Сам Чадро выглядел ненамного лучше, но торжествовал, словно победитель в конце праздничного забега. Его уродливое лицо было мокрым от пота, грудь вздымалась и опадала.

Пен осенил себя знамением, пять раз постучал большим пальцем по губам, сделал глубокий вдох, растянул губы в улыбке и высунулся из окна.

— Дорогой Эджин! — воскликнул он, изображая изумление. — Что вы здесь делаете?

— Я думал, вы еще отдыхаете у Зихре. И не ожидал, что вы так быстро уедете. Прошлым вечером

я пришел, чтобы поговорить с вами, но вас уже не было.

— Как я и говорила, у меня есть обязательства, и мы уже сильно задержались.

Чадро спешился, передал поводья своей лошади ближайшему офицеру и посмотрел на нее.

— Мира, вы не согласитесь немного пройтись со мной? То, что я должен сказать, предназначено только для ваших ушей.

Губы Пена в сомнении приоткрылись, но наконец Мира заговорила: *Я вас умоляю! Я слишком много раз участвовала в этой пьеске. Отойдите в сторону, Просвещенный Глупец. Не могу смотреть, как вы барахтаетесь.*

Пен с облегчением передал контроль ей, готовый при необходимости мгновенно вмешаться. Мира вышла из экипажа в услужливые объятия Чадро намного изящнее, чем смог бы Пен. Ее улыбка была мягкой и благодарной. Руки Чадро были горячими, и Пен быстро схватил их, чтобы не дать ощупать накладки под одеждой. Здесь не было удобных прикроватных столбиков и пут, и его костюм мог одурачить только взгляд.

Мира взяла Чадро под руку, и они неспешно зашагали вверх по склону, подальше от напряженных ушей и любопытных глаз спутников с

обеих сторон. Рядом с дорогой рос старый платан, и Чадро завел Миру в его пятнистую тень. Тонкие сухие листья зашуршали под ногами. Чадро повернулся и взял ее ладони в свои. Пен вгляделся в его серьезное уродливое лицо; даже без сабо он был на полголовы выше генерала. Чадро посмотрел вверх, словно человек, преклонивший колена перед алтарем.

— Что мне сделать, чтобы вы согласились остаться со мной, Мира?

— Я не могу остаться. Я говорила вам о причине моего путешествия.

— Да, вы были со мной полностью откровенны…

Ой, ой, ой.

— И все же вы собираетесь выбрать одного мужчину. Почему не другого?

— Мой путь уже определен.

Он опустил подбородок.

— Полагаю, счастливчик планирует разделить с вами только часть себя. — Чадро сделал глубокий вдох. — Что, если я перебью его ставку? Выходите за меня замуж, и я буду принадлежать вам целиком.

— О, Эджин, — вздохнула Мира. — Вы думаете, я не получала подобных предложений прежде, от

других великих людей?

По-моему, это чересчур, заметил Пен.

Нет, это правда. Мира погладила Чадро по крупному крючковатому носу, дружелюбным, но отстраняющим жестом. И продолжила:

— Когда я прибуду в Орбас, мне придется выбирать между двумя герцогами.

Пен осознал, что это тоже была чистая правда. Хотя герцог Адрии ни разу не проявил желания затащить его в постель. К счастью.

Ошеломленный Чадро сглотнул. Но быстро пришел в себя. Он явно не привык сдаваться — иначе не получил бы своего нынешнего ранга.

— Но осмелюсь предположить, что ни один не предлагает вам замужество.

— Нет. В этом их прелесть.

— Вам необязательно идти по морю жизни в одиночку. Я могу стать вашей гаванью. Вашей скалой.

— Вы солдат, Эджин. Вы должны служить вашему императору, а не мне. Одно неудачное мгновение в битве — и моя скала рассыплется песком. Или могильной землей.

— Вдову седонийского генерала не оставят без средств к существованию.

— Обменять свадебные гирлянды на похо-

ронные венки? Вы мне нравитесь, но подобные церемонии меня не привлекают.

Знаешь, этот человек действительно совершенно не умеет обращаться с женщинами, насмешливо заметил Пен.

Тише, шикнула на него Мира. *По-моему, он очень милый.*

Пен вгляделся в уродливое лицо, пытаясь увидеть то, что видела она. И, к своему ужасу, увидел.

— Каково ваше сокровенное желание, Мира? Все, что мне по силам, я положу к вашим ногам.

Мира улыбнулась, печально и ласково.

— Моя свобода.

Чадро долго молчал, обдумывая ее слова. Наконец едва заметно кивнул.

— Я человек слова. В таком случае, вы разрешите проводить вас до границы?

— Буду очень признательна.

Чадро вновь предложил ей руку, и они медленно вернулись к экипажу.

— Если ваш герцог рассыплется песком, вы сможете меня найти?

— Смогу.

— Вы еще молоды — сколько вам, двадцать? Двадцать три? Вы можете передумать в будущем.

Будущее такое долгое.

Ты понятия не имеешь, насколько долгое, подумала Мира. *Как и я.* В конце концов, она царила в Лоди больше века назад.

— Вы захотите меня, когда мне будет тридцать? Сорок? — Она сухо улыбнулась. — Двести лет?

— Да, — просто ответил Чадро.

— Жестоко давать вам ложную надежду.

— Еще более жестоко не давать никакой надежды.

— Не совсем так.

Ты его мучаешь, сказал Пен.

Да. Милые люди постоянно воображали, будто влюбились в меня. Хотя на самом деле большинство влюблялось в свои члены.

Но не все?

Она мысленно вздохнула. *Нет, не все. Быть может, я бы и отдалась одному из них, но опухоль в моей матке забрала меня первой. Мне не было и сорока пяти, когда я умерла.* Она повеселела. *Приятно знать, что я по-прежнему могу поймать их на крючок.*

Да, Мира. А теперь, пожалуйста, избавься от него.

Я пытаюсь, надулась она. *Но он очаровательно настойчив.*

— Значит, два герцога. — Чадро выдохнул, неохотно признавая поражение.

— Нужно использовать возможности, когда они подворачиваются.

— Похоже, некоторые возможности подворачиваются слишком поздно. Или слишком рано. — Он остановился и повернул ее к себе. — Несмотря на то, чем мы занимались всю позапрошлую ночь, я так и не получил поцелуя.

Пен едва успел просунуть руку между ними и упереться растопыренными пальцами в грудь Чадро, прежде чем тот обнял Миру, привлек к себе и прижался губами к ее губам. Пен не вмешивался, пока она отвечала на поцелуй, изящно, но целомудренно, словно не имела ничего общего с порочно изобретательной Мирой из той спальни. Неудивительно, что она сводила мужчин с ума. Пен был рад, что использовал мало набивки, которую было непросто нащупать в складках сине-зеленого платья. Смотревшие солдаты гикали и свистели. Пен чувствовал на себе взгляд скрытых за масками широко распахнутых глаз в окне экипажа.

— Свобода тоже может обратиться в пепел, — прошептал Чадро.

— Я знаю, — ответила Мира.

— Вы слишком молоды, чтобы быть такой мудрой.

— Вы слишком стары, чтобы быть таким глупым. Но вы добры, а это сокровище встречается реже золота. Пусть женщина, которую вы однажды им одарите, будет этого достойна.

Она выскользнула из его объятий, и Пен поспешил к экипажу, опасаясь за целостность своего наряда. С натянутой улыбкой Чадро последовал за ним и помог Мире подняться по ступеням в экипаж, на прощание искренне пожав ее руку с медными ногтями. Дверь экипажа закрылась.

Хрипя, Пен рухнул на сиденье напротив Никис и Аделиса. Снаружи донеслись негромкие приказы, и экипаж снова тронулся, на этот раз сопровождаемый шестью вооруженными всадниками.

Аделис выглядел так, словно вот-вот прыгнет на Пена и придушит его.

– *Что там произошло?*

— Генерал Чадро любезно согласился проводить сору Миру к границе и проследить, чтобы она успешно ее пересекла.

— Что? — ахнула Никис. — Как ты это проделал?

Аделис рывком выглянул в окно, словно желая

убедиться, что они по-прежнему едут в правильном направлении.

— Уверяю вас, это целиком и полностью заслуга Миры.

Никис опасливо посмотрела на него сквозь прорези украшенной блестками маски.

— И где за этим красивым личиком кончается Мира, и начинается Пенрик?

Пен подумал о том, как за долгие годы слились Шугана и Литикон — и чуть в меньшей степени Вазия, и покачал головой.

— Если я проживу достаточно долго, будет трудно сказать. — По-прежнему испытывая головокружение, он откинул голову на спинку сиденья и подождал, пока успокоится сердцебиение. Это было *хуже*, чем бег на короткие дистанции. — При условии, что я раньше не умру от ужаса. Но тогда это перестанет быть моей проблемой. Утешительная мысль.

Никис напряглась, будто хотела отпрянуть, но в тесном экипаже отодвигаться было некуда.

Пенрик закрыл глаза и подумал: *Клянусь своему богу, Дездемона, если мне еще когда-нибудь придется переодеваться женщиной, я позову Просвещенную Аулию.*

Какой ты неблагодарный, Пенрик! Но он чув-

ствовал веселье Миры. Конечно, она смеялась над ним.

Не уверена, что это комплимент, прошептала Аулия. *Хочешь сказать, я скучная?*

Пенрик мысленно представил себя, с извинениями машущего руками и пятящегося назад. Дез фыркнула.

Если ты хотел скучной жизни, сказала она, *то выбрал неправильного демона на той обочине возле Гринуэлла.*

Ха. Кто из нас кого выбрал? И кстати, что такое правильные и неправильные демоны? Все демоны изначально были одинаковыми, бесформенными каплями хаоса, которые вырвались в мир из преисподней Бастарда, или хранилища беспорядка, или что там собой представляло это место. Каждый с каждым новым седоком все сильнее отличался от прочих; по мере накопления седоков эти различия усиливались. Теологический диспут Дез, что Храм не должен винить демонов в отпечатках, которые на них оставляли седоки, длился давно и… едва ли мог быть разрешен на дороге.

Экипаж шумно катился вперед. Несколько минут спустя Пен открыл глаза и собрался с мыслями в достаточной степени, чтобы предупредить:

— Ни слова об этом эпизоде не должно слететь с ваших губ.

Аделис фыркнул.

— Смущены, Просвещенный? Поздновато заботиться о своей чести.

– *Ни единого слова,* — раздраженно повторил Пенрик. — Если ваши враги при императорском дворе когда-нибудь узнают, как Чадро упустил вас из рук, они повесят его вместо тебя, Аделис. А он этого не заслуживает. — И добавил, с намеренной жестокостью: — А может, они выжгут ему глаза кипящим уксусом.

Этот удар попал в цель, и Аделис опустил взгляд, пусть и не пристыженный, но хотя бы обескураженный. Однако некоторое время спустя он пробормотал:

— Если мы когда-нибудь встретимся на поле боя, я могу *пожалеть*, что его не повесили.

Последние пять миль до границы они проехали в мрачном молчании.

Благодаря покровительству генерала Чадро стражники на седонийской стороне пропустили их с величайшей любезностью и без вопросов. Наемный экипаж провез их еще несколько сотен ярдов, через реку, по которой проходила граница двух государств, и на следующий холм к погра-

ничному посту Орбаса. Здесь кучер высадил пассажиров, получил уместное вознаграждение и развернул лошадей, чтобы ехать обратно.

Наблюдавшие за их помпезным прибытием орбасские стражники уделили им больше внимания. Путешественники по-прежнему не выходили из ролей. Два слуги в масках покорно следовали за ослепительной госпожой, которая, не называя имен, дала стражникам понять, что путешествует под защитой очень высокопоставленного лорда Орбаса, и тот нетерпеливо ждет ее безопасного и беспрепятственного прибытия.

Ближе всего к драке они оказались, уже миновав солдат, когда три соперничающих владельца экипажа кинулись навязчиво предлагать им свои услуги. Аделис в роли слуги Миры криками и затрещинами заставил их умолкнуть и выбрал того, которому принадлежала самая крепкая и быстрая на вид упряжка. Лишь когда они забрались в новое транспортное средство, наблюдавший с дальней стороны оврага Чадро в последний раз помахал Мире. Та милостиво махнула в ответ и послала ему воздушный поцелуй, после чего генерал развернул коня и уехал, безутешно ссутулившись.

Когда они отъехали на милю от приграничной

деревушки, не услышав сзади звуков погони, Аделис наконец сорвал с себя сельскую шляпу и карнавальную маску, швырнул на покачивающийся пол экипажа и согнулся, спрятав покрытое шрамами лицо в ладонях. Его плечи содрогались, и Пенрик не знал, плачет ли он или пытается сдержать рвоту. Или то и другое. Из них троих Аделису выпала самая ужасная ноша, и Пенрик полагал, что лежавшая у их ног и слепо смотревшая вверх маска была не единственной, которую носил бывший генерал.

Никис положила ладонь на руку брата и сжала, не произнеся ни слова. Пенрик тоже осмотрительно промолчал.

VII

После первой смены лошадей на дороге Просвещенный Пенрик выбрался из платья Миры и надел собственную одежду, что было весьма непросто в тесноте экипажа. *Нет… не собственную*, подумала Никис, а просто какой-то приемлемый наряд, который он купил у торговца поношенной одеждой в Патосе после бегства из бутылочной темницы, прежде чем объявиться перед Никис в саду ее виллы. Казалось, с того солнечного утра прошла сотня лет. Туника из неокрашенной ткани, брюки, зеленая безрукавка, которая когда-то обманула глаза Никис — или, по крайней мере, ее усталый разум, и она приняла его за целителя из Ордена Матери (не давшего клятву). Одежда, человек, уловки и вся их компания в целом сильно истрепались за время долгого бегства.

— Аделис, когда ты попадешь во дворец герцога, возникнет много вопросов о твоей слепоте, — сказал Пенрик, принимаясь расплетать элегантную прическу Миры. — Я прошу… я умоляю тебя… — Он помедлил, подбирая слова. — Тебе будет намного проще, если ты скажешь, что человек,

выливший на тебя кипящий уксус, плохо справился с задачей, и твое зрение восстановилось само собой. Отчасти благодаря хорошему уходу твоей сестры.

Аделис оглядел его.

— Тебе не нужно признание? Репутация?

— Только не за это.

— Так какова твоя роль в этой пьесе? На этот раз. — По усталому тону Аделиса было ясно, что он смертельно устал притворяться.

— Думаю, это роль без слов. Когда мы доберемся до Вилнока, я планирую отыскать главный храм и обратиться в дом Ордена Бастарда. Когда моя личность будет подтверждена, я смогу вернуться в Адрию. — Он осторожно посмотрел на Никис, думая неведомо о чем. Расчесал волосы пальцами и начал вплетать в косу простую короткую веревку. — Хотя вы можете отправиться туда вместе со мной и использовать дом Ордена, чтобы подготовиться к визиту во дворец. Помыться, поесть, возможно, одолжить что-то из одежды. Отправить во дворец посла с предупреждением о вашем прибытии, от которого не удастся отмахнуться. Это лучше, чем застать герцога врасплох. Ведь речь идет не об атаке.

— Думаю, не стоит появляться у ворот герцога

Джурго, как попрошайки, — медленно произнес Аделис.

Хотя они были попрошайками? Но нет. Аделис был кладезем военных талантов и опыта, желанной добычей для такого главы осажденного государства, как герцог Джурго из Орбаса. Пенрик был прав; ее брат с самого начала не должен обесценивать себя. А поскольку вся его свита состояла из Никис, она тоже не должна себя обесценивать. Она задумчиво сняла через голову накидку служанки, свернула и отложила в сторону. Аделис уже избавился от своей.

Пенрик пожертвовал остатками содержимого их кожаной фляги, чтобы попытаться смыть румяна и сурьму. В результате он стал напоминать человека, которого избили в таверне и который после этого не спал три дня. Никис нетерпеливо отобрала у него рубашку и сама очистила ему лицо.

— Спасибо, — пробормотал он.

Она вернула ему рубашку, сдержавшись и не швырнув ее.

За следующим поворотом и подъемом дороги открылся вид на портовый город Вилнок, и Никис высунулась в левое окно, желая отыскать хоть какой-то ориентир в опрокинувшемся мире. На

протяжении последних миль она видела проблески моря, но сейчас перед ней протянулась вся береговая линия. Вилнок стоял перпендикулярно заиленному устью реки Оары. Большие лодки могли пройти по ней лишь на несколько миль вглубь суши, после чего местность поднималась, и начинались стремнины. Город на протяжении столетий охранял устье, его бастионы тянулись к самой воде; это была одна из немногих хороших гаваней Орбаса на этом сложном побережье. Отчасти поэтому герцог сделал Вилнок своей летней столицей, однако на седонийский взгляд Никис, город размерами едва ли превосходил Патос.

Конюшня стояла за пределами городских стен. Там они покинули экипаж и расплатились с кучером. Конюх рассказал им, как добраться до местного Ордена Бастарда, который располагался рядом с главным храмом — из конюшенного двора был виден грозный силуэт на возвышенности. В кои-то веки, входя в городские ворота, они назвали страже настоящие имена, хотя и не титулы: Пенрик кин Юральд, Аделис Арисайдья, Никис Арисайдья Катай. По мнению Никис, Пенрик не слишком ответственно подошел к выбору имени в Соси, раз оно оказалось настоящим.

Они без труда отыскали местный дом белого

бога, где занимались скорее административными делами, чем поклонением. Он располагался в старом особняке торговца на боковой улочке рядом с храмовой площадью. Благодаря напору Пенрик пробился через привратника и оставил брата и сестру неловко ждать в вестибюле, пока он сам беседовал с местным начальством. Он вернулся, когда Аделис уже готов был сбежать. Пенрика сопровождала седовласая женщина в белоснежном одеянии полноправной святой; подвеска на ее шее говорила о некой власти. По крайней мере, при ее появлении привратник и посвященный, приставленные следить за гостями, вскочили и выпрямились с уважением, какое Никис считала несвойственным последователям Бастарда. Женщина обращалась к Аделису «генерал», к Никис — «мадам Катай», а к Пенрику — «господин Просвещенный». Услышав последнее, ее подчиненные моргнули, а медноволосый бродяга ухмыльнулся им.

Никис отправилась в женскую спальню вслед за улыбчивой юной служительницей, которую очень заинтересовала ее история. Никис старалась отвечать кратко. Но было таким облегчением вновь оказаться в женском обществе, пусть всего на пару часов. Девушки, быстро

собравшиеся, чтобы помочь Никис вымыться и одеться, напомнили ей суету, которую Зихре устроила вокруг Миры, хотя результат был не столь впечатляющим и более пристойным. Никис решила, что похожа на пухлую серую куропатку, и задумалась, будет ли выглядеть не так скучно, если одолжит наряд Миры. Только без удлиненного подола.

Пока ее кормили и приводили в порядок, Никис размышляла обо всем, что сделал для них Пенрик, без всякой выгоды для себя, если Аделис отказался ехать в Адрию. А если герцог Джурго откажется от Аделиса? Быть может, именно этого шанса ждал Пенрик, именно поэтому продолжал им помогать? Было непонятно, как их здесь примут.

Она не хотела переезжать в Адрию. Если на то пошло, не хотела покидать Седонию, хотя ни капли не жалела, что помогла брату. Беднякам выбирать не приходится, как гласила старая пословица. А значит, если ты хотел выбирать, то не должен был просить? В этой мысли было что-то неправильное, ведь Аделис вскоре сам собирался просить место у герцога.

Чего она хотела… что ж, этого она получить не могла. А значит, у нее оставался не выбор, а запасные варианты. Или, быть может, смешан-

ный выбор, поскольку то, чего она отчаянно хотела, было неразрывно связано с тем, чего она не желала.

Я хочу, чтобы моя жизнь хоть на время прекратила быть непрерывной чередой катастроф. Боги. Она так устала, что у нее пульсировали *глаза*. Но расслабляться было рано. Впереди ждал визит во дворец. Она должна пройти через это, не споткнувшись, ради Аделиса.

А если, вопреки всем бессмысленным тревогам Аделиса, герцог выполнит его желание? Аделис тут же уедет заботиться о своей новой армии, предоставив сестру самой себе в чужой стране. Конечно, сначала он поместит ее в какой-то безопасный на вид сейф, но все равно она будет одна среди незнакомцев. Четыре года назад, овдовев, Никис вернулась в дом овдовевшей матери, но сейчас это было невозможно, поскольку ее мать осталась в Седонии. *В безопасности в Седонии*, взмолилась Никис. То, что наложница отца была Аделису такой же матерью, как и благородная супруга старого генерала, едва ли придет в голову врагам брата; об этом знали только самые близкие друзья.

В безопасности в Седонии. Теперь эта мысль утешала слабее, чем прежде, подумала Никис,

когда запыхавшийся посвященный просунул голову в спальню и сообщил, что пора спускаться вниз: прибыл паж герцога, и генерал, брат мадам, уже ждет у входа.

В вестибюле она увидела Аделиса, облаченного в чистую, хорошо сидевшую на нем тунику и аккуратные темные брюки. Без отделки, скорее солдатские, чем аристократические, но именно это им и требовалось: герцогу Джурго нужны были подчиненные, а не соперники. Кто-то подстриг волосы Аделиса по армейским стандартам. Напоминавшие совиные перья красные шрамы вокруг пылающих рубиновых глаз могли немного напугать при первой встрече. В другой жизни Никис назвала бы этот эффект *демоническим*, однако теперь она намного лучше понимала, что собой представляли демоны.

Аделис одобрительно кивнул ей.

— Думаю, мы выглядим настолько хорошо, насколько возможно.

В переводе с языка Аделиса это была щедрая похвала. Никис улыбнулась и выпрямилась.

Он шагнул к ней и понизил голос. Наблюдая за сестрой, произнес:

— Полагаю, твое увлечение чародеем кончилось. После его ужимок в Соси.

Улыбка Никис померкла, когда она задумалась над хитросплетениями событий, которые видела. Если оставить в стороне безумную абсурдность лобковых вшей и влюбленного генерала… *Я видела, как он извлек смерть из груди женщины, словно снял нить с ручной прялки. А потом закинул в мир, чтобы она следовала за ним, как клубящаяся тень. Он видит в темноте.* Она покачала головой.

— Я понятия не имею, что о нем думать.

Аделис качнул подбородком, словно она его обнадежила. Сама Никис не ощущала подобной уверенности.

Кстати, о демоне. Быстрые, легкие шаги на лестнице возвестили о приходе Пенрика. Никис уставилась на него, раскрыв рот, потрясенная не меньше, чем когда впервые увидела его в саду виллы в Патосе.

Он где-то достал белые одежды Ордена Бастарда в адриакском стиле: прилегающую льняную тунику с длинным рукавом, застегнутую на пуговицы до круглого стоячего воротничка и расходившуюся от пояса фалдами, которые кончались у колен. Узкие льняные брюки. Бледные полированные туфли. Но в первую очередь внимание привлекала тройная петля с серебряными

концами на его левом плече, символ полноправного храмового святого, привычный белый и кремовый перевиты серебряной нитью в знак того, что он чародей. Или как предупреждение…

Несправедливо, но в официальном облачении он казался еще выше.

Он смыл с ногтей медный лак. Волосы, по-прежнему окрашенные хной, пусть и чуть посветлевшие, были забраны в тугой узел на затылке. Его синие глаза сияли, и Никис поняла, что впервые видит его в истинном обличье, без притворства.

Движение привлекло внимание Никис к еще одному человеку, ждавшему в вестибюле: встревоженному мальчику лет двенадцати, в накидке и ливрее Орбаса. Предположительно, это был паж герцога. Он шагнул вперед и коснулся рукой лба, приветствуя и отдавая честь.

— Если все собрались, господин Просвещенный, генерал, мадам, мне поручено отвести вас к секретарю герцога Джурго, мастеру Стобреку, который проводит вас к герцогу.

Они проследовали за мальчиком по улицам Вилнока, озаренным мягким морским предвечерним светом. Аделис немного отстал, чтобы поравняться с Пенриком и прошептать:

— Я думал, что ты здесь закончил.

— Я тоже, но мне сказали, что я приглашен к герцогу. А приглашение правящего герцога означает приказ. У меня есть некоторая репутация храмового ученого, и, похоже, герцог коллекционирует таких людей. Ученых, писателей, теологов, художников, музыкантов. Думаю, это более дешевый способ украсить двор, нежели строительные работы.

Никис видела знаменитые здания и храмы Тасалона, которые едва не разорили империю. Пенрик был прав.

— Чтобы показывать их, как в зверинце? — сухо спросил Аделис.

Губы Пенрика дрогнули.

— Поскольку герцог не ездит на них, не ест их и не запрягает в плуг, думаю, что да.

Вслед за пажом они миновали несколько кварталов и дважды свернули, прежде чем выбраться на более широкий проспект, который шел от верхней части города почти до самой гавани. Местная резиденция герцога представляла собой не дворец и не замок, а три стоявших в ряд старых особняка. Из одного забранного лесами конца доносилось эхо: звуки молотков, пил, стамесок, людские голоса. Паж провел гостей через среднюю дверь, беспрепятственно миновав стоявших

по обе ее стороны стражников, которые приветливо кивнули мальчику, откровенно уставились на лицо Аделиса и украдкой покосились на плечо Пенрика.

Никис едва успела оглядеть выложенный мрамором вестибюль, когда чей-то голос радостно воскликнул:

— О, это *он*! Великолепный шанс!

— Мастер Стобрек, секретарь герцога, — услужливо шепнул паж, когда к ним поспешил человек, приветственно раскинув руки. Его длинный наряд был изящнее одежды простого дворцового клерка, а у него на шее на золотой цепи висел символ службы.

Аделис глубоко вдохнул и выпрямился, однако человек прошел мимо него и вцепился в Пенрика.

— Просвещенный Пенрик из Мартенсбриджа! Такая честь принимать вас в Вилноке!

Пенрик улыбнулся, явно запаниковав, но ответил на объятие и пожал обе руки секретаря.

— В последний год — Просвещенный Пенрик из Адрии, — поправил он. — Я сменил архисвятого. Мы с вами встречались?..

— На том выдающемся храмовом конклаве в Карпагамо. С тех пор прошло пять лет, и неуди-

вительно, что вы меня не помните — тогда я был простым клерком в свите архисвятого Орбаса, а ваши таланты только начали получать широкую известность. Но я вас не забыл! Мне велено передать вам, от лица герцога Джурго и моего собственного, что вам будут очень рады за столом у герцога сегодня вечером. — Стобрек повернулся и запоздало добавил: — И вам тоже, генерал Арисайдья.

Ответная улыбка генерала была весьма натянутой. Даже вымученной.

— Благодарю вас, мастер Стобрек.

Он вопросительно покосился на Пенрика; тот лишь развел руками и пожал плечами.

Никис прикусила губу. Сильно. Хотя, наверное, она была единственной из присутствующих, кому мог сойти с рук смех над Аделисом. И хотя она по-прежнему испытывала сильные сомнения насчет Пенрика. Надо полагать, теперь можно не сомневаться, что Пенрик был Пенриком. *Среди прочего. Однако я и так это знала.*

— И вам тоже, мадам Катай, — еще более запоздало добавил Стобрек.

В ответ она одарила его сладчайшей улыбкой и пробормотала:

— В таком случае, поблагодарите герцога и за

меня, мастер Стобрек.

Она не сомневалась, что только прикрывший веки Пенрик уловил сарказм.

Появилась женщина — нет, дама, судя по изысканному платью и ненавязчивым украшениям. Темные волосы забраны в высокую прическу, седины не видно, но не слишком молода. Стобрек поднял глаза и благодарно сказал:

— О. Позвольте представить мадам Дассию, первую фрейлину ее милости герцогини.

Мадам Дассия грациозно кивнула ему, удостоила двух мужчин едва слышным аханьем при виде раны Аделиса, мгновенно взяла себя в руки и повернулась к Никис.

— Герцогиня Орбаса желает с вами познакомиться, мадам Катай. Прошу, следуйте за мной.

Женщина повела Никис к мраморной лестнице и лежавшему за ней лабиринту двориков и галерей, которым успел обзавестись этот импровизированный дворец.

— А герцог ожидает вас, генерал и Просвещенный Пенрик, — сказал мастер Стобрек. — С вашего позволения, следуйте за мной.

Они прошли за ним через арку на первом этаже и скрылись из виду.

Очевидно, Никис с Аделисом все-таки добра-

лись до безопасной гавани. А значит, можно перестать постоянно бояться, дрожать от ужаса, не зная, какие новые угрозы принесет будущее. Неужели этого недостаточно?

VIII

Стол герцога Джурго соперничал со столом герцога Адрии, хотя Пенрик достаточно часто сидел за последним, чтобы не испугаться роскоши и блеска. Но это означало, что трапеза будет долгой, а после нее пришел черед обязательных музыкантов, и потому Пену не сразу удалось застать Никис в одиночестве. Ему пришлось перехватить ее на обратном пути из дамской комнаты — не на пути туда, нет, и спасибо, он *не нуждался* в напоминаниях Дез на сей счет. Пен жестом позвал, точнее, загнал ее на галерею, выходившую в небольшой дворик напротив того, в котором пировал герцог. Здесь в основном были строительные леса и тени, а также, надеялся Пенрик, немного уединения.

Они встали рядом, облокотившись о перила и хмуро глядя во тьму.

— Итак, Аделис получит свой пост, — начал Пенрик.

По крайней мере, этот вопрос решился быстро. Старшая дочь Джурго недавно вышла замуж за главу государства к западу от Орбаса, человека, носившего загадочный титул верховного обана;

его дальняя граница в настоящий момент страдала от набегов русиллийцев. Джурго был рад получить доступ к опыту генерала Арисайдьи в борьбе с этим врагом. Уже началась подготовка к походу в поддержку нового зятя.

— Да, Аделис кажется очень… полагаю, довольным — неправильное слово, он не настолько любит войну, чтобы радоваться вторжению. Быть может, увлеченным. Уже. Он не создан для безделья. — Никис повернулась и положила локоть на балюстраду, наблюдая за Пенриком в слабом свете, что сочился из комнат за их спиной. — А что насчет тебя? Герцог уже предложил тебе стойло в своем зверинце?

— М-м, он на это намекал. Он не может меня призвать, а я не могу самостоятельно дать согласие. Сперва архисвятой Орбаса должен вывести меня из подчинения архисвятому Адрии. Который только в прошлом году получил меня от архисвятой принцессы Мартенсбриджа за определенную сумму и едва ли думает, что его затраты окупились. — Пенрик потер лоб. — Я определенно подвел его с моей первой миссией в Седонии. — Он поднял глаза. — Я уже задавал тебе этот вопрос. Ты подумала насчет себя? Потому что, полагаю, Аделису хватит ума не тащить тебя

с собой в военный лагерь.

— К счастью, да. Мадам Дассия дала мне понять, что дворец может взять меня в качестве фрейлины. Не при самой герцогине, а при одной из ее дочерей.

— О. — Пенрик был застигнут врасплох. — Это звучит… весьма достойно. И безопасно.

— Да. Аделис был очень доволен. Хотя поскольку вышеупомянутой дочери всего семь лет, на самом деле, это означает работу няньки или гувернантки, разве что обноски будут лучшего качества. Накидка слуги невидима, — она изобразила прямоугольник на своем туловище, — но она есть. И все-таки это даст мне передышку. Какое облегчение — больше не принимать поспешных решений.

Тревожная мысль пришла в голову Пенрику.

— А фрейлины не становятся легкой добычей господ?

— Если им двадцать — возможно. Но мне тридцать. И я прекрасно защищала свою честь с тех пор, как овдовела. — Она поморщилась. — Это оказалось не так трудно, как я думала.

— О. — Пенрик собрался с духом, сделал глубокий вдох, повернулся и взял Никис за руку. — Никис, для меня сталась хоть какая-то надежда?

К его отчаянию, она отняла руку.

— Ты должен выражаться яснее, если хочешь, чтобы я тебя поняла. Надежда на что?

— Говорят, начинать с высоких ставок — плохая стратегия, но я рискну. На то, что ты выйдешь за меня?

Долгое, неуютное молчание стало ответом на его вопрос. Занервничав, он призвал ночное зрение, пытаясь прочесть выражение лица Никис. Каждая знакомая морщинка и ямочка, каждый его изгиб остались очаровательными, но на нем не было любви. И не было ненависти, которая тоже являлась хоть каким-то сильным чувством. У нее было лицо женщины, столкнувшейся с огромным количеством дел, которыми она не готова заниматься прямо сейчас.

Ну разумеется, вмешалась Дез без приглашения. На самом деле, он специально не пригласил ее участвовать в этом диалоге.

Диалог — это две стороны. Не три. Не четырнадцать, Дез.

Пенрик, бедняжка устала до беспамятства. Клянусь, ты выбираешь время не лучше Чадро.

Чадро не мог правильно *выбрать время*, возразил Пен.

Он опоздал всего на столетие, пробормотала

Мира. Пен решил не обращать внимания.

— Причина в демоне? — напрямую спросил он.

Ему уже доводилось с таким сталкиваться. Не одна женщина, сперва привлеченная его внешностью и очарованием, которое, как ей виделось, окружало чародеев, при более близком знакомстве сочла его ходячей трясиной и унеслась прочь, как перепуганный пони из болота.

Немного помолчав, Никис сказала:

— Не… совсем. — Казалось, ее удивил собственный ответ. — Полагаю, я начала воспринимать Дездемону так, как моя мать воспринимала жену отца. Появилась первой, избавиться нельзя, должна быть жестокой соперницей — а на деле оказалась лучшей союзницей. Хотя я могу ошибаться.

— Нет, ты не ошиблась! — воскликнул Пен. Дез насмешливо замурлыкала.

— Но ведь в твоей голове не только Дездемона? Есть еще Мира, с которой я совершенно не ожидала столкнуться. — Судя по выражению лица Никис, она до сих пор не оправилась от встречи. И, возможно, не оправится. — А потом я поняла… что и это еще не все. Думаю, я видела промельки двух целительниц. И Ручию… ты неоднократно упоминал, что она была хитрым шпионом.

Скольким в нашем изворотливом бегстве мы обязаны ей? И это только то, что я видела. А чего не видела? Это не одна первая жена, а целых десять. И я даже представить боюсь, что с тобой могут сотворить львица и кобыла.

— Не так уж много, — возразил Пен. — Они очень старые и тихие.

Никис провозгласила:

— Было чистым безумием влюбиться в человека, у которого личностей больше, чем у меня пальцев. — И пошевелила пальцами, словно для наглядности.

«Было». Она сказала: «Было». Не «было бы». Мог ли Пен надеяться, что Никис окажется таким же грамматическим педантом, как и он сам?

Едва ли, прошептала Дез.

— А кроме того, я не хочу ехать в Адрию, — добавила Никис.

Пен, которого это небрежное замечание едва не свело с ума, попытался пробубнить в ответ что-то нейтрально-обнадеживающее. Все это сбивало с толку, но если он заставит ее говорить дальше…

Она выпрямилась, прислонилась головой к столбу и вздохнула.

— Не то чтобы я питала особое отвращение к Адрии, хотя я боюсь, потому что не знаю языка.

Пойми меня правильно. Я полжизни таскалась за отцом, или мужем, или братом по разным армейским лагерям и ставкам. Жены военных *не без причины* так крепко держатся за свои дома, когда им наконец-то разрешают остановиться. Я чувствую себя растением, которое постоянно выкапывают и пересаживают, не давая вырасти, не давая восстановиться, чтобы зацвести и заплодоносить. Которое готово завянуть от отчаяния, потому что ему не дают следовать его природе.

— Некоторым людям нравится дорога, — заметил Пенрик, нащупывая путь вперед. — Приключения юности и все такое.

— Мне тридцать, — холодно сказала Никис. — Желание сбежать из дома, где ты всегда будешь ребенком, — не то же самое, что добровольное согласие посетить все седонийские канавы. Я слишком стара, чтобы *что-либо* из этого казалось мне привлекательным. — Задумчиво прищурившись, она посмотрела на него. — А ты — как птица. Тебя не удержат даже дороги.

— Тебе так кажется из-за того, как мы познакомились. Ты никогда не видела меня дома, с моими книгами, — возразил Пен. — По природе я домосед. Единственная птичья черта во мне — мое письменное перо. Иногда на протяжении

нескольких недель самая страшная опасность, которая мне грозит, — это порезаться бумагой.

— А в другие недели?

Ты сама только что видела. Едва ли это был хороший ответ.

— Зависит от того, с какими проблемами приходится разбираться моему начальству и что они считают возможным свалить на меня.

— В двадцать лет я этого не знала, — медленно произнесла Никис, — однако знаю в тридцать: когда женщина выходит замуж за мужчину, она выходит за его жизнь. И лучше бы, чтобы это была жизнь, которую ей хочется вести. Твоя жизнь кажется мне очень… неустроенной. Очень… — Она не смогла подобрать слово. — В любом случае, очевидно, что сейчас я в безопасности. И больше не нуждаюсь в твоем сопровождении или защите. Ты выполнил свою задачу, Пенрик. Быть может, ты найдешь другую женщину, которую нужно спасать.

— Тебе может понадобиться мое… что-то еще, — в отчаянии предположил Пен. — Мой острый ум. Мое умение уничтожать вредителей. Мои поцелуи? — Он нерешительно поднял палец, чтобы коснуться уголка ее губ. Она уклонилась. — У человека может быть множество нужд, не менее

реальных, чем нужда в спасении.

Она покачала головой и сделала шаг назад.

— Я желаю тебе легкого полета. Но я хочу пустить корни в землю.

— Ты не растение. А я не птица. Мы оба — люди.

Ее губы беспомощно дернулись.

— По крайней мере… один из нас.

Приятный голос позади них произнес:

— Ах вот вы где, мадам Катай. Вас ищет ваш брат.

Мадам Дассия подошла к ним, одарив Пенрика вежливой ледяной улыбкой, как умеют хорошие дуэньи.

— Мы должны спуститься вниз, чтобы попрощаться, а потом я покажу вам вашу новую комнату. Сейчас в доме царит небольшая суматоха из-за ремонта, но это одна из самых просторных резиденций герцога.

Она взяла Никис под руку и увлекла прочь.

— Видите, Просвещенный, за мной хорошо присмотрят, — бросила Никис через плечо.

— Было очень приятно снова вас повидать, Просвещенный Пенрик. — Мадам Дассия кивнула, давая понять, что разговор окончен.

Пенрик слабо помахал вслед обеим дамам и

сдался. Внизу он вежливо распрощался со всеми, вышел из строящегося дворца и побрел по улицам к дому Ордена.

Она не сказала «нет», Пен, прервала Дез его мрачное молчание.

Но я услышал «нет». И она определенно не сказала «да»!

Значит, два отвергнутых предложения за один день. Бедный Пенрик!

Пен демонстративно ее проигнорировал.

Над головой звезды ярко сияли на фоне небесного купола, еще сохранившего слабые воспоминания о цвете, фиолетовом или синем, слишком глубоком, чтобы дать ему название. Похоже, небо над Орбасом было таким же красивым, как над Седонией, пусть больше ничего хорошего в Орбасе и не было. Пенрик любил это безграничное чужое небо, во всех его ипостасях. Даже если он никогда, никогда не сможет к нему прикоснуться. Схватить его. Спрятать в мешок и унести домой. Судя по всему, здесь было много красоты, которой ему не забрать с собой.

Он еще не брался за письмо в Адрию, чтобы сообщить о том, что жив. Пенрик сказал себе, что хотел включить в него последний отчет о встрече Аделиса с герцогом. Или он по-прежнему

надеялся, что последний разговор с Никис укажет ему, чего он хочет?

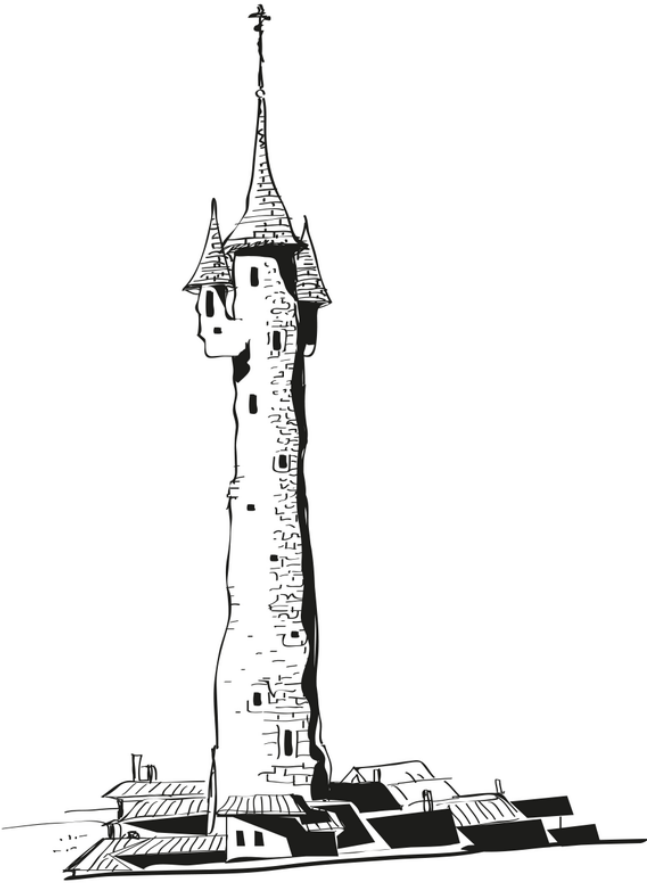
Нужно сочинить что-нибудь сегодня, чтобы завтра отправить письмо с самым первым храмовым курьером. Или можно просто уехать завтра, чтобы лично доставить плохие новости. Слать домой просьбы об инструкциях — только тянуть время. Дипломатическая хитрость. Или, если быть честным, жалкая проволочка.

В небольшом, но уединенном кабинете, который ему выделили в доме Ордена, он аккуратно снял взятое взаймы белое облачение, зажег свечи на маленьком письменном столе, разложил бумагу и перья, поставил чернильницу и сел. В комнате было жарко и душно. После стольких недель странствий было непривычно держать в руке перо.

Он сидел долго. Писать или плыть? В кои-то веки Дез молчала.

Наконец Пен проклял именем Бастарда всех злосчастных мужчин, которые выставляли себя дураками из-за женщин, наклонился вперед, обмакнул перо в чернила и начал писать.

Узница Лимноса



I

Библиотека во дворце герцога Орбаса в Вилноке была очень приятным местом. Просторную восьмиугольную комнату, заставленную шкафами со свитками и старинными рукописями, венчала стеклянная крыша. Настоящий колодец света открывался над центральным столом, за которым сидел Пенрик. Тишина пахла бумагой и чернилами, временем и мыслями. Лишь по своей вине он не мог сосредоточиться ни на едином слове из лежавшего перед ним редкого свитка.

Вздохнув, Пенрик достал из внутреннего кармана своей белой туники письмо, развернул и снова прочел. Его вручила ему этим утром смотрительница Ордена Бастарда здесь, в Вилноке. Быть может, он надеялся, что содержание изменилось? Строки, присланные его начальником, архисвятым Адрии, через море из Лоди, были весьма краткими. И едкими. И приказывали ему в третий раз — поскольку его миссия завербовать генерала Арисайдью для Адрии, очевидно, провалилась, — перестать болтаться без дела в Орбасе и незамедлительно вернуться в Лоди к ожидавшим его там храмовым обязанностям.

Пенрик отправил этому достойному мужу три послания, пытаясь тянуть время и предлагая различные правдоподобные причины, почему он должен задержаться в Лоди или даже заняться какими-нибудь дипломатическими обязанностями при дворе Орбаса. Тщетно. И он ни разу не упомянул истинную причину своей задержки, поскольку не сомневался, что ее воспримут с еще меньшей благосклонностью.

Никис.

Или, более формально, овдовевшая мадам Катай, сестра молодого генерала, в настоящий момент приступающая к обязанностям фрейлины дочери герцога Орбаса. Обязанностям, которые — как она неоднократно сообщала Пенрику — не оставляли ей времени на развлечения. Или заигрывания. По крайней мере, с ним.

Кто знает, какие аристократы могли привлечь ее взгляд? Или чей взгляд могла привлечь она? Из приданого у вдовы имелась только пышная красота, что делало ее скорее объектом несерьезного флирта, чем ухаживания, но обе перспективы сводили Пенрика с ума. Даже сомнительная защита бедности не продержится долго. Беглые брат и сестра прибыли ко двору герцога, не имея за душой ничего, кроме одежды, но генерал уже

поступил на службу, и вскоре у него появятся деньги.

О, ты по-прежнему ее интересуешь, прервала Дездемона его мрачные мысли.

Так ты говоришь, подумал он в ответ. *Но я этого не вижу.*

Двухсотлетний храмовый демон, живший внутри Пенрика и даривший ему чародейскую силу, нес на себе глубокий отпечаток жизней десяти женщин, которым принадлежал прежде. Обычно Пенрик считал, что это давало ему скрытое преимущество при общении с противоположным полом, но, похоже, сейчас это не работало.

Ты слишком нетерпелив, укорила его Дез.

А ты слишком стара, проворчал он в ответ. Не очень благоразумно, однако Дез и так знала его мысли. *Ты не помнишь, на что это похоже.*

Уж поверь, я помню намного больше тебя, отрезала она. Скорее всего, так оно и было. *Да, прежде мы не видели этот танец с точки зрения мужчины. Но он выглядит таким же абсурдным.*

Терпеливая или нетерпеливая, полная надежд или безнадежная — его тоска едва ли имела значение, если он собирался завтра собрать ее в узел и швырнуть за борт уходящего корабля. Можно с тем же успехом броситься за борт самому и

покончить с этим.

Ты драматизируешь.

Оставь меня наедине с моими мрачными мыслями. Он вновь попытался сосредоточиться на лежавшей перед ним древней седонийской прозе.

Наверное, ему пора собрать вещи. Это не займет много времени — он тоже прибыл в Орбас, имея при себе немного одежды, медицинский саквояж и аккуратно сложенный костюм рыжеволосой куртизанки по имени Мира. Сора Мира, чей ум и профессионализм помогли им миновать последнюю череду опасностей и добраться до границы. Мира была пятым седоком демона Пенрика, столетие назад. Пен коснулся своих волос. Последние следы хны почти вымылись, и коса вновь стала бледно-золотистой, но Никис до сих пор не справилась с последствиями Миры.

До сих пор? Или никогда не справится?

Дездемона, со всей ее сложностью, до самой смерти останется частью Пенрика. Будучи храмовым святым, он был обязан заботиться о своем демоне хаоса; во время обучения в семинарии ему очень четко дали понять, что ответственность за все их поступки в конечном итоге лежит на нем. Но сейчас он имел доступ к двухсотлетнему

опыту, накопленному за десять совершенно разных жизней. (Двенадцать, если считать кобылу и львицу.) Отрицать это было все равно что отрицать самого себя.

Однако не все равно что держать при себе самое личное. Как делал любой человек.

Гр-р. Он скрипнул зубами и переставил пресс-папье, удерживавшие свиток в развернутом состоянии.

Услышав шорох сандалий и тихий стук по дверной раме, Пенрик поднял глаза от рукописи. Словно призванное его мыслями видение — хотя так магия работала только в сказках, — в дверях библиотеки стояла Никис. Пенрик с усилием продолжил дышать ровно.

На ней была повседневная одежда, седонийская версия скромного летнего наряда: свободное льняное платье со складчатыми рукавами, перехваченное в талии поясом. Темно-зеленый цвет после носки и многочисленных стирок выцвел до оттенка морской волны. Эту одежду пожертвовали Никис другие придворные дамы, точно так же как дом Ордена Бастарда одолжил Пенрику его белую тунику и брюки, не говоря уже о комнате.

Вышитые ленты удерживали черные кудри Никис, не давая падать на шею. Ее глаза были

серьезными, как и наряд. В руке она держала лист бумаги.

— Просвещенный Пенрик.

Формальный титул, который она использовала с момента их прибытия в Орбас, сменил короткое «Пен!», как она обращалась к нему во время бегства из Седонии, и казался пощечиной. Вежливо поднявшись на ноги, он ответил:

— Мадам Катай. Чем я могу вам помочь?

Она испуганно посмотрела на него, словно этот вопрос был не риторической любезностью, а какой-то трудной загадкой. Сердце Пенрика забилось быстрее от любопытства.

— Я только что получила это письмо. — Она взмахнула бумагой и торопливо подошла к нему. — На самом деле, оно адресовано Аделису, но перед отъездом он назначил меня представителем всех своих интересов в его отсутствие.

Эти обязанности она исполняла для своего брата-военного и прежде. С учетом опасностей его профессии Никис в любой момент могла стать реальным исполнителем, и это был знак доверия Аделиса.

— Оно в такой же степени касается меня, — продолжила Никис, — хотя очевидно, что главный адресат — Аделис.

Прикусив губу, она протянула Пенрику лист бумаги, явно желая, чтобы он тоже его прочел. Судя по чистоте, письмо прибыло в каком-то защитном конверте.

Пенрик взял бумагу, подавив смутные опасения, что, возможно, ему не следует читать личную переписку генерала Аделиса Арисайдьи. Равно как и официальную.

Почерк был мелким, но разборчивым, без подписи и обращения, если только эти слова — *Человеку с желтыми розами* — не значили для Никис больше, чем для Пена. Письмо гласило:

Вам следует знать, что на вторую ночь полнолуния, — то есть всего неделю назад, — мать вашей сестры по колыбели привезли к источнику Лимноса по приказу того, кто подал вам уксус. Там ее держат в заточении под охраной его слуг. Цель ясна, остается надеяться, что послание достигнет вас прежде этих новостей, если слухи о вашем местонахождении верны.

Мы попробуем узнать больше. Ваши в спешке и надежде.

— Что ж, — сказал Пен, — я могу читать на шести языках, но это вам придется мне перевести.

Она опустила подбородок.

— Я узнала почерк. Это мастер Боша, евнух-сек-

ретарь леди Танар.

— А это?..

Никис встревоженно махнула рукой.

— Аделис пытался ухаживать за леди Танар два года назад, когда мы оба жили в Тасалоне, прежде чем его отправили подавлять вторжение русиллийцев. После чего он получил назначение в гарнизон Патоса, а дальше разразились все те катастрофы, которые вы видели собственными глазами. Чтобы подкрепить свои ухаживания, Аделис попросил меня подружиться с леди Танар, и мы обменялись несколькими визитами.

— А желтые розы были, э-э, его подарком даме сердца?

Никис энергично закивала, и ее уложенные кудри подпрыгнули.

— Полагаю, хороший знак, что она помнит о них два года спустя, но как насчет всего прочего?

— «Тот, кто подал вам уксус» — очевидно, министр Метани, который приказал ослепить Аделиса кипящим уксусом. Лимнос — прибрежный остров недалеко от Тасалона, Орден Дочери содержит там убежище для высокородных девиц, которые желают удалиться от мира и посвятить свою девственность богине. Туда же отправляют тех, кто состарился на службе Ей.

— Тоже высокородных, надо полагать?

— Не всегда, но они определенно должны достичь высокого положения в Ордене. А кроме того, — она сделала глубокий вдох, — там располагается элегантная тюрьма для благородных дам, которых император взял в заложники, чтобы усмирить мятежных родственников. В этом письме говорится, что они захватили *мою мать*.

Пенрик сглотнул.

— О.

— О боги, я думала, ей ничто не грозит. В конце концов, она не мать Аделиса и не благородная. Мало кто знает, как они близки. Должно быть, кто-то при императорском дворе проболтался.

— Если только этот Метани не хватается за соломинки.

— Может, и так, но причина едва ли имеет значение.

Никис и Аделис называли себя близнецами, родившимися в один день у двух разных матерей и одного отца, на основании того, что если бы у них была одна мать и два отца, то все бы так их называли. Первый брак Арисайдьи с аристократкой, имевшей связи при дворе, был печально бесплодным, пока он не взял вторую жену — или наложницу, Пен не слишком разбирался в се-

донийских семейных законах, — и по иронии Матери и Бастарда обзавелся сразу двумя отпрысками. Обычно такие женщины соперничали, но эти две дамы объединились и стали управлять домом вместе после смерти мужа, то есть когда Никис еще была юной девушкой. Согласно Никис, несколько лет назад ее мать оплакивала кончину старшей жены еще сильнее, чем потерю мужа.

Все это привело к явной нехватке потенциальных заложников, когда таковые потребовались врагам Аделиса при императорском дворе.

— А что об этом говорит герцогиня или герцог?

— Пока не знаю. Я сразу пришла к вам.

Пен скорее встревожился, чем почувствовал себя польщенным.

— Э-э, но почему?

Ее взгляд стал пристальным.

— Вы чародей. Вы помогли мне и Аделису выбраться из Седонии и попасть в Орбас. Вы сбежали из *бутылочной темницы*, а это невозможно. Я верю, что вы можете спасти мою мать.

Пенрик подавил первое побуждение возразить, что все это были счастливые случайности, повторить которые ему не под силу.

— Для начала нужно показать это герцогу Джурго. В конце концов, угроза верности его генерала

касается герцога в первую очередь.

— Да. — Она стиснула руки. — У нас нет почти никаких ресурсов, но он сможет помочь, если захочет.

Пен боялся даже представить, что она замыслила. Быть может, Джурго удастся ее образумить? Оставив свиток развернутым на столе, Пен сложил и убрал в карман свое утреннее письмо.

— Что это? — спросила Никис.

— О, — Пен выдохнул, — ничего важного. Давайте отыщем герцога Джурго.

Они покинули библиотеку вместе, и короткие шаги Никис обгоняли длинные шаги Пена.

II

В конечном итоге они отыскали герцога не в его кабинете, а в восточном крыле дворца, где он осматривал какие-то реновации. Прораб бригады строителей проводил Никис откровенно благодарным взглядом, когда та увела Джурго в более тихий двор.

Джурго был приятно некрасивым, преимущественно учтивым человеком лет сорока с небольшим, из которых пятнадцать лет занимал пост герцога, настолько уверенно, насколько это возможно для правителя осажденного государства. Он был умен, иначе не продержался бы так долго. Никис решила, что если ей удастся провести параллели между ее нуждами и его интересами, то у нее будет шанс на поддержку. Если же они пересекутся, то едва ли.

Джурго сел на скамью в тени колоннады. Никис напряженно стояла перед ним, пока он читал письмо. Она пыталась упорядочить мысли в голове, которая в последний раз так гудела после ареста Аделиса в Патосе. И затолкнуть подальше, хотя бы на время, тысячу кошмарных видений ужасных вещей, которые могли происходить с

ее матерью *прямо сейчас*. Например, арестованных женщин почти никогда не ослепляли. Их нельзя было кастрировать. Отрезание грудей, обещавшее не только агонию самой женщине, но и голодную смерть ее младенцу, обычно не применяли к дамам, вышедшим из детородного возраста. В приюте Ордена Дочери не было темниц.

Очень ли она напугана? Жестоко ли с ней обращаются? Никис сглотнула, стараясь, чтобы ее голос не дрожал.

Джурго постучал по бумаге в своей руке и спросил:

— Вы ему доверяете? Насколько вы уверены в тех, кто его послал?

— Я хорошо знаю почерк мастера Боша, по переписке с леди Танар. Помимо роз в письме много личных отсылок, которые сразу поймет Аделис. Как поняла я.

— Не так уж много. Оно короткое.

— Чем короче, тем лучше, в данном случае, — вмешался стоявший в стороне Пенрик. — Каждое лишнее предложение — это лишний шанс предательства, если по пути оно попадет не в те руки.

Джурго согласно кивнул.

— Могли ли автора этого письма подкупить? —

Он сделал рукой круговое движение. — Принудить?

— Леди Танар Ксарре богата, а мастер Боша очень ей предан, — ответила Никис. — Поэтому первое маловероятно. И я не могу представить, какое принуждение заставило бы его написать подобное послание против ее воли.

Пенрик пожал плечами.

— Если он писец, может хватить угрозы сломать ему пальцы. Или ослепить его. — Это было произнесено голосом Пенрика, но небрежная кровожадность намекала на Дездемону.

Не то чтобы Никис много общалась с Суракосом Боша, хотя его насмешливая, внимательная фигура всегда маячила поблизости, куда бы ни пошла Танар. И потому Никис нечем было *подкрепить* убежденность, с которой она ответила:

— Нет. — И неохотно добавила: — Хотя если кто-то угрожал сломать пальцы Танар, трудно сказать, что могло произойти. — Она предпочла не говорить вслух, что *этот кто-то едва ли прожил бы долго*. — Но я не могу представить, как такое могло случиться. Танар находится под защитой в поместье своей матери. — В основном под защитой самого Боша, насколько поняла Никис.

— Даже метафорически? — спросил Пенрик. — На леди Танар оказали давление, и секретарь написал письмо под ее диктовку?

Никис уныло развела руками.

— Но зачем?

И понадеялась, что никто не подумал очевидное: *Для ловушки.*

Проницательные глаза герцога изучили Никис.

— Если бы генерал Арисайдья получил это письмо — что, очевидно, и должно было произойти, — как вы думаете, что бы он сделал?

Никис замялась.

— Покинул бы свой пост и попытался отправиться на помощь? — предположил герцог.

— Нет.

— Повел бы свои отряды в преступную вылазку?

— Никогда.

— Как сильно это помешало бы его обязанностям?

— Никак, — ответила Никис. Она говорила искренне, но также старалась повысить доверие герцога к новому генералу. — Потому что он Аделис. Но он бы отвлекся и встревожился, как и любой другой человек.

— Значит, нет смысла переправлять ему это послание.

— Но тогда он может узнать об этом из менее дружественного источника и в менее удачный момент. Должен узнать, иначе какой смысл брать заложника?

— Хм.

— Если только, — Никис сделала глубокий вдох, — нашу мать не спасут, и сообщение об этом не присоединится к письму.

— Я не могу выделить для этого войска. Только не против Седонии.

— Я знаю. У меня есть не столь дорогой и рискованный план. — По крайней мере, не столь дорогой и рискованный для Джурго. — Позвольте нам с Просвещенным Пенриком тайно пересечь границу и вызволить ее.

Герцог покосился на Пенрика, который мрачно сжал губы, и сдержал усмешку.

— Разве этот не даст врагам Аделиса возможность заполучить сразу двух заложников вместо одного?

— С учетом значимости для него — для нас — первого заложника добавление второго едва ли сместит чаши весов, — возразила Никис.

— И этого риска можно избежать, если отпра-

вить только меня, — спокойно произнес Пенрик.

Никис покачала головой.

— Вы не знаете страну и людей, а я знаю. Более того, они не знают вас. Это слишком опасное дело, чтобы они доверились незнакомцу.

Особенно такому странному. Хотя при необходимости он мог быть вполне убедительным. Никис помнила это по Патосу.

К ее облегчению, мужчины не стали спорить.

— И каков ваш план? — спросил Джурго, глядя то на одного, то на другого.

— У меня был всего час на размышления, но вот что мне пришло в голову, — ответила Никис. — Мы с Просвещенным Пенриком можем поступить так же, как уже поступали: переодеться подходящим образом и добраться до поместья леди Танар у стен Тасалона. Там получить укрытие и совет и подготовиться к следующему этапу, а именно к тому, чтобы пробраться на остров и покинуть его с моей матерью. После чего повторить первые две стадии в обратном порядке.

— Желательно с лучшим финансированием, чем в прошлый раз, — добавил Пенрик. — Имея при себе достаточную сумму для взяток. Это намного дешевле, чем посылать войска.

— Никто не собирался посылать войска, — от-

мел его хитрость герцог. — Но опасность, которую вы навлечете на предполагаемых хозяев, выходит за рамки той, что предполагает простое дружеское предупреждение. — И он потряс письмом.

— Да, — согласилась Никис, — и нет. Если Танар по-прежнему рассматривает мою мать в качестве будущей свекрови.

— Ухаживание вашего брата продвигалось так успешно?

— Мы на это надеялись. Пока его не пресекли столь жестоким образом.

— М-м, да, верно. Теперь преграда между генералом и его дамой кажется непреодолимой. — Он коснулся виска, и Никис задумалась, имел ли герцог также в виду уродливые ожоги Аделиса, а не только политическую пропасть.

— Сейчас — определенно. Но кто знает, что принесет нам будущее?

Джурго не ответил, и с учетом всех кошмарных будущих возможностей, наверное, не стоило склонять его мысли в эту сторону. Повернувшись, герцог посмотрел на Пенрика.

— Значит, вы вызвались добровольцем, чародей? Я думал, вы собираетесь вернуться в Адрию.

— Я непременно доложу о своих действиях своему руководству в Храме, — сообщил Пен, глядя в

небеса, словно надеялся отыскать там сих достойных мужей, — по возвращении из Тасалона.

— Ясно, — фыркнул Джурго. Он посмотрел вниз, на свои сандалии, затем поднял глаза. — А я думал, что вы искали меня, чтобы сообщить какие-то радостные новости. Например, что вам удалось найти повод попросить дозволения Храма остаться в Орбасе.

Не секрет, что Джурго мечтал присоединить Просвещенного Пенрика к своему зверинцу ученых, писателей и художников, знаменитым живым украшениям его двора.

— Этот дар не в моих руках, — ответил Пенрик, серьезно посмотрев на Никис. Намекая, что он в ее руках?

Джурго побарабанил толстыми пальцами по колену.

— Когда вы планируете отбыть?

— Как только сможем в должной степени подготовиться, — сказала Никис. — Если я что-то и усвоила из военных дел брата, так это то, что действовать быстрее лучше, чем медленнее. — Правда — и еще одно напоминание о том, насколько Аделис ценен для Джурго.

Герцог потер губы, и Никис беспомощно стояла на жарком солнце, наблюдая, как он принимает

решение, но не в силах предсказать исход.

— Хорошо, — наконец произнес Джурго. — Отыщите моего секретаря Стобрека и определите, какая сумма вам понадобится для этого предприятия.

– *Спасибо*, милорд, — выдохнула Никис и рухнула бы на колени от облегчения, чтобы поцеловать его герцогское кольцо, но он уже с отсутствующим видом поднимался на ноги.

Его взгляд переместился на Пенрика.

— Вы правда полагаете, что это можно сделать?

— Я… — Зубы Пенрика сомкнулись.

— Сформулирую вопрос иначе, — сказал герцог. — Дездемона полагает, что это можно сделать?

Отчаяние на лице Пенрика сменилось безмятежностью.

— Да, милорд. По крайней мере, так полагает Ручия.

— …Ручия? Напомните, кто она такая?

— Храмовая святая, которой Дездемона принадлежала до меня. Она тоже была ученым. И, э-э, агентом моего Ордена, выполнившим множество разнообразных поручений за сорок лет своей карьеры чародейки. — Пен поморщился и

добавил: — Да ладно, Пен, так и скажи. Она была шпионом, и хорошим.

Это точно сказала Дездемона.

Судя по хитрой улыбке, об этом догадался даже герцог.

— Будем на это надеяться.

III

В полдень следующего дня Пенрик и Никис сели в маленький частный экипаж, который должен был отвезти их из Вилнока на запад. В этой бывшей провинции Орбаса расстояние между двумя побережьями полуострова по прямой не превышало трехсот миль, однако даже старые седонийские армейские дороги не были ни прямыми, ни ровными. На подъемах упряжка переходила с быстрой рыси на затрудненный шаг, после чего следовал еще более осторожный спуск, сопровождаемый скрипом и дымом от деревянных тормозов. Но это все равно было намного быстрее, чем идти пешком, и удобнее, чем ехать верхом на муле. *Примерно так же, как трехдневная лихорадка была лучше чумы*, подумал Пен, сидя в подскакивающем на ухабах экипаже.

Пен поправил ногой заново наполненный медицинский саквояж, который уехал вбок. Казалось разумным взять его с собой, хотя ему вовсе не хотелось снова практиковаться в медицине.

О, тебе уже не нужно практиковаться, парень, пробормотала Дез, подбодрив его в своей язви-

тельной манере, и Пен позволил усталым губам благодарно дрогнуть.

Никис отобрала немногочисленные вещи, которые они сочли возможным перенести через крутые горы, когда свернут на север, чтобы проскользнуть через границу. Сапоги и платье для верховой езды для этого отрезка пути были упакованы. Для экипажа Никис надела платье с поясом, а сверху — нечто вроде свободной накидки, чтобы защитить его от дорожной пыли. Если бы не изящная вышивка, накидка вполне сошла бы за фартук. Пен обзавелся мужской туникой и свободными брюками в местном стиле; последние пришлось поспешно снабжать манжетами и пуговицами на лодыжке, чтобы подогнать под его рост. Простой покрой скрывал его статус и не выдавал призвания.

Никис по-прежнему чувствовала себя скованно в его присутствии, и ее внезапная нужда в нем лишь усилила эту скованность. Пенрик не видел ее такой напуганной с их самой первой встречи в саду виллы в Патосе, когда она переживала из-за несправедливо ослепленного брата. Никис использовала шум экипажа как предлог для молчания, и Пен не стал возражать. Он решил, что прошлой ночью она совсем не спала, потому что

после первой смены лошадей Никис наклонилась вперед и задремала, несмотря на грохот.

Пен посмотрел на ее шею, изогнувшуюся под ужасно неудобным углом, и подсел к ней, чтобы выступить в роли живой подушки. Никис пошевелилась и свернулась клубком, положив голову ему на бедро, с хрипом, который он принял за благодарность. Он осторожно положил руку ей на спину, чтобы не дать соскользнуть, и был вознагражден тем, что ее сон стал крепче. Пен то смотрел в окно на пустынный пейзаж, то разглядывал полную женщину в своих объятиях. Она была очень предана тем немногим, кого считала своей семьей: брату, матери. Пен понятия не имел, как ему попасть в этот короткий список. Усилием, которое никто не оценит, он не дал свободной руке погладить ее спутанные волосы, черные и блестящие, словно лучшие свежие чернила.

Когда экипаж остановился для следующей смены лошадей, и снаружи донеслись резкие голоса конюхов, Никис наконец зашевелилась, гибко потянувшись и мило замурлыкав. Мгновение она расслабленно лежала, вцепившись в Пена пальцами, словно в настоящую подушку; увы, затем разрозненные детали восприятия сложились

в единое целое. Взвизгнув, она выпрямилась, задев головой подбородок Пена, и метнулась на дальнюю сторону сиденья.

— Оу, — посетовал Пен, потирая челюсть. Никис смотрела на него немного дикими глазами, и он добавил: — Вы уснули. Похоже, вам это было нужно.

— О. — Никис отчасти взяла себя в руки. В свою очередь потерла голову и выдавила из себя: — О, простите. Мне приснился странный сон.

— Ничего страшного.

Оба привычно вышли из экипажа, чтобы нанести визит в уборную, сделать круг по двору и быстро проглотить предложенные напитки, в данном случае — чрезмерно разбавленное вино. К тому моменту как они вновь уселись на свои места, Никис пришла в себя. Похоже, сон пошел ей на пользу.

— У нас почти не было времени обсудить, как мы будем представляться, — сказала она, когда они приготовились терпеть очередной перегон. — Едва ли нам удастся сойти за брата и сестру. — Она с сомнением посмотрела на его светловолосую, холодную бледность, потом на свою седонийскую терракотовую теплоту и потянула за черный локон, выпрямив и оглядев его,

прежде чем отпустить. — Даже за полукровных. И мне бы не хотелось изображать мужа и жену.

— Да, вы мне об этом уже говорили, — иронично заметил Пен.

Вспыхнув, она прикусила губу.

— Вы знаете, что я имею в виду.

— Знаю, — вздохнул он. Дразнить Никис было приятно, но сейчас определенно неподходящее для этого время. — Полагаю, надо поступить просто. Не говорить ничего. Пусть люди сами придумывают объяснения.

— Этого я и боюсь, — мрачно пробормотала она.

— Вас не должно это волновать, и их тоже. Мы просто проезжаем мимо. Будучи вашим мужем, я получу неоспоримое право защищать вас, однако в большинстве случаев я могу быть, например, вашим агентом. — Он помедлил. — Как и всегда, лучше не говорить о моем призвании. Никому. Даже вашим друзьям, если только не возникнет крайняя на то необходимость.

Его чародейские храмовые косы были спрятаны на самом дне медицинского саквояжа, хотя белых одежд он с собой не взял. Если саквояж бесцеремонно выпотрошат, то, скорее всего, сделавший это узнает о способностях Пена более

прямым способом.

Пенрик размышлял о том неведомом, что ждало их впереди. Прошлой ночью он изучал карты герцога, спланировав маршрут более логично, чем во время их последнего бегства. Но как насчет человеческих опасностей?

— Этот мастер Боша, о котором вы все время говорите, — медленно произнес он. — Секретарь-кастрат. Он раб?

Оба седонийских обычая казались чужими Пену, выросшему в горах, где строптивые маленькие землевладения добывали пропитание из почвы почти такой же каменистой, как седонийская, хотя и более мокрой и холодной.

— Конечно нет! — изумленно ответила Никис. — Хотя он много лет служит семье Ксарре. С тех пор как Танар исполнилось шесть, так она мне однажды сказала, а сейчас ей двадцать. То есть больше четырнадцати лет.

Пен провел в уме нехитрые вычисления.

— Это было примерно в тот год, когда к власти пришел нынешний император. — С кровопролитием, хотя для Тасалона это была не редкость. — Эти события как-то связаны?

— Мне ничего не известно про семью Суракоса Боша. Тот год выдался для столицы очень бур-

ным. — Никис нахмурилась, вспоминая. — Не думаю, что он низкого происхождения. Он где-то получил хорошее образование. Возможно, он был одним из тех мужчин из благородных семейств, что добровольно выбирают кастрацию, дабы повысить свои шансы очень высоко подняться в имперской бюрократии.

Пен с трудом удержался, чтобы не скрестить ноги.

— Небывалая преданность карьере. Хотя в Лоди есть группа храмовых певцов, которые тоже добровольно соглашаются на кастрацию, чтобы посвятить себя своему искусству и богу. Мужские сопрано. Я дважды слышал их пение, на местных торжествах. Незабываемо красиво. Признаюсь, я бы не стал оспаривать их призвание.

Потому что песня, будучи даром духа, считалась самым лучшим подношением богам.

Никис кивнула.

— В Тасалоне тоже так делают. Но не думаю, что он из таких. У него нет сопрано. — Она посмотрела на Пена пристальным, вызывающим тревогу взглядом. — Я считала его самым странным человеком из всех, кого встречала, пока не встретила вас.

Пен прочистил горло и воздержался от уточ-

нений.

Но Никис продолжила сама:

— Он все равно самый бледный, даже в сравнении с вами. Настоящий альбинос. Как белый кролик или белая лошадь.

Скорее мерин, с притворной невинностью шепнула Дез. *Интересно, кто на нем скачет?*

Безвкусно, Дез. Или это была Мира? *Тише, мне нужно это услышать.*

— У него абсолютно белые волосы. По ночам его кожа кажется выцветшей, как луна, хотя при ярком солнце она вполне розовая. Солнца он избегает — обгорает еще сильнее вас. — Она задумчиво нахмурилась, разглядывая Пена. — Как вы думаете, жители вашей родной страны могут быть отчасти альбиносами?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Пен. — Потому что я слышал, что изредка у нас рождаются настоящие альбиносы, которые считаются такой же диковинкой. Пусть и не столь сильно обгоревшей на солнце.

Пен попытался представить человека, который согласился бы на нежный пост личного секретаря юной леди. Вероятно, пухлый, — он слышал, что кастраты с возрастом толстеют, — робкий, быть может, застенчивый и нервный. Странный. Что

ж, он разберется с этим парнем, когда встретит его.

— Что еще вы можете рассказать мне о леди Танар? — продолжил он расспросы. Потому что их жизни и успех будут зависеть от ее желания и возможности помочь им. — Быть может, нам следует обратиться к ее матери, у которой больше ресурсов? Госпожа Ксарре одобряла ухаживания Аделиса? Или она пресечет опасную благотворительность дочери, если узнает?

Они затевали не девичий розыгрыш, а нечто опасно близкое к измене. Со всеми жуткими седонийскими наказаниями за таковую, если их раскроют.

Никис с сомнением сжала губы.

— Это решение я оставлю Танар. Я лишь однажды встречалась с госпожой Ксарре. Она давно овдовела и теперь ведет уединенную жизнь, редко покидая поместье. Не вращается в тасалонских придворных кругах, несмотря на высокое положение. Насколько я понимаю, она очень активно распоряжается своими финансовыми делами, через отряд доверенных агентов. Она обучает Танар всему, что делает, поскольку Танар — ее единственная наследница. На мой взгляд, это намного разумней, чем заставлять дочь вышивать. — Ни-

кис помедлила, словно размышляя. — Танар тоже так считает.

— А Аделис?

— Не думаю, что Аделис об этом знал, ведь ему не доводилось быть женой солдата. — В отличие от овдовевшей Никис. — Но Танар бы отлично справилась со всеми делами его обширных владений. — Никис нахмурилась. — Прежде чем его их лишили. — И добавила: — Наша другая мать — леди-мать Аделиса — делала это для нашего отца.

Поскольку все мирские пожитки Пенрика могли уместиться — и уместились — на шести мулах, с этой работой он знаком не был. Он полагал, что она похожа на обязанности его старшего брата Ролша при дворе Юральд, только умноженные в несколько раз. Или в несколько десятков раз.

Он задумался, не лучше ли обойти этих ненадежных союзников и отправиться прямиком на остров. Как-то.

Никогда не надо пренебрегать местной информацией, прошептала Дез — или, при везении, Ручия. *Равно как и слепо доверять ей.*

При условии, что мать Никис действительно находилась на Лимносе, и все это с самого начала не было ловушкой.

Если это и ловушка, то для Аделиса, безмятежно заявила Дез. *Не для нас.*

Похоже, возвращение в Седонию пугало Дез намного меньше, чем самого Пена. Конечно, демона нельзя было убить. *Хочешь сказать, я стану для них сюрпризом?*

О, Пен. Ты был сюрпризом с самого начала.

IV

Лето близилось к завершению, и наступившие сумерки слишком рано положили конец первому дню их путешествия. Пенрик убедил Никис, что пробираться в темноте по трудным холмистым дорогам Орбаса было бы слишком медленно и не стоило затраченных усилий. Им нужно было сохранить силы для самого трудного участка пути через приграничные горы. Постоялые дворы в Орбасе были примитивнее седонийских, и Пенрик в роли посыльного с трудом раздобыл для Никис отдельную комнату, но ей было все равно. Она была готова спать в конюшне, если придется. В серых предрассветных сумерках они вновь тронулись в путь.

Даже Пенрик с трудом проснулся в назначенный час, однако вскоре он уже прилип к окну, словно чужестранный турист, которым не являлся, задавая Никис вопросы о землях, которые они проезжали. На большинство вопросов она ответить не могла. Но когда они уселись в экипаж после первой смены лошадей, его любопытство нашло другое русло.

— Обеих ваших матерей звали мадам Арисай-

дья? По-моему, это приводило бы к путанице. — И под пристальным взглядом Никис добавил: — В моей стране мужчины женятся только на одной женщине за раз. По крайней мере, официально. Хотя моя мать и невестка некоторое время делили имя, пока мать не умерла, и все время приходилось уточнять, кого ты имеешь в виду.

— Нет, — ответила Никис. — Мать Аделиса звали леди Арисайдья, или леди Флорина. Или Флори, для отца. Наложницы сохраняют свои фамилии. А потому мою мать всегда звали Идрена Гардики. — *И будут звать*, яростно пообещала себе Никис. — Хотя моя фамилия была Арисайдья, пока я не вышла замуж. — Нахмурившись, она поглядела в другое окно на казавшиеся бесконечными каменистые холмы. — Мой брат был Гардики, но совсем недолго, пока его не усыновила семья его бабушки, после чего он стал Родоа. Икос Родоа.

Она молилась, чтобы его это не коснулось. При удаче он работает где-то на дальнем северном конце полуострова и даже не слышал про арест их матери. Учитывая его не слишком высокое положение, ему не следовало вмешиваться в эту опасную суматоху.

После изумленной паузы Пенрик спросил:

— Кто это? Я думал, что вы с Аделисом — единственные дети старого генерала.

— Так и есть. — Она покосилась на него, пытаясь понять, был ли это испуг или простое удивление. — По правде сказать, я сама не знала про его существование, пока он не приехал на похороны отца. Мать никогда о нем не говорила, потому что, по ее словам, разлука с ним причиняла ей боль, но повзрослев, он получил возможность сам ее отыскать — и так и сделал. Впоследствии он несколько раз навещал нас, когда оказывался поблизости по работе. Он специалист по строительству мостов и разъезжает по всей Седонии. Обычно по разным городам.

— Э-э… старший брат? Уж конечно, не младший. Значит, ваша мать тоже была молодой вдовой?

Никис улыбнулась.

— Не совсем. Но ей просто не повезло. На самом деле, она была дочерью одного из старших офицеров отца. И влюбилась в младшего офицера. Так бывает, я полагаю. — Никис попыталась вспомнить, теряла ли голову от молодых военных в таком возрасте. Уж конечно, не настолько. Она категорически запретила себе смотреть на длинное, светловолосое и совсем не военное изящество Пенрика. — Они собирались пожениться.

По крайней мере, так она сказала. Едва ли кто-то стал бы возражать, хотя семья матери считала ее слишком юной, но внезапно его вызвали в… боги, я даже не помню, что за место она называла, и он погиб в бою. Он был единственным сыном семейства Родоа — единственным выжившим, насколько я поняла, — и когда выяснилось, что моя мать беременна, они взяли ее к себе. Вот только, хотя бабушка отчаянно хотела мальчика, моя мать не была ей нужна — они даже не предложили сделать ее призрачной невестой.

— Я не знаю, что это. — Короткая пауза. — О, спасибо, Дез. Так правда делают? — Он повернулся к Никис. — Женят живых людей с мертвыми?

— Нечасто. Это что-то вроде удочерения. Если бы они провели обряд — иногда это делают у могилы, но чаще при помощи планшетки воспоминаний, — мать стала бы их невесткой. И, среди прочего, приобрела бы определенные права на поддержку и наследство. Без этого ее в основном использовали как бесплатную служанку. Насколько я понимаю, для нее это было очень трудное время. И потому, когда Икос был отлучен от груди, а мой отец прислал леди Флорину, чтобы передать его предложение — на самом деле, их предложение, — мать позволила убедить

себя, пусть это и означало отказаться от своего первенца. Конечно же, бабушка Родоа всячески это поддержала.

Пенрик поморщился, пытаясь уложить в голове эти детали семейной истории.

— Звучит запутанно.

Никис пожала плечами.

— Наверное. Но именно благодаря Икосу отец и леди Флорина заинтересовались моей матерью: он был подтверждением того, что она способна рожать детей, а именно этого они оба и хотели. В конечном итоге все сложилось удачно для всех. И уж точно — для меня.

Лукаво улыбнувшись, он кивнул.

— Великолепный результат.

Никис попыталась подавить волну тепла, которую вызвал этот комплимент. Она напомнила себе, что *использовала* этого человека, этого чародея. В хаосе двух последних дней она не помнила, предложила ли ему какую-то плату или вознаграждение за то, чтобы он рискнул своей жизнью в этом пугающем предприятии. В конце концов, даже солдаты получали деньги — и проявляли настойчивость в этом вопросе, особенно когда армия задерживала выплаты, что случалось нередко.

Никис безжалостно отмахнулась от угрызений совести. Она была готова использовать что угодно и кого угодно, если это поможет спасти мать.

В таком случае, почему же она осуждала то, как непристойно он использовал Миру — или как непристойно Мира использовала его, — чтобы помочь им пересечь границу?

Эта куртизанка не была простым костюмом или фокусом. В некотором странном смысле она продолжала жить в переполненной голове Пенрика. И всегда будет жить, вместе с другими своими загадочными сестрами. Одного зловещего письма хватило, чтобы превратить опасения Никис — *боюсь, что они знают слишком много* — в надежду — *надеюсь, что они знают достаточно*.

Никис со вздохом откинулась назад, желая, чтобы упряжка скакала быстрее.

* * *

На западном конце главной дороги из Вилнока последней точкой обслуживания экипажей являлся обшарпанный военный городок, охранявший трехстороннюю границу между Орбасом, Седонией и Грабьятом к юго-западу. Аделис прошел здесь всего несколько недель назад с армией Джурго, направляясь на помощь союзнику в

этом соседнем государстве. Никис не осмелилась спросить про него. Отыскав армейскую ставку и ее командующего, Никис и Пенрик показали ему скрепленное печатью письмо от герцога, приказывавшее оказать им всю посильную помощь, которой оказались сержант, погонщик мулов и четыре крепких животных.

Снова пустившись в путь с рассветом, к закату они добрались до ломаного хребта последней горной гряды между Орбасом и Седонией, где разбили лагерь на ночь. Ни сержант, ни его помощник не задавали вопросов; насколько поняла Никис, они часто играли роль проводников, помогавших шпионам пересечь границу.

— Похоже, это обычное дело, — прошептал Пенрик. — Интересно, пользуется ли империя тем же маршрутом — или у них есть своя излюбленная лазейка для агентов.

Аделис мог это знать.

Никис понимала, почему они ждали света дня, чтобы преодолеть следующий участок пути — с ударением на *преодолеть*: им пришлось спешиться и вести мулов через самые опасные уступы. Дыхания на разговоры не оставалось. Им бы не удалось воспользоваться этой дорогой три месяца назад, когда Пенрик еще восстанавливал-

ся после раны в сердце; очередное очко в пользу Миры, с неохотой признала Никис.

Ближе к вечеру они прервали не менее трудный спуск, чтобы сержант и погонщик пробрались вперед и убедились, что армейская дорога, которую регулярно патрулировали имперские солдаты, сейчас пустует. Дорога оказалась голой колеей. Они быстро пересекли ее — шедший последним погонщик заметал следы — и со всей возможной скоростью скрылись из виду.

К ночи они добрались до деревни, где смогли нанять лошадей у равнодушного фермера — по мнению Никис, солдата в отставке, неведомо из чьей армии. Обменявшись краткими приветствиями, но не именами, и купив немного зерна, сержант, погонщик мулов и их животные скрылись в темноте, не дожидаясь, пока их увидят более заинтересованные глаза. Эту ночь Никис и Пенрик действительно провели в конюшне — и были за это благодарны.

Еще один долгий день езды под гору привел их на первую хорошую дорогу для экипажей к северу от границы; эта дорога шла на запад, к Тасалону. Они отпустили проводника и его лошадей, снабдив двойным вознаграждением — половина за животных, половина за молчание. В более

крупном городе с более оживленным постоялым двором им удалось снять две соседние комнаты, вымыться и переодеться в другую одежду, сменив персоны.

После позднего ужина Пенрик вежливо пожелал Никис доброй ночи и покинул ее, позволив запереть за ним дверь между комнатами. Никис долгое время смотрела на эту дверь, слишком уставшая после трех дней изнурительной езды, чтобы встать. Она поняла, что в первый — и, возможно, последний — раз осталась наедине с чародеем. С мужчиной. Какой упущенный шанс…

Службу по найму экипажей на следующий день волновало лишь, чтобы у них были деньги — спасибо щедрому кошельку Джурго — и чтобы они как можно скорее пустились в путь, принеся как можно больше прибыли. К закату они доберутся до пригородов Тасалона. По-прежнему никем не замеченные.

Хотя возможность не делать остановок, чтобы Пенрик обворовал местные храмы, определенно была преимуществом, Никис подозревала, что обратная дорога может оказаться вовсе не такой гладкой.

V

В безлунных тенях Пенрик оглядел длинную стену, которая, по словам Никис, окружала поместье Ксарре в нескольких милях к востоку от Тасалона. Он надеялся, что она не ошиблась; все стены в этом пригороде казались ему одинаковыми. Полмили назад они отпустили экипаж, чтобы скрыть свою истинную цель от любопытного кучера, после чего долго и опасливо пробирались в темноте.

Пенрик протянул руку к замку на задних воротах и подумал: *Дез.*

Тяжелый железный механизм открылся под отточенным магическим воздействием. Пен придержал тяжелую деревянную дверь для Никис; та подняла их багаж и скользнула внутрь. Пен последовал за ней, как можно тише прикрыв дверь.

Он спрятал их вещи за пышным цветущим кустом, стоявшим на границе большого сада.

— Вы достаточно хорошо видите, чтобы не споткнуться? — прошептал он.

— Не очень хорошо, — прошептала в ответ Никис.

Пен взял ее за руку и повел по извилистым дорожкам, которые для него не были темными.

Никис сказала ему, что здесь должны быть стражники — пусть скорее смотрители, а не солдаты — и собаки, которых выпускали на ночь. Стражников видно не было — но несколько минут спустя к ним кинулись два рычащих пса. Их тревожный лай прервался после быстрого перекрута нервов, за которым последовал — едва не опоздав — краткий шаманский гейс, убедивший животных, что эти нарушители — не враги, а лучшие друзья. И потому их атаковали не свирепостью, а любовью. Псы скакали вокруг, молотя Пена по бедрам похожими на дубинки хвостами. Пен подумал, что пара кусков мяса — при наличии — тоже отлично задобрила бы собак.

— Это не собаки, а какие-то *пони*, — пропыхтел он, пытаясь удержаться на ногах.

— Мастифы, — кивнула Никис. — Фу, хватит меня лизать, здоровяк!

Пен оттолкнул языки размером с мочалки и ароматом слизи и собачьего дыхания. С таким непрошеным, но хотя бы молчаливым почетным эскортом, пыхтевшим вокруг, они добрались до очередной длинной глухой стены собственно поместья. Построенный в традиционном седо-

нийском стиле особняк окружал внутренний двор, выставляя наружу холодный камень. Но дом был трехэтажным и намного больше, чем привык Пен. На этой стороне на уровне первого этажа не было ни окон, ни дверей, запертых или открытых, однако на верхних этажах виднелось множество высоких дверей, выходивших на деревянные балконы. Кое-где сквозь изящные резные решетки сочился золотистый свет свечей.

Прищурившись в темноте, Никис принялась считать двери.

— Эта, — прошептала она, показав на дверь со светящимися ширмами. — Второй этаж.

На стене не было ни удобных лесенок, ни ползучих растений.

— Вам ведь известно, что полет не входит в число моих умений?

— Вы говорили, что вы горец. — Надежда в ее глазах была слишком сильной.

— Я был моложе. И легче. И глупее.

И тем не менее он подошел к стене и оглядел ее, высматривая едва заметные трещины и неровности на оштукатуренной поверхности. *Возможно.* Хотя кинутый в ставни камень тоже мог привлечь внимание, Пен предпочел бы убедиться, что это правильное внимание.

— Вы можете встать мне на плечи и подтянуться? Вы не такой тяжелый…

Пену эта картина не понравилась, но он не видел другого пути. Он попросил Никис прижаться к стене, собираясь провести на этом упоре как можно меньше времени. Пен сделал глубокий вдох, разбежался, один, два — он почувствовал, как присело под его ногами ее напряженное тело, — и с трудом ухватился рукой за край балкона. Оттолкнулся ногой от стены, на мгновение всполошившись, когда кусок старой штукатурки подался под его ступней. Затем *подтянулся* и перевалился через перила.

Пен приземлился на корточки, стараясь не шуметь, потом выпрямился и на цыпочках подошел к двери, чтобы заглянуть через решетку. Элегантная гостиная, в воздухе пахнет дорогими свечами из пчелиного воска — но людей не видно.

Пен осторожно постучал по резьбе.

— Эй?

Лишь благодаря Дез он в последний момент увернулся от беззвучного удара тонким ножом через решетку.

Пен вскрикнул — и вскрикнул еще раз, когда дверь распахнулась, с силой ударив его по носу. Мелькнула стремительная фигура в вихре ткани

— и его развернуло вокруг своей оси. Жилистая рука схватила одну руку Пена, дернув назад и обездвижив, лезвие метнулось к шее.

И остановилось, прижавшись к коже. Горячее дыхание коснулось его уха.

Не шевелись! — сказала Дез, без всякой на то необходимости. *Лезвие отравлено!*

Тщательно отрепетированные слова вылетели из головы Пена в ночь, и он лишь пробормотал:

— Я с Никис!

Пауза, хвала Бастарду, хотя давление ножа не ослабло.

— На колени, — произнес резкий тенор, острый и опасный, словно лезвие. — Лицом к свету.

Пен мгновенно повиновался, вскинув свободную руку в знак того, что сдается. Или в молитве, сейчас было уместно и то и другое. Железная хватка разжалась. Быстрые шаги обогнули Пена, и, подняв глаза, тот увидел над элегантными льняными брюками и ниспадающей шелковой рубахой хмурое безбородое лицо, бледное, как отсутствующая луна. Густые белые волосы были забраны назад в прическу, напоминавшую косу.

Из комнаты донесся женский голос:

— Сура, что там?

— Посторонний. Судя по всему.

— Мы гости, уверяю вас! — запротестовал Пен.

— Вы выбрали странный способ сообщить о себе.

— Мы прибыли по странному делу.

Вторая половина решетки распахнулась.

— Оставайтесь внутри, леди Танар! — приказал человек.

Ага, сказала Дез. *По крайней мере, мы не ошиблись с местом. Хорошо.*

Несмотря на предупреждение, на балкон вышла женщина. Стройная, чуть ниже Никис, укутанная в богатые ткани, чтобы защититься от ночной прохлады. Она увернулась от вялых попыток затолкать ее обратно в комнату, подошла к перилам и вгляделась в тени внизу.

— Никис?

— Танар?

— Я думала, ты в Орбасе!

— Так и было. Мы получили письмо, которое ты отправила Аделису. И прибыли так быстро, как только смогли. Ты можешь спуститься и открыть мне дверь, пока твои собаки не утопили меня в слюнях? Наверное, нам лучше поговорить прежде, чем нас кто-то увидит.

— О боги. Оставайся на месте, я сейчас приду.

Леди Танар метнулась в дом. Беловолосый чело-

век издал тщетный протестующий звук, дернулся было за ней, потом вернулся к своему пленнику, который представлял неведомую угрозу. Очевидно, он узнал голос Никис. Пен попытался подбодрить себя этой мыслью.

— Теперь мне можно встать? — робко спросил он.

Человек обдумал его просьбу.

— Медленно.

Пен подчинился. Человек жестом велел ему войти в гостиную. Бледная рука спрятала нож под одеждой, и человек повел плечами, позволяя кровожадному обличью растаять.

На нем четыре ножа, доложила Дез. *Все отравлены.* Она задумалась. *По крайней мере, это снотворное. Все вещества разные.*

При лучшем свете от зеркальных настенных подсвечников Пен разглядел, что радужки человека были тонкой карминной полоской. Скорее всего, они казались розовыми при свете дня, когда зрачки сокращались. Выщипанные белые брови. Лицо с правильными чертами и изящными скулами, пусть и напряженное. Старый шрам пересекал левый угол рта, создавая впечатление вечной усмешки, которую опровергал опущенный в настоящий момент правый угол.

Перехваченная разноцветным шелком белая коса доходила до середины спины.

Надо же, он почти такой же красивый, как ты, Пен, сказала Дез.

Пен ее проигнорировал. Но мрачно попрощался со своим прежним мысленным образом одутловатого, застенчивого секретаря-евнуха, заменив его этой разодетой смертоносной белой змеей, готовой к броску.

— Мастер Боша, я полагаю?

Отрывистый кивок.

— А вы кто?

— Меня зовут Пенрик. В этом путешествии я выполняю обязанности посыльного мадам Катай.

— Вам известна цель этого путешествия?

— Да.

Карминные глаза сузились.

— Ясно. — Он сунул руку под свою рубаху. Пен напрягся, но ухоженная ладонь извлекла тонкий хлопковый носовой платок. Отглаженный и надушенный. Боша любезно вручил его Пену. — Не закапайте ковер.

— О. Благодарю вас.

Пен промокнул верхнюю губу, мокрую от крови. Это была цена шаманского принуждения собак, но пусть Боша думает, что причина в жестоком

ударе дверью; быть может, он почувствует себя виноватым. Скорее всего, дело было и в том и в другом. Ткань промокла быстрее, чем остановилось кровотечение, но тут дверь, выходившая на внутреннюю галерею, открылась, и в комнату проскользнула леди Танар, за которой следовала Никис.

Когда Танар закрыла и заперла дверь, Никис прижала руку к груди и облегченно выдохнула, будто после трудного путешествия они наконец оказались в безопасности. Пен не разделял ее уверенности.

Танар встревоженно повернулась к Никис.

— Что с Аделисом? Где он? Мы слышали, что его ослепили в Патосе, а потом слышали, что он каким-то образом оказался в Орбасе, и во всем этом нет никакого *смысла*.

Никис сделала вдох, словно собираясь ответить, потом вопросительно посмотрела на Пенрика.

— Кипящий уксус применили неправильно, и благодаря заботливому уходу сестры к нему вернулось зрение, — пробормотал тот. — Как только это выяснилось, он бежал в Орбас, чтобы не дать агентам императора вернуться и повторить попытку.

Такова была официальная версия. Пенрик не

собирался говорить, что за неделю восстановил наполовину уничтоженные глаза молодого генерала при помощи самой тонкой и сложной восходящей медицинской магии, что когда-либо применял. Ни здесь, ни где-либо.

Никис молчаливо поджала губы, не согласная с решением Пенрика, но уступила его желанию молчать.

— Герцог Джурго сразу нанял Аделиса и отправил его возглавить экспедицию против вторжения Русилли в Грабьят. Однажды Аделис уже победил русиллийцев, не получив за это императорской благодарности. Могу лишь надеяться, что Джурго обойдется с ним лучше. Едва ли он способен обойтись хуже.

Казалось, перекошенный рот Боша скривился в настоящей ухмылке при мысли о благодарности властителей. Он стоял в стороне, скрестив руки, и неотрывно наблюдая за Пенриком.

— Прошло несколько недель после отъезда Аделиса, когда ко мне в руки попало твое письмо, — продолжила Никис. — Не желая отвлекать Аделиса новостями, герцог дал нам с Пенриком денег, чтобы мы попробовали вызволить мою мать из Седонии и привезти в Орбас. Каким-то образом. — Она переводила взгляд с Танар на

Боша и обратно. — Я не знаю, как вы сможете помочь мне, не подвергнув опасности себя, но, если вам по силам сделать хоть что-то, пожалуйста, сделайте.

— Разумеется! — воскликнула Танар. Но не Боша. — О, бедняжка! Из самого Орбаса, так быстро? Должно быть, ты ужасно устала. Прошу, садись. Тебе нужно что-нибудь выпить. — Она с сомнением посмотрела на Пенрика. — И вы тоже, э-э, мастер Пенрик.

Расплывчатое вежливое обращение, льстящее простому слуге. Пен не думал, что она приняла его за простого слугу. Но он последовал за Никис к маленькому круглому столику со стульями у стены, за которым два человека могли подкрепиться легкими закусками. Боша молча принес еще два стула, взял с буфета графин сладкого красного вина и кувшин питьевой воды и разлил по бокалам разбавленное вино.

Оно ведь не отравлено, Дез? — с опаской спросил Пен.

Пока нет, мрачно ответила она. *Я на страже.*

Коснувшись губ, Танар спросила чуть тише:

— Его ожоги ужасны?

Пен видел, как Никис борется с правдивым ответом: «Кошмарны».

— Он серьезно пострадал. И очень мучился от боли. Но шрамы хорошо заживают, и пострадала только верхняя часть его лица. Со временем краснота должна уйти. За исключением его глаз: они уже не карие, а скорее гранатовые. Люди пугаются, но Аделис говорит, что это хорошо, с учетом его профессии.

Взгляд Танар метнулся к Боша и обратно.

— Ничего страшного. Мне всегда нравились красные глаза.

Боша раскинул пальцы над сердцем и иронично поклонился, не вставая. В ответ Танар насмешливо сморщила губы.

— И если он уже принял новое назначение, то, значит, полностью поправился. — Танар облегченно улыбнулась и выпрямила спину.

— Я сама сочла это чудом, — решительно сказала Никис.

Без комментариев, Пен? — горделиво шепнула Дез.

Тише.

Никис спросила Танар, более настойчивым тоном:

— Что еще ты узнала про мою мать? Ей известно, что произошло со мной и с Аделисом? Она по-прежнему на Лимносе? Случилось что-то

плохое?

— И как вы об этом узнали? — добавил Пен.

Танар покосилась на Боша почти так же, как Никис до этого — на Пена, в ожидании разрешения. Значит, у них были общие тайны?

Боша задумчиво глотнул разбавленного вина и сам ответил на вопрос Пена:

— Моя старшая сестра — служительница Ордена Дочери на Лимносе. Время от времени я ее навещаю. Поэтому ей известно об интересе леди Танар к генералу Арисайдье. Когда на остров доставили мадам Гардики, она отправила мне личное сообщение.

— Я думал, на территорию Ордена не допускают мужчин, — в замешательстве сказал Пен.

Боша склонил голову и сухо ответил:

— Так и есть.

Пен проглотил извинение, смутно ощутив, что оно лишь ухудшит ситуацию. *Скорее всего*, прошептала Дез. Он слабо покраснел. Его неловкость скорее развеселила Боша, нежели оскорбила.

Боша добавил, обратившись к Никис:

— Ваша мать по-прежнему в Ордене. Целая и невредимая, насколько нам известно. Мы не стали вдаваться в подробности, поскольку такая информация опасна, если попадет в неверные

руки.

Пен задумался, кому принадлежали эти руки и что за оружие в них было. Вероятно, в свое время он об этом узнает. Желательно не на собственной шкуре.

Боша обратился к пустому пространству между Никис и Пенриком:

— И как вы планируете ее освободить?

Никис провела рукой по кудрям, растрепанным после путешествия.

— Я думала лишь о том, чтобы добраться сюда. Мы каким-то образом проникнем на остров и освободим ее. Пенрик считает, что обратно нам следует вернуться морем, раз оно все равно будет рядом.

— Предпочтительно не на седонийском корабле, — вставил Пенрик. — На адриакском, при удаче, — Никис смерила его пристальным взглядом. — Но все будет зависеть от того, что нам попадется под руку.

— Будет ли такой путь самым безопасным? — с сомнением спросила Танар. — Я имею в виду… бури. Пиратов.

— С бурями я ничего не могу поделать, — согласился Пенрик. — А с пиратами проблем не возникнет.

По крайней мере, когда они окажутся близко. Позволив демону хаоса поработать над оснасткой чужого корабля, они добьются выдающихся результатов.

О да, прошептала Дез в радостном предвкушении. Насколько понял Пен, она будет разочарована, если пираты *не* появятся.

Никис безмятежно кивнула, соглашаясь с его словами. Танар и Боша изумленно уставились на них.

Секунду спустя Боша спросил:

— Значит, вы прибудете на остров, затем покинете его, а что произойдет между этими событиями? Чудо? Кажется, вашему плану не хватает середины.

— Я никогда прежде не был в Тасалоне, — ответил Пен, предусмотрительно не сказав: «Его середина — вы». Он подозревал, что Боша об этом догадывается. — В этом смысле мне придется положиться на Никис и местные источники информации, но я сделаю все, чтобы ей помочь.

— В первый раз Пенрик вывез нас с Аделисом из Седонии в Орбас, — добавила Никис, — а там он тоже никогда не был. У него есть свои таланты.

Разумеется, она не упомянула, какие именно, а позволила словам повиснуть в воздухе.

Танар кивнула, приняв это на веру. В отличие от Боша.

Танар потерла изящную шею. Ее девичья фигурка не могла соперничать с роскошной пышностью Никис, но сияющие волосы, уложенные на голове в сложную прическу с поблескивающими жемчужинами, мерцали рыжим при свете свечей, и Пен подумал, что днем они будут золотисто-каштановыми. В ясных светло-карих глазах мелькали золотые искры. Судя по всему, Аделиса привлекло не только ее богатство, а кроме того, когда он за ней ухаживал, его состояние могло соперничать с ее деньгами. Пенрику было намного труднее представить, что привлекло Танар к Аделису.

Ой, да ладно тебе, Пен, фыркнула Дез. *Аделис — очень привлекательный мужчина. Согласна, иногда он ужасно раздражает, но когда не ведет себя как осел — а ты должен признать, что в последнее время у него было много поводов выйти из себя, — дамы должны находить его весьма обаятельным.*

Даже с таким уродством? И без седонийской собственности?

Разумеется. Я думала, что за одиннадцать лет с нами ты научился лучше понимать женщин.

Судя по всему, Танар по-прежнему нравился Аделис, что было им только на руку.

Еще интереснее то, что за два года никакой другой ухажер не вмешался и не утащил ее прочь, заметила Дез. *Едва ли по причине отсутствия желающих, с учетом ее богатства.*

Танар решительно положила на стол маленький кулак.

— Очевидно, что сегодня мы уже ничего не сможем сделать. Никис, я думаю, что вам лучше всего остаться у нас. Тайно. Ты можешь спать со мной. А Сура отыщет место для твоего, э-э, спутника. — Она с сомнением оглядела Пена, но обвела рукой их обоих. — Это все, с чем вы приехали?

Пен подумал о герцогских монетах, зашитых в подол и спрятанных в другие места на их персонах, но ответил только:

— Мы оставили багаж во внешнем саду.

— Там есть слуги? — спросила Никис. — Им можно доверять?

— Сура не даст им мешаться под ногами, — ответила Танар с уверенным кивком. — Он всегда так делает.

Она поднялась, и все остальные последовали ее примеру.

— Лучше пока их в это не впутывать, — сказал

Боша. — А потому, пожалуйста, проводите меня к вашим вещам, мастер Пенрик.

— Само собой, мастер Боша.

Боша взял маленький стеклянный фонарь, зажег в нем свечу и вывел Пена на темную галерею. Он мягко шагал по доскам, а Пен пытался так же тихо следовать за ним. Они спустились по лестнице в конце галереи, прошли через извилистый коридор и оказались у двери во внешней стене, запертой на ночь на замки и щеколду. Пен подумал, что, если бы Никис повела их этим путем, возможно, он не оказался бы на волоске от того, чтобы быть заколотым кинжалом. Он изучил бледную косу Боша, качавшуюся на спине евнуха, пока они шли через темноту, которая для Дез не была темной, и решил, что едва ли.

Они пробрались через сад к нужному кусту. Пен взял свой медицинский саквояж и мешок, оставив Боша чемодан Никис. Боша поднял его и задумчиво осмотрелся.

— Как вы проникли через наружную стену?

— Никис знала о задней двери.

— Она должна быть заперта.

— Я умею обращаться с замками.

— Неужели.

Они пустились было в обратный путь, когда

снова появились собаки. К счастью, по-прежнему безголосые, хотя им удалось зарычать на Боша, который ответил в аналогичной манере. Гейс еще не выветрился полностью, и потому псы по-прежнему ластились к Пену.

— И наши собаки обычно не столь бесполезны, — заметил Боша, проталкиваясь через них вслед за незваным гостем.

— Животные меня любят. И, думаю, они узнали Никис, — ответил Пен.

Когда впереди появилась громада особняка, Боша холодно произнес:

— Вы не должны были справиться с тем замком. Миновав замок, вы не должны были пройти через собак. Миновав собак, — он повернул голову, — вы не должны были вскарабкаться на тот балкон. Вскарабкавшись на балкон, вы не должны были уклониться от моего ножа. Однако вы каким-то образом сделали все это, мастер Пенрик.

— …Мадам Катай не просто так выбрала меня своим посыльным, сэр.

— Хм. — Мгновение спустя Боша добавил: — Мне не очень нравится быть последней преградой между опасностями внешнего мира и леди Танар. Служанкам очень трудно оттирать кровь от паркета.

Это была шутка? Пен откашлялся.

— Это богатое поместье. Воры — ваша обычная проблема?

Боша пожал плечами.

— Обычными ворами занимаются другие служащие. Госпожа Ксарре назначила мне более эксклюзивные обязанности.

— Ее дочери Танар грозит какая-то особая угроза?

— Скорее постоянная. В прошлом году один чрезмерно настойчивый отвергнутый ухажер попытался ее похитить. Представить не могу, с чего он решил, что потом она его простит. Или что его наемники сохранят секрет. Мы оставили тела перед его воротами, чтобы он утром их нашел. Думаю, он понял намек.

Значит, не шутка, пробормотала Дез. Пен бы предпочел, чтобы она не казалась такой довольной.

— Ясно, — ответил Пен, гадая, какой намек следовало понять ему.

О, тут все ясно, вмешалась Дез… *Знаешь, мне начинает нравиться этот парень. Если и существуют какие-то признаки Бастардова дитя, которых у него нет, мне они неведомы. Теперь меня интересует его происхождение.*

Мы не будем спрашивать, Дез.

Вернувшись в гостиную, Боша постучал в дверь, которая вела в соседнюю комнату, очевидно, спальню госпожи. Танар весело открыла, взяла чемодан Никис и радостно пожелала обоим мужчинам спокойной ночи. Пен слышал, как она негромко беседует с Никис за дверью. Боша подвел его к такой же двери в противоположной стене, которая вела в другую спальню.

Он зажег свечи, и Пенрик увидел резной письменный стол, шкафы, забитые книгами и бумагами, сундуки и гардероб у стен, умывальник и узкую кровать, заваленную стопками одежды. Боша переложил одежду на сундуки и махнул рукой.

— Вы можете занять мою кровать.

— А где будете спать вы?

— Где обычно.

Он достал висевшую в гардеробе ночную сорочку и скрылся в гостиной, закрыв за собой дверь.

Сконфуженный, но смертельно усталый Пен воспользовался умывальником, после чего тоже переоделся в ночную сорочку. Быстро оглядел комнату. У Боша было намного больше одежды, чем полагалось обычному слуге, и одежда эта была намного более элегантной. Книг и бумаг

оказалось слишком много, чтобы их изучить, но темы были весьма практическими — очевидно, Боша действительно исполнял обязанности секретаря Танар. Среди прочих. Некоторые ящики и сундуки были заперты, что не остановило бы Пена, имей он причину шпионить.

С любопытством и тревогой — поскольку, предсказуемо расположившись между Пеном и Танар, евнух также расположился между Пеном и *Никис* — Пен приоткрыл дверь в гостиную и выглянул. Облаченный в ночную сорочку из тонкого батиста Боша раскладывал набитый шерстью льняной матрас перед дверью леди Танар. У дверного косяка стоял обнаженный короткий меч с гравированным лезвием.

Он тоже отравлен, Дез?

Похоже на то. Мне очень хочется спросить, что он использует и как готовит. Тебе это тоже должно быть интересно, с профессиональной точки зрения.

Думаешь, он сам готовит яды? Запертые сундуки внезапно обрели новую привлекательность.

А ты думаешь иначе?

Через закрытую дверь напротив долетали слабые звуки женских голосов. Пен не сомневался, что Боша вполне может их подслушать.

Как и ты, Пен, вот только место занято.

Пен слишком устал, чтобы тревожиться. С учетом того, что искренностью они оба походили на незнакомых друг с другом котов, он обменялся с Боша вежливыми кивками и закрыл дверь.

VI

Пока мужчины ходили за багажом, Танар увела Никис в свою спальню. Там она уселась за туалетный столик и принялась, немного неуклюже, расплетать косы на ночь.

— Тебе помочь? — спросила Никис, становясь за ее спиной.

— О, пожалуйста. Обычно это делает Сура, но пока ты здесь, он не станет входить.

— С удовольствием. — Никис начала вытаскивать жемчужные шпильки и складывать в эмалированную чашку, которую пододвинула Танар.

Чтобы видеть Никис, Танар наклонила стеклянное зеркало в деревянной раме и выпрямилась.

— Я так рада, что ты жива и невредима, хотя мне очень жаль, что тебя привели ко мне столь ужасные обстоятельства. Аделис был единственным из моих ухажеров, кому хватило мозгов предложить мне *сестру*.

Никис польщенно улыбнулась. В начале знакомства Танар смотрела на нее — на десять лет старше, успела побывать замужем — как на кладезь информации о том, чем мужчины и жен-

щины занимаются в спальне. В конечном итоге Никис пришла к выводу, что причина заключалась не в том, что у Танар не было наставника, а в том, что она собирала данные из всех возможных источников. Готовилась к путешествию своей жизни, подобно тому, как Пенрик изучал карты герцога Джурго перед отъездом в Вилнок. Танар оценила, что Никис выбрала искренность и ясность — как бы предпочла, чтобы поступили с ней самой.

— Аделис… — вновь начала Танар, с большей застенчивостью. — Тебе известно, что он чувствует ко мне? Я несколько раз писала ему, когда шла его кампания, но не получила ответа.

— Это Аделис, — откликнулась Никис, начиная расплетать каштановые косы. — Мне он тоже не отвечает, но я знаю, что он хранит мои письма. — Сгинувшие вместе со всеми их вещами. — После Русиллийской кампании его так быстро сослали в Патос, даже не устроив в столице никакой торжественной церемонии. И там ему пришлось заниматься новыми войсками. Думаю, он уже тогда начал что-то подозревать. А если он ждал неприятностей, то наверняка не желал тебя впутывать.

Танар мрачно поморщилась.

— Боюсь, я невольно сама в них впуталась. Ты знала, что одним из моих настойчивых ухажеров был племянник министра Метани, лорд Бордейн?

Аделис подозревал, что заговорщики Метани, приближенные к императору, подстроили его падение посредством наполовину сфальсифицированной переписки с герцогом Адрии. То есть фальшивым было письмо Аделиса в Адрию; а вот ответ был подлинным — и попал прямо в протянутые руки его врагов.

— Ужасная мысль, но как только я услышала о том, что случилось с Аделисом, мне сразу пришло в голову, что это заговор с целью убрать его с пути лорда Бордейна, — продолжила Танар. И подняла полные безмолвного страха глаза, чтобы встретить взгляд Никис в зеркале.

Никис задумалась, глядя на виновато-испуганное лицо Танар.

— Это могло сыграть свою роль, — с сомнением сказала она, — но причина точно была не только в этом. Аделис и Метани годами враждовали при дворе. Намного более вероятные поводы — недавний успех Аделиса в борьбе с Русилли и его растущая популярность в армии. Не буду говорить за лорда Бордейна, но я уверена, что

Метани больше тревожит угроза императору со стороны возможного узурпатора, нежели любовная жизнь племянника. — Воображаемая угроза, будь он проклят. Весь этот кошмар возник из страха, порожденного фантазиями и клеветой. — Последнее могло просто стать приятным следствием, с их точки зрения.

Хотя, конечно же, Метани не устоит перед соблазном заполучить богатство Танар для своего клана.

Танар обдумала ее слова и медленно кивнула. Честность Никис принесла ей большее облегчение, чем принесло бы какое-нибудь легкомысленное отрицание. Неудивительно, что эта девушка так нравилась Никис. Ценил ли Аделис ее характер, помимо живой красоты?

— Лорд Бордейн продолжает настаивать?

Никис взяла со стола щетку для волос и принялась распутывать пряди Танар.

Танар скорчила гримаску.

— Среди прочих. До моего последнего дня рождения матушка не давала им приблизиться ко мне, выступая в роли сурового стража, но теперь я официально совершеннолетняя, и они знают, что я могу решать сама. Чего только они ни пробуют, чтобы поймать меня наедине и

заставить выслушать их мольбу. Сура очень недоволен. — Ее сердитое фырканье сменилось довольным мурлыканьем, когда Никис перешла к более длинным, успокаивающим движениям щеткой. — О, у тебя получается почти так же хорошо, как у Суры.

В том, что слуга-евнух иногда исполнял обязанности горничной, не было ничего необычного. Более удивительным было то, что в ответ Танар по утрам расчесывала и заплетала белые волосы Боша. Никис видела это, когда в последний раз оставалась здесь на ночь. Очевидно, эта традиция сохранилась с тех времен, когда Танар была шестилетней принцессой-тираном и обращалась со своим новым насмешливым охранником как с чем-то средним между товарищем по играм, большой куклой и покорным рабом. Большинство других невинных проявлений близости ушли в прошлое по мере взросления Танар — к молчаливому сожалению Боша, насколько поняла Никис.

— И тебе не нравится ни один из твоих ухажеров?

Танар пожала плечами.

— Признаюсь, твой брат был первым, кто действительно мне понравился.

— Увы, это безнадежно, — неохотно заметила Никис. — Ему потребуется немало времени, чтобы восстановить свое состояние. Если такое вообще возможно. Твои владения держат тебя в Седонии, а он не может пересечь границу.

— Политика меняется. — Ее мягкие губы упрямо сжались. — Я могу позволить себе подождать.

— Ты хочешь, чтобы он тоже ждал? Мне сказать ему об этом? — Никис помолчала, хотя ее руки не переставали двигаться. — Ты так сильно его любишь?

Помедлив, Танар ответила откровенностью на откровенность:

— Я не уверена. Если оставить в стороне красивую поэзию, которая лишь затмевает взгляд, потому что я ни разу не встречала человека, который действительно мыслит такими понятиями, я не знаю, на что должна быть похожа любовь. Я хочу, чтобы у него все было хорошо. Меня тревожит мысль о том, что его могут убить или ранить. Когда мы услышали, что его ослепили, — она содрогнулась, — я рыдала так долго, что бедный Сура заволновался. *Разумеется*, мне хватило ума взять себя в руки, прежде чем выйти из комнат. — И она тряхнула головой от пережитого раздражения.

Несколько взмахов расчески спустя она добавила, более тихим голосом:

— Некоторое время, еще до Патоса, я думала, что могу использовать «ожидание Аделиса», чтобы отпугнуть других, но не в том случае, если это навлечет на него новую опасность. Потому что убийцы способны пересечь границы, неприступные для армий.

Возразить на это было нечего, и Никис вздохнула, но сказала:

— С учетом опасностей его профессии, думаю, об этом нужно тревожиться в последнюю очередь. — И задумчиво добавила: — Возможно, солдатской жене противопоказана сильная любовь.

Взгляд Танар исподволь встретился с ее взглядом в зеркале, и девушка спросила:

— Ты до сих пор скучаешь по своему мужу Кимису?

Никис втянула ноздрями прохладный воздух. Столько воспоминаний — и почему-то хорошие причиняли боль сильнее плохих, так что она предпочитала держать их все вместе под замком.

— Теперь не так сильно. Настоящее вытесняет прошлое, понемногу, день за днем.

В дверь постучали, и Танар подошла, чтобы взять чемодан Никис из рук своего секретаря и нежно пожелать ему спокойной ночи. Женщины по очереди умылись и надели ночные сорочки. Просторная кровать Танар казалась уставшей с дороги Никис самым привлекательным местом на свете, и она благодарно рухнула на нее, пока Танар задувала свечи.

В темноте Танар сказала:

— Твой посыльный, Пенрик… Благословение Дочери, что за юный красавчик. Я никогда не видела таких глаз и волос, если не считать императорскую стражу с южных островов, но у них они тусклее.

— Он не так уж молод, — ответила Никис. — Ему тридцать.

И это благословение Бастарда. Теологически выражаясь. Быть может, это все объясняет…

— Правда? Столько же, сколько тебе? — Судя по всему, Танар задумалась. И с лукавой насмешкой спросила: — Он тебе нравится?

Никис издала неразборчивый звук.

— Ведь ты вдова и свободна, насколько может быть свободной женщина. Не думаю, что вас разделяет непреодолимая классовая преграда. — Завистливый вздох. — И он выглядит так, будто

ты нравишься ему. Уверена, что ты смогла бы его заполучить, если бы захотела, — продолжила она свои веселые, назойливые рассуждения. — Ты много знаешь о его прошлом?

— Постепенно начинаю узнавать.

Танар подтолкнула ее локтем.

— Расскажешь?

— Это не моя история. — Начиная с: *Это он привез смертоносное письмо от герцога Адрии*, — перейдя к: *Он храмовый чародей, и в его голове живут призраки десяти женщин*, — и закончив: *Одним движением брови он может повалить на землю дюжину солдат.* Это мастеру Боша *совсем* не понравится. Не говоря уже о том, что Пенрик был целителем, обладавшим почти чудесными умениями, но слишком сломленным, чтобы практиковать свое ремесло, а также ученым, который знал полдюжины языков и имел репутацию, впечатлившую даже герцога Орбаса, а еще человеком, который оказался очень, очень далеко от дома. — Все сложно.

Танар издала разочарованный звук, но не стала настаивать.

Некоторое время спустя она добавила:

— Мне так жаль, что у меня не было возможности познакомиться с мадам Гардики. Аделис

хотел пригласить твою мать в Тасалон, но потом вмешались русиллийцы. И все остальное.

— Что ж, не могу сказать, что он когда-либо упоминал о том, чтобы познакомить ее с другой женщиной. Думаю, ты бы ей понравилась.

— М-м? — С надеждой.

— Ты правда считаешь, что у нас получится ее вытащить?

От всех тревожных неизвестностей, ждавших впереди, у Никис разболелась голова. Боша ткнул своим изящным пальцем прямо в центр проблемы. *А потом произойдет чудо.*

Нет. Получив больше информации, они найдут способ. Какой-то. Шаг за шагом. Она не умела творить чудеса, но умела *делать дело*.

Никис подумала, что Танар тоже медлит, разрываясь между добротой и честностью. Никис не знала, какую сторону выбрала девушка, наконец уверенно ответив:

— Сура придумает способ.

Никис промолчала. Она предпочла надежду благоразумию, иначе не приехала бы сюда. Еще несколько вздохов в темноте. С надеждой или мольбой она сказала:

— Я тоже всегда хотела иметь сестру.

— Тогда давай попробуем воплотить это в

жизнь, — тихо ответила Танар.

VII

Пенрика разбудил свет раннего утра, сочившийся сквозь ставни, и негромкие голоса, доносившиеся из гостиной. Мгновенно проснувшись, он подскочил к двери и увидел Боша, в штанах, но босого и без рубашки, который отходил от двери на галерею, держа в руках большой поднос, взятый у какого-то слуги. Поднос он поставил на круглый стол.

Спину Боша по диагонали пересекал старый длинный шрам, кривой от грубых стежков. Вроде того, что был на губе? Пену не требовалось говорить: *Взгляд, Дез*, — чтобы заглянуть поглубже. Без сомнения, эту рану оставил меч. Когда Боша повернулся, резко подняв глаза на Пена, тот также заметил шрамы примерно того же возраста на его предплечьях. *Сопротивление при нападении, как по-твоему, Дез?*

О да.

Несмотря на иммунитет, приобретенный на занятиях анатомией, Пену казалось грубым заглядывать человеку в штаны, однако у Дез подобных предрассудков не было. Тот шрам был более старым — и хирургически аккуратным. Никаких

следов, как на мгновение испугался Пен, жестокого увечья, полученного в битве, что иногда случалось. В остальном Боша оказался невредим, что тоже бывало не всегда; иногда поспешная и полная кастрация приводила к недержанию — и неприглядным шуткам про вонючих придворных евнухов. Которых Дез — отчасти благодаря Мире, но в основном Вазие, одной из своих старых седонийских седоков — знала множество, и… *Я не хочу их слышать, Дез.*

Как пожелаешь, фыркнула Дез. *Но все, что известно нам, в конечном итоге станет известно и тебе.*

Но не тогда, когда я смотрю человеку в глаза. Он не стал добавлять любезности в надежде, что Дез поймет намек.

Не подозревающий об этом сверхъестественном осмотре Боша кивнул Пену в знак приветствия. Пен кивнул в ответ. Боша натянул рубашку с длинным рукавом и манжетами на запястьях и сказал, высунув из ворота взъерошенную голову:

— Давайте известим дам, что чай прибыл. Я скоро вернусь. Не открывайте дверь.

И он босиком вышел, судя по сосредоточенному лицу, о чем-то размышляя.

Пен вернулся в спальню-которая-не-была-

спальней Боша и тоже быстро оделся, после чего постучал в противоположную дверь гостиной. Танар высунула голову, с удовольствием выслушала известие о прибывшем чае и закрыла дверь. Последовали веселые женские голоса и загадочный шорох, после чего дамы наконец вышли в гостиную. Пенрик отметил, что ранним утром Никис выглядит очень хорошо. И не такой напряженной и усталой, как в другие утра их путешествия.

Никис была одета в свое обычное платье, а Танар — в розовое облако, в котором Пен — точнее, Дез — узнал пеньюар, а не какой-то причудливый придворный наряд. К чайнику, накрытым тарелкам и корзине прилагалось всего две чашки, и Пен ловко уклонился от того, чтобы сесть за стол, дабы леди Танар не пришлось делиться своей чашкой со вторым гостем.

Социальная дилемма разрешилась несколько минут спустя, когда Боша вернулся, неся лишние чашки на пальцах одной руки, а в другой держа чайник больших размеров. Три чашки, не две, заметил Пен, когда Боша их раздал. На тарелках и в корзине оказались свежеиспеченные булочки, кусочки мягкого белого сыра, вареные яйца, оливки и свежий виноград, в количествах

достаточных, чтобы всем хватило. Имелись и кошмарные кубики сушеной рыбы, которых Пен избегал и которые все остальные почему-то считали едой. На время разговор сменился сосредоточенным жеванием.

Раздался властный стук в дверь, и Боша мгновенно поднялся, без всякого удивления, хотя Танар встревоженно вздрогнула. Приоткрыв дверь, он впустил гостью, приложив руку к сердцу и отвесив ей поклон — Пен не смог решить, был ли этот жест насмешливым или искренним, — после чего сразу закрыл дверь. Никис и Танар уважительно встали, и Пен последовал их примеру.

Без сомнения, это была госпожа Ксарре. Никис рассказала Пену, что Танар была поздним ребенком, совсем как Аделис для леди Флорины. Для госпожи и господина Ксарре это был второй брак. Отец Танар умер, когда ей было четыре или пять. Никис утверждала, что это был союз по любви. И ни слова о скончавшихся старших детях.

Пен решил, что его первое впечатление — *пожилая* — было не совсем верным. Без сомнения, госпожа Ксарре оказалась изящно одетой стройной дамой в годах, седеющие волосы которой были уложены в замысловатую прическу со

шпильками, украшенными драгоценными камнями. Резная деревянная трость, на которую опиралась женщина, была не притворством, а необходимостью, потому что Боша взял госпожу Ксарре под другую руку и проводил к своему стулу без возражений с ее стороны.

Очень плохие тазобедренные суставы, сообщила Дез после быстрого Взгляда. Во время учебы и работы в Мартенсбридже Пену удавалось восстанавливать подобные нарушения изнутри, применяя небольшие дозы восходящей магии на протяжении недель или месяцев. Здесь у него этого времени не будет, а потому нет смысла думать об этом, верно? Он растянул губы в настороженной улыбке, когда госпожа Ксарре села и посмотрела сперва на него, а потом на Никис, которая по примеру Танар тоже опустилась на место.

— Миледи, — пробормотал Боша. — С мадам Катай вы знакомы. Разрешите представить вам мастера Пенрика, ее посыльного.

— Госпожа Ксарре, — выдавил из себя Пен.

— Мастер Пенрик.

Повинуясь взмаху ее руки, Пен изобразил поклон и тоже сел.

Боша налил чай своей старшей госпоже и встал,

прислонившись к стене и скрестив руки. Пен видел слуг, которым удавалось таким образом сливаться с обстановкой. Боша был явно не из их числа.

— Суракос сообщил мне, что у нас нежданные гости, — мягко начала госпожа Ксарре.

Никис вскинула подбородок.

— Боюсь, незваные. Приношу вам свои извинения, но, с учетом обстоятельств, не могу сказать, что сожалею.

— Судя по всему, не совсем незваные. — Госпожа Ксарре выразительно посмотрела на Танар, которая поерзала, тем самым ответив на вопрос, дала ли разрешение госпожа Ксарре на то письмо или нет. — Но, уверяю вас, не нежеланные. — Трудно сказать, насколько искренне она говорила. — С учетом обстоятельств. Однако нам действительно необходимо из первых рук услышать новости о том, что случилось в Патосе и после него. — Это точно было искренне. — Вам известны придворные слухи. Если это не откровенная ложь, то настолько запутанно, что становится едва ли не хуже лжи.

Никис кивнула. Сделала глубокий вдох и приступила к краткому описанию разразившейся в Патосе катастрофы, начав с ареста Аделиса и пе-

рейдя к тому, как он вернулся к ней в дом, слепой и обожженный. Она не стала упоминать крики и мольбы о смерти. Пен подумал, что госпожа Ксарре и Боша сами могли заполнить пробелы.

— А какова ваша роль в этой истории, мастер Пенрик? — спросила госпожа Ксарре.

Никис прикусила губу, разрываясь между своим обещанием Пену и нежеланием лгать хозяйке дома. Пен подхватил знамя.

— Мадам Катай наняла меня в качестве мужчины-сиделки для своего покалеченного брата. Я помогал ей у постели больного, а после, когда к генералу Арисайдье вернулась зрение — во время их бегства в Орбас. — Что даже не было ложью.

— Должно быть, это было трудное путешествие, — заметила госпожа Ксарре.

— Да, — согласилась Никис.

Пен был немного разочарован, что она не добавила: «Без Пенрика мы бы не справились», — но он сам попросил ее не привлекать к нему внимания. Винить тут можно было только самого себя.

Услышав этот односложный ответ, госпожа Ксарре поджала губы и не стала задавать вопросов, а вместо этого повернулась к Пену.

— Насчет Орбаса все ясно. Но почему вы пожелали отправиться в Тасалон, мастер Пенрик?

Пен вспомнил тот невероятный хаос, в который превратилась его жизнь с тех пор, как он впервые ступил на седонийскую землю, и выбрал более короткую правду:

— Я ищу расположения мадам Катай.

Ему бы хотелось, чтобы после этих слов Никис выглядела хотя бы вполовину такой же довольной, как Танар. Госпожа Ксарре сухо улыбнулась. Пен не мог сказать, ухмыльнулся ли Боша — или так казалось из-за его шрама.

— Значит, вы давно знакомы? — спросила госпожа Ксарре.

— Нет. Мы познакомились в Патосе, — ответила Никис.

— Вы ему доверяете? — по-прежнему любезно ровным голосом спросила госпожа Ксарре.

Никис зажмурилась, открыла глаза.

— Свою жизнь — да, — ответила она с отрадной уверенностью. — Свое будущее… я еще не решила.

Госпожа Ксарре усмехнулась.

— Мудрая девочка. — Она допила чай — Боша наклонился, чтобы вновь наполнить чашку — и откинулась на спинку стула. — Признаюсь, — сказала она, — мне бы тоже хотелось, чтобы мадам Гардики оказалась в безопасности рядом с сыном

и дочерью в Орбасе. При условии, что ее удастся доставить туда каким-то магическим способом.

Пен вздрогнул. Никис закашлялась и глотнула чаю.

— Суракос говорит, вы не очень четко изложили свой план.

Пен подозревал, что Суракос выразился намного резче.

— На самом деле, мы надеемся воспользоваться его знаниями, поскольку мы с мадам Катай ни разу не были на Лимносе, а он был. Для начала нам нужно понять планировку и охрану. Дом Ордена не может быть неприступным, как тюрьма или крепость, если он принимает посетителей и паломников. Не говоря уже о необходимости доставлять пищу и другие припасы для его обитателей… сколько их?

Госпожа Ксарре махнула Боша, и тот услужливо ответил:

— Около трех сотен принесших клятву Храму святых, служителей и посвященных — и, быть может, столько же посвященных-мирян, которые им прислуживают. Все женщины. Комплекс зданий стоит на высоком мысе. За единственным подъемным мостом располагается просторная вилла для мужчин — служителей богини и страж-

ников. Ни один мужчина никогда не ступал на территорию Храма.

Пен думал, что там меньше народу.

— А они пытались? Учитывая человеческую природу. Например, переодетыми.

На этот раз Боша действительно ухмыльнулся.

— Учитывая человеческую природу, Орден держит свору священных собак, которые бродят по переднему двору и обучены вынюхивать мужчин. Исключительно суки.

В обоих смыслах, как понял Пен.

— И это работает?

— Чрезвычайно хорошо, как мне говорили.

Танар подняла глаза.

— Ты сбиваешь их с толку, дорогой Сура?

— Признаюсь, однажды я одолжил ваши духи и провел несколько забавных экспериментов, но в любом случае, меня там знают.

— Духи сработали? — настойчиво спросил Пен.

— Не могу сказать. — Розовые глаза сверкнули из-под полуприкрытых век. — Подозреваю, в вашем случае они не сработают.

Но у меня есть другие способы управлять собаками.

— Вам известно — или, может, у вас есть предположение, — где и каким образом содержат

мадам Гардики?

Боша пожал плечами.

— Возможно, ей разрешили свободно перемещаться по территории и общаться с другими людьми. В прошлом такое дозволялось некоторым дамам, проведшим в заключении много времени, если их считали тихими. Но скорее, поскольку она недавно прибыла и еще не успела себя зарекомендовать, ее держат под замком. Вероятно, в комнате, выходящей к морю. Основной защитой Ордена служит его, э-э, местоположение. И вода, ветра и течения. Длина острова составляет всего пять миль.

Отвечая на вопросы Пена, Боша подробно описал архитектуру и ежедневное расписание обитателей Ордена, включавшее работу и молитвы. Судя по всему, он был чрезвычайно наблюдательным человеком. Пена это удивляло все меньше.

— А как прелаты Ордена Дочери относятся к тому, что дом их богини используют в качестве имперской тюрьмы?

Боша наклонил голову.

— Интересный вопрос. Но поскольку императорский двор оказывает убежищу значительную финансовую поддержку, едва ли они могут от-

казаться.

— Посетители, которые приходят и уходят. Их считают?

— Да. Есть книга посетителей, в которой ставятся соответствующие отметки. И которую проверяют на закате, когда поднимают на ночь мост. Дамы ценят свое уединение.

Пен откинулся на спинку стула и потер губы костяшками пальцев.

Дез, ты видишь какие-нибудь варианты?

Ты хоть помнишь, с кем говоришь, парень? Без сомнения, это был осуждающий голос Просвещенной Ручии. *Я навскидку вижу шесть, но начнем с самого тихого. Оставим напоследок тот, что предполагает пожар.*

Уж надеюсь! — Пен содрогнулся, представив это гипотетическое оскорбление Госпоже весны.

Позволь мне задать Никис несколько вопросов.

Пен уступил контроль над ртом своему демону и повернулся.

— Никис, как выглядит ваша мать? Она высокая, низкая, толстая, худая? Какого цвета ее кожа, глаза и волосы?

— Она чуть выше меня и, э-э, не такая округлая. Кожа, глаза и волосы очень похожи на мои.

— Она умеет сохранять хладнокровие в экс-

тренных ситуациях?

— Ну, она вырастила нас с Аделисом. — На губах Никис мелькнула очаровательная улыбка, которая в последнее время стала редкостью. — А кроме того, она сопровождала отца в разных армейских лагерях. Я была слишком мала и не помню, как мы все ехали с вещевым обозом, а на него напали. Но я слышала рассказы. Из двух наших матерей Дрема всегда была практичной, а Флорма — нервной. — Это были их детские прозвища для Идрены и леди Флорины. — Думаю, иногда моя мать хотела бы понервничать, но роли уже были распределены. А потому она в основном занималась тем, что успокаивала нас с Флормой.

— Ясно. — Он покосился на трость, прислоненную к стулу госпожи Ксарре. — В какой она физической форме? Она может ходить, бегать, лазать, ездить верхом?

— В неплохой. Ей всего пятьдесят. Она может делать все это, но, конечно же, не как девушка. — Никис задумалась. — Хотя лазать в вашем понимании — едва ли. Даже в молодости. Я тоже. Но мы справимся с лестницами.

Дез принялась задумчиво напевать себе под нос.

— Думаю, здесь может сработать подмена.

— Прошу прощения? — сказала Никис.

— Две паломницы входят в Орден, чтобы помолиться. Женщина и ее племянница. М-м, кузина. Или подруга. Мы находим мадам Гардики и меняемся с ней одеждой и прочими вещами, по необходимости. Позже две женщины выходят и направляются к своей лодке. Вот только в камере остается не мадам Гардики. Я спокойно выбираюсь из заключения и присоединяюсь к вам. — Пен сам не знал, чьим голосом говорит.

— Что? — переспросила Никис. — Но вы совсем не похожи на мою мать!

— Однако мы не можем оставить вас. Это будет все равно что обменять одну золотую монету на другую.

— Быть может, я подойду? — нерешительно спросила Танар.

— Нет! — хором ответили госпожа Ксарре и Боша.

Танар обиженно наклонила голову.

— Я бы хотела сделать хоть что-то. В конце концов, я здесь единственная, кто имеет право испить из источника богини.

— Нет, — повторил Боша. — Никто не должен связать этот побег с домом Ксарре. Или с моей

сестрой Гекат в Ордене, если на то пошло. Она единственный член моей семьи, кого я терплю, и наоборот. Мне бы очень не хотелось ее потерять. — Нахмурившись, он посмотрел на Танар, затем на Пена. — И если вы воображаете, будто сможете втянуть меня во все это, имейте в виду, что я — ниточка, ведущая прямиком к обоим.

— Да, а кроме того, у вас слишком примечательная внешность, — согласился Пен.

Хотя Боша явно был ловким и бесстрашным телохранителем — бесспорно, ценное качество.

— Как и у вас, — заметила Никис.

— Внешность можно изменить. В обе стороны. Иногда весьма простыми методами. Мои волосы и кожу можно покрасить — или можно достать светлый парик. В моем багаже лежат сабо Миры, которые придадут вашей матери рост. Глаза… кто обращает внимание на глаза?

— Ваши? Все, — ответила Никис.

Пен немного обиделся, когда присутствующие серьезно кивнули.

Однако Боша оттолкнулся от стены.

— Я могу решить этот вопрос.

Он ушел в свою спальню и вернулся с маленьким футляром. Открыл его и продемонстрировал очки в тонкой латунной оправе. Стекла очков

были из темно-зеленого стекла.

— О! — воскликнул Пен, наклоняясь, чтобы их разглядеть. — Это очень умно! Я знаю одного шлифовщика линз в Мартенсбридже, которому это будет интересно. Не то чтобы солнце представляло большую угрозу в кантонах, хотя иногда его блики на снегу могут ослепить.

— У вас одновременно бывают снег и солнце? — с изумлением спросила Никис. — Вы из такой необычной страны, Пен.

Пен отметил эту оговорку — *Пен* — и сдержал улыбку.

— Мне подарила их госпожа Ксарре, — сказал Боша. — Когда я впервые поступил на работу. Потому что от дневного света у меня слезились и болели глаза. За двадцать шесть лет до этого никому не пришло в голову предложить мне такую помощь. Я не хочу отдавать их вам, но отдам, если это позволит быстрее от вас избавиться.

— Дорогой Суракос, их можно заменить, — пробормотала госпожа Ксарре.

Рука над сердцем и безмолвный благодарный кивок. Нет, это была не насмешка.

Пен осторожно взял очки и примерил. К счастью, линзы были плоские, без искажений, которые причиняли головную боль. Моргая, он

оглядел свою зеленоватую аудиторию.

— Если вы хотите быть незаметным, это не тот случай — сказала Никис.

— Тем лучше. Люди запомнят очки — но не лицо за ними.

— Может быть… Значит, вы снова станете Мирой?

Остальные трое с любопытством посмотрели на него — и Бастардовы слезы (или хохот), он не хотел рассказывать эту историю здесь. Или в каком-либо другом месте.

— Не Мирой, пощадите меня боги, только не в Ордене Дочери. Просвещенной Ручией. Она знает, что нужно делать.

Никис удовлетворенно кивнула. Все прочие продолжили таращиться на него.

— Краски, — секунду спустя сказала Танар. — Уж с *этим-то* я в состоянии помочь!

VIII

Никис уже доводилось бывать в мастерской Танар. В отличие от Пенрика. Пройдя через спальню Боша в следующую комнату, он с изумлением разглядывал рабочий стол, полки, заставленные аккуратно подписанными баночками и тетрадями, шкафы с крошечными ящичками и разложенные по порядку инструменты. Здесь даже имелась маленькая печь с выходившей наружу трубой. Танар открыла ставни, чтобы впустить внутрь солнечный свет. Балкона не было, только окно.

— У вас здесь не хуже, чем в аптеке, — сказал Пенрик, озираясь.

Никис полагала, что он может об этом судить.

— Да, — весело откликнулась Танар. — Я впервые увлеклась этим искусством, когда заставила Суру показать мне, как он готовит свои, хм, лекарства. Потом я преследовала Караджи, пока та не показала мне, как готовит все-все краски для пряжи и ткани. Потом мама разрешила мне учиться у настоящего аптекаря — она приходила раз в неделю на протяжении почти трех лет. И потому я могу приготовить любое лекарство для

нашего дома. Лучше, чем Сура.

Тот поднял бровь, соглашаясь — гордый учитель? — и Танар довольно тряхнула головой.

Улыбка Пенрика почему-то стала вымученной.

— Готовить вы тоже умеете?

— О да. Матушка согласна, что я должна освоить все, что только смогу. Потому что, даже руководя слугами, ты должен понимать, что они делают. И кто знает, чем придется заниматься жене офицера?

— У жены генерала, без сомнения, будет подобающая помощь, — заметил Боша, словно повторяя аргумент из прежнего, бесплодного спора.

Никис рассмеялась.

— Так думают все. Полагаю, Танар лучше понимает, что к чему.

— Матушка заключила со мной сделку, — объяснила Танар. — Она наймет мне наставника по любому предмету, какой я выберу, а я, в свою очередь, буду изучать ее бухгалтерию, которая мне не нравится. Все получилось как нельзя лучше. За исключением подковывания лошадей.

— Подковывания лошадей? — переспросила Никис.

Даже она не слышала этой истории. Боша, который, очевидно, слышал, прикрыл рот рукой.

— У нас был очень терпеливый старый пони и очень терпеливый старый кузнец, но даже они к вечеру потеряли терпение. Не думаю, что смогу подковать лошадь, но готова биться об заклад, что, если моя лошадь когда-нибудь потеряет подкову, я смогу прибить ее на место так, что бедное животное не охромеет. Хотя бы это. — Она огляделась. — Но больше всего мне нравится мастерская.

Никис велела Пену разжечь печь. Они с Танар надели фартуки и принялись смешивать образцы красок. Потом заставили Пена сесть на табурет и снять рубашку, проверяя краски на его коже, пока не добились оттенка, близкого к коже Никис. Пока Танар готовила краску для кожи в большем объеме, Никис, уже занимавшаяся этим прежде, принялась втирать чернильно-черную краску в распущенные волосы Пенрика.

— Какая жалость, — пробормотала Танар, глядя через плечо на это занятие.

— С тех пор как я оказался в Седонии, мои волосы столько раз перекрашивали, что я удивлен, как они еще не выпали, — со вздохом сказал Пенрик. — Возникает соблазн побриться наголо в целях самозащиты.

— Даже не думай, — сказала Никис и дернула

за прядь, забыв, что ей должно быть все равно. Пен, мерзавец, заметил это и подавил улыбку.

— С моим закрепителем эти краски выдержат несколько дней мытья, — сказала Танар. — Будьте аккуратны и не испачкайте ими что-нибудь заметное.

Когда они приступили к обработке кожи, Танар и Боша скрылись за дверью, ведущей на галерею. Никис, пытаясь не думать об этом предлоге прикоснуться к Пену, покрасила его лицо, шею, руки и плечи, а потом принялась за длинные ноги, продвигаясь от ступней к коленям.

Пен сглотнул. Никис приготовилась услышать неведомо что — как только ему взбрело в голову заявить, что он ищет ее расположения? — но он внезапно спросил:

— Ты знала, что Боша носит отравленные ножи?

— Я знала, что он вооружен. То есть, должен быть вооружен. Насчет прочего не знала.

Хотя, по мнению Никис, в этом был смысл. Проигравшему в схватке евнуху не следовало рассчитывать на милосердие, и он не мог подвести свою подопечную, Танар.

— Как думаешь, Танар готовит для него яды?

Никис задумчиво наклонила голову.

— Очень может быть. Ей нравится думать, что она чем-то ему помогает, в благодарность за все то, что он делает для нее.

— Тебя это не тревожит?

— Это очень полезное умение для женщины, которая вследствие брака или несчастливого случая вполне может оказаться при императорском дворе в Тасалоне. Это самое ядовитое место из всех, где мне доводилось бывать, и аптекари здесь ни при чем.

— Можно посочувствовать мужу, который ей не понравится. Ты не волнуешься за Аделиса?

Губы Никис дрогнули.

— Не особо. Аделис не из тех мужчин, кого хочется отравить. Он из тех, кого хочется стукнуть сковородкой по голове.

Пенрик согласно фыркнул.

— И это говорит его любящая сестра. Ты когда-нибудь так делала?

— Нет, с тех пор, как нам исполнилось двенадцать. — И после паузы добавила: — Потом он вырос слишком высоким, чтобы я могла дотянуться. Плохой угол для замаха.

— Я буду иметь это в виду.

— Тебе ничего не грозит. Ты еще выше.

Смешок. Но потом, к досаде Никис, он поднялся,

оставив ее с перемазанными краской пальцами, и принялся изучать шкафы. Пауза, знакомое щелканье — и он распахнул одну дверцу и заглянул внутрь.

— Эй! Полагаю, они не просто так заперты!

— О, ты права, — выдохнул он. — Его голос был слишком довольным. — Что ты об этом думаешь, Дез?.. Правда?.. Хм.

— Хватит шпионить, — сказала Никис и подпортила возмущенный эффект, добавив: — Кто-то может вернуться.

Кинув долгий взгляд внутрь, он, к облегчению Никис, снова закрыл шкаф и даже потрудился запереть его.

— Ты не можешь расхаживать пегим. Вернись сюда.

Он покорно вернулся, сел и снова вытянул ноги.

— Интересно.

И молчал, пока она не сдалась и не проворчала:

— Ну ладно, что там? Тебе явно не терпится рассказать.

— В основном быстродействующие паралитики, если верить Дез. Как говорится, смерть зависит от дозы. Едва ли количества в желобке

лезвия хватит, чтобы убить. *Хитрый* мерзавец.

Подумав, Никис откликнулась:

— Верно. Боша нужно нанести всего один порез, чтобы замедлить противника. А потом, при необходимости, заколоть его. И никто никогда не узнает про яд. А если кто-то отнимет у него кинжал, то не сможет убить его им. По крайней мере, не сможет убить ядом.

Уже открывший было рот Пенрик жалобно сказал:

— Я сам собирался это объяснить.

— Нет необходимости. Ты когда-нибудь слышал толпу пьяных солдат, похваляющихся своими достижениями? От них многое можно почерпнуть.

Хотя мужчины этого не замечали.

— Сбежав в весьма юном возрасте от моего брата, Целеустремленного-Наемника-Дрово, я старался избегать подобных компаний.

— Счастливчик.

Пен сидел и сушился, а Никис обмахивала его, чтобы ускорить процесс, когда Танар и Боша вернулись, неся в руках ворох одежды. Оказалось, они одолжили ее у старших служанок, серьезных и почтенных. Ключевым фактором отбора, после того как Никис и Танар завернули еще влажные от краски волосы Пена в ткань и занялись при-

меркой, оказалась длина, но ему требовался всего один наряд. Пен намного ловчее превращался в даму, которую назвал *Преподобной Ручией*, чем в первый раз, когда пытался одеться куртизанкой Мирой — и, возможно, воскресить ее к жизни. Схватывал ли он все налету — Никис знала, что так и есть, — или Ручия просто была ближе ему по духу? Или все его внутренние дамы присутствовали в нем в равной степени?

Посередине процесса Боша, которому отлично удавалось скрывать веселье, хотя Пен определенно заметил несколько безмолвных смешков, склонил голову в намеке на поклон и скрылся за дверью на галерею. Еще немного повозившись и основательно поспорив, они завершили превращение. Пен прошелся по маленькой мастерской, практикуясь с драпировками и весьма правдоподобно подражая женской походке.

— Я действительно думаю, что вам удастся пробраться на территорию Ордена, — сказала Танар, любуясь своей работой. — Но удастся ли выбраться обратно? В одиночку?

В этот момент Боша вернулся в мастерскую, на этот раз через свою комнату, и услышал ее слова. Он прислонился к косяку.

— Полагаю, что да. Как и говорила мадам Ка-

тай, у него есть таланты. — Подняв глаза, Никис увидела, что он крутит на длинном указательном пальце храмовые косы Пена. — И теперь мы знаем, какого толка.

Пен на мгновение застыл — и Никис тоже, похолодев от внезапного осознания, как *опасно* может быть дразнить Пена. Но тот лишь облизнул губы и ровным голосом произнес:

— Отдайте.

— Разумеется.

Боша вручил ему косы, держась на расстоянии вытянутой руки. Двух вытянутых рук, с учетом руки Пена.

Выпучив глаза, Танар спросила:

— Это косы чародея?

— Да, — лаконично ответил Пен.

— Настоящие? — Разумный вопрос, с учетом того, чем они только что занимались.

— Да.

— Это многое объясняет, — пробормотал Боша, скрестив руки и вновь прислонившись к дверному косяку.

— Ну ничего себе! — воскликнула Танар. — Я никогда раньше не беседовала с чародеем. Никис, ты знала? Конечно, знала.

Танар явно пришла в восторг. В отличие от

Боша.

— Вы часто роетесь в вещах ваших гостей? — язвительно спросил Пен.

— А вы часто зажигаете огонь без свечи или щепы? — спросил в ответ Боша.

— …О.

— Да, часто, — сказала Никис. И когда они с Пеном успели так привыкнуть к этому простому домашнему фокусу, что она попросила, а он машинально подчинился? — О, Пен, прости меня. Я не подумала.

— Все в порядке, — ответил он, по-прежнему сдавленным голосом. — Я тоже. Хотя я не знал, что он смотрит.

— Это дает ответ на много вопросов, но поднимает еще больше новых, — сказал Боша. — С учетом того, где я их обнаружил. Вы также являетесь храмовым целителем?

— Не… совсем.

— Во всем, кроме последней клятвы, — ответила за Пена Никис.

— Потому что, насколько я знаю, штат целителей составляют самые искусные чародеи Храма.

— Вы не ошиблись, — сказал Пен.

Его губы сжались в тонкую линию, и только Никис понимала, какой шрам он скрывал глубоко

внутри. Боша будет гадать и никогда не узнает, почему беседа приняла столь мрачный оборот. Не говоря о катастрофе, которая могла разразиться, если бы евнух узнал, что Пен прибыл в Патос в качестве агента герцога Адрии. И по-прежнему мог им являться.

Она быстро вмешалась:

— Возможно, вы получите ответы на все свои вопросы… если мы снова встретимся на свадьбе Танар и Аделиса. А пока вам лучше не знать.

Никис задумалась, каким разумом обладал Боша, когда тот медленно кивнул в ответ.

* * *

Никис попрощалась с Танар в ее спальне. Они крепко обняли друг друга.

— Будь осторожна, — попросила Танар, отпуская Никис. — Я чувствую себя лучше теперь, когда больше знаю о твоем посыльном. Кто бы мог подумать, храмовый чародей! *И* целитель?

— Он вылечил глаза Аделиса, — подтвердила Никис. — Палач отлично справился с задачей. Клянусь, они наполовину сварились.

Танар ахнула.

— Это было ужасно. Я видела. Пен буквально восстановил их своей магией.

Она испытывала странную радость от того, что наконец могла с кем-то поделиться. Справедливость? Хвастовство? Кто знает.

— Но теперь с глазами Аделиса все в порядке?

— Он отлично видит. Просто выглядит иначе.

Танар кивнула, прагматично принимая это.

— А твой очаровательный целитель… Он уже просил тебя выйти за него замуж?

Никис вспомнила тот тяжелый, усталый разговор, что состоялся у них с Пеном по прибытии в Орбас.

— Полагаю, что да.

– *Полагаешь?* Как ты можешь не знать?

— Ну, я знаю. Да.

— И ты не вцепилась в него обеими руками? Чародей, целитель, восхитительные золотые волосы? Высокий. И эти *глаза*. Это правда, что чародеи творят удивительные вещи в постели?

— Я… не знаю. Возможно. — И не добавила: «Генерал Чадро определенно так считает».

— Я бы ждала от тебя большего любопытства. — Танар испустила разочарованный вдох.

— Такого, как у тебя? — Никис подавила смешок, а Танар глупо улыбнулась. — Но Пенрик никогда не бывает один, — продолжила Никис. — Он всегда в компании. Его демон хаоса — это не

только сила, но и личность. Он даже дал ей имя. Дездемона.

Танар прижала пальцы к губам, заглушая хихиканье.

— Умно!

— Но в его голове живут два человека, а не один. Постоянно. — Точнее, двенадцать… тринадцать, однако сейчас не было времени вдаваться в подробности. — Все это время она втайне была с ним, твоя третья гостья.

Танар склонила голову.

— Но ты о ней знала.

— …Да.

— И, очевидно, не сочла ее опасной, чтобы предупредить нас. — Танар подняла лицо и вскинула брови, произнося этот не совсем вопрос.

— Верно, — дала Никис не совсем ответ. — Но я выйду замуж не только за него. А еще и за *нее*. Демона хаоса. Понимаешь?

— Я… о. — Если это и не разубедило Танар, то хотя бы охладило ее пыл. — Что ж, ты осторожна, и боги свидетели, тебе немало пришлось пережить. Полагаю, ты знаешь, чего хочешь.

Под конец в ее голос вкрались нотки сомнения.

Никис пожала плечами, грустно соглашаясь с

невысказанными словами. Кто мог предвидеть сожаления? Ее брак с Кимисом казался хорошим — *был* хорошим, пока не завершился так ужасно. Отдать сердце любому живому существу, даже обычной кошке, означало рисковать вновь пережить такую потерю. Что вернуло Никис к вопросу:

— Так что мне сказать Аделису?

Танар прикусила губу и опустила взгляд.

— Скажи ему… — Она подняла голову и посмотрела Никис в глаза. — Скажи, что я буду ждать.

— Ты уверена? Ожидание может продлиться долго. И ничем не кончиться. Я редко встречала молодых женщин, которые не мечтали бы сбежать из материнского дома и стать себе хозяйками.

— Даже если ради этого им придется выйти замуж? — насмешливо спросила Танар. — Спасибо Дочери и Матери, этот путь не для меня. Нам с матушкой не приходится жить друг у друга на голове. И она потакает всем моим интересам. По крайней мере, хвалит меня за успехи и ничего не говорит про неудачные попытки. Которых было немало, и весьма постыдных, но матушка говорит, это часть учебы.

Никис поймала ее машущие руки и сжала.

— В таком случае, я при первой же возможности передам твое послание.

Она взяла свой заново упакованный чемодан и последовала за Танар в гостиную, где ждали переодетый Ручией Пенрик и Боша. Чтобы их увидело как можно меньше слуг Ксарре, Боша сам решил отвезти гостей в прибрежную деревню, где можно сесть на корабль до Лимноса, и сыграть роль спутника двух дам-паломниц. Никис полагала, что бог Пенрика — а также ее собственный и, возможно, Боша, она не спрашивала — оценит иронию и защитит их в пути за доставленное веселье, если ничем больше они его порадовать не могли. Утром, когда они сядут в лодку, идущую через канал, Боша уже не будет их сопровождать, но станет держаться поблизости, так же скрытно, как рядом с Танар.

Боша сменил свои экстравагантные наряды на элегантную тунику без рукавов и подходящие брюки темных оттенков, надев льняную нижнюю рубашку с длинным рукавом, несмотря на жару. Скромная одежда слуги каким-то образом сделала его еще более заметным. Очевидно, Танар тоже так считала, потому что сняла воображаемую ниточку с его туники и сказала:

— Ты выглядишь очень красиво.

В ответ он положил руки ей на плечи.

— В мое отсутствие будьте осторожны. Спите в комнатах госпожи Ксарре. Слушайтесь ее.

— Я всегда слушаюсь.

— Вовсе нет.

— На этот раз буду слушаться. Только ради тебя, Матушка Наседка. — Она постучала его по носу. — Ты тоже будь осторожен. Не возвращайся опять покрытым кровью. И я категорически запрещаю допускать, чтобы тебя убили. Это приказ!

Он ответил поклоном с прижатой к сердцу рукой. Когда Танар отвернулась, привычная усмешка на лице Боша сменилась улыбкой, преисполненной такой нежности, что у Никис захватило дыхание.

Улыбка мелькнула и исчезла, вновь скрытая сардонической маской. Никис решила бы, что ей показалось, но не думала, что сможет когда-либо забыть увиденное.

О.

Полагаю, мне нужно об этом поразмыслить.

Потом пришло время вновь прокрасться через сад к задним воротам и выбраться в переулок.

— Ждите здесь, — велел Боша. — Я подгоню экипаж.

Он запер ворота. Замок решительно клацнул.

Пенрик опустил на землю свой саквояж и мешок, накинул складку драпировок платья на завитые черные волосы и прислонился к садовой стене. Никис поступила так же. Некоторое время спустя она прижилась головой к нагретому солнцем камню и вздохнула.

— Наверное, это самая призрачная надежда из всех, что я видела.

— Хм? — откликнулся Пен.

— Боша и Танар. Я думаю, он в нее влюблен. И знает об этом.

Пен хмыкнул, без удивления и возражений.

— Благородная наследница и кастрированный слуга в два раза старше нее? Действительно призрачная. И конечно, об этом он тоже знает.

— О да. — И Никис задумчиво продолжила: — Не уверена, что она знает, что влюблена в него.

— Нетрудно заметить, что каждое второе имя, слетавшее с ее уст, было вовсе не Аделис, — сухо произнес Пен. — Это повод для тревоги?

— М-м, в некотором смысле. Мне нужно придумать какой-то надежный способ объяснить брату, что он получит обоих сразу — или ни одного. — И секунду спустя добавила: — Похоже на вас с Дез.

Яростное фырканье.

— Боша с Танар ничуть не похожи на нас с Дез!

При виде его возмущения Никис вскинула бровь.

— А что об этом думает Дез?

Короткая пауза.

— Дез думает, что ты очень проницательная девочка и нравишься ей. — Пауза. — И если бы я только перестал таращиться на твою… Дез, это грубо! Я не такой пошлый! Нет, именно такой. — Пен стиснул зубы.

Никис не стала комментировать, но уголки ее губ поползли вверх.

Откашлявшись, он продолжил:

— Я думаю, не стоит строить догадки. Боша кажется очень преданным госпоже Ксарре. Ты могла обратить внимание, что сегодня утром он отправился к ней, не сообщив Танар.

— В полном соответствии со своими обязанностями — и, как выяснилось, умом. Что обернулось на пользу всем нам. Ты это хотел подчеркнуть?

— Скорее обратить внимание. Но лучше не вмешиваться в то, чего не понимаешь полностью, — сказал Пен. И добавил — Никис не была уверена, он это был или Дез: — Или они могли бы сбежать вместе далеко-далеко и открыть аптеку. Им бы хватило на жизнь.

— В разных комнатах?

— М-м. Танар могла бы днем готовить лекарства, а Боша мог бы, я не знаю, убивать покупателей. Они были бы счастливы.

Мрачный смешок вылетел изо рта Никис прежде, чем она успела затолкать его обратно.

А потом в переулок свернул экипаж, и чужие проблемы отступили перед их собственными. Началась последняя часть смертоносного предприятия.

Может быть.

IX

Пен выгнул шею, когда они с грохотом въехали в маленькую портовую деревню Гура, на седонийском побережье напротив Лимноса. Сумерки окутали улицы тенями. Море продолжало светиться; в четырех милях от берега высился остров, таинственный силуэт на фоне неба. Значительной частью своих доходов Гура была обязана Лимносу, его Ордену и стойкому потоку паломниц к его священному источнику. Основная масса путешественников прибывала весной, но чистые небеса и спокойные воды лета привлекали вторую волну паломниц. Боша сказал, что во время суровых зимних ветров поток иссякал.

Богадельня Ордена Дочери в Гуре была отдана под размещение пилигримов и считалась самым чистым, дешевым и безопасным местом для ночлега. Однако Пен не хотел подвергать свою маскировку проверке в тесноте общей женской спальни, где он своим вторжением мог оскорбить не только богиню. Поэтому Боша высадил их возле гостиницы, не пользовавшейся популярностью у моряков, и отправился искать конюшню для лошади и экипажа госпожи Ксарре.

Пен надеялся снять отдельные комнаты для всех троих, но с трудом отыскал хотя бы одну. Каморка под крышей вмещала кровать и соломенный тюфяк, вместе занимавшие весь пол. Ручия посоветовала Пену согласиться на простую холодную еду и питье, принесенные служанкой, вместо того чтобы спускаться в общий зал, и, судя по всему, Никис была этому только рада. Когда вернулся Боша, они устроили пикник. Пен подозревал, что дома евнух питался не хуже своих хозяек, а зачастую и вместе с ними, но Боша ничего не сказал насчет незамысловатой трапезы.

Затем возникла проблема с распределением постелей, напомнившая Пену их бегство в Орбас вместе с Аделисом. Никис, поднаторевшая в спорах и явно очень уставшая от них, без обиняков заняла тюфяк, а мужчин отправила на кровать.

— И не надо таращиться на меня, точно двое малолеток, которым велели есть овощи, — язвительно добавила она, пресекая возражения.

К счастью, Боша, судя по всему, привык исполнять приказы разгневанных женщин. Это была бы в высшей степени неловкая ночь, если бы Пен не вымотался настолько, что уснул, едва рухнув на простыни.

На рассвете он не мог сказать, как провел ночь

Боша. Глаза у евнуха всегда были красными.

* * *

Небольшие лодки, возившие путешественников на остров, выходили из Гуры, как только набирали достаточно пассажиров. Несколько капитанов и команд были женщинами, и некоторые паломницы предпочитали именно их. Боша направил спутников на борт одной из таких лодок, не потому, что был знаком с капитаном, а потому, что не знал его. Как только судно отошло от берега, он пробрался через бочки и ящики и уселся в тени паруса, натянув на покрасневшее лицо широкополую шляпу.

Маленькая флотилия отплывала утром и возвращалась на закате, давая пассажирам возможность провести на острове целый день. Некоторые паломницы оставались на ночь в рыбацкой деревне, которая трудилась на Орден, или в верхней деревушке за пределами обители, и лишь очень немногие, по договоренности и в основном служители Храма, ночевали в самом доме Ордена. Пен то и дело бросал поверх зеленых очков взгляды на восхитительный морской свет, желая впитать как можно больше, пока не явилась Никис с соломенной шляпой, не нахлобу-

чила ее ему на голову, заявив, что он поджарится, как яйцо, и не отправила его в тень к Боша.

Все трое обзавелись тонкими синими шарфами, которые удачно продавали в киоске на пристани Гуры. Это был знак просителей. Боша обернул своим голову, закрепив его шляпой и натянув на лицо. Он приподнял эту вуаль лишь для того, чтобы одарить Пена хмурым взглядом. Каждый дюйм его кожи был закрыт преимущественно темной тканью, включая перчатки, и судя по виду, ему было жарко и очень неудобно.

— Хотите на время свои очки? — шепнул Пен.

— Нет, — шепотом ответил Боша. — Если собираетесь сыграть эту пьесу до конца, не выходите из роли.

Он прав, сказала Дез.

— Я не догадывался, что для вас это будет таким испытанием.

Отражавшееся в волнах ослепительное утреннее солнце оставило бы на неприкрытой коже евнуха ожоги. Пен не знал, насколько хорошо краска Танар защитит его самого.

— День рождения моей сестры — поздней осенью. В это время года обычно не так плохо.

Никис села по другую сторону Пена. Чем ближе они были к цели, тем более напряженной она

казалась. Пен подтолкнул ее, пытаясь безмолвно подбодрить, но губы Никис едва дернулись в ответ.

Послышались отрывистые приказы, и лодка причалила. Парус скользнул в сторону, будто ширма, и они впервые увидели убежище Дочери на Лимносе.

Пен посмотрел вверх. Выше. Еще выше. У него отвисла челюсть.

— Да сохранят меня пятеро богов, — пробормотал он.

Из моря поднималась почти отвесная скала, такая высокая, что серые каменные дома на ее вершине, крытые выцветшей синей черепицей, напоминали модели архитектора. Уступ высился над островом, словно колонна гигантского храма.

— Тут не меньше тысячи футов, — изумленно сказал Пен.

— Около того, — согласился Боша, снова подняв свой шарф, чтобы проследить за взглядом Пена.

— Как люди туда *поднимаются*?

— В скале высечена лестница, которая серпантином ведет наверх. Вы сможете ее разглядеть, когда мы подойдем ближе. Более двух тысяч ступеней, и каждая ступень — молитва.

— Которые, без сомнения, к концу переходят в проклятия! — в смятении сказал Пен.

Боша дал ему насладиться ужасом, после чего небрежно добавил:

— Или можно заплатить погонщикам ослов, чтобы те отвезли вас по дороге, ведущей из деревни.

Одураченный Пен смерил его мрачным взглядом.

Евнух усмехнулся, сверкнув зубами.

— Мне говорили, что изредка пилигримы в поисках искупления действительно поднимаются по ступеням. На четвереньках. Это акт не столько унижения, сколько ужаса, потому что на лестнице нет перил. Кое-где ступени такие узкие, что тем, кто идет вверх, и тем, кто идет вниз, приходится переползать друг друга.

— Думаю, мы возьмем ослов, — чопорно сообщила Никис.

— Хорошее решение.

— Не знаю, насколько подобные безумные выходки впечатляют богов, чье присутствие повсюду одинаково, — протянул Пен, глядя вверх прищуренными глазами. — Хотя самые проницательные из моих семинарских наставников говорили, что полезный эффект воздействует на

просителя, а не на какую-то святую аудиторию. Вопрос в том, заполняет ли подобный поступок человека или опустошает его, освобождая место для бога. Можно с тем же успехом достичь подобного, сидя в одиночестве в тихой комнате. И можно заползти по этим двум тысячам ступеней на руках, распевая гимны, и ничего не добиться.

Боша смерил его любопытным взглядом.

— Хотите попробовать? Ведь вы, очевидно, просвещенный святой.

— Нет. Чародеи всегда слишком переполнены. — Пен вздохнул. — Для нас существуют только окольные пути, для меня и моего бога. Иногда это сводит с ума.

Снизу деревья казались веточками петрушки, разбросанными по куску жареного мяса. Требовалось сосчитать ряды окон и кружево деревянных балконов, чтобы осознать, какими большими в действительности были здания, поднимавшиеся на шесть, а то и восемь этажей над скалой с этой стороны.

— Удивительно, что император не забрал эту крепость себе, — заметил Пен.

— Однажды ее захватили, — ответил Боша. — Хотя не Седония. А один из ее врагов. Двести лет назад. Огромный гобелен излагает эту историю

в залах, которые посещают все пилигримы Лимноса.

— И что это за история? — спросил Пен.

— О. Через пропасть перекинули мосты из лестниц, и женщины Ордена Дочери были изнасилованы, убиты и проданы в рабство. Около недели спустя весь гарнизон скончался от болезни. Из тысячи человек осталось лишь тринадцать. Это сочли чудом Дочери, местью за нападение. С тех пор Орден больше никто не трогал.

Никис хмыкнула.

— Или это была очень, очень разгневанная женщина, отравившая священный источник.

Губы со шрамом растянулись.

— Вполне возможно.

— Не исключено, что имели место обе причины, — рассудительно произнес Пен. — Скорее всего, так и было. Говорят, у богов нет рук, кроме наших. — Он поднял ладонь и пошевелил пальцами.

— Только не моих, — проворчал Боша и вновь скрылся под своей синей вуалью.

X

Когда их лодка наконец пришвартовалась к пристани Лимноса, и пассажиры выбрались на берег, Никис не могла понять, что испытывает: горечь, тоску по дому или морскую болезнь. Или все вместе. Напряжение в плечах заставляло ее чувствовать себя гипсовой статуей, голова которой может отколоться при любом неудачном ударе. Ощутив под ногами шероховатый камень, она сделала глубокий вдох.

Пенрик-Ручия схватил ее руку и сжал.

— Эй, все будет хорошо, — прошептал он.

Не было никаких рациональных причин верить в это. Насколько знала Никис, чародеи не могли видеть будущее. Но она немного вытянула шею, и ее голова не отвалилась.

Боша позаботился о том, чтобы сойти с лодки отдельно от них, однако было несложно последовать за другими пилигримами, поднимавшимися по долине к конюшне с ослами. Никис и Пенрик нырнули за последний беленый дом и передали Боша свой багаж, за исключением мешка, в котором лежали сабо Миры и туника и штаны Пенрика, а сверху — упакованный обед, взятый

не только в целях маскировки.

— Где вы будете нас ждать? — спросила Никис. — Я видела только одну таверну.

— Не в ней, — ответил Боша. — Там меня заметит слишком много народу. Чуть выше есть тропа и несколько расщелин в камнях. Я выгоню гадюк — и у меня будет темное, прохладное укрытие, чтобы переждать солнце. Оттуда я должен увидеть, как вы возвращаетесь.

— На этом острове есть гадюки? — встревоженно спросила Никис. Можно было бы принять это за одну из коварных шуток Боша, но из них троих только он был в сапогах.

— Не на дороге, — усмехнулся он. Возможно. Трудно было понять. — Ваш чародей, без сомнения, защитит вас… Он говорит, что животные его любят.

Проигнорировав эту издевку, Пен повел Никис прочь.

— Но кто защитит его? — с тревогой спросила Никис, оглядываясь. Боша уже исчез.

— От гадюк? Быть может, они сочтут его своим родственником. С учетом всех отравленных ножей, что он при себе носит.

— Его поясной нож тоже отравлен?

— О нет, этот чистый. Но есть еще один на шее,

один на спине, один в сапоге, а кошелек на поясе наполнен мерзкими маленькими шпиговальными иглами.

Никис обдумала его слова.

— Хорошо.

Вероятно, «конюшня» было слишком громким словом для стада животных, привязанных в тени оливковых деревьев. К животным прилагалось несколько хулиганистых мальчишек в качестве погонщиков и взрослая чета, забиравшая монеты у пилигримов и распределявшая ослов. Бедные или физически выносливые путешественники просто шли пешком по извилистой дороге, хотя здесь также имелась повозка для пожилых и увечных. Пришлось немного подождать, пока найдется длинноногий осел для очень высокой дамы с больными глазами, но вскоре Пен и Никис уселись в дамские седла, напоминавшие маленькие деревянные кресла, расправили юбки и пустились в путь под присмотром мальчика.

Дорога извивалась туда-сюда по голому склону холма, словно челнок на ткацком станке, преодолевая расстояние, составлявшее около двух миль в длину и тысячи футов в высоту. Через пролив открывался великолепный вид на материковую Седонию; ярко-голубые небеса и море напомнили

Никис глаза Пена. Земля сияла ослепительным светом. Не прошло и вечности, как они миновали последний поворот и прибыли в деревушку у стен Ордена Дочери.

Никис поискала глазами стражу, которую им впоследствии придется как-то миновать. Увидела несколько вооруженных мужчин в синих туниках ордена, а под платаном играли в кости четверо скучающих солдат в имперской форме. Они прервались, чтобы оглядеть прибывших пилигримов, но их интерес был скорее похотливым, чем подозрительным.

На самом деле, даже если бы Аделису хватило глупости так поступить, он бы не успел добраться сюда с каким-либо отрядом. Который стражники могли заметить на дороге, прежде чем он прибудет.

Вот только Аделис не станет штурмовать холм средь бела дня. Он высадится на дальней стороне острова в темноте и захватит их врасплох. А потому, возможно, расслабленность солдат была оправданна.

Длинный разводной мост был перекинут через пропасть, глубины которой скрывали прохладные зеленые тени. Никис сжала локоть Пена, словно помогая подруге, в ожидании, пока оде-

тый в синее мужчина провезет по мосту тачку с бочкой и передаст ее женщине, которая ждала у каменной арки. Они обменялись не только грузом, но и краткими знамениями Дочери, коснувшись своего лба. Никис и Пен последовали за бочкой внутрь.

Залитый солнцем передний двор был вымощен синей, желтой и белой плиткой, образовывавшей узор. На дальней стороне располагалась кафедра, за которой стояла служительница с синим шарфом. Она улыбалась гостям и помогала им сделать запись в огромной книге посетителей. Единственной опасностью была удивительная свора из дюжины сторожевых собак.

Никис ожидала увидеть что-то вроде мастифов Ксарре, крупных и грозных. Однако эти собаки были маленькими, с красиво расчесанной длинной шерстью, блестящими черными глазами и розовыми языками. Путников словно окружила стая белых шелковых швабр.

Пен тихо охнул и сосредоточился. Собачье подозрение сменилось радостью, и они принялись скакать вокруг него, пыхтя и принюхиваясь. Пара добралась до его лодыжек и лизнула их. Весьма правдоподобно взвизгнув, Пен встряхнул юбками и попытался мягко отогнать собак обутой в

сандалию длинной ступней. Что было бы вполне нормально, если бы розовые собачьи языки не приобрели отчетливый коричневый оттенок. В ужасе сглотнув, Никис наклонилась, маша руками и шепча:

— Брысь. Брысь!

Собаки попытались лизнуть ее пальцы.

К огромному облегчению Никис, сзади подошла женщина с четырьмя маленькими девочками, которые при виде собак запищали от восторга. Девочки и животные с одинаковой радостью набросились друг на друга, гладя, воркуя, облизывая и виляя хвостами, и Пену удалось сбежать.

Как и планировалось, Никис расписалась за них обоих, указав фальшивые имена, чтобы, когда они будут уходить, не возник вопрос о разных почерках. При условии, что кто-то их сравнивал. *Потом будут сравнивать, когда обнаружат, что мама исчезла.*

— О чем вы будете сегодня просить нашу Госпожу? — радостно поинтересовалась служительница.

— О, я — ни о чем. Моя подруга Ручия просит исцеления для своих больных глаз. Я здесь лишь для того, чтобы ей помочь.

Пен дружелюбно кивнул и каким-то образом

— возможно, благодаря Дез — удержался от пространных комментариев. Он достал из рукава носовой платок и успел прижать его к носу, преградив путь струйке крови.

— О, дорогая моя, с вами все в порядке? — всполошилась служительница. — Быть может, вам нужно сесть?

Пен покачал головой, промычав что-то отрицательное.

— Дерез зекунду оздановидзя.

Служительница неохотно пропустила их к первой достопримечательности, указав вход в галерею с гобеленом. Никис достала кошелек и оставила пожертвование в стоявшем рядом с кафедрой ларце, повернув руку так, чтобы служительница заметила блеск тяжелого золота. Расплывшись в улыбке, та простилась с ними, хотя и посоветовала высокой даме, если почувствует себя плохо, вернуться, чтобы кто-то проводил ее в лазарет.

Знаменитый гобелен занимал длинную стену; ряд арочных окон в стене напротив впускал в галерею достаточно света, не позволяя прямым лучам солнца касаться ткани. Пенрик действительно задержался, чтобы изучить гобелен, медленно шагая вдоль тридцатифутового вы-

шитого повествования, бормоча пояснения себе под нос. Никис не знала, вжился ли он в роль паломницы или снова впал в ученый экстаз.

На гобелене можно было различить солдат, высаживавшихся в рыбацкой бухте внизу и разорявших деревню, которая весьма напоминала нынешнюю. Штурмовые лестницы и дым. Кричащие женщины, которых волокут за волосы фигуры, напоминающие жестоких троллей. Священный источник, над которым в отчаянии рыдает богиня. Ее лицо было очень нечетким, почти отсутствовало по причине того, что Номиналистическая полемика в Седонии приняла весьма суровые обороты, но Ее поза каким-то образом передавала глубокие эмоции. Ближе к концу гобелена многочисленные детальные фигурки троллей извивались в агонии и изрыгали красные нити. Множество красных нитей.

— Не знал, что вышивка может быть такой мрачной, — пробормотал Пен, наклоняясь, чтобы их изучить. — Это определенно назидание. — И он нервно облизнул губы.

На последнем изображении богиня благосклонно улыбалась, наблюдая за столпами дыма от погребальных костров и восстановлением Своего убежища. Поразмыслив, Пен осенил себя

знамением, коснувшись лба для Дочери, губ для Бастарда, пупка для Матери, чресл для Отца и сердца для Сына, едва заметно поклонившись и еще раз коснувшись лба.

А потом дважды постучав большим пальцем по губам, для удачи его собственного бога, пусть и двусмысленного. Потому что никогда не забывал — в отличие от других, — что в конечном итоге всю его силу ему даровал белый бог, перед которым Пенрику однажды придется держать ответ.

Это было неожиданное зрелище, и Никис украдкой наблюдала за ним. Сначала она узнала его как целителя, потом — как чародея, но, похоже, он был в неменьшей степени просвещенным святым. Быть может, она недооценивала этот третий столп его характера.

Из галереи по сизым гранитным ступеням они спустились во двор священного источника, который узнали по гобелену. Однако в жизни он производил намного большее впечатление. Никис и Пен застыли на месте от изумления.

В середине белого мраморного круга диаметром футов восемь бурлила чистая, прозрачная вода. Через пять отверстий она истекала в окружавшую источник чашу, откуда уходили каналы в разные части Ордена, среди которых, без сомнения, были

бани и прачечные. Одна из струй падала в раковину, на которой висели серебряные черпаки, а оттуда переливалась в нечто, напоминавшее мраморную лохань для стирки, украшенную великолепными резными символами богини. Сюда паломницы, искавшие более серьезного утешения, могли погрузиться целиком.

Музыка воды была единственным звуком, нарушавшим тишину двора, если не считать далеких птичьих голосов. Казалось странным, что в таком ослепительном месте царит такая священная атмосфера.

— Каким образом вода *поднимается* сюда? — пробормотал Пен сквозь зубы.

Еще одна служительница, присматривавшая за источником, поднялась с порфирной скамьи под портиком и гостеприимно подошла к ним.

— Мы считаем это чудом Госпожи. Четыреста лет назад эта скала была сухой и бесплодной. Источник появился после землетрясения. Жители Лимноса заметили новый водопад на стене утеса и отправились на поиски. С тех пор мы наслаждаемся благословением Дочери весны. — Она приглашающе взмахнула рукой. — Испейте, если пришли с доброй верой, и помолитесь с Ее очистительной водой на губах.

Служительница показала на искусно сплетенные молитвенные коврики за источником. С одного из них поднималась пожилая женщина с синим шарфом на шее. Ее лицо было задумчивым.

Никис взяла предложенный черпак и помедлила. Сверкнув глазами, смотрительница прошептала:

— После лодки и подъема на холм большинство гостей очень хотят пить. Утолить жажду дозволительно.

Благодарно улыбнувшись, Никис последовала ее совету. Пенрик опасливо наблюдал за ней. Повинуясь импульсу, Никис зачерпнула воды и вручила ему. Он принял черпак с благодарным кивком — а потом еще один, когда она вновь наполнила его.

Они вытерли губы и прошли к молитвенным коврикам, потому что смотрительница выжидающе смотрела на них. Немного подумав, Пенрик не просто опустился на колени, а лег ничком, раскинув руки в позе отчаянной мольбы. Никис встала на колени лицом к яркому фонтану и подняла руки ладонями наружу, растопырив пальцы.

За всеми своими тревогами она не подумала, о

чем молиться. У нее ничего не было.

С водой Дочери на губах казалось неправильным притворяться. В конце концов, чтобы молиться здесь, необязательно быть девственницей. Достаточно того, что когда-то она ею была. *Потому что боги расчетливы.*

И — иногда — милосердны.

Она подумала, не попросить ли у богини прощения за это святотатственное вторжение. Даруют ли им искупление за то, что они явились, дабы исправить еще большее оскорбление — использование Ее святилища в качестве тюрьмы?

...Нет. Это была богиня, а не герцог Джурго. И Никис пришла сюда не затем, чтобы выторговывать нечто, на что у нее не было права по рождению, в обмен за услугу. Двор священного источника не был рыночной площадью. Нельзя было назначить цену того, что ей требовалось.

И не нужно, дитя.

Никис задрожала, не понимая, чья это мысль.

Госпожа. Я не грешу против Тебя и не нуждаюсь в Твоем прощении. Я здесь, чтобы совершить сегодня то, что положено дочери. Я кладу свой поступок как подношение к Твоим ногам, потому что мы должны отдавать богам самое лучшее, что в нас есть.

Во мне нет оскорбления Тебе.

И она осознала, что это правда.

Пенрик со вздохом перекатился и сел. Его лицо стало встревоженным.

— Почему ты плачешь? — прошептал он.

— Я плачу? — переспросила Никис. Вытерла щеки и поняла, что они мокрые. *Вода Дочери, отданная обратно.* Ее голова и сердце были переполнены чем-то совсем иным, нежели прежде. — Все в порядке.

— Я могу взять…

Она поймала его руку и поднесла палец к его беспокойным губам.

— Нет. Все действительно в порядке. Теперь мы можем идти. — И она повторила ему его собственные слова: — Все будет очень хорошо.

На этот раз она поднялась первой и помогла подняться ему.

XI

Дез тоже плакала. Изнутри и снаружи Пена окружали плачущие женщины. Это было ужасно.

Реакция его демона хотя бы была знакомой по их прежним случайным встречам с чем-то подобным. *Или Кем-то подобным.* Демоны боялись богов — единственной силы, которая могла их уничтожить. Дез просто испугалась. Или не просто. Интересно, что она не свернулась в тугой клубок внутри, как делала обычно. Если бы у нее имелось тело, помимо его собственного, он бы представил, что она лежит ничком, раскинув руки на плиточном полу и спрятав лицо в позе униженного подчинения.

Никис… была совсем другой. Что бы с ней ни произошло, страхом тут и не пахло. Что само по себе пугало.

Она не хватала ртом воздух, не всхлипывала и не тряслась, но из уголков ее темных глаз продолжали течь тонкие струйки воды. Пен встревоженно увел ее на скамью в тени колоннады, как можно дальше от источника и его смотрительницы. Нахмурившись, та с любопыт-

ством следила за ними, но потом ее отвлекло появление женщины с четырьмя дочерями, по-прежнему перевозбужденными от радостной встречи с собаками.

Пен вытянул руку над плечами Никис и нерешительно замер, готовый предложить утешение, если она того захочет. Очевидно, она хотела, потому что нырнула в его объятия, вцепившись руками в драпировки. Не как влюбленная, а как утопающая.

— Что ты попросила у богини? — прошептал Пен.

— Ничего. — Она покачала головой. — Я сделала подношение. Наверное.

Как учили Пена, у молитвы имелось пять предназначений: служение, прошение, благодарность, прорицание и искупление, из которых прошение и прорицание были самыми частыми — и самыми тщетными. С возрастом все большую значимость приобретало искупление. Так о каком служении или благодарности шла речь?

— Что ты почувствовала?

— Не могу сказать.

— Слишком сложно? Или слишком личное?

— И то и другое. — Она отвернулась. — Я не могу ничего утверждать. Приписывать себе заслугу.

Возможно, мне просто напекло голову.

Пен пощупал ее лоб, затем свой собственный. Оба были одинаково теплыми в этот ясный день, и он понадеялся, что Боша отыскал хорошую глубокую расщелину.

— Как я однажды сказал человеку, пережившему сходный опыт, не отрицай богов. И тогда они не станут отрицать тебя.

Она подняла голову, изумленно приоткрыв губы.

— Ты мне веришь?

— Мне не нужно верить. Я знаю. А точнее, Дез это видела. Сейчас у нее приступ внутри. Это пройдет. С ней такое бывает.

Она спросила, испуганно глядя на него:

— Ты уже сталкивался с чем-то подобным?

— Трижды. Такое не забывается.

Никис пробормотала в лиф его платья:

— Она лишь коснулась меня краем Своего плаща.

— М-м, но это очень большой плащ. Он укрывает весь мир. — Пен вздохнул. — По крайней мере, я так думаю. Все, что я могу почувствовать, это порыв ветра от взметнувшейся полы. — Как сейчас?

Ее глаза стали немного безумными.

— Ты понимаешь?

— Понимаю? — Он фыркнул. — С тем же успехом можно сказать, что я могу выпить море. — Зависть? … Возможно

Сглотнув, она выпалила:

— А о чем молился ты?

— Пытался подольститься. Очень усердно. Тот гобелен выглядит весьма грозно.

Она попыталась подавить смешок и в результате фыркнула через нос.

— Тебе не следует… Мне не следует…

— Да, следует. Понимаешь, радость — это Их знак. Скорее всего, она еще некоторое время будет сочиться из тебя.

— О… — Никис глубоко вдохнула, выпрямилась и привела одежду в порядок. — И ты постоянно имеешь дело с подобным?

— Не постоянно, не допусти белый бог. Очень редко. Я бы не пережил такую перегрузку.

— Почему ты еще не сошел с ума? — Она поджала губы. — О. Возможно, я сама ответила на свой вопрос.

— Ну ладно тебе, будь доброй.

Он ничего не мог с собой поделать: ее улыбка была заразительной. Протянув руку, он мягко стер костяшками пальцев остатки серебристой

влаги с ее мягких щек. И не стал убирать прохладу со своих рук, изо всех сил пытаясь не чувствовать себя жадным ребенком, стянувшим лакомство с тарелки сестры.

Может, не жадным. А просто голодным.

Оба посмотрели на двор. Четырех девочек отговорили плавать в круговом бассейне, подобно украшавшим его дельфинам, но разрешили, подоткнув юбки, с криками поплескаться в лохани. Едва ли на них останется хоть одно сухое место. Повсюду были разбросаны сандалии. Служительница и мать смотрели на детей и смеялись.

— Знаешь, — сказала Никис, — я придумала хитроумный план, как разузнать дорогу в туалет, но, похоже, он нам не понадобится. Идем.

— Да.

Судя по всему, для нее было вполне естественным взять под руку высокую подругу. Вместе они тихо скрылись в темном коридоре соседнего здания.

— Куда пойдем сначала? — спросил Пен.

— Откуда мне знать? Богиня не дала мне карту.

— Да, они никогда их не дают, — вздохнул Пен. — Можно сказать, что это еще один знак.

Наконец она осмелилась произнести вслух,

пусть и очень тихо:

— …Думаю, она благословила меня.

Уголки его губ поднялись вверх.

— Еще лучше.

Похоже, она пыталась осознать это, целиком и полностью, потому что после еще одного вдоха кивнула. Затем спросила:

— А у тебя есть план?

Он с сомнением наморщил нос. Они остановились и оглядели еще один небольшой двор.

— Боша считает, что они держат твою мать на стороне, выходящей к морю, где спуск особенно крутой. На верхних четырех или пяти этажах есть балконы, через которые можно проникнуть внутрь. Или выбраться наружу. Поэтому такой вариант менее вероятен. Я бы начал с восточной стороны нижнего этажа. Оглядимся, посмотрим, что найдем.

— А если нас остановят?

Это место едва ли можно было назвать безлюдным, хотя все женщины, которых они видели, спешили по своим делам и не обращали внимания на двух паломниц, не слишком сильно отклонившихся от обычного маршрута.

— Держи наготове ту историю про туалет. В конечном итоге она может нам пригодиться.

Оказавшись в более темных внутренних коридорах, Пен поднял зеленые очки на голову и спрятал под складкой драпировки.

— Я буду рад от них избавиться. Верни их Боша, если сможешь. Но только после того, как доберешься до лодки.

— Конечно. Надеюсь, с ним все в порядке.

Дважды свернув не туда, они наконец обнаружили многообещающую лестницу. Пен понял, что они идут в нужную сторону, когда элегантная кирпичная кладка сменилась прорубленным в скале проходом. От подножия лестницы шел длинный коридор.

Располагавшиеся в правой стене ниши впускали внутрь водянисто-голубой свет. Дальше шел ряд почти одинаковых дверей. Вдоль левой стены располагались камеры без окон, с дверьми и без дверей, очевидно, использовавшиеся для хранения. Свечи на стенах были экономно погашены.

— Как мы найдем нужную дверь? — прошептала Никис.

— Она будет заперта, и за ней, скорее всего, будет находиться один человек. Если дверь открыта или внутри никого нет, значит, это не она. — По крайней мере, так он надеялся. *Дез, ты мне нужна. Проснись и пой, любимая.*

Его демон внутри неохотно развернулся, по-прежнему мрачный от испуга. *Льстец,* пробормотала Дез, но одолжила ему свою силу. Первая комната справа была заперта и пуста, поэтому Пен открыл дверь, чтобы заглянуть внутрь.

Как он и предполагал, это была спальня для посвященных-мирян. Две узкие кровати, простая обстановка, у одной из стен — вертикальный ткацкий станок с наполовину сотканным разноцветным молитвенным ковриком. Маленькое окошко в двухфутовой скальной толще открывало вид на море и впускало чистый воздух. Прохлада и спокойствие. Без сомнения, зимой здесь было не так приятно. Место для готовки не предусмотрено.

— Очевидно, посвященные обедают в какой-то общей столовой, — шепотом сообщил он Никис. — Предположительно, твоей матери еду приносят в ее комнату.

Он запер за ними комнату и изучил оставшиеся двери. Таковых набралось пятнадцать.

— Три двери заперты, и за ними кто-то есть, — шепнул он и показал какие. — Возможно, там посвященные, которые болеют или отдыхают после ночных обязанностей. Выбирай.

— Я?

— Ты.

С сомнением фыркнув, она подошла к одной двери, помедлила, затем переместилась к другой.

— Попробуй эту.

Пен не стал обижать ее вопросом: «Ты уверена?» У нее были такие же шансы угадать, как и у него, а может, и выше. Однако отперев замок, распахнув дверь и затолкнув Никис в комнату, он приготовился к крику: «О боже, это не туалет, простите!» — и быстрому отступлению.

Она успела сказать: «О!..» — после чего рванулась вперед.

Пен вошел следом и закрыл дверь.

— Говорите тише, — предупредил он.

Лежавшая на кровати женщина повернулась к ним. Усталость на ее лице сменилась паникой, когда она вскочила на ноги и протянула руки, схватив Никис.

— О боги, Никис! Они тоже тебя поймали? Я думала, ты в безопасности в Орбасе! О боги, нет…

Крепость взаимных объятий выходила за рамки простой физической силы, и Пен стоял рядом в смущенном молчании. Ему никогда не пережить подобного воссоединения, ведь его мать уже три года лежала в холодной земле далекой страны,

которую он теперь едва ли мог назвать домом. Из глаз Никис вновь потекли слезы, пусть и не те, что прежде. А может, и почти те.

— Нет, нет, я не пленница, — выдохнула Никис в ухо матери, пока они обе лихорадочно ощупывали друг друга, словно желая убедиться, что живы, здоровы и полны надежды. — Мы пришли, чтобы вытащить тебя отсюда.

— Что? — Идрена выпрямилась, хотя и продолжила держать дочь за плечи.

Пенрик с улыбкой шагнул вперед, осознавая, что первыми его словами предполагаемой теще едва ли должны стать: «Раздевайтесь, быстро!»

— Я очень рад познакомиться с вами, мадам Гардики. Я… — Он поспешно отбросил все сбивающие с толку и не относящиеся к делу титулы, — друг Никис, Пенрик.

Никис посмотрела на него.

— Да, — согласилась она. — Так и есть.

Мадам Гардики одарила его растерянной улыбкой, напомнив Пену о фальшивой сердечности, с которой они обошлись с мастифами Ксарре. Он положил на умывальник очки, кинул на кровать свой мешок, выбрался из драпировок и снял с шеи синий шарф.

— План такой: мы с вами меняемся одеждой.

Вы идете с Никис. Две паломницы вошли — две паломницы вышли. Я остаюсь в вашей камере и притворяюсь вами так долго, как только смогу.

— Но как вы выберетесь?

— У меня есть план.

Нет у тебя никакого плана, фыркнула Дез. *Дальше — сплошная импровизация.*

— Он справится, мама, — сказала Никис.

Пен надеялся, что воодушевляющая уверенность в ее голосе была настоящей.

— Он?.. О.

Она отступила на шаг, а он продолжил раздеваться, сняв пояс и стянув через голову платье. С учетом скромного свободного платья Ручии они не стали возиться с накладной грудью. Пен уже разделся до нижнего белья, когда сообразил, как странно выглядит со стороны. Небесно-голубые глаза сверкают на красном лице, на затылке — черный пучок, на груди — золотистая поросль, коричневые руки и голени — но молочно-белые бедра и торс.

К счастью, Никис взяла на себя задачу уговорить мать раздеться.

— Все в порядке, мама. Пен — целитель.

— Да, а я — жена военного, но никогда не видела ничего *подобного*. — Судя по всему, план

побега не вызвал у нее вопросов — в отличие от Пена. — Говоришь, целитель? Он выглядит слишком молодо.

— Мне почти тридцать один, — сообщил Пен, дожидаясь возможности вручить ей свою одежду. Его туловище было уже и длиннее, но седонийский стиль это допускал. Никис раздела мать до нижней рубашки и кинула Пену ее платье, в ответ забрав платье Ручии.

В пятьдесят Идрена Гардики оставалась привлекательной женщиной; очевидно, в двадцать она была ослепительной красавицей. Неудивительно, что старый генерал увлекся ею. Не говоря уже о юном офицере Родоа до него. В распущенных черных волосах виднелось всего несколько седых прядей, а Пен не снимал с головы драпировку, и потому с подменой не должно было возникнуть проблем. Завязать волосы в пучок — секундное дело. И, по крайней мере, они угадали с цветом кожи. Черты Идрены были более резкими, чем у Никис, пусть и не такими, как у Пена, но зеленые очки многое скроют. Лиф платья Ручии будет пышнее, но не намного. Даже в сабо Идрена окажется на пару дюймов ниже Пена, но если им удастся по пути к выходу избежать встречи с двумя служительницами, что приветствовали

их на входе, и они наймут другого погонщика осла, чтобы спуститься вниз, все получится. Пен старался говорить как можно меньше. *Сверить, сверить, сверить…*

— Расскажите мне о том, как проходил ваш день, мадам Гардики. Я должен знать, чего ждать.

— Преимущественно в страхе и скуке. Я провела здесь три недели — отмечала дни на стене в незаметном месте, за кроватью. Пятеро богов, Никис, как тебе удалось так быстро сюда попасть?

— Нам помогли. Скоро ты сама увидишь, кто именно. Остальное я расскажу тебе позже.

— Вам приносят подносы с едой? — спросил Пен. — Кто?

Идрена кивнула.

— Да, трижды в день. Меня не морили голодом, разве что информационным. Я лишь слышала, еще дома, что Аделиса арестовали в Патосе и… дорогая Мать, будь милосердна, его правда ослепили? Потому что люди, явившиеся, чтобы меня арестовать, сказали, что он сбежал в Орбас, а про тебя никто ничего не слышал, и во всем этом не было *никакого* смысла. — Никис помогла ей надеть через голову платье Ручии. — Дорогая, я буду спотыкаться об этот подол.

— Нет, мы принесли обувь. Продолжай.

Идрена просунула руки в широкие рукава и продолжила:

— Посвященная приносит поднос, но ее всегда сопровождают две крупные женщины, которые не принадлежат Ордену. Никто из них не говорит со мной, хотя мне кажется, что посвященной любопытно.

— Всегда одни и те же женщины? — спросил Пен.

— Обычно.

— Значит, они поймут, что я — не вы, если приглядятся?

— Да, наверное… — Она окинула его взглядом, пока он завязывал на талии ее пояс. — Да. Хотя в целом из вас получилась убедительная женщина.

— У меня есть опыт. — Пен поморщился. — Когда они вернутся?

— На закате.

— К этому времени вы обе уже будете рядом с Гурой. Возможно, мне удастся одурачить их во время первой трапезы. А может, не только первой.

— Как ты нас догонишь? И где? — спросила Никис. В ее голос прокралась тревога.

— В Акилаксио, я надеюсь. — Это был более крупный порт, дальше от Гуры по седонийскому побережью. — Но если Боша найдет вам подходящий корабль на север, не ждите меня. Двигайтесь дальше. Возможно, я присоединюсь к вам только в Орбасе.

— Мы едем в Орбас? — слабым голосом спросила Идрена.

— Да. Аделис поступил на службу к герцогу Джурго, — ответила Никис.

— Ему лучше? Но что… — Она умолкла, когда Никис принялась собирать ее волосы в пучок.

— Его зрение восстановилось, хотя на лице остались шрамы.

— Едва ли такое возможно.

— Это была магия.

— Да, но…

— Я имею в виду, настоящая. Пен — чародей, а не только целитель. — И добавила, когда он открыл рот, чтобы возразить: — Во всем, кроме последней клятвы.

Идрена закатила глаза, покосившись на Пена.

— Где ты его нашла?

— Это он нас нашел. Долгая история, и я расскажу ее тебе *позже*.

Она заставила мать сесть на кровать и, опустив-

шись на колени, стала надевать на нее высокие сабо.

— Ах да, не забудьте это, — сказал Пен, снимая с шеи кошелек на ремешке. Он надел его на шею мадам Гардики, и та одарила Пена изумленным взглядом, ощупав и взвесив на ладони тяжелый кожаный мешочек. — Если, упаси боги, вы с Никис разделитесь, у вас должны быть деньги.

— Но что останется вам?

— У меня есть пояс с деньгами. — В узкой полоске ткани хранились остатки щедрого дара герцога Джурго. — И еще один — у Никис. Мы действительно подготовились. — И это очень им помогло, хотя повезло, что не пришлось потратить все на взятки. Пока. — Наверное, есть смысл спрятать ремешок под шарфом. Я так и сделал.

Он вручил ей кусок синей ткани, которой она обмотала шею, спрятав кошелек в корсаж платья.

Наконец двойное превращение завершилось. Никис обошла свою мать кругом.

— Не так уж и плохо. — Нахмурившись, она оглядела Пена. — Ее можно принять за тебя, издали. Но не уверена, что тебя можно принять за нее.

— Это не ваша забота. Вам достаточно своих.

Доберитесь до Орбаса прежде, чем Метани узнает о вашей пропаже.

— О, вы думаете, за всем этим стоит старик Метани? — Глаза Идрены за зелеными стеклами сузились. — Вполне вероятно.

Пен подтолкнул обеих женщин к двери.

— Мадам Гардики, было очень приятно с вами познакомиться. Полагаю, вскоре мы снова увидимся.

Она было запротестовала, потом вскинула руки, бормоча:

— «Через стену, парни, за мной!» *Опять.*

Очевидно, эти слова имели для нее какое-то личное значение. Пен надеялся, что позже услышит эту историю.

Никис встала перед Пеном, мрачно глядя на него. Прикусила губу. Сделала глубокий вдох.

— Я тоже категорически запрещаю допускать, чтобы тебя убили. Имей в виду.

Именно так женщины говорят: «Я тебя люблю», — не говоря: «Я тебя люблю»? Пен решил, что да.

Ухмыльнувшись, он коснулся рукой сердца, подыгрывая ей. Потом дважды приложил к ее губам свой большой палец, благословляя.

— Да охранит тебя на пути наш бог. И Его род-

ственники.

Когда он закрыл и запер за ними дверь, камера показалась очень тихой и пустой.

XII

Когда она вывела свою мать в тусклый голубоватый коридор, благословение богини по-прежнему бурлило в ее венах, словно игристое вино. Никис сурово напомнила себе, что окутывавшая ее воодушевленная уверенность не должна была перейти в самоуверенность, потому что в таком случае она возьмет больше, чем ей дали. Но все равно с трудом подавила иррациональное желание улыбнуться.

Идрена передвинула зеленые очки на кончик носа и посмотрела поверх них.

— Как он видит в этой штуке?

— Снаружи будет лучше. Там их и полагается использовать, — шепнула в ответ Никис. — Хотя Пен может видеть в темноте. Это одно из его полезных умений.

Идрена оглянулась на дверь, замок которой щелкнул, очевидно, сам по себе.

— Я должна узнать больше про этого странного молодого человека.

— И узнаешь, — уверенно пообещала Никис, — когда мы окажемся там, где сможем поговорить. А пока не говори ни с кем, если в том нет крайней

нужды. Не спеши и не медли. Пен сказал — а может, это была Ручия, — что мы должны идти так, словно заказали ужин в деревенской таверне и не хотим на него опоздать.

Идрена кивнула.

— Кто такая Руч… не важно. Позже.

Никис провела их тем же путем, которым они пришли, за исключением неправильных поворотов. Во дворе священного источника смотрительница была занята последними прибывшими паломницами. О женщине с четырьмя дочерями напоминали только лужи вокруг лохани, которые высыхали медленнее теперь, когда вечерние тени сгустились на плитках. Никис с матерью торопливо прошли мимо гобелена в обратную сторону. Идрена искоса бросала на него взгляды, потом протянула руку, чтобы коснуться.

— Хм. Быть может, хорошо, что Аделис не явился меня спасать.

В переднем дворе Никис расписалась в книге. Шелковистые собаки не проявили к Идрене никакого интереса. А вот обутые в сандалии ноги Никис они пощекотали своими язычками. Никис не знала, была ли причина в сохранившемся гейсе Пена или запахе богини, но когда она ушла, собаки заскулили от разочарования.

Затем через подъемный мост, под добродушными взглядами вооруженных посвященных мужчин, которые его охраняли. Никис напомнила себе, что это не конец их побега, а лишь первая его часть, хотя Идрена испустила долгий выдох, когда они ступили на гравий.

Никис сразу направилась к стоянке ослов. Пока они спускались по извилистой дороге, Идрена, поправив очки, смотрела по сторонам, пряча тревогу. Спуск длился невероятно долго, дольше, чем подъем. Конечно же, им только так показалось. Вся восточная сторона острова лежала в тени к тому времени, когда они нашли Боша, который сидел с их багажом под стеной того же дома, что и прежде.

При их приближении Боша поднялся и вежливо поклонился, хотя и не коснулся рукой сердца. Очевидно, этот загадочный жест предназначался только Танар и госпоже Ксарре.

Идрена опасливо остановилась, моргая, как и большинство людей при виде странных черт альбиноса. Никис поспешно представила их друг другу:

— Мама, это мастер Суракос Боша, секретарь леди Танар. Он нам помогает, благодаря любезности госпожи Ксарре.

— Мадам Гардики. Рад встрече. — Негромкий голос звучал ровно и элегантно. Никис вновь задумалась, откуда Боша был родом.

— О. — Ее мать расслабилась и кивнула в ответ. — Да, теперь я понимаю. В своих письмах из Тасалона Аделис упоминал вас, мастер Боша. — И добавила, повернувшись к Никис: — Не то чтобы он часто мне писал. Уверена, что причина была не в сломанных пальцах, хотя в таком случае он мог бы воспользоваться услугами писца.

— Я знаю, что он писал тебе из Патоса. Я его заставила.

— О, это все объясняет. Спасибо, дорогая.

Боша посмотрел вверх, на едва различимые синие крыши ордена, отражавшие последние лучи солнца. Когда тюремщики принесут узнице ужин?

— Предлагаю сначала покинуть Лимнос. Все остальное может подождать.

— Да, — пылко согласилась Идрена.

Боша взял на себя роль носильщика багажа, и они последовали за ним на пристань.

Лодка отошла от берега, кренясь под порывами легкого вечернего бриза, и они вновь оказались в толпе незнакомцев, что исключало возможность беседы. Вечерний свет был менее ярким, но это

не принесло большого облегчения Боша, который вновь натянул шляпу и укрылся в тени, какую смог отыскать. Вокруг сновала команда, обмениваясь веселыми криками, скрипела оснастка, плескали волны. Никис и Идрена молча держались за руки.

Никис размышляла о том, как далеко простиралось благословение богини. На Ее Орден? На остров? Или, как утверждал Пенрик, на весь мир?

Глядя на озаренное светом море, которое он так любил, Никис думала о Пенрике. После той ошеломляющей молитвы во дворе источника ее ничуть не меньше потрясли его будничная оценка случившегося и напутствие. Это было самое возмутительное заявление в жизни Никис: что ее, пусть и мимолетно, коснулась богиня.

Он мне поверил.

Если бы не поверил… она бы все равно *знала. Но он поверил.* Почему-то это казалось более интимным переживанием, чем поцелуй.

Нет, лучше того… он тоже *знал*. Никис думала, что постигла его глубины — в конце концов, она могла перечислить по порядку имена всех прежних чародеев-седоков его демона и постепенно знакомилась с их биографиями, но… Какие еще

тайны хранились в этой светловолосой голове? *Если отпустишь его в Адрию, никогда не узнаешь.* Она вздохнула.

Если не считать одной пассажирки, которая страдала морской болезнью и едва не свалилась с трапа, но была спасена девушкой-матросом, они высадились без приключений. Никис оглянулась на далекую громаду Лимноса, темную на фоне пылающего заката. Удалось ли Пену выдать себя за ее мать во время ужина — или обитатели Ордена уже начали поиски пропавшей узницы? И если так, удалось ли Пену сбежать? Никис твердо напомнила себе, что он выбрался из бутылочной темницы. Это не слишком помогло.

— Быть может, мы возьмем часть вещей? — предложила Идрена, когда Боша вновь поднял их багаж.

— Нет, мадам. Я сейчас подгоню экипаж. Вы очень поможете, если купите немного еды и питья, чтобы мы могли подкрепиться в пути. Встречаемся там, где южная прибрежная дорога выходит из деревни. — Он посмотрел на запад. — Я не хочу терять свет, который мы можем использовать.

Хотя полная темнота наступит задолго до того, как они достигнут Акилаксио, и молодая луна им

не поможет. Тот город окружала стена, а значит, ворота закроют на закате, и путникам придется либо договариваться о том, чтобы их впустили, либо ждать рассвета.

В этот час уличные рынки Гуры пустовали, поэтому Никис вернулась в гостиницу, где они останавливались прежде. Ей пришлось заплатить немалую сумму за корзину, которую она не сможет вернуть. Идрена ждала на скамье снаружи. Но две паломницы в синих шарфах, утомленные дневной поездкой, ни у кого не вызывали интереса.

Все трое почти одновременно добрались до места встречи, где кончались дома, стоявшие вдоль южной дороги. Боша спрыгнул с облучка и помог дамам забраться в экипаж. Он был маленьким, легким и открытым, с упругой подвеской и капюшоном из промасленной парусины, который можно было поднять, чтобы защитить пассажиров от непогоды. Боша, по-прежнему в шляпе, которая теперь не столько защищала его лицо от солнца, сколько скрывала запоминающиеся белые волосы, уверенно сыграл роль кучера, щелкнув языком и пустив рысью породистую лошадь госпожи Ксарре. Никис и Идрена устроились на мягком заднем сиденье, испустив почти

одинаковые вздохи облегчения.

— Поверить не могу, что мы это делаем, — сказала Идрена.

— Я уже делала такое раньше, с Аделисом и Пенриком. Не могу сказать, что к этому привыкаешь.

Идрена повернулась к ней, вежливая публичная маска слетела с ее встревоженного лица.

— Расскажи все, что с тобой случилась.

— Ты первая.

— Ха. Думаю, это займет меньше времени. — Ее рука стиснула колено. — Без всякого предупреждения отряд императорских солдат принялся колотить к нам в дверь, требуя, чтобы их впустили. Они заявили, что у них ордер на мой арест, но даже не сказали, куда меня везут. Возможно, они не знали. Я едва успела взять самое необходимое и отпустить слуг. Мальчики держали себя в руках — возможно, их по-прежнему пугает тень твоего отца, — но перерыли весь дом в поисках писем и документов. Хвала богине, что я храню копии самых важных бумаг у нотариуса.

— То же самое произошло, когда люди губернатора явились на нашу виллу в Патосе, после того, как Аделиса арестовали в казармах, — сказала Никис. — Они забрали все бумаги, что смогли

найти, включая старые письма, которые мне писал Кимис. Я была в ярости. Но они почти ничего не украли и никого не изнасиловали, даже горничных. Хотя большая часть прислуги после этого сбежала. Не могу их винить.

Идрена кивнула.

— Я понятия не имею, что сейчас творится у меня дома. Прошло три недели. — Она выдохнула. — Что за досада. Если бы они спалили его дотла, я бы меньше тревожилась.

Никис, полагавшая, что извлечь мать из дома, который та делила с Флориной, будет не проще, чем моллюска из раковины, изумленно вздрогнула.

— Интересно, смогу ли я вернуть хоть что-то, — продолжила Идрена. — Если мы задержимся в Орбасе, дом, без сомнения, разграбят, конфискуют и продадут. — Она нахмурилась. — Потом они притащили меня на тот остров, и я три недели расхаживала по камере, глядя на пролив и думая, что раньше мне нравились морские виды. И никто *ничего* мне не говорил. Прошу тебя, исправь это.

Боша сидел очень прямо, но Никис подозревала, что если бы он мог крутить ушами, как лошадь, то повернул бы их в сторону пассажирок. Танар

хвасталась, что у него очень хорошая память.

Никис приступила к рассказу, значительно более подробному, чем то, что она поведала Танар, начиная с ареста Аделиса и оканчивая прибытием в Орбас. История получилась путаной, поскольку мать то и дело прерывала ее сбивающими с толку вопросами, и Никис теряла нить повествования. Ее сочувствие к Танар выросло, когда она поняла, что каждое второе имя, слетавшее с ее уст, тоже было вовсе не Аделис. Никис едва коснулась происшествия в Соси, которое выявило действительно неожиданные таланты Пенрика. И более детально остановилась на жуткой ране, которую он получил во время магической схватки с другим чародеем. Хотя не стала задерживаться на том, как жутко ей было, когда его магия обрушила *половину склона*.

— Бедный парень, как его встретила Седония! — сказала Идрена. — Сначала проломили череп, потом швырнули в бутылочную темницу, а потом это!

— К счастью, он может сам себя исцелить, — сказала Никис. — Или его демон. Похоже, она его очень любит.

Во время рассказа ей часто приходилось отвлекаться на попытки объяснить матери Дездемону,

что и вызвало большую часть путаницы. Весьма уместной для демона хаоса, как полагала Никис.

Отблески света на морских волнах справа от них позволяли видеть дорогу в долгих летних сумерках. Боша свернул в укромное место, позаботился о лошади, потом забрался в экипаж и устроился на облучке задом наперед. Никис достала из корзины еду и питье. Идрена вежливо осведомилась о здоровье леди Танар и госпожи Ксарре, на что Боша столь же вежливо ответил, что все в порядке, словно они сидели в элегантной столовой.

— Надеюсь, однажды у меня будет шанс с ними познакомиться, — вздохнула Идрена.

— Тебе понравится леди Танар, — сказала Никис. — А ты — ей. Когда мы доберемся до Орбаса, я обязательно ей напишу.

Боша резко выпрямился.

— Я умоляю вас не делать этого, мадам Катай! Все это и так достаточно опасно. Я могу справиться с нежеланными женихами. Я делал это и для госпожи Ксарре, когда она впервые наняла меня, вскоре после смерти мужа. Но правительство империи мне не по зубам.

Никис обдумала скрывавшиеся в этих словах намеки и медленно проглотила кусочек кураги.

— Но конечно же, богатство госпожи Ксарре обеспечивает ей некоторую защиту?

Или эту защиту обеспечивал Боша? *Нет…* Она не думала, что ему мало платят, но подобную верность нельзя было купить деньгами. Только добрым отношением.

Немного смущенный, Боша снова расслабился.

— Но оно также привлекает более серьезные опасности. Мужчины могут пытаться заполучить состояние, заключив брак, но если это невозможно, не брезгуют и менее приятными способами. Обвинение в измене, даже сфабрикованное, является отличным прикрытием для того, чтобы лишить обвиняемого его собственности. Или ее.

— Как недавно выяснил мой собственный сын, — мрачно согласилась Идрена. — А ведь он был генералом.

— Когда-то я думал, что его ранг может оказаться достаточной защитой, — сказал Боша, — для него самого и для леди Танар, но события в Патосе доказали обратное, раз его ослепили на основании одного-единственного подделанного письма.

— Просвещенный Пенрик говорит, что очень об этом сожалеет, — вставила Никис. Ей пришлось раскрыть адриакские корни Пенрика матери, а

значит, и слушавшему Боша, но иначе она ничего не смогла бы объяснить. — Он утверждает, что ответ из Адрии был отправлен из лучших побуждений, но враги Аделиса отобрали у него письмо через полчаса после того, как он ступил на землю Седонии. Он думает, что их агент все это время следил за ним.

— Вне всяких сомнений, — ответил Боша. — События поставили все с ног на голову, но с таким количеством документов, изъятых из ваших домов, они могли бы сфабриковать что-то не менее смертоносное. Когда я работал в тасалонской канцелярии, нам для этого хватало шести строк. — И он откусил кусочек сыра, а следом кусочек хлеба.

Никис подняла брови.

— Я не знала, что вы служили в имперском государственном аппарате.

Он пожал плечами.

— Почти восемь лет. Это не тайна. Хотя моя карьера началась во время правления прежнего императора и окончилась вместе с ним.

— Так же безжалостно? — с интересом спросила Идрена.

— Просто мой отец решил связать судьбу нашей семьи с одним из проигравших претендентов. Иначе я мог бы переждать шторм. — Он помор-

щился. — Если бы не позволил ему заманить себя домой, когда явились солдаты противника. Плохой день. Я едва спасся. — Он глотнул ячменного отвара. — Это исцелило меня от амбиций.

Судя по лицу Идрены, та вполне могла представить ужасы, о которых он умолчал. Никис провела в уме некоторые подсчеты.

— И тогда вы поступили на службу к госпоже Ксарре?

— В некотором смысле. Я сбежал от погрома… — *От резни*, подумала Никис. — …в нашем семейном поместье и той ночью укрылся в саду Ксарре. В строении, которое оказалось древесным домиком леди Танар и ничуть не напоминало дом на дереве в представлении мальчишки. Я думал, что вся мебель кажется такой маленькой, потому что у меня бред. Что впоследствии оказалось правдой. — Боша оглядел женщин, которые слушали его, затаив дыхание, и продолжил: — Когда на следующий день леди Танар нашла меня, я попросил об укрытии. Я попытался представить это как игру. Она согласилась с энтузиазмом, да таким, что я… я немного опешил. Втайне носила мне еду, питье и повязки. — Он коснулся левого уголка рта, который поднимался вверх. — Моему врачу было шесть, и она никогда

прежде не подшивала ничего, кроме подола, но она отлично справилась. Я до сих пор помню, с какой очаровательной сосредоточенностью она склонялась надо мной. Как втыкала в меня иглу. — Улыбка превратилась в гримасу. — Ее руки были по запястья в моей крови. Тревожное зрелище. Если подумать. Тогда у меня были другие заботы. На самом деле, это было первое, чему я ее научил. Сшивать кожу. Она потрясающе быстро все схватывала. В некотором смысле это задало тон нашему последующему общению, над которым я, м-м, никогда уже не смог получить контроль. — Он поднял глаза и неловко улыбнулся. — И это единственная моя история про войну, целиком и полностью.

Никис готова была спорить, что нет. Не единственная и не полная, хотя очевидно самая главная.

— И я рассказываю ее вдове генерала. Вы сами жили в те времена. Уверен, вам выпали более серьезные испытания.

— Нет, — ответила Идрена, задумчиво глядя на него. — Едва ли.

Он помедлил, затем склонил голову с изящной признательностью.

— Как вы выбрались из домика на дереве? — не

удержалась Никис.

— А. Конечно же, игра не могла длиться долго. Недели две спустя лихорадка стала такой сильной, что леди Танар испугалась и попросила о помощи. Свою мать, к счастью для меня. Думаю, слуги выдали бы меня солдатам или просто вышвырнули бы на улицу. Госпожа Ксарре поступила иначе. Меня втайне держали в поместье, пока я не выздоровел. Я нашел способы быть полезным — и остался.

Настолько полезным, что провел там целых четырнадцать лет?

— Госпожа Ксарре рисковала, — заметила Идрена. Это была констатация факта, а не осуждение.

Боша развел руками.

— Время шло, столица успокоилась. Вскоре обо мне забыли. Мы не были великими лордами. Никто из моих старших братьев не выжил и не представлял угрозы. А я не мог возродить клан.

Это была одна из причин, по которым императорский двор предпочитал назначать на высокие посты евнухов: они не могли поставить процветание своих несуществующих детей выше интересов империи. Вопреки всему этому клановые игры продолжались: семьи кастрировали лишних сыновей, чтобы те заняли такой пост,

а впоследствии помогли своим братьям или племянникам. Никис подумала, уж не так ли поступили Боша со своим странным пятым сыном. Если да, план сорвался.

— Мой отец прожил еще некоторое время. Я был этому рад. — Его кривые губы растянулись в улыбке, смертоносной, как отравленное лезвие. — Он прожил достаточно долго, чтобы узнать, что из всех его сыновей выжил только я.

Он повернулся и спустился на землю, чтобы подготовить лошадь к следующему этапу путешествия.

Что оставляло вопрос, который Никис совершенно точно не могла задать: *добровольно* ли согласился Боша на свою бюрократическую карьеру? Или его заставила силой либо вынудила семья, обремененная сыновьями, которые претендовали на наследство? Такое тоже иногда случалось.

Нет, решила она, обдумав его историю. *Я могу не спрашивать.*

* * *

Когда они снова выбрались на дорогу, над головой мерцали звезды, но землю окутали глубокие тени, и путешественники вынуждены были дви-

гаться шагом. Время от времени даже послушная лошадь начинала артачиться, и тогда Боша спускался и вел ее, бормоча успокоительные слова в дергающиеся мохнатые уши. Никис надеялась, что страдания альбиноса на ярком свете окупались тем, что он лучше видел в темноте.

По крайней мере, они удалялись от Лимноса. Никис не сказала бы, что это верное направление, потому что им придется вернуться на корабле обратно на север, чтобы обогнуть Седонийский полуостров и достичь Орбаса. Если им придется плыть без Пенрика, получится ли втайне передать весточку, на какой корабль они сели?

Будет ли он в безопасности — или излишняя самоуверенность вновь подведет его, как уже было, когда он угодил в бутылочную темницу? Его сила была удивительной, но деликатной, и Никис знала, что его можно захватить врасплох или задавить числом. Перед ее мысленным взором потянулась нежеланная череда живых сценариев того, как это могло случиться, все более ужасных и странных. *И маловероятных*, сурово сказала она себе. *Он не разобьется о скалы, и не утонет в море, и не будет забит до смерти жестокими солдатами, так, что голубые глаза станут мутно-алыми от крови. У него есть уме-*

ния. Есть ловкие фокусы. Есть Дездемона.

Проблема заключалась в том, что очень немногие знали, какой *ценной* была эта светловолосая голова. Какой незаменимой. Сильнее всего Никис пугала мысль о том, что его убьют головорезы, даже не догадывающиеся, что уничтожают.

Жаль, что у воображения не было рычага, чтобы его выключить, как у поливальной установки. Этот сад кошмаров не нуждался в поливе.

В темноте быстро похолодало. Никис прислонилась к матери, которая так же устало прислонилась к ней, и не только ради тепла. Лошадь шла вперед, а Никис гадала, уж не обменяла ли она только что одну золотую монету на другую.

XIII

Дез почувствовала присутствие женщин в коридоре раньше, чем Пен услышал звук ключа в замке. Он быстро свернулся на кровати, лицом к стене, закрыв драпировкой голову в позе пленника, глубоко удрученного своей судьбой. Если подумать, примерно так же выглядела Идрена, когда они с Никис вошли сюда.

Пен надеялся, что ему не придется прибегать к гейсу. Помимо трудностей с тем, чтобы применить его к трем существам одновременно, проблема использования гейса на человеке — в отличие от животного — заключалась в том, что, когда гейс выветривался, человек *все помнил*.

— Мадам Гардики? — Голос посвященной не был злым. Две другие женщины казались скучающими, но сосредоточенными. — Ваш ужин.

Идрена говорила теплым альтом. Пен повысил свой баритон и вжался лицом в подушку.

— Оставьте на столе. Я поем позже. — И после тщательно выдержанной паузы: — Спасибо.

Послышались шорох и шелест: женщины забрали старый поднос и оставили на столе новый, наполнили кувшин питьевой водой, а умываль-

ник — водой для мытья, заменили ночной горшок в неприметном кресле-туалете в углу. Потом направились к выходу. Послышался робкий голос посвященной:

— Я могу еще что-то для вас сделать, мадам?

Пен потряс головой, не выпуская подушку.

— Благослови вас богиня, — сказала посвященная и вышла вместе со своим эскортом.

Она уже благословила! подумал Пен, вновь услышав щелчок замка. Он хотел от опасного маскарада именно этого: чтобы у Идрены и Никис были в запасе полдня. Надсмотрщики вернутся только на рассвете, если, конечно, не будет случайной ночной проверки. В таком случае Дез покроет замок ржавчиной, чтобы их замедлить, а он… пожалуй, нет. Так он окажется в ловушке по неправильную сторону двери. Спрятаться под кроватью не получится, туда заглянут в первую очередь. То же самое касалось бы и шкафов с сундуками, если бы они здесь были.

Пен подошел к глубокому окну и выглянул наружу. Последние косые лучи солнца золотили паруса лодок, спешивших в гавань Гуры. Интересно, находилась ли Никис на борту одной из них — или они уже высадились? Суденышки были слишком далеко, чтобы разглядеть людей.

Изнутри на окне имелись деревянные ставни, чтобы спасаться от сквозняков. Быть может, зимой их заменяют на пергамент или стекло? Если нет, эта комната будет весьма мрачной. Окно было узким. Прямо он в него не пролезет, но боком — легко. Пен лег на шершавый подоконник и выглянул наружу.

Перед ним распростерлась пустота, над темнеющим синим проливом и вниз, по головокружительному каменному спуску, к далекому ожерелью скал с белой пеной прибоя. Даже у горца от такой высоты не только захватывало дух, но и сердце уходило в пятки. Тонкие морщины, должно быть, были нижними ступенями покаянной лестницы. До ее верхней части, вырубленной в голой скале, от его окна было не меньше шестидесяти футов. Содрогнувшись, Пен решительно отвернулся.

Слева и справа он мог различить прорези четырнадцати других окон этого этажа. Ни выступов, ни упоров, чтобы выманить его наружу. В глубине души Пен испытал облегчение. Вынув шею, он изучил балки и стяжки балконов в двадцати футах над его головой. Человек с абордажным крюком и желанием умереть мог бы попытать счастья, но у Пена не было ни того

ни другого.

Значит, бежать нужно через коридор. Где-то слева от него крутая лестница должна доходить до здания и оканчиваться у двери, а не у тщательно охраняемого и в настоящий момент поднятого моста. Без сомнения, такой задний ход будет заперт на ночь, однако изнутри Пен справится с этим без всякой магии.

Воспользовавшись этим выходом, он будет вынужден преодолеть все две тысячи ступеней вниз в безлунную ночь. Никогда еще Пен не был так благодарен Дез за ночное зрение. По крайней мере, вряд ли ему придется переползать паломников на поворотах.

Воодушевившись, потому что теперь у него имелся четкий план, он вымыл руки, сел за стол и съел ужин мадам Гардики. Тот был намного лучше еды, которую подавали в старой студенческой столовой; вероятно, тем же самым ужинали дамы Ордена в каком-то другом месте. Порции могли бы быть немного щедрее. Опустошив тарелку, он обыскал комнату, но обнаружил только маленький мешочек с миндальными орехами, которые по очереди расколол и съел на десерт.

Снаружи еще слишком много женщин, чтобы пытаться сбежать. Пен достал из мешка свою

одежду и с облегчением переоделся, потом воспользовался щеткой мадам Гардики, чтобы расчесать по-прежнему черные волосы и заплести в пристойную косичку. В качестве благодарности он собрал немногочисленные вещи матери Никис и положил в мешок. Возможно, позже ему выпадет шанс отдать их хозяйке. Ее платье он наденет поверх туники и брюк, чтобы создать впечатление правильного силуэта для тех, кто может встретиться ему в темных коридорах.

Осталась только ее шаль. Пен оглядел окно и подумал, что может пустить шаль в дело, выкинув наружу, чтобы ее отыскали на камнях внизу. Пусть тюремщики гадают, что им искать — беглянку или тело самоубийцы, которое унес прилив. Последнюю теорию подкрепляла запертая дверь. Получится великолепный отвлекающий маневр.

Довольный Пен выпил пару стаканов воды, чтобы не проспать рассвет, после чего лег на кровать, собираясь вздремнуть.

* * *

Кто-то звал его: *... Айся... П... айся... Просыпайся!*

Дез?

Тяжелая рука стиснула плечо Пена, и он замер, мысленно пытаясь подготовиться к каким-то действиям. Или магии. Или тому и другому.

Давно пора! — взвизгнула Дез.

Потом встревоженный мужской голос прошептал:

— Мама?..

О. Ничего себе, сказала Дез.

Пену этот голос был незнаком. Определенно не Аделис. Он осторожно выпустил поспешно собранный хаос. Вздохнул. И произнес, обращаясь к стене:

— Надо полагать, вы Икос Родоа.

Фигура, черный силуэт в темноте, ахнула и отпрянула. Призрачный свет звезд и мерцание моря за окном едва позволяли отличить тень от материи, но Пен подумал, что мог бы обнаружить пришельца по запаху — высохший пот после трудного рабочего дня. *Дез, свет.*

Включилось ночное зрение, сделав мир бесцветно-четким, и Пен увидел крепкого, широкоплечего мужчину. Черные, как у всех седонийцев, волосы и округлые черты лица, которые могли бы быть приятными, если бы не застыли от ужаса. Мужчина выхватил из-за пояса кинжал, но не стал нападать, возможно, потому, что в темноте

не мог различить, где у Пена голова.

Не зная, чего ждать, когда он это исправит, Пен сказал:

— Я друг. Не надо кричать.

И зажег пару свечей на умывальнике. Внезапная желтая вспышка резанула привыкшие к темноте глаза, и оба моргнули и зажмурились. Пламя отразилось в дрожащем лезвии кинжала.

Почему каждый встреченный им седониец первым делом пытался его заколоть? Пен медленно перекатился и сел на край кровати, выставив перед собой неподвижные руки.

— Ты не моя мать!

Пен сдержал язвительный ответ, чтобы не тратить время зря.

— Мадам Гардики уже сбежала. Ваша попытка достойна восхищения, но немного запоздала. — Погодите. Дверь… дверь была по-прежнему заперта. Волна шока наконец-то прогнала сонный туман из его разума, и Пен резко добавил: — Как, во имя пятерых богов, вы сюда попали?

Мужчина молча указал на окно.

Вскочив, Пен высунулся наружу — и увидел сплетение тросов, шкивов и пару петель, которые напоминали полотняные подпруги, а может, ими и были. Он проследил за четырьмя длинными

веревками вверх, где они, очевидно, крепились к балкам какого-то балкона. Вниз он целенаправленно смотреть не стал.

— О, — немного сдавленным голосом произнес Пен. — Ну конечно. Строитель мостов. — И убрал голову обратно.

— Преисподняя Бастарда, кто ты такой? — спросил Икос.

Мы как раз оттуда, пробормотала Дез, напряженная и сбитая с толку, как и Пен.

— Меня зовут Пенрик. Я… помогаю Никис спасти ее мать.

Темные глаза сверкнули при упоминании сводной сестры. Если Пен не ошибся в своей догадке.

— Почему?

Простой ответ на этот вопрос уже срабатывал раньше — а кроме того, был правдивым.

— Я ищу расположения Никис.

— О. — Икос убрал кинжал в ножны и провел большой ладонью по коротким волосам. — Давно пора. — Его глаза сузились. — Ты знаешь, что происходит? Несколько недель назад я заглянул к матери домой. Соседка сказала, что ее арестовали, а генерала Арисайдью ослепили в Патосе. Понятия не имею, зачем им понадобилась она, если они уже ослепили его, но я отследил ее путь

и отыскал ее здесь. Мне понадобилась еще неделя, чтобы придумать, как ее вытащить.

Он выжидающе посмотрел на Пена, и тот сказал:

— Зрение Аделиса восстановилось, и они с Никис сбежали в Орбас.

— Ха! Вот *это* чудо. Но все объясняет. Придворные идиоты в Тасалоне нажили себе врага. — Он отрывисто кивнул.

Пена потрясло, с какой скоростью Икос заполнил политические пробелы в этой сложной истории. Но он был урожденным седонийцем.

Икос хмуро огляделся.

— Это вода? — Он подошел к умывальнику и напился прямо из него, потом прервался и озадаченно посмотрел на свечи.

Пен быстро отвлек его внимание.

— Вытащив мадам Гардики отсюда… — Неужели он собирался перенести ее при помощи того кошмарного устройства, словно бревно на стройке? — Что ты собирался делать дальше?

— Я не мог отвезти ее домой, потому что они туда явятся. В конечном итоге. Та же проблема — спрятать ее в моей рабочей бригаде. Я собирался отправить ее к друзьям в Тригони. Два года назад я строил там мост.

Ладно, это звучало разумно, хотя имелся некоторый пробел между тем, чтобы свисать с балкона на Лимносе, и тем, чтобы удивить какого-нибудь домовладельца в герцогстве Тригони. Но едва ли хуже какого-либо из планов Пена. Обе схемы выглядели здраво. До тех пор, пока не сталкивались друг с другом…

И теперь у них была проблема. Точнее, две.

Очевидно, Икос тоже об этом подумал. Уперев кулаки в бедра, он оглядел Пена с ног до головы.

— Значит, зять.

Пен, в свою очередь, попытался подобрать подходящий термин для Икоса, но не смог.

— Если она согласится.

— В таком случае, полагаю, она рассердится, если я оставлю тебя здесь. Мама, надо полагать, тоже.

И он испустил тяжелый вздох, знакомый всем мужчинам, которых одолели женщины. Возможно, не совсем искренний. С учетом усилий, которые он предпринял, чтобы по собственной воле добраться сюда.

У Пена было всего одно платье, и он не думал, что оно подойдет более приземистому и крепкому Икосу. Придется использовать ночное зрение, чтобы как можно быстрее и тише вывести их

из Ордена, рискуя встретить местных обитательниц. Быть может, Икос знает, где находится задняя дверь.

— Нам лучше уйти вместе, — сказал Пен.

— Верно, — неохотно согласился Икос.

Пен направился к двери. Икос — к окну.

Оба остановились.

— Куда ты собрался? — спросил Икос и показал на море. — Выход там.

— Ты… предлагаешь нам обоим воспользоваться твоим, э-э, устройством?

Он меня туда не затащит! — взвизгнула Дез. Пен поморщился.

— Почему нет? Я собирался вытащить свою мать. Оно легко выдержит наш с ней двойной вес. Я проверил. — Он потер небритый подбородок. — В чем дело? Боишься высоты?

— Я нормально отношусь к высоте, — ответил Пен, в то время как Дез бормотала: *Нет, нет, нет!* — Но здесь ее многовато.

Если перед глазами умирающего действительно проносилась вся его жизнь, этого падения хватило бы на все тринадцать жизней, что прожили они с Дез.

Икос пожал плечами.

— Я считаю так: если высоты достаточно, чтобы

тебя убить, сколько ни добавляй, хуже не станет.

— Разумный аргумент.

Нет, это безумие!

Пен снова высунулся из окна, чтобы еще раз оглядеть приспособление и узнать время по звездам. Насколько он понял, две подпруги являлись сиденьями, вроде монтажной люльки. Последовательность шкивов была сложной, и логика их соединения не сразу далась его неопытным глазам. Но это определенно было гениальное устройство.

На его откровенный интерес Дез ответила чем-то вроде желания убить.

Пен поднял глаза к горизонту в поисках знакомых созвездий — и резко втянул воздух. На востоке звезды гасли, сменяясь стальной серостью рассвета. Он заглянул обратно в комнату.

— Сейчас намного позднее, чем я думал.

Икос покачал ладонью.

— Я не ошибся насчет лестницы, но чтобы пробраться под балконами, ушло больше времени, чем я думал. Быть может, обратный путь окажется быстрее благодаря тренировке. — Он замялся. — Но медленнее благодаря лишнему весу.

— Думаю, нам лучше попробовать мой способ.

— Какой?

— Прокрасться.

Икос с сомнением поджал губы.

— Как ты выберешься за дверь? — Он помедлил. — И кстати, как ты попал внутрь?

— Я умею обращаться с замками.

— Как и я, но у меня нет с собой моего пояса с инструментами. Оставил, чтобы не брать лишний вес. — Прищурившись, он посмотрел на Пена. — Откуда мне знать, что по ту сторону двери меня не поджидают стражники?

— Не поджидают. Пока. А кроме того, для подобной ловушки лучше было бы разместить их по эту сторону двери. Тебя бы уже скрутили, как цыпленка.

Долгая, задумчивая пауза.

— Мне больше нравится мой способ.

Как за три минуты убедить Икоса довериться ему, если он не смог убедить его сестру за три месяца? Пен втянул воздух через зубы и вскинул руки.

— Ладно. Твой способ. Но прямо *сейчас*.

Нет! — крикнула Дез, когда он пересек комнату, скомкал шаль и выкинул в окно, к явному изумлению Икоса. Посмотрел на свой мешок. Если инсценировать самоубийство, нужно оставить личные вещи. Схватив мешок, он пробежал

по комнате, возвращая все на место. Потом затолкал мешок и платье под матрас.

— Все, готовь…

Скрипнул дверной замок. Резко обернувшись, Пен забил его ржавчиной прежде, чем Дез успела возразить.

— Время вышло, — прошептал он. — Идем. — И поднес палец к губам.

По двери начали стучать.

Икос боком пробрался через окно. Пенрик оглянулся. По ту сторону двери крепкая смотрительница пыталась повернуть в замке большой железный ключ. Пен провел по стержню узкую полосу ржавчины и ухмыльнулся, когда ключ сломался. Он не сомневался, что приглушенные дверью резкие слова не пристали даме в Ордене Дочери. Или каком-либо другом месте.

Он добавил еще ржавчины, чтобы половина ключа крепко засела в замке, и выбить ее можно было только при помощи молотка и зубила, сверла и ломика. Или топора.

Пен увидел ноги Икоса, которые оттолкнулись и исчезли. Просунув туловище в окно, он проследил, как строитель, обвив рукой веревку или веревкой руку, наклонился и сунул ноги в подпружную петлю. Поерзал, чтобы подвести ее под

бедра, выпрямил спину и плечи и другой рукой схватился за свисавший сверху карабин. Потом головокружительно крутанулся, просунул руку во второй подвесной канат и качнул подпругу к Пену.

— Вот так, — прошептал он. — А потом не двигайся и предоставь мне все остальное. Ты ничем не поможешь, но мешать не следует.

Дез взвыла, когда Пен повторил действия Икоса. Под его весом подпруга крепко сжала его узкие бедра. Он обхватил обеими руками свисавшие веревки и сцепил ладони.

Пен нечасто резко говорил со своим демоном, но сейчас был такой случай. *Дез, мы уже делаем это. Успокойся и держи свой хаос при себе, пока я не скажу иначе!*

Ощущение хныканья и тугой, несчастный клубок внутри. Теперь она долго будет дуться, если он не придумает способ задобрить ее. Она вытянет из него все, что сможет, когда к ней вернется рассудок. Рассудки. Извинительные подарки нематериальной личности были непростым делом.

При условии, что они выживут. Точнее… что он выживет.

Я не хочу попасть в уродливого инженера! —

проскулила она. — *Или дельфина.*

Едва ли он уродлив. Разве что низкого роста и бандитского вида. Пен не стал выглядывать внизу дельфинов, резвящихся в далеких волнах.

Икос принялся по очереди тянуть за разные веревки, в какой-то выверенной последовательности, известной только ему. Рывки и покачивания подпруги заставляли желудок Пенрика неприятно подпрыгивать. Однако они поползли вверх, медленно, но уверенно.

Когда они проползали мимо окна над комнатой мадам Гардики, Пен задержал дыхание, но ни одна посвященная или служительница не выглянула наружу, чтобы полюбоваться восходом солнца. И мужчин. Пен мог приглушить их крики тревоги, как поступил с мастифами Ксарре, но если это казалось святотатством ему, то может показаться и богине.

Пен утешил себя, что хотя бы избавил от этого испытания мадам Гардики. Если только ей не нравились подобные вещи. За те несколько минут, что они провели в обществе друг друга, он недостаточно хорошо ее узнал, чтобы сказать. Она могла обрадоваться при виде сложной и хитроумной работы своего сына. Хотя Пен не сомневался, что его риск она бы не одобрила.

Он повернулся к морю, наблюдая за тем, как разгорается тонкая алая полоска света за седонийской сушей, поглощая стальную серость. В любом другом случае возвращение солнца было бы радостью. Сейчас Пен мечтал о затмении. Увы, молодая луна находилась в неправильном для этого месте.

Движение вверх прекратилось прямо под балконом. Икос исполнил сложный танец со своими шкивами, затянув три веревки так, чтобы ослабить и высвободить заднюю веревку, протянуть ее вперед и закрепить снова, а потом повторить процедуру. Еще и еще раз. В светлеющих тенях они невыносимо медленно продвигались на север. Икос над Пеном тяжело дышал и потел. Пен пытался оценить расстояние и время, требовавшееся, чтобы добраться до конца пути. Они соревновались с восходящим солнцем, словно два очень встревоженных, очень осторожных слизняка.

Тюремщики с завтраком будут долго ломиться в дверь. Сначала они потратят время на попытки извлечь сломанный ключ из замка, видя в нем скорее неприятность, а не чрезвычайное происшествие. Потом будут пытаться заставить замок работать. Кто-то будет бегать туда-сюда в поис-

ках инструментов и будить женщин, которые за них отвечают. Петли находились на внутренней стороне двери, иначе их бы Пен тоже покрыл ржавчиной. Сама дверь была из толстого дуба, и чтобы ее выломать, понадобится топор. Или таран. Только пробившись в комнату, они поймут, что пленница пропала — или покончила с собой, — и поднимут тревогу. Звуки вгрызающегося в дерево топора подскажут Пену, что у них с Икосом осталось очень мало времени.

Красно-золотая полоска поднялась над далекими холмами, превратилась в полумесяц, затем в шар — и стала слишком яркой, чтобы на нее смотреть. Синяя тень на склонах внизу отступала перед ней, словно ночной прилив. Из-за толстых стен Ордена долетали легкие голоса, слишком тихие, чтобы различить слова. В одном из дворов за синими крышами хор запел гимн, издали звучавший гулко и странно. Ударов топора пока не слышалось.

Прямо над Пеном Икос продолжал мрачно трудиться. Пенрик, вспомнив о своих обязанностях святого и чувствуя себя мертвым грузом, начал молиться. Сегодня в его утреннем обращении к богам не было ничего рутинного.

Внутри у него застонала Дездемона. Он ощущал

кипящий в ней хаос, нарастающее давление, словно больной желудок, готовый извергнуть свое содержимое. *У моего демона морская болезнь.* Последнее, в чем он нуждался, это чтобы она принялась изрыгать бесформенный хаос прямо на упряжь, которая удерживала их от смертельного падения. Или где-то рядом. Пен лихорадочно огляделся, словно всполошенная сиделка в поисках ведра.

Самым подходящим объектом поблизости были три чайки, парившие на утреннем ветру рядом с балконами в поисках объедков. Интересно, развлекались ли дамы из Ордена, кидая птицам кусочки еды, которые те ловили в воздухе? Бледные любительницы падали считались береговой напастью и принадлежали Бастарду, поскольку ни один другой бог не хотел забрать их себе. Бастардовы вредители всегда были уместным жертвоприношением.

Ладно, Дез, раздраженно подумал Пен. *Можешь использовать одну чайку. Но только одну.*

Взрыв благодарности и хаоса поймал птицу, пролетавшую над балконом, под которым они проползали. С громким хлопком она взорвалась дождем перьев, крови и костей, обратившихся в пыль и рассыпавшихся белыми хлопьями. Пен

поморщился.

Это было много хаоса. Очевидно, Дез по-настоящему страдала. *Теперь лучше?*

Если бы ее ответ прозвучал вслух, он напоминал бы злобное шипение перегнувшегося через корабельный поручень друга, который только что сделал подношение волнам.

Икос встревоженно посмотрел вверх сквозь щели в досках, но воздержался от крика, прикусив губу крепкими зубами.

За открытой балконной дверью женский голос изумленно произнес:

— Что это?

Другой, более далекий голос позвал:

— Гекат, ты идешь?

— Через секунду подойду. Иди без меня.

Звук закрывшейся двери. Пен с Икосом замерли, когда по доскам балкона зазвучали шаги.

Пен заметил синюю тунику и юбку служительницы, когда женщина нагнулась, чтобы подобрать и покрутить в пальцах несколько упавших перьев. Она посмотрела вверх. Она посмотрела вниз.

Мужчины уставились на нее через просветы между досками. Икос попытался дружелюбно улыбнуться, в результате чего стал похожим на

бандита, который радуется перспективе перерезать кому-то горло.

Служительница средних лет. Сколько может быть в Ордене женщин по имени Гекат? Десятки, по мнению Пена. Она не была альбиносом. Но Пен видел — если, конечно, не дурачил сам себя — слабые отголоски брата в изящных чертах ее лица, точно так же, как более крепким телосложением Икос напоминал Никис. Пен боялся касаться ее голосовых связок, когда Дез была в столь расстроенных чувствах. Женщина открыла рот, чтобы закричать, и Пен решил рискнуть иначе.

Он дважды постучал по своим губам, посмотрел в карий глаз, который мог видеть, и отчетливо произнес:

— Суракос.

Рот медленно закрылся, хотя взгляд стал более пристальным.

Повернув голову, Икос озадаченно уставился на Пена. Тот вскинул руку, призывая к молчанию.

– *Какое* отношение к *этому* имеет Сура? — выдохнула служительница и махнула рукой, обводя безумную конструкцию из такелажа и мужчин, свисавшую с балконных балок.

— Потребуется час, чтобы объяснить все це-

ликом. — И этого часа у них определенно не было. — Но обещаю, когда он приедет к вам осенью на ваш день рождения, он все вам расскажет. К тому времени это будет безопасно.

Ну вот. Визиты в честь дня рождения были личной информацией, которую мог знать лишь человек, знакомый с Боша. Хватит ли этого, чтобы купить ее доверие?

— А почему это опасно сейчас?

По крайней мере, ее внимание переключилось на брата, а не на вторгшихся в Орден богохульников.

— Тасалонская придворная политика.

Ее глаз дернулся. Возможно, она поморщилась.

— О боги, — произнесла она голосом, полным ненависти. — Опять.

— С ним ничего не случится, если вы никому не скажете о том, что видели. За исключением Госпожи весны. Можете помолиться своей богине. И, возможно, она даже за нас вступится.

Глаз стал возмущенным.

— Хотите, чтобы я поверила, будто у вас есть на это некое… некое божественное дозволение?

Пен знал, что есть — по крайней мере, у Никис, — но казалось неразумным искушать терпение богов. Или служительницы.

— Я ничего не утверждаю. Сура все вам расскажет.

Гекат со стуком села, перебирая в пальцах перья.

— Очень на это надеюсь, — пробормотала она, и Пен понял, что им ничего не грозит. Он жестом велел Икосу двигаться дальше.

Тот кинул на него обжигающий взгляд, свидетельствовавший о том, что допрос грозил не только Суракосу, но вновь взялся за свои шкивы и крючья — и они тронулись с места.

Служительница Гекат подошла к проему между ее балконом и соседним — который, к счастью, был последним в ряду — и перегнулась через перила, следя за их передвижением.

— Это самая странная штука из всех, что я когда-либо видела. Каково ее предназначение?

— В настоящий момент — убрать двух мужчин оттуда, где они не хотят находиться, и как можно быстрее. С нашими искренними извинениями.

— Вы смотрели на ту чайку?

— Какую чайку? — Пен невинно моргнул.

Гекат втянула воздух сквозь зубы и впилась в него мрачным взглядом, напомнив Пену, как повариха дома Юральд выдавливала из него признания о пропавшем печенье. За которыми

следовала оплеуха — и обычно еще одно печенье на прощание.

— Это Сура тоже объяснит?

— Если у меня будет возможность его повидать, я позабочусь о том, чтобы объяснил, — пообещал Пен.

Когда они рывками скрылись из виду, она по-прежнему сидела, скрестив ноги, и перебирала пальцами перья.

Пен узнал о том, как Икос планировал спуститься с балкона на лестницу, когда они добрались до этого этапа — и тот оказался еще ужаснее, чем он мог себе представить. Икос удлинил веревку, на которой висел Пен, в результате чего тот начал опускаться, *раскачиваясь*, будто маятник, в двадцати футах над тем местом, где ступени уходили к двери для паломников.

— Это совершенно безопасно, — шепотом заверил Пена строитель. — Только не пытайся выбраться из упряжи, пока не встанешь на ноги. Если поскользнешься, мы просто попробуем еще раз.

Пену удалось приземлиться с третьей попытки. Рыдая, Дездемона потребовала еще одну чайку, но Пен ее сдержал.

Потом он с замиранием сердца смотрел, как

Икос, изогнувшись под балконом, возится с веревками и ослабляет все четыре крюка своего адского изобретения. Пену пришлось отстегнуть свою упряжь и закрепить двойную веревку на таинственном болте с проушиной, вкрученном в скалу. Веревка натянулась, и Икос съехал по ней, таща за собой свое устройство. Отсоединить и развязать, быстро намотать веревку на руку — и свободный конец соскочил с балки и упал, не оставив никаких следов. Икос каким-то образом высвободил болт тремя частями, оставив лишь безымянное квадратное отверстие в скале. Пен не мог понять, имелись ли где-то другие подобные отверстия.

Затем последовала еще одна сводящая с ума задержка, когда Икос уселся, чтобы аккуратно смотать и сложить все свое приспособление в компактный тяжелый узел, из которого ничего не торчало. Пен предположил, что именно так инженер поднимал его сюда. В темноте, всю прошлую ночь. Пену очень хотелось отобрать у него узел и просто швырнуть в море, но Ручия, голос которой пробился сквозь общую какофонию одиннадцати прочих голосов, составлявших Дез, согласилась, что лучше не оставлять никаких следов. Очевидно, Икос пришел к такому же выводу.

Напоследок он оглядел балконы и хмуро покосился на Пенрика.

— А язык у тебя подвешен что надо.

С этим не поспоришь.

— Это моя работа.

— Хочу узнать об этом поподробнее. Позже.

— Надеюсь, у тебя будет такая возможность.

Пен подумал обо всем, что сделал усталый Икос, приступив к работе на закате прошлым вечером. И, судя по всему, он готовился не одну неделю. Столько кропотливого труда — и ни одной гордой матери, чтобы продемонстрировать результат. Пен посмотрел на первые из двух тысяч ступеней и пробормотал:

— Хочешь, я понесу эту штуку?

Икос хмыкнул, изумленно вскинув густые брови.

— Ага.

Два паломника на лестнице. В этом (вероятно, забавном) зрелище не было ничего необычного, и издалека их никто не разглядит. Пен и вправду искренне раскаялся, взвалив на спину приспособление, которое преимущественно состояло из свернутых веревок и весило около тридцати фунтов. Начав спускаться по лестнице перед Икосом, он наконец услышал слабые удары топора,

доносившиеся из одного далекого окна.

Кинув последний взгляд на балкон служительницы Гекат, прежде чем скала скрыла его из виду, Пен увидел, что женщина по-прежнему стояла, опершись о перила, и смотрела им вслед. Он осенил себя широким знамением богов, на прощание дважды коснувшись губ.

В ответ она поднесла пальцы ко лбу, и Пен подумал, что ее брат был не единственным членом семьи с чувством юмора.

XIV

Недалеко от Акилаксио мастер Боша нашел очередной укромный уголок, где они спрятали экипаж в ожидании рассвета. Прерывистый сон был лучше никакого. Никис подумала, что Боша отлично все рассчитал, потому что они въехали в городские ворота в тот росистый час, когда стражники были заняты потоком сельских жителей, везших на рынки еду и товары. Толпа скрыла беглецов, вознаградив их за напряженное ожидание у ворот.

Стража еще не искала женщин средних лет. Если все прошло так, как планировал Пенрик, на Лимносе только обнаружили пропажу Идрены.

Но было неразумно предполагать, что все прошло по плану.

И тем не менее должны были существовать минимум и максимум. Если побег обнаружили во время завтрака, определенное время будет потрачено на поиски в самом Ордене, а потом на острове. Любому предупреждению нужно будет преодолеть ту же водную преграду, что преодолели беглецы. Возможно, женщинам-тюремщикам министра Метани придется посылать гонца к

своему хозяину в Тасалон за инструкциями, хотя Никис полагала, что они не станут спешить в надежде добавить в отчет информацию о поимке пленницы. Погоня может добраться до Акилаксио лишь несколько дней спустя.

Минимум — это все, о чем следовало тревожиться Никис. Если Пенрика схватили прошлой ночью, военный посыльный мог высадиться в Гуре через считаные часы после них. Однако подобное послание еще не обогнало беглецов, иначе у городских ворот их бы ждал совсем иной прием. Если Пена схватили… она сама не знала, за кого ей тревожиться — за него или за Лимнос. Однако даже чародеи не могут выпорхнуть в окно или перелететь пролив.

Крики чаек и запах моря известили о приближении гавани, и Никис вытянула шею, чтобы ее увидеть. Крупнее и оживленнее, чем в маленькой Гуре, меньше, чем в Патосе, и намного меньше, чем лабиринт доков и складов и лес мачт в огромном порту Тасалона. Два уходивших в глубокую воду пирса позволяли осуществлять прямую погрузку и разгрузку судов, чем в настоящий момент и занималась шумная толпа мужчин при помощи кранов. Порт был достаточно бойким, чтобы держать полноценных таможенных бюро-

кратов, хотя те в основном искали контрабанду и неплательщиков налогов. Но у них также будут провинциальные и имперские списки разыскиваемых беглецов и преступников.

Насколько поняла Никис, Боша знал Акилаксио не намного лучше нее, но он отыскал чистую на вид гостиницу рядом с гаванью и, заплатив слуге, проводил женщин в комнату, где они могли укрыться и отдохнуть. Он занес наверх багаж и заговорил лишь тогда, когда дверь комнаты закрылась за ними.

— Я найду место для лошади и экипажа, а потом осмотрюсь в гавани, — сказал Боша. — Я захватил бумаги, которые мы можем заполнить, когда я отыщу корабль. — Он вытащил из-под туники стопку листов и положил на рукомойник. — Придумайте себе личности и имена, под которыми хотите путешествовать. Не выходите из комнаты, пока я не вернусь. Я пришлю служанку, чтобы она позаботилась о еде и питье.

— Благодарю вас, мастер Боша, — церемонно произнесла Идрена, давая понять, что принимает его план, и он, кивнув, ушел.

Никис подошла к окну и, выглянув наружу, увидела ряд крыш, в основном плоских и заполненных сохнущим бельем, горшками с травами

и другими полезными предметами. Она взяла и изучила бумаги, на которых уже стояли печати и подписи… часть состояния госпожи Ксарре была связана с перевозками, а потому, возможно, они даже не были поддельными. В некотором смысле. Хотя Никис не сомневалась, что при необходимости Боша легко справится с подобной задачей.

Никис и Идрена воспользовались шансом умыться и поесть, а потом, привычные к жизни в армейском обозе, упаковали свои скромные пожитки так, чтобы их можно было легко унести, когда поступит приказ. Теперь следовало поспать, чтобы компенсировать беспокойную ночь.

Идрена с интересом оглядела медицинский саквояж Пена.

— Это выглядит хорошо продуманным. Я могу поверить, что он действительно целитель.

— Во всем, кроме последней клятвы. И ты роешься в чужих вещах, мама.

— Разумеется. — Идрена подняла откопанные на дне саквояжа косы Пена, разглядывая их с меньшим сарказмом, чем прежде Боша. — И настоящий храмовый чародей. Не дикий. Дикий чародей — большой риск. В этом Храм, вероятно, прав. Так значит, говоришь, вы встречаетесь?

— Он говорит, что добивается моего располо-

жения. Я не говорила, что добиваюсь его. — Она забрала из руки матери косы и вернула на место.

— Я думала, что ты хочешь снова выйти замуж. Ведь поэтому Аделис пригласил тебя в Патос? Чтобы познакомить с подходящими кандидатами? По крайней мере, так вы оба мне сказали.

— Да, но все мужчины, с которыми он меня познакомил, были армейскими офицерами. Я не собираюсь вновь вставать на этот путь.

— Ты говорила об этом Аделису?

— Не… совсем. Я не хотела его разочаровывать. Он *пытался* помочь.

— А кроме того, ты получила поездку в Патос, — насмешливо сказала Идрена. Она уселась на край кровати и похлопала рядом с собой, приглашая Никис присоединиться.

Грустно пожав плечами, Никис подчинилась.

— Я этого не говорила.

— Но это правда?

— Да, — признала Никис. — Хотя после того, как Аделиса ослепили, у меня появились другие причины радоваться, что я там.

— Да… — протянула Идрена. Ее насмешливость сменилась задумчивостью. — Пусть это и ужасно, но я рада, что ты была рядом. Полагаю, без тебя ему пришлось бы намного хуже. Что ж, в твоем

Пенрике определенно нет ничего военного. Он просил тебя выйти за него?

— Да.

— И ты отказалась? Почему? В его характере есть скрытый изъян?

— Не… не скрытый. Просто все сложно. Герцог Адрии только одолжил его, а на самом деле он подчиняется архисвятому. Либо ему придется потрудиться, чтобы обойти храмовые клятвы, либо мне придется последовать за ним в Адрию. Но я не хочу ехать в Адрию, пусть он и обещает, что научит меня языку.

— О. Да. Разумеется, он должен знать адриакский. Но ты говоришь, он родом не оттуда?

— Нет, он из кантонов, из какого-то неведомого городка в горах. Но он учился в Вельде. Он говорит на вельдском, адриакском, седонийском, дартакийском, ибранском, рокнарийском и не знаю на каком еще языке. Он известный ученый.

Идрена обдумала все это.

— Мне самой довелось пространствовать сперва вслед за своим отцом, а потом и за твоим. Армия — не самый хороший дом. И мне бы не хотелось переезжать в Орбас лишь для того, чтобы ты сбежала в Адрию.

— Судя по его предложению, Пенрик хочет,

чтобы я жила в воздухе, как птичка.

— Я бы сказала, что так мыслят холостяки. Что ж, решение простое. Попроси его остаться ради тебя в Орбасе и подарить тебе на свадьбу дом. Если он не захочет или не сможет, нежно распрощайся с ним.

— Мама! Я не собираюсь продаваться мужчине!

— Но ты и не должна недооценивать себя, — сухо ответила ее мать. — И если тебе не нравится такая сделка, так, может, не о чем и переживать?

— М-м.

Это действительно превращалось в один из *тех* разговоров с Идреной. Никис почти жалела, что затеяла его. *Или нет.* С учетом того, что они едва не лишились такой возможности навсегда.

Идрена понизила голос.

— Но тебе следует знать, что драгоценности Флорины хранятся в сейфе, замурованном в стену под штукатуркой с западной стороны от ее старого секретера. Все ищут подобные вещи в погребе. Мы всегда хотели, чтобы у тебя было второе приданое, когда ты снова выйдешь замуж. Если сможешь вернуться туда раньше меня, отыщи их. Выйдешь ты замуж или нет!

— Да, мама, — ошеломленно ответила Никис.

Она помнила, что у Флормы были потрясающие драгоценности: часть осталась от ее собственного аристократического приданого, часть была подарена супругом, когда тот приобрел ранг и богатство. По предварительным оценкам, их может хватить на скромный дом — и еще останется.

— Так что у тебя есть еще один источник средств к существованию. Не более сомнительный, чем выйти замуж за сомнительного мужчину. На твоем месте я бы отправила твоего чародея за этими драгоценностями. Как героя в сказке, который должен выполнить задание, чтобы завоевать принцессу.

— Он не *мой*... и я не хочу, чтобы он рисковал своей жизнью, в *третий раз* отправившись в Седонию! — Она смерила мать возмущенным взглядом, на что та лишь улыбнулась.

— Итак, никакой Адрии, но мы выяснили, что Просвещенный Пенрик для тебя дороже драгоценностей. Или дома. Начало положено. Что еще?

Никис вздохнула, не желая произносить следующую фразу, но все-таки сказала:

— Мне придется выйти замуж не только за него. Но и за Дездемону. Она всегда будет в его голове. Ближе, чем жена, сокровеннее, чем что-либо, что

я могу вообразить.

Идрена пожала плечами.

— Многим женщинам приходится учиться делить мужей с другими. Соглашусь, обычно речь идет не о демонах хаоса. Иногда все складывается очень хорошо, иногда — очень плохо, но чаще получается нечто среднее. Мне повезло в лучшую сторону.

— Как ты согласилась жить с отцом?

— Сначала было несколько долгих, искренних бесед.

— И он тебя убедил?

— Пятеро богов упаси, я говорила не с генералом! Это было бы пустым сотрясанием воздуха. Я говорила с *Флориной*. — Идрена взмахнула рукой. — Удачно, что Флорина оказалась умной и опытной женщиной. — Она окинула взглядом Никис. — Итак… ты думаешь, что этот демон — личность, точнее, личности. Женщина. Она может говорить?

— Да, мы с ней беседовали. Но ей приходится использовать для этого рот Пенрика. С его дозволения. А значит, мы не можем поговорить наедине. Он всегда с ней, а она всегда с ним. Хочу подчеркнуть, что она будет с нами в постели.

— О. Хм. Да. Это действительно очень личное

дело. — К облегчению Никис, Идрена не стала распространяться на эту тему. Но весело добавила: — Однако есть и положительная сторона. Она никогда не родит наследников, которые будут соперничать с твоими детьми.

Никис стиснула зубы.

Однако эта мысль засела у нее в голове. Если проблема связана с демоном, быть может, обсуждать ее нужно именно с ним? Разумеется, это неизбежно будет совет трех. Или четырнадцати.

Однако такое возможно. И она уже видела, как Пенрик умеет справляться с невозможным.

Я говорила с богиней. Едва ли демон окажется страшнее.

Это была самая странная мысль за всю неделю странностей. Словно семя, медленно выпускающее корни и побеги, вниз, в землю, и вверх, в небеса. Пока Никис оставила его в нежной темноте.

— Итак, никакой Адрии, лучше драгоценностей, тебе придется спать с демоном хаоса. Хотя должна сказать, у меня сложилось впечатление, что до сих пор вы с ней неплохо ладили. И она исцелила Аделиса. — Очевидно, это известие в значительной степени примирило Идрену со сверхъестественными особенностями Пенрика.

— Вместе с Пеном. Судя по всему, над этим они работали в упряжке.

— Удивительно. Что еще?

Никис отвернулась. Раз уж она забралась так глубоко в свои душевные страхи, можно с тем же успехом вытряхнуть всю корзину.

— Ты знаешь, что у нас с Кимисом не было детей. Я до сих пор гадаю, по моей ли вине… Возможно, я обреку Пена на бездетность.

Идрена фыркнула через нос. Этот звук казался печально знакомым.

— Полагаю, Флорина могла бы дать тебе лучший совет на сей счет. Знаю, это серьезная тревога. Но по-моему, у тебя уже есть решение. Разве твой Пенрик, будучи целителем, не может установить истинную причину? Храм делится магами-целителями, как водой в пустыне, но у тебя есть свой собственный.

— Мама! — Никис покраснела. — Я не могу просить мужчину, чтобы тот… чтобы тот осмотрел мои интимные места!

— Почему нет? Вряд ли он будет против. Как целитель и как мужчина. Что, хочешь сказать, что до сих пор не испытала его в постели? Я бы испытала, на твоем месте.

— Да, Дрема, мы знаем, — вздохнула Никис. — И

не сомневаюсь, Икос благодарен тебе за это. — Она с нежным раздражением подтолкнула мать. — Не уверена, что обладаю твоей храбростью. Или что там тебе понадобилось, чтобы это сделать. Кровожадная целеустремленность.

Идрена усмехнулась.

— Икос вырос таким милым мужчиной. Так что в конечном итоге все сложилось хорошо. Местами пришлось трудно, но Икос никогда не был одним из моих многочисленных сожалений. Взгляни на это так. Либо твои страхи оправданны — и в таком случае ты ничем не рискуешь, — либо нет, и все решится в твою пользу. Или ты считаешь, что Просвещенный Пенрик сбежит при известии, что станет отцом?

— …Нет. Совершенно точно нет. Возможно, он даже этого хочет.

— Еще один вопрос, который ты с ним не обсуждала? Список получается длинный, дорогая Никис.

Она ссутулилась.

— Я вручу всю свою жизнь одному мужчине. Однажды я уже так сделала с Кимисом. А он взял и *умер*.

Яростная беспомощность той потери по-прежнему причиняла боль, когда Никис совершала

ошибку и вспоминала о ней.

— О. — Улыбка Идрены стала кривой. — Я знаю, как этого избежать. У Флорины получилось. И у твоего отца. И у отца Икоса.

Никис подняла голову.

— Правда? Как?

Идрена постучала Никис по лбу не слишком благословляющим жестом. И произнесла сухим голосом — Никис никогда такого от нее не слышала:

— Умереть первой.

XV

Солнце поднималось, а Пенрик с Икосом спускались, преодолевая самые узкие места лестницы паломников, которые были едва шире ноющих плеч Пена, чтобы выбраться туда, где проход расширялся. Спуск стал намного менее крутым. Дездемона немного успокоилась. Поэтому Пен наконец спросил ее: *Согласен, что это странное приспособление, и я знаю, что ты никогда не любила высоту, но откуда такой страх, Дез?*

Очень высоко падать.

Ты бы не умерла, что бы ни случилось.

Неохотная пауза. *Шугана погибла от падения.*

Самая первая женщина-седок Дез была седонийкой, жившей в горах на севере полуострова. Пену до сих пор приходилось сражаться с ее протяжным сельским акцентом, который то и дело норовил просочиться в его речь, хотя ему удалось в значительной степени выправить свое седонийское произношение, слушая тасалонский выговор Никис и Аделиса.

День спустя ее принесли в дом Литикон, продолжила Дез, *в которую я и перепрыгнула. Я не стала делиться с тобой этим воспоминанием.*

Оно бы тебе не помогло.

Пен подумал, что обычно Дез не делала тайны из того, как завершились жизни всех ее седоков, но и не распространялась на этот счет. *Ты считаешь, что твой хаос мог стать причиной падения? Вряд ли ты тогда умела так хорошо его контролировать.*

Пауза. *Мог стать. Это было почти два столетия назад. Даже демоны забывают.*

Немногое, по наблюдениям Пена. Но даже демоны скорбят — и у них есть на это много времени. Скорбь, вина, сожаления… не все, чему они учились у людей-седоков, было приятным. Пен не стал давить на Дез.

Икос остановился там, где ступени поворачивали назад и переходили в тропу, которая зигзагами шла через кустарник влево, спускаясь к чему-то вроде лодочной пристани. Пен видел деревянный причал на неровном берегу, который едва ли можно было назвать бухтой. Но никаких лодок.

— Давай мой груз, — сказал Икос, протягивая руку.

Ноги Пена превратились в дрожащее желе, во рту пересохло, но он жизнерадостно ответил:

— Я не устал. Куда мы идем?

— Я иду к моей лодке. — Икос показал направо,

туда, где едва заметная тропинка уходила к скрытой тропе над водой.

Ну конечно, Икос с его тщательным планированием подготовил лодку, чтобы увезти мать с острова. В отличие от Пена, чьи дальнейшие планы были весьма туманны и предполагали смешаться с толпой уезжающих паломников.

— А ты можешь отправляться куда пожелаешь. — Стоявший на две ступени выше Икос смерил Пена хмурым взглядом. — Чародей.

— Э-э, хм. Когда ты догадался?

— Свечи не зажигаются сами собой. Чайки не взрываются в воздухе, какую бы дрянь ни сожрали. И я не знаю, что за чары ты наложил на ту несчастную служительницу, но не хочу иметь к этому никакого отношения. Я знаю, что чародеи приносят несчастье, и не собираюсь подпускать тебя к лодке, на борту которой нахожусь.

— Я не накладывал никакого гейса на служительницу Гекат! — возразил Пен. Хотя едва ли был способ доказать это Икосу. Чародеи неспроста учились не болтать лишнего. — И я не дикий чародей. Я прошел обучение в Храме. Просвещенный Пенрик кин Юральд, в прошлом из Мартенсбриджа, давший клятву святой Ордена Бастарда. — И лично белому богу, но это была

другая история. Пен опустил свой титул «лорда», поскольку Икос выглядел как человек, на которого не производит впечатления пустая болтовня. К тому же Пен забрался далеко от двора Юральд, приютившегося в своей долине в холодных кантонах.

Во многих смыслах, пробормотала Дез.

— В прошлом из Мартенсбриджа? Где бы это ни было, — скептически произнес Икос. — А откуда ты теперь?

— В настоящий момент определенно сказать нельзя. Я жду решения Никис. Если она скажет «да», вероятно, из Орбаса, на некоторое время. Если «нет»… я не знаю.

Икос скорчил гримасу.

— А почему она не сказала «да»? Ведь она вдова.

— Хотел бы я знать, — со вздохом ответил Пен, не обращая внимания на комментарий Дез: *Тебе нужен список?* — Я пытаюсь ее убедить. И, хочу заметить, без всякой магии. Что очевидно.

— Хм…

— Суть в том, что я могу обещать, что мой демон хаоса не тронет твою лодку. Может достаться пролетающей мимо чайке. Или акуле, или еще кому-то. Но я определенно не собираюсь портить

или топить судно, на котором плыву сам! — И благоразумно добавил: — Хотя ни чародеи, ни боги не могут управлять погодой.

Икос скрестил руки на груди.

— У меня нет причин верить твоим словам.

— Но я верю тебе. — *В некотором смысле.* — Я прокатился на твоем ужасном устройстве. Разве этого доказательства недостаточно?

— Оно совершенно безопасно! — огрызнулся Икос. — Ведь ты здесь, не так ли?

— Как и моя магия. Ведь ты здесь, не так ли?

Икос запрокинул голову и сжал губы, но промолчал.

— Послушай. — Пен поскреб потную, зудящую голову. На пальцах остались темные следы. — Как ты убеждаешься в надежности чего-либо? Ты это проверяешь.

— Если я испытываю новое приспособление, то обычно это испытание с разрушением. Чтобы убедиться наверняка.

— О. Если бы у тебя было два чародея, ты бы мог попробовать. Сам видишь проблему.

Икос фыркнул.

— Я скорее думал о каком-то вопросе. — «Спроси меня о чем угодно» было опасно неопределенным предложением, поэтому Пен не стал его

озвучивать.

— Ничего не получится, если я пытаюсь понять, можно ли тебе верить, — заметил Икос. — Но даже не знаю… Почему Никис тебе отказала? Ты ведь просвещенный святой и все такое. Женщинам это нравится. — Его губы дрогнули. — Не приходится жаловаться, что ты пришел с работы весь грязный.

Пен подозревал, что это вовсе не комплимент.

— Не могу сказать, — ответил он, пусть неискренне, зато точно. — Но когда Никис получила известие о том, что ее мать арестовали и заточили на Лимносе, я был первым, к кому она обратилась за помощью. Если не веришь мне, может, поверишь ей?

Икос задумался. Или заколебался. В любом случае, не отмахнулся сразу.

— Она мне нравится, — наконец сказал он. — Надежная девчонка.

— Я знаю.

— Хм.

— У тебя есть лодка, а мне срочно нужно попасть в Акилаксио. Я могу заплатить за твое время и хлопоты. — Пен не стал называть цену; не нужно сообщать всем подряд, сколько денег оставалось в кошельке герцога Джурго.

— Это не моя лодка. Она принадлежит друзьям.

— Ладно. Я могу заплатить им.

Икос поджал губы.

— Сомневаюсь, что им понравится чародей на борту.

— Необязательно сообщать о моем призвании. И вообще говорить что-либо обо мне.

— Ты хочешь, чтобы я солгал друзьям?

— А ты хочешь снова выслушать весь этот спор? Если ты от него устал, представь, каково мне. Не нужно лгать. Просто… не говори.

— Зато это кое-что говорит о тебе. — И явно ничего хорошего, судя по сардонической ухмылке на потном смуглом лице Икоса.

Пен в отчаянии всплеснул руками.

— Я должен встретиться с твоей матерью и Никис в Акилаксио, чтобы проводить их в Орбас. Это твой шанс повидаться с ними. Последний в ближайшее время.

— О. — Пауза. — Почему ты сразу не сказал?

Пока Пен тщетно пытался отыскать ответ, Икос зашагал по тропинке.

— Тогда идем, — бросил он через плечо. Напряженно улыбнулся. — Можешь понести машину.

* * *

Около двух миль Пен пробирался за своим проводником по заросшей тропе вдоль берега. В крошечной пещере ждала лодка и трое мужчин, таких же загорелых и крепких, как Икос. Команда помахала и лаконично поприветствовала его, но уставилась на Пена.

— Это твоя мать? — спросил один. — Ты не все рассказал нам о своей семье, Икос, друг мой.

Икос пожал плечами.

— Планы изменились. Похоже, моя мать уже отправилась в Акилаксио. Нам нужно туда добраться.

— Что, ты зря старался?

— Ага. Меня это тоже не радует. — Он ткнул пальцем через плечо. — Этот человек обещает заплатить за поездку.

Они торговались недолго, потому что Пен, отчаянно желавший покинуть остров, согласился на первую названную цену. Мужчины, что могли бы быть братьями суровых рыбаков, которых Пен видел выходившими в море в Гуре, очевидно, знали от Икоса, чем рискуют, а если нет, Пен не собирался им сообщать.

Лодка, скользившая по прозрачным волнам,

словно по воздуху, очень напоминала рыбацкое судно, пропахшее нагретым солнцем, дегтем и деревом, солью и рыбьей чешуей. Она была бы крупной для холодных озер кантонов, но казалась слишком маленькой для огромного синего моря. Когда они отплыли и подняли единственный парус, Пен скорчился в переменчивой тени, предоставив управление людям, которые, как он надеялся, знали, что делают. Без сомнения, Икос считал, что им ничего не грозит, потому что свернулся на сложенном мешке и задремал. А может, он слишком устал, чтобы волноваться.

Добрались ли Никис и Идрена до Акилаксио в целости и сохранности? Или столкнулись с какими-то неприятностями либо задержкой во время той долгой ночной поездки по прибрежной дороге? Охромевшая лошадь, отвалившееся колесо, падение в кювет? Или разбойники? Пен полагал, что Боша может быстро разделаться с одним бандитом или с двумя, но если их было шестеро? Или дюжина?

Две офицерские вдовы не станут легкой добычей, заметила Дез. *Сомневаюсь, что вся работа достанется Боша.*

Это не слишком успокаивало. Хотя на Пена произвело впечатление хладнокровие, которое

проявила Идрена во время их короткой встречи. Икос, лучше знавший мать, явно верил, что она без паники справится с его кошмарным устройством. И без рвоты. (Дез заворчала.) Если женщины с возрастом действительно становились похожи на своих матерей, будущее с Никис может оказаться еще лучше, чем он надеялся.

Если они оба доживут до этого будущего. Или хотя бы вступят в него.

Пен убеждал себя, что официальная погоня, которая была опаснее грабителей, еще не могла настичь женщин. Сейчас тюремщики Идрены обыскивают Лимнос. Лодка шла на юг вдоль берега, и Пенрик, сев, наблюдал, как остров становится все меньше.

И потому он первым заметил скоростную узкую патрульную галеру, по десять весел с каждой стороны плюс парус, которая обогнула забрызганный пеной скалистый берег Лимноса. Это было не рыбацкое и не грузовое судно. От него пахло войной. Далекая фигура на носу показала на их лодку и что-то крикнула, и галера начала поворачивать к ним.

Пен подобрался к Икосу и тряхнул его за плечо.

— Похоже, у нас гости. Возможны проблемы.

Икос встал на колени у банки, нахмурился и выругался.

Я могу позаботиться о них, если хочешь, предложила Дез. *Как о пиратах.* Тревожное чувство, когда демон хаоса облизывает несуществующие губы. *Рваные паруса. Сломанные штаги. Треснувшие весла. Выбитые заглушки. Вскрытые швы в корпусе. Огонь на камбузе. Столько забавных вещей…*

Неудивительно, что капитаны не желали брать на борт чародеев.

Ручия была единственной, кто возразил: *Сохраняй спокойствие. Если они имеют к нам какое-то отношение, то ищут сбежавшую женщину. На этой лодке женщин нет. Пусть обыщут ее и уйдут прочь.*

Верно, согласился с Ручией Пен. И предложил компромисс: *А если что-то пойдет не так, позже у тебя будет возможность причинить* еще больше *хаоса.*

Дез ему не поверила, но ворчливо сдалась.

Команда Икоса тоже не обрадовалась гостям. Пен слышал, что жители седонийских островов иногда дополняли рыболовство менее законными источниками дохода. Контрабандой. Или даже пиратством. Но — Пен оглядел легкогруженое

судно — сегодня они вряд ли захватили с собой явную контрабанду.

И никаких беглых узников.

— Откуда она взялась? — спросил Пен Икоса.

Галера не теряла времени даром, и у них не было никакого шанса обогнать ее в такую тихую погоду.

— Имперский флот держит базу на другой стороне острова, — ответил Икос. — Не полный гарнизон. В основном курьеры и суда, чтобы передать тревогу на сушу, если на горизонте появится опасность. — И мгновение спустя добавил: — Я это узнал. А ты?

Пен не ответил.

Когда галера приблизилась настолько, что на лодке услышали приказы остановиться, команда Икоса неохотно подчинилась. На галере подняли весла, и несколько офицеров столпились у поручня, заглядывая в их открытое судно. Молодой матрос в имперской форме спустился по веревочной сетке и совершил рискованный прыжок на борт.

— Мы ищем женщину. — Он кратко и весьма точно описал Идрену. Быстро осмотревшись, убедился, что на борту не было ни одной женщины, хотя внимательно изучил Пена, на мгновение

сбитый с толку его необычными глазами. Которые не были карими, как у беглянки, и потому он продолжил: — Возможно, она утонула. Если найдете тело, отвезите его офицерам в бухте Лимноса. За это назначена награда. Передайте другим.

Его последние слова команда Икоса встретила заинтересованным бормотанием. Моряк поймал веревку, брошенную с галеры, и проделал еще более сложный трюк — вскарабкался на борт, не коснувшись волн. Икос оттолкнулся одним из их весел, и как только лодка отошла на достаточное расстояние, весла на галере вновь вгрызлись в воду. И она двинулась неведомо куда, но, как и предсказывала Ручия, *прочь*.

И не вперед, к Акилаксио. По крайней мере, пока.

Пенрик выдохнул и обмяк.

Икос рухнул рядом с ним. Судя по его дыханию, не только у Пена сердце колотилось в горле.

— К ночи известие достигнет суши, — сказал Икос.

— Да. Хотя какое известие — вот в чем вопрос. Похоже, они купились на мою уловку с самоубийством. По крайней мере, отчасти.

Но не полностью. И все же преследователям

придется искать везде, а Никис с Идреной находились в одном определенном месте. Думают ли они, что Идрена сбежала на сушу, или догадываются, что она попробует сесть на корабль?

— Если бы моя мать была сейчас со мной на борту, все кончилось бы скверно, — минуту спустя заметил Икос.

— Да, — согласился Пен. — Я собираюсь вознести гимн белому богу, когда наконец смогу дышать.

Икос склонил голову.

— Бастард и твой бог тоже? — И сам ответил на свой вопрос: — Да, конечно, как же иначе. Если ты Его святой. Но раз Он, так сказать, слушает тебя, может, попросишь Его благословить наш путь?

Пен осенил себя знамением богов и дважды постучал по губам большим пальцем.

— По всем признакам Он уже его благословил.

— …Верно.

Они сидели рядом в задумчивом молчании, а лодка шла на юг.

XVI

Никис разбудил стук в дверь. Тревога мгновенно разогнала сон. К счастью, это оказался Боша. Никис быстро выглянула в окно, чтобы понять, сколько сейчас времени. Идрена, зевая, села на край постели, а Боша снял шляпу и устроился на табурете. День клонился к вечеру; они долго спали. Быть может, до заката еще пара часов?

— Что вы нашли? — спросила Идрена.

Боша поморщился.

— Пока ничего хорошего. Из кораблей, что стоят у причала, три идут в неправильную сторону, один не годится для дам без сопровождения, а последний принадлежит Ксарре. Сами понимаете, я бы не хотел вас на него сажать, но в любом случае, следующий порт его назначения — Тасалон, где вам не следует появляться.

Идрена кивнула. Никис не могла решить, волноваться ей или радоваться. Чем раньше они отплывут, тем лучше, но благодаря задержке их может догнать Пенрик… Если с ним не случилось ничего ужасного.

— Как вы думаете, сколько мы можем ждать более подходящей возможности, прежде чем

сдаться и отправиться на восток по суше? — спросила Идрена. — Вы сможете довезти нас до дороги, по которой ездят экипажи?

— Может быть, — ответил Боша, которому эта идея явно понравилась ничуть не больше, чем посадить их на корабль Ксарре. — Но ваше описание определенно достигнет границы первым. Весь этот план зависит от скорости.

Действительно, единственная их надежда заключалась в том, чтобы обогнать преследователей. Если их настигнут, они не смогут оказать сопротивление без Пенрика — а с ним оно обернется кошмаром.

— Три корабля отходят с этим отливом, — сообщил Боша. — Мне сказали, что в Акилаксио в день заходит полдюжины торговых кораблей для погрузки или разгрузки. Также сюда регулярно заходит пара каботажных судов, — местные корабли, ходившие в более мелкие города и деревушки, — но это не самый лучший вариант.

Вообще плохой вариант. В каждом порту их будут подстерегать те же опасности, а задержки будут лишь копиться.

Идрена потерла щеки со следами подушки.

— Давайте подождем до завтрашнего утра и посмотрим, кто еще прибудет. А потом посо-

вещаемся и решим. — Она встала, ополоснула лицо водой из умывальника и подошла к окну. — Признаюсь, я смертельно устала сидеть в тесных комнатах.

Боша сочувственно кивнул, и они все вместе приступили к заполнению документов. Никис обратила внимание, что, судя по всему, он мог по собственному желанию менять почерк. Когда в дверь снова постучали, он отложил письмо и поднял глаза.

— Возможно, это ужин.

Он встал, чтобы открыть, держа руку рядом с рукояткой поясного ножа.

Но в комнату вошла не служанка. А Пенрик. И…

— Икос! — вскрикнула Идрена, метнувшись через комнату и рухнув в его объятия.

Он подхватил ее, облегченно выдохнув.

— Так значит, это правда!..

— Говорите тише! — хором сказали Пенрик и Боша.

Боша посмотрел на незнакомца и раскрыл ладонь, вопросительно взглянув на Пенрика, который пожал плечами и захлопнул дверь.

— Брат, — шепнул он. — Другой.

— О. Строитель мостов? Но как?..

— Меня он тоже застал врасплох.

Пенрик снова изменил цвет: теперь у него были песочно-каштановые волосы, слипшиеся от соли, а голова, руки и ступни побледнели и пошли пятнами, будто неровный загар или легкая кожная болезнь. Он вновь переоделся в тунику и брюки, которые стали заметно грязнее.

Икос выглядел и пах так, словно вернулся домой после очень долгого и трудного рабочего дня, небритый и обгоревший на солнце, в заскорузлой от высохшего пота одежде. Никис все равно его обняла. Пен смотрел на все это… с завистью? Отпустив Икоса под напором Идрены, Никис вытянула и сжала пальцы. Ей не требовались руки, чтобы убедиться в реальности Пена; в этой компании ей было достаточно глаз. На мгновение она пожелала оказаться где угодно, только не здесь.

Идрена сыпала встревоженными вопросами:

— Что ты здесь делаешь, тебе нельзя подходить ко мне на сотню миль, почему вы вместе, как вы сюда *попали*?

— На рыбацкой лодке, — ответил Икос на самый простой вопрос. — Из Лимноса.

— Я тревожился о том, как нам незаметно пробраться в Акилаксио, — вставил Пен, — но оказалось, что пара крупных тунцов является

пропуском в любую гавань. Без всяких вопросов. Мы поймали их по пути. *Боги*, в маленькой лодке они кажутся просто огромными. Я даже подумал, что они нас потопят. Прежде я видел таких только выпотрошенными на рынках в Лоди.

— Вы задержались, чтобы порыбачить? — ошеломленно спросила Идрена.

— Нет, — рассеянно ответил Икос, — мы не останавливались. Они сами запрыгнули к нам в лодку и скончались у наших ног. С улыбкой. Очевидно.

Это… это была не шутка. И не сарказм. Никис уже видела такие круглые глаза — и о чем это говорило? На него обрушился не удар молота. На него обрушился Пенрик. Ее губы невольно растянулись в улыбке.

— Мы оставили парней продавать рыбу, а сами бродили наугад, пока он не отыскал вас, — добавил Икос.

— Не наугад, а целенаправленно, — возразил Пенрик. — В основном. Но расскажите все, что с вами случилось!

В конечном итоге Идрена и Никис уселись на край кровати, Пенрик — на табурет, а Икос устроился у ног Идрены, которая нежно перебирала его волосы, и все приступили к своим рассказам.

Боша молчаливо стоял у стены, скрестив руки, и внимательно слушал. Иногда даже его спокойное лицо морщилось от изумления. Он явно не обрадовался, узнав про встречу с его сестрой Гекат и про обещание Пена, что брат расскажет ей все во время следующего визита.

— Это казалось безопасным, — сообщил в свое оправдание Пен, что не улучшило ситуацию.

Боша ответил на стук в дверь, взял у служанки поднос с ужином и заказал еще еды, поскольку двое мужчин накинулись на угощение, как голодные волки.

Вторая часть ужина прибыла и была съедена прежде, чем они добрались до конца перепутанных и зачастую противоречивых объяснений Пенрика и Икоса, прерываемых многочисленными вопросами Идрены.

— Я начинаю жалеть, что не смогла покататься на твоей машине, — сказала Идрена Икосу. — Это звучит восхитительно. Быть может, в более радостные времена у тебя будет шанс продемонстрировать ее мне.

Икос улыбнулся. Пенрик потер челюсть и что-то неразборчиво пробормотал себе под нос.

Никис не стала упоминать свое странное переживание во дворе священного источника, и, к ее

безмолвной благодарности, Пен тоже промолчал. Наконец она повернулась к Икосу.

— Ты сказал, у тебя есть лодка?

Он покачал головой.

— Она не моя и слишком мала, чтобы отвезти вас в Орбас.

Пен почесал голову и поморщился.

— Думаю, мне нужно отыскать баню, прежде чем подниматься на борт чего-либо. Потом я вернусь через гавань и посмотрю, какие еще суда пришли.

Идрена явно разрывалась между желаниями отправить Икоса с ним и оставить при себе, чтобы провести вместе каждую секунду, отпущенную им до расставания. Но Икос потянулся, скрипнув суставами, понюхал свои подмышки и решил присоединиться к Пенрику.

Никис упала на кровать, охваченная возбуждением и новым страхом. Последний едва ли был справедлив. С учетом того, как она страдала в отсутствие Пенрика, его присутствие должно ее исцелить? Быть может, именно так чувствовал себя игрок, поставивший все состояние на последний бросок костей. Это волнение Никис совсем не нравилось.

* * *

Уже почти стемнело. Никис тревожилась, Идрена расхаживала по комнате, а Боша старался не попадаться ей под ноги, когда мужчины вернулись, значительно более чистые.

И торжествующие. Не успев закрыть дверь, Пенрик выпалил:

— Причалили еще два корабля. Один рокнарийский…

Все вздрогнули.

— …а другой — саонесский. Идет домой, с почти полной загрузкой. В Орбас он не заходит, но планирует сделать остановку на Карпагамских островах, откуда можно с легкостью вернуться назад в герцогство.

— Ты говоришь на саонесском? — спросила Никис. Это был причудливый диалект дартакийского. Последним она приемлемо владела.

— О да, это фактически мой родной язык. Юральд — саонесская фамилия. А еще была Просвещенная Амберейн, одна из прежних седоков Дез. Старший стюард принял меня за соотечественника-эмигранта. Я не стал его разубеждать. Еще успеется. В любом случае, у них есть несколько кают для независимых торговцев,

перевозящих грузы. Свободна была только одна, но я ее снял. По крайней мере, там больше места, чем в экипаже. Быть может, еще одна освободится в дороге. Они уходят с утренним отливом.

— Мы должны отправиться туда прямо сейчас? — спросила Идрена, готовая схватить вещи.

Пен покачал головой.

— Таможня закрывается на закате. Мы должны сесть на борт утром.

Боша побарабанил бледными пальцами по бедру.

— Возможно, все предприятие окажется на волоске.

— Да. — Пен прикусил губу. — Но это рутинная процедура для пассажиров.

— М-м, — откликнулся Боша.

Судя по всему, у них не было выбора, кроме как смириться с этой задержкой. Никис сомневалась, что сможет уснуть.

Пен снял еще одну комнату на другой стороне коридора для мужчин, но Икос задержался у Идрены и Никис. Он еще две недели назад должен был прибыть на место новой стройки, хотя и утверждал, что его бригада вполне может начать геодезические работы самостоятельно. Завтра они попрощаются наедине; он собирался вместе

с Боша издалека следить за их отплытием.

Они тихо беседовали, пока Икос не начал клевать носом, и мать отправила его в постель, поцеловав, как не целовала с той поры, когда ему было четыре года. Похоже, обоим понравилось. Никис часто казалось, что отношения старшего брата с матерью были намного проще ее собственных по причине долгого перерыва, но она не могла на это обижаться.

XVII

Вслед за своими спутниками Пен на рассвете вошел в комнату дам, чтобы позавтракать и дать Боша внести завершающие штрихи в их документы. Паковать было нечего, но Никис достала из медицинского саквояжа Пена его храмовые косы и с сомнением оглядела.

— Сотрудники таможни могут обыскать наш багаж. Есть ли способ спрятать их получше, Пен?

Пен со вздохом взял у нее косы.

— Думаю, лучше их оставить. Я найду замену, когда мы вернемся домой. — И когда он начал считать Орбас домом? — Сейчас важнее скрыть, что я храмовый чародей, а не продемонстрировать это.

Ровный уголок рта Боша скривился.

— Дайте на секунду. — Немного неохотно Пен отдал ему косы, и Боша изучил удерживавший петли узел. Несколько движений ловких бледных пальцев — и шнур развязался. — Пожалуйста, мадам Катай, сядьте сюда. — Он показал на табурет.

Кинув на него любопытный взгляд, Никис подчинилась. Боша достал из ее чемодана щетку

для волос и приступил к работе. Идрена подошла ближе, чтобы посмотреть. За несколько минут он соорудил из ее волос высокую прическу, в которой модно поблескивал шнур, удерживавший черные кудри.

— Очаровательно! — воскликнула Идрена.

Пен был вынужден с ней согласиться.

Никис улыбнулась, нерешительно тронув волосы. Прическа держалась.

— Очень хитроумно, мастер Боша. Благодарю вас!

— Прошу вас, мадам Катай, поддержите генерала Арисайдью на его пути к руке леди Танар.

— Значит, вы одобряете его кандидатуру? — Улыбка Никис не дрогнула, но Пен подумал, что она внимательно прислушивается к ответу, подмечая каждый нюанс. Потому что нюансы будут. А мнение секретаря леди Танар в этом вопросе значило намного больше, чем казалось.

— Вокруг нее крутятся намного менее приятные типы. — Он потер шею под белой косой. — Знаете, в последнее время она увлеклась тем, что поднимается на крышу, чтобы изучить навигацию по звездам. Один из капитанов госпожи Ксарре дает ей уроки, когда заезжает с докладами. Если она не выйдет замуж за вашего брата или подобного ему

мужчину и не начнет тратить свою колоссальную энергию на детей, боюсь, она попросится в офицеры на один из кораблей госпожи Ксарре. А если ей откажут, сбежит и станет королевой пиратов.

Возможно, это была шутка, подумал Пен. Возможно. С Боша было трудно сказать. Или с Танар.

На щеках Никис появились ямочки.

— У пиратских королев бывают секретари?

— Боюсь узнавать. — Его улыбка померкла. — Хотя роды — единственное, от чего даже я не смогу ее защитить. Быть может, морские просторы лучше.

— Мы никого не можем защитить от жизни, мастер Боша, — мягко произнесла Идрена. — Как бы ни хотели. — Она посмотрела на своих детей.

Его губы растянулись в ухмылке, которую Пен едва ли назвал бы веселой.

— Я могу попытаться.

А потом пришло время прощаться, со слезами, когда Идрена и Никис обняли смущенного, но довольного Икоса. Пен подавил зависть. В конце концов, ему выпало защищать женщин.

Если я смогу. Он взял багаж и поплелся за ними вниз по лестнице.

* * *

Этим утром синее седонийское небо подернулось туманной дымкой, отметил Пен, пока они шагали в гавань. Если это предвещало перемену погоды, подумал он, глядя вверх, она не успеет испортиться, чтобы помешать отплытию.

Крики белых чаек заглушали шум людей и механизмов на двух пирсах, где готовили к выходу в море корабли. Ящики с товарами, разгруженные прошлой ночью, громоздились на берегу в ожидании носильщиков, которые доставят их к месту назначения. Команда мужчин разгружала подъехавшую телегу, вытаскивая из соломы длинные керамические фляги с вином и отвозя на пристань. Другая команда складывала в тачку медные слитки, покрытые характерной зеленой патиной и рыжими царапинами. Икос наблюдал за всем этим с серьезным профессиональным интересом; они вместе с облаченным в шляпу Боша отошли в сторону и задержались у низкой стены, изображая зевак и притворяясь, будто наслаждаются морским видом.

— Я проделал такой путь, но так и не повидал великий Тасалон, — сокрушенно произнес Пен.

— Поскольку, скорее всего, мы бы увидели его

из имперской тюрьмы, лучше об этом не жалеть, — заметила Идрена.

— Верно, — вздохнул Пен.

Они приблизились к зданию таможни. Идрена стиснула пачку документов. Никис подняла подбородок и сделала глубокий вдох.

Сзади раздался цокот копыт. Пен обернулся — и замер.

Человек в форме имперского курьера спрыгнул с взмыленной лошади и привязал ее поводья к столбу, оглядывая пристани и корабли внимательными блестящими глазами. Повернувшись к переметным сумам, он достал кожаную полевую сумку. И целеустремленно зашагал к таможне.

— Улыбайтесь, не паникуйте и подыграйте мне, — пробормотал сквозь зубы Пен, обращаясь к Никис и Идрене, которые тоже повернулись взглянуть, что его отвлекло, и оцепенели. — Я с этим разберусь.

Никис стиснула руку Идрены. Предостерегая? Подбадривая?

Это дорого нам обойдется, предупредила Дез, полностью сосредоточенная. Не пытаясь его отговорить.

Провал обойдется еще дороже, мрачно подумал в ответ Пен.

Верно.

Взгляд, Дез.

Пен поставил на землю багаж и пошел наперерез курьеру, растянув губы в улыбке. Странное, притягательное цветное изображение внутренней духовной сущности, скрытое материальной формой, вспыхнуло перед его мысленным взглядом.

— Эй, **офицер**! — позвал он, и его голос завибрировал заклинательными нотами. Они коснулись человека, словно усики, едва зацепившись за крепкое чувство долга.

Голова курьера дернулась к Пену, и он нахмурился, но остановился.

— Доброе утро, — продолжил Пен. — Вы прибыли из Гуры?

Он почувствовал, как внутри курьера закружился утвердительный ответ, хотя вслух тот сердито проворчал:

— А вам какое дело?

— Я думаю, **вы хотите показать мне эту бумагу**, — промурлыкал Пен, протягивая руку, словно это было самым естественным поступком в мире. Курьер тряхнул головой, точно отгоняя насекомое, но медленно открыл сумку. — **Вы должны вручить эту бумагу мне.**

Курьер достал документ, криво отдал честь и вручил бумагу Пену. Тот взял ее и, торопливо проглядев нечто вроде стандартной седонийской бюрократической преамбулы — Боша бы знал, — добрался до важного параграфа: описания Идрены почти теми же словами, которые использовал прошлым днем моряк. Очевидно, это был официальный ордер на арест для таможенных инспекторов.

Пен кинул его за спину и поджег. Не успев долететь до мостовой, он рассыпался облачком пепла.

– **Вы доставили свое срочное донесение таможенному офицеру**, — продолжил Пен, как можно глубже вгоняя в жертву слова и гейс убеждения. Усики, словно крючья, словно сосущие рты, впились в дух курьера, и Пен поморщился. Иногда гейсы напоминали мерзких живых существ, которые высасывали из жертвы жизнь, поддерживая собственное существование. Настоящий шаман мог наложить гейс, который длился неделями. Пен надеялся на день. — **Вы исполнили свой долг. А теперь вам нужно позаботиться о своей верной лошади.** — Гейс лучше всего работал в сочетании с естественными желаниями мишени. — **А потом выпить бутылку вина.**

Вы это заслужили. Вы доставили сообщение в Акилаксио, как и было приказано. — Пен отдал честь, подражая седонийским военным, и курьер со слегка остекленевшим взглядом ответил ему тем же.

Моргая, офицер повернулся к лошади, отвязал ее и повел прочь. К тому моменту как он достиг улицы, его шаг вновь стал уверенным. Он не оглянулся. Возможно, у него были другие экземпляры ордера, которые требовалось доставить в другие порты вдоль берега, но их наличие Пена не заботило.

По-прежнему сидевшие на стене и смотревшие на все это Боша и Икос встревоженно повернули головы вслед офицеру. Не глядя на них, Пен махнул рукой, желая сказать: *все в порядке, успокойтесь*. Он надеялся, что они его поняли.

На самом деле, все было отнюдь не в порядке. Воздействие на память означало вмешательство не только в свободу воли, но и в саму сущность человеческой души, а значит, граничило со святотатством. *Хорошие намерения* и даже *хорошие результаты* были приемлемым теологическим оправданием лишь до определенной степени. Пен мог только надеяться, что не перешел границы. Он не сказал: «Только молиться», — потому

что давно решил не тревожить богов вопросами, ответы на которые не хотел слышать.

У него из носа потекла кровь. Пен всосал ее в горло.

— Теперь мне нужно на несколько минут скрыться из виду, — сказал он женщинам. — Быстро.

Никис, видевшая его со священными собаками, сразу поняла, в чем дело. Она выпустила ладонь Идрены и, схватив Пена за руку, поволокла его назад, к штабелям ящиков. Струйка превратилась в бурный поток, и Пен начал давиться, задыхаться и снова давиться. У него ужасно слезились глаза. Прикрыв рукой рот, он начал кашлять кровью. Та оставила яркие полосы на его ладони. Добравшись до укрытия, он рухнул на колени, потом опустился на четвереньки, влажно кашляя. Алые брызги летели на камни.

Кровь не останавливалась. Пытаясь втянуть воздух между спазмами, Пен подумал, уж не захлебнется ли по-настоящему. Вот новая угроза в его списке…

— Слезы Матери, Пен! — ахнула Никис, держа его трясущиеся плечи. — Это намного хуже, чем раньше.

И потрясенный голос Идрены:

— Он что, *умирает*?

Должно быть, со стороны это выглядело так, будто он выкашливает собственные легкие по кусочкам. Что, конечно же, звучало намного драматичнее, чем *носовое кровотечение*. Захрипев, Пен покачал головой.

— Мерзкая магия, — выдавил он. — Дорого обходится. Дез ее ненавидит.

Шаманская магия трудно давалась демону хаоса, и Пен подозревал, что его тело платило высокую цену за них всех. Словно хаос и кровь были деньгами двух разных государств, и ростовщик брал грабительскую комиссию за обмен.

Мне что-нибудь сделать? — встревоженно спросила Дез. *Поблизости есть портовые крысы…*

Не надо. Попытка отменить или отсрочить платеж за шаманскую магию при помощи восходящего исцеления впоследствии даст неприятные побочные эффекты. Конечно, это было лучше смерти, но еще лучше — сразу выплатить долг. Это просто выглядело пугающе.

Он оглядел лужу крови, разбрызганной по земле у него под носом. Ладно, это *было* пугающим. Но отчаянный кашель пошел на убыль, легкие перестали пульсировать, а из зудящего

носа падали лишь отдельные капли крови, да и те вскоре прекратились. Он позволил Никис обнять его и со слабой улыбкой посмотрел в ее испуганное лицо.

Следовало объяснить ей носовое кровотечение, но ее объятия были такими мягкими…

Симулянт, фыркнула Дез.

Собираешься меня выдать?

Никогда. Он понял, что все будет хорошо, поскольку краткий испуг демона сменился насмешкой. *Наслаждайся. В конце концов, я тоже наслаждаюсь.*

Ни мысли об этом, Дез. Ты сбиваешь меня с толку.

Как скажешь.

— Зубы Бастарда, это все его кровь? — произнес голос Икоса совсем рядом с ухом Пена.

— Тебе полагается держаться подальше от нас. — Пен приоткрыл глаза. — Вам обоим. — Боша встал на страже при входе в узкое пространство между ящиками. Пен добавил, обращаясь к Икосу: — Вот что происходит, когда я накладываю гейс на человека, который сопротивляется. Сам видишь, что вчера я ничего не сделал со служительницей Гекат.

— Хм. — Его лицо исчезло.

— Мне проследить за курьером и сделать с ним что-нибудь? — спросил через плечо Боша равнодушным голосом.

Он что, предлагал его убить? *Ну надо же, так и есть!* — воскликнула Дез. *Какой полезный человек.* Пен поспешно объяснил, что его гейс не требовал дополнительного вмешательства, и Боша, поразмыслив, согласился.

Икос вернулся со свертком, который оказался его рубашкой, смоченной морской водой, и молча вручил ее Пену.

— Я ужасно выгляжу?

Никис кивнула, не выпуская его.

— Тогда мне лучше привести себя в порядок. Я не хочу, чтобы меня не пустили на борт, испугавшись, что я чем-то болен. Вдобавок к тому, что я чародей.

Решив, что, поскольку рубашка принадлежала Икосу, хуже он уже не сделает, Пен вытер кровь с лица и рук — ему удалось почти не забрызгать тунику, — а потом позволил Никис завершить работу.

Один отдает тебе последнюю рубашку, а другой предлагает помочь закопать тела, задумчиво сказала Дез. *Полагаю, ты завел новых друзей, Пен!*

Тише, подумал в ответ Пен. Но он тоже так полагал. Или это был шурин и… осознала ли Идрена, что скоро в их семье появится евнух?

Думаю, осознает, сказала Дез. *Она кажется такой же догадливой, как и Никис.*

Ухмыльнувшись, Пен позволил Икосу и Никис помочь ему встать на ноги. Отдышался, и серая дурнота отступила.

Когда Пен собрался с силами, трое будущих пассажиров корабля продолжили прерванный путь к таможне, оставив Икоса и Боша опасливо шнырять среди ящиков. Пен позволил Идрене, которая сегодня утром была самоуверенной офицерской вдовой, пусть и другого, вымышленного военного, вручить их бумаги клерку. Все трое с наигранным равнодушием смотрели, как содержимое их багажа выкладывают на стол, но вскоре стало ясно, что у скромной компании нет никакой контрабанды. Клерк заинтересовался медицинским саквояжем Пена, хотя и не по официальным причинам, но удовлетворился ответом, что тот начинающий студент, который постигает целительское искусство.

Затем пришло время пересечь пристань, подойти к сходням саонесского корабля и подняться по ним под присмотром моряков, готовых к от-

плытию. Пен с одобрением оглядел три крепких мачты. Этот корабль был даже крупнее того, на котором он прибыл в Патос из Лоди меньше четырех месяцев назад. Казалось, прошли годы. Это было второе морское путешествие Пена. Изменит ли оно его жизнь так же круто, как первое?

XVIII

Вдоль поручня на корме большого торгового судна шла скамья. Сложив свой скудный багаж в каюту, они вышли и сели на нее, чтобы посмотреть, как матросы выводят корабль из гавани. Никис глядела на отступающий берег. Идрена тоже. Их руки встретились, словно желая убедиться, что хотя бы эта часть жизни осталась с ними. Пен запрокинул голову и смотрел в широкое небо. Далекие фигуры, как бы внимательно за ними ни следили, стали неразличимыми, потом город превратился в пятно на залитом солнцем берегу, а потом и берег скрылся за горизонтом. Они выбрались.

Никис казалось, будто все ее тело связывали проволочные путы — и одна за другой они лопались, пока не лопнули все. Она сделала глубокий вдох, встряхнула руками, почувствовала, как быстрее побежала по жилам кровь. Вытянула шею. Выдохнула.

— Пенрик… — Нет, это было неправильно. — Дездемона. Могу я с тобой поговорить?

— М-м? — Пен повернул голову. — Конечно. В любое время.

Она встала.

— Пойдем в каюту.

Пен последовал за ней, любезно, пусть и озадаченно.

Идрена прикрыла рот рукой, пряча улыбку.

— Не торопитесь. С меня хватит крошечных каморок. Пока мы будем плыть, я собираюсь сидеть здесь как можно чаще.

Никис закатила глаза, но ответила:

— Спасибо, мама. — Совершенно искренне.

Каюта действительно была крошечной и вмещала две встроенные в переборки койки, которые разделял узкий проход. В конце имелось маленькое квадратное окно, сейчас распахнутое. Через него было видно уходившее назад море, потревоженное кораблем. Воздух был приятным и свежим.

Никис жестом попросила Пена сесть на одну койку, а сама села на другую, лицом к нему. Из-за длинных ног Пена их колени почти соприкасались.

Никис не знала, с чего начать, однако знала, что начать нужно. Чувствуя себя так, будто бросается в мутную, но глубокую воду, она сказала:

— Дездемона, ты когда-нибудь была замужем?

Она не знала, благодаря кому голова Пена отки-

нулась назад, а брови взлетели вверх, но увидела едва заметные перемены в выражении лица, когда вперед вышел демон.

— Насколько я понимаю, ты хочешь знать, была ли замужем какая-либо из моих чародеек?

— Да, это. Когда ты была с ними. Я знаю, что некоторые овдовели…

Пен поднял пальцы и принялся считать. Или Дез подняла пальцы Пена.

— Из десяти пятеро ни разу не были замужем. Шугана, Рогаска, конечно же, Мира, Умелан и Ручия. Вазия и Аулия овдовели прежде, чем получили меня, и больше замуж не вышли. Литикон… что ж, тогда я была совсем юным демоном. Без наставлений Храма это казалось скорее безумием, чем силой. Ее муж испугался и сбежал. Поэтому она отправилась в Патос и окончила свои дни служанкой Вазии. Которая была первой, кто приобрел меня целенаправленно, пусть и без должного обучения. Аулия из Браджара стала моей первой обученной храмовой святой, и какая огромная это оказалась разница, но она была уже пожилой вдовой с очень твердым характером. Вот почему после ее смерти меня передали великой целительнице Амберейн из Саона. Та была замужем, хотя, разумеется, уже вышла из дето-

родного возраста, но ее муж, прекрасный человек, привык к своевольным женщинам. Прежде я и не догадывалась, что чародей может вести такую прекрасную интимную жизнь. Хелвия оказалась из того же теста. Ручия… была Ручией, моим любимейшим седоком, пока я не встретила Пена. Она первая относилась ко мне как к партнеру и личности, пусть и безымянной. Сорок лет с ней весьма меня избаловали, и на меньшее я была уже не согласна. — Руки Пена опустились, и он сжал их коленями. Поднял глаза. — Шесть из десяти родили детей, до меня. И, разумеется, ни одна после.

— Почему «разумеется»? Это имеет какое-то отношение к хаосу?

Пен — да, теперь это был Пен — прочистил горло.

— Да. У зачавших чародеек случаются ранние выкидыши. Если только они не обладают обширными знаниями и умениями. Амберейн или Хелвия определенно могли выносить ребенка, но у них уже были семьи. Или Ручия, но она предпочла этого не делать. Насколько я понял, это имело какое-то сложное эмоциональное отношение к тому, что она сама была подкидышем в приюте Бастарда.

Никис поджала губы.

— А как насчет чародеев?

— Э-э… тут я мало что знаю. Точнее, не так. Я слышал про чародеев, которым удавалось жениться и завести семью. — И неохотно добавил: — Однако чаще это холостяки или вдовцы. Или те, кого бросили жены, потому что жить с чародеем — все равно что жить с безумцем. — Он печально улыбнулся, словно приглашая ее возразить, и опечалился еще сильнее, когда она только кивнула. — *Я сам* никогда не был женат, — подчеркнул он. — Хотя пытаюсь это исправить.

Его губы растянулись, и Дез произнесла:

— Чувствуешь себя обделенным вниманием, дружок?

— А кто бы не чувствовал? Глядя на… — Проникновенный жест в сторону Никис и нежная улыбка.

Никис не поддалась. С трудом. Она попыталась вспомнить все пункты своего списка.

— Я не хочу переезжать в Адрию.

Пен выпрямился.

— Я могу перевестись в Орбас, при помощи герцога. Точнее, если герцог нажмет на своего архисвятого. Даже храмовая иерархия должна подчиняться святому таинству брака… в

большинстве случаев. — И секунду спустя добавил: — А если нет, что ж, я в Орбасе, они в Адрии, и что они могут сделать? Хотя я бы предпочел иметь возможность однажды вернуться туда, если возникнет необходимость. — И он кивнул, словно этот вопрос решился. Возможно, так и было. Хотя, будучи Пеном, он добавил еще секунду спустя: — Мне бы все равно хотелось как-нибудь свозить тебя в Адрию. Когда она не воюет с Седонией, но ведь ты больше не будешь седонийкой, верно? Это действительно очень интересное государство.

Никис поморщилась.

— Я бы никогда не уехала из Седонии, если бы Седония не предала Аделиса. Обратного пути нет.

— Иногда такое случается, — вздохнул Пен. — Даже без предательства.

Скучал ли он по белым пикам своих далеких кантонов? Хотя Никис была убеждена, что Орден Матери в Мартенсбридже тоже предал Пена, причем первым, едва не убив чародея злоупотреблением его целительскими талантами. И Пен об этом знал, иначе не сбежал бы из своего любимого дома.

Никис с трудом вернулась к своим пунктам.

— Я хочу дом. — И добавила: — Когда-нибудь. Я понимаю, что прямо сейчас это вряд ли возможно.

— Я тоже хочу.

— О. … Хм.

— Последние десять лет я ютился в чужих дворцах не по собственному выбору. Так было проще. Удобнее для работы.

Она полагала, что это правда.

— Я думаю, что ты в основном живешь в своей голове. И не важно, где при этом находится твое тело.

— Значит, дом вполне подойдет. — Снова эта сводящая с ума улыбка.

Она сглотнула.

— Дети…

— Они тоже. — Он кивнул. — Они будут прилагаться к дому. Как кошка.

— Что?

— Это был Пен, а не я, — вставила Дез. — Я тоже не знаю, о чем он думает. *Нет, знаешь.*

Глубоко вдохнув, Никис высказала свой самый ужасный страх. Без обиняков, потому что время пришло.

— Возможно, я бесплодна. У нас с Кимисом не было детей.

Она не желала добавлять: «Хотя мы пытались», — и решила, что это подразумевается. Никогда прежде она не встречала человека вроде Пена, который мог перекидывать ее, как монетку, от застенчивости к раздражению и обратно.

— На то может быть множество различных причин. — Он оглядел ее с головы до ног. И почему ей показалось, будто эти голубые глаза только что разрезали ее? *Чародеи. Б-р-р.* — По крайней мере, я не вижу в тебе ничего откровенно неправильного. — *И этого достаточно?* Его глаза сверкнули. — Могут потребоваться эксперименты, чтобы убедиться наверняка. Готов помочь тебе с этим.

Почему он говорил точь-в-точь как Дрема? Если бы Никис сидела рядом с ним, то ударила бы его. Наверное, следует пересесть, чтобы иметь такую возможность.

Она потерла лоб.

— Если я выйду замуж за Пена, он будет моим мужем. Но кем будешь ты, Дездемона? Ты личность. Не мой муж. И не моя жена. Моя… старшая сестра? — Эта новая мысль странным образом согревала.

— Для тебя, дорогая, я могу быть тем, кем ты пожелаешь, — ответил демон с впечатляющей

уверенностью.

— И даже помалкивать в постели? — не сдержалась Никис.

— Да, пожалуйста, — горячо добавил Пен.

Дез ухмыльнулась.

— Да. Хотя предсказываю, что со временем вам это не понадобится.

— Надо полагать, — вздохнула Никис. С учетом всего того, к чему она уже привыкла. В конечном итоге он просто станет Пеном. Или *Пеном!* (Или, иногда, *Дез!*) Он уже почти стал. — Супруги притираются друг к другу, если дать им время.

Время. Оно не ждет человеческих желаний, или горестей, или планов. Или тщательно составленных списков. Возможно, она уже прожила почти половину своей жизни. Давно пора приступить к следующей половине.

— Выйди замуж за чародея, моя дорогая, — попросила Дез, — и избавь меня от его страданий. Он будет этому рад. А если он будет счастлив, то я тоже смогу быть счастлива. И ты сможешь.

Именно так оно и работало. Счастье, которым делились без остановки. Нельзя было просто копить его, будто скряга. Это было все равно что пытаться сохранить дыхание на потом.

Никис подняла глаза и твердо сказала:

— Ты не будешь брить голову.

— Даже не думал, — тут же ответил Пен. — Хотя… не могу обещать, что не полысею к старости. Дез, ты можешь что-нибудь с этим сделать?

— Я никогда не пробовала. У моих прежних седоков не возникало такой проблемы.

— К тому времени как ты полысеешь, я, конечно же, стану толстой и морщинистой, — сказала Никис.

— И желанной. Как зимнее яблоко.

— Скорее брюзгливой.

— Желанно брюзгливой.

— Оптимист.

— Думаю, люди должны быть оптимистами, чтобы делать это.

Он скользнул к ней. Очень в его духе, если не следить за ним.

Не то чтобы ей было трудно следить за этим мужским изяществом. Что она подумала, впервые увидев его в саду в Патосе? *Дух.* Теперь он казался ей очень человеческим, из плоти, крови и длинных-предлинных костей. Ошибок и чудес, неловкостей и глубинной грации, печалей и радостей. Прекрасные руки, чувствительные, с тонкими пальцами, умеющие делать так много. Только безмозглая дурочка могла упустить такие

руки.

— До дома еще далеко, — заметила она. Ее слабые возражения были делом простой привычки, потому что она падала, падала к нему.

— А может, дом прямо здесь, только руку протяни, — сказал он. Вышеозначенная рука обхватила ее и крепко обняла. Словно вытягивая на берег.

В ответ она потянулась к нему.

Сироты из Распэя

Раздался тошнотворный хруст. Пенрик упал со

своей крошечной койки на пол такой же тесной каюты, очнувшись от глубокого сна и лихорадочно пытаясь понять, что происходит в реальности. Его окружала непроглядная темнота, и он инстинктивно призвал на помощь ночное зрение своего демона Дездемоны, хотя смотреть в этой тесноте было не на что. Все, что могло двигаться, было привязано еще вчера, когда корабль боролся с внезапной бурей, которая унесла их… Пенрик надеялся, что команда знает, куда именно, потому что сам он не имел никакого представления.

Ужасные рывки и стоны корабельных балок утихли, и это объясняло, как ему удалось уснуть, несмотря на тошноту и тревогу. Но не объясняло доносившиеся снаружи крики и вопли, испуганные, а не деловитые, каких следовало бы ожидать от команды, пытавшейся провести корабль сквозь бурю. Неужели они наскочили на скалы?

Дез, что там происходит?

Ее ответ был коротким: *Пираты.*

Посреди ночи?.. Как два корабля смогли *встретиться* в такой темноте?

Уже утро, ответила она. *А кроме того, думаю, нам просто не повезло.*

Пираты были известной угрозой вдоль всех побережий и островов, но чаще орудовали на

севере, чем на юге, где следовало находиться кораблю Пенрика, всего в паре дней пути от Вилнока и дома. Проклятье, он хотел оказаться *там*. А не разбираться с *этим*.

Он был храмовым чародеем, обладателем самого могущественного демона хаоса из всех, что были ему известны. Задолго до того как ступить на борт этого скромного грузового судна в Тригони, Пенрик придумал множество хитрых магических способов защититься от подобных нападений, достаточно ловких, чтобы не раскрыть род своих занятий и свое призвание экипажам обоих судов. Теперь он понял, что всегда воображал, будто пираты нападут среди бела дня, в спокойном море, и у него будет возможность заранее узнать о *приближении* мерзавцев.

Чародеи и демоны хаоса, дававшие им силу, считались на корабле дурным знаком, и многие капитаны отказывались брать их на борт. Хотя Пенрик по сути был тихим храмовым ученым, когда его путь лежал через море, он обычно путешествовал инкогнито. Он полагал, что пираты вообще не станут с ним церемониться, а отправят прямо в бурные волны.

О да, мрачно согласилась Дез. Которая благодаря своему двухсотлетнему опыту была знакома

с рисками не понаслышке. Пен постарался подавить хлынувшие в его разум панические воспоминания одной из ее прежних седоков. Сейчас ему хватало собственной паники.

Причина заключалась в том, что среди криков на адриакском и седонийском он различил рокнарийский. Пен потер онемевшее после сна лицо и поднялся на ноги, прислушиваясь. Моряки не любили чародеев, однако рокнарийские еретики, отрекшиеся от пятого бога, которому служил Пенрик — святой, прошедший обучение в семинарии, — считали всех поклонявшихся Ему святотатцами, которых следовало силой обратить на путь истинный либо изобретательно казнить. Не то чтобы Пен *поклонялся* своему богу; их отношения были более сложными. Он попытался подбодрить себя тем, что едва ли пираты разбираются в теологических тонкостях. С другой стороны, они отличались суеверностью. И если и было на свете что-то помимо чародейства, из-за чего пираты швырнули бы его за борт, предварительно подвергнув или не подвергнув пыткам…

Попытавшись подвергнуть, прорычала Дез.

…то это определенно было служение Пена святым белого бога. О чем откровенно свидетельствовали его вещи: мантия Ордена, храмовые

косы, письма и документы, надежно упакованные в запечатанный сундук, хранившийся под койкой. А также три древних свитка, которые он приобрел в Тригони и еще не имел возможности прочесть, не говоря уже о том, чтобы перевести. Едва ли пираты поймут их ценность. Пенрик содрогнулся.

Повернувшись, он распахнул крошечный лючок в задней стенке располагавшейся на корме каюты, впустив внутрь свет пасмурного дня. Едва ли его плечи протиснулись бы через это отверстие, и ему совершенно не хотелось избавить пиратов от хлопот с убийством, *самостоятельно* прыгнув за борт, но, приложив к лючку свой деревянный сундук, Пенрик подумал, что тот должен пролезть. И все-таки помедлил.

Дез нетерпеливо пустила волну жаркого беспорядка под краем крышки, запечатав ее плотнее. *Он удержится на воде, в отличие от нас.* Избавься *от него.*

На запертую дверь каюты обрушились оглушительные удары молота. Вздрогнув, Пенрик протолкнул сундук наружу. *Господь Бастард, Пятый и Белый, если ты когда-либо любил меня, позволь мне снова отыскать его.* Скорее молитва, чем заклинание. В шуме он не услышал всплеска,

хотя крики на корабле начали затихать.

Кто победил? Ответом на этот вопрос стали свирепые удары. Дверь распахнулась внутрь, и Пенрик, обернувшись, рухнул на колени, отчасти сдаваясь и подчиняясь, отчасти надеясь, что если пират ворвется в каюту с занесенным оружием, то не попадет в цель.

Пен заморгал на тусклом, сером свету, очертившем широкие плечи выломавшего дверь головореза, и напомнил себе, что может видеть лучше нападавшего. Эта мысль тотчас подтвердилась, когда пират изумленно произнес:

— Женщина?

В кои-то веки Пенрик не спешил исправлять эту досадную ошибку, хотя Дез пробормотала: *Едва ли тебе это поможет*. Золотистые волосы, небрежно заплетенные в косу, синие глаза, тонкие черты лица, худощавое телосложение, которое на первый взгляд можно было счесть изящным — его и прежде принимали за женщину. Светлые кожа и волосы, распространенные в горных кантонах, где он родился, были редкостью здесь, в землях Седонии и Адрии, и на Карпагамских островах, окружавших это море. Как бы там ни было, пират не торопился проламывать его светловолосую голову.

Что дало Пенрику время вскинуть руки, убедительно испачканные чернилами, и крикнуть на общем адриакском:

— Я писец! — Подразумевая: *Не причиняйте мне вреда, я ценный! И безвредный!* Если, конечно, пират не опьянел от жестокости настолько, что ему было все равно.

В таком случае Пен приготовился отключить его нервы, сожалея — не в первый раз — о теологическом, нет, божественном запрете на использование магии Дез с целью убийства. Напрямую. Конечно, даже если бы он мог убить всех пиратов, это едва ли помогло бы ему, ведь что бы он делал дальше? Затерянный в море, на корабле, которым не под силу управлять в одиночку ни одному человеку, даже опытному моряку. Однако если ему удастся продержаться до того момента, когда они пристанут к берегу — желательно за пределами Рокнарского архипелага, — это будет другая история.

…Кто бы мог подумать, что он будет *желать* встречи с работорговцами.

Человек с молотом схватил Пенрика за плечи и выволок за дверь на палубу, которая по-прежнему ходила ходуном, хотя волны больше не захлестывали ее. Колени Пена проскребли по дос-

кам, и он порадовался, что лег спать в тунике и штанах, хотя и пожалел, что не обулся. Сумрак каюты сменился свинцовым рассветом, пепельный покров облаков тянулся во все стороны, такой же мрачный, как и гранитные волны. Второй пират выглянул из-за спины товарища, желая посмотреть на улов.

— Нет, мужчина, — разочарованно сказал первый пират. Пен по-прежнему умоляюще тянул руки вверх, надеясь, что это открытие не приведет к тому, что на его голову обрушится молот. — В некотором роде.

— Клянусь яйцами Отца и сиськами Матери, — грубо выругался второй пират. Оба говорили на островном диалекте адриакского, так кто же кричал на рокнарийском? Команда корабля Пенрика в основном говорила на седонийском, и чародей их больше не слышал. — Будь эта тощая задница на десять лет моложе, на ней можно было бы сделать *состояние*.

На двадцать, раздраженно подумал Пен. Не потребовалось особых усилий, чтобы заставить голос убедительно дрожать:

— Пощадите мои руки!

Как и зрение, руки были основным инструментом писца, и ценным. Пенрик не собирался даже

упоминать глаза.

— Ха. Веди себя хорошо, или мы их отрежем, — грозно сказал пират с молотом, подтвердив опасения чародея.

Наклонившись, головорез расстегнул ремень Пена, забрал его поясной нож и сунул себе за пояс, после чего ловко использовал полоску кожи, чтобы болезненно связать запястья Пена за спиной. Пен не слишком жалел о ноже, тонком и остром, больше подходившем для заточки перьев, чем для убийства. Даже оставшись совершенно голым, он все равно будет самым вооруженным человеком на этом судне.

Судах, поправил он себя, наконец-то получив возможность оглядеться.

Пиратский корабль был меньше и легче грузового корабля, с которым он сцепился правым бортом. Одна мачта против двух на грузовом судне, но, возможно, быстрее, поскольку большинство парусов на корабле Пена были спущены из-за шторма, а трюм загружен древесиной и дешевой керамикой. В любом случае, пиратский корабль не был военным гребным судном или нанятым каким-то государством капером. Это был типичный неряшливый универсальный корабль с Карпагамских островов, который годился

для рыболовства и грузоперевозок… а также оппортунистических грабежей и прибыльных похищений. Не надменное пиратское судно из тех, что отнимали ценности у богатых купцов, а потом топили захваченный корабль вместе с пассажирами, чтобы избавить себя от неприятностей. Хотя те корабли были намного лучше защищены. Пен надеялся, что эти пираты окажутся не столь расточительными.

На палубе виднелись свежие пятна крови, но мертвых тел не было. Быть может, их уже обобрали и выкинули за борт? На носу толпились уцелевшие члены команды — большинство, по оценкам Дез и к облегчению Пена; их охраняла более крупная и предположительно злобная группа пиратов.

Однако подсчет не был завершен. Мысленно вздохнув, Пен подумал: *Дез, Взгляд.*

По палубе кружила парочка свежих призраков, по-прежнему возбужденных своей смертью и сохранявших четкие, пусть и бесцветные прижизненные очертания. Пен не мог сказать, на чьей стороне они сражались. Он мысленно приготовился помолиться за них, хотя у него на глазах одного призрака потянуло вверх и прочь, в *Иной мир* — это был бог того человека, Отец, судя по

зимнему холоду, который ощутил Пен, почти ожидая увидеть снежинки в теплом, влажном воздухе. Другой призрак выглядел более потерянным.

Бастард был, среди прочего, богом остатков, последним прибежищем душ, которые отказывались забрать другие боги. Преступников, палачей, сирот, шлюх, незаконнорожденных, чародеев, некоторых художников и музыкантов с их странными привязанностями и, конечно же, пиратов. (В целом Пен предпочитал иметь дело с проститутками, с которыми *отлично* ладил.) С теологической точки зрения святой Бастарда должен был заботиться о них всех. Однако, к счастью, не должен был их *любить*. Просто выполнять свой долг, если никто другой не мог этого сделать.

Существовало две — нет, три причины, по которым мертвый мог быть отлучен от богов. Душа могла отказаться слиться с богом из-за страха, ненависти или отчаяния. В редких случаях душа была столь прогнившей и греховной, что даже Бастард отказывался ее принять. Или она могла заблудиться в том преддверье, что отделяло жизнь от жизни после смерти: могла слишком пристально смотреть назад, вместо того чтобы

смотреть вперед, растерянная, запутавшаяся либо попавшая в ловушку из-за неких сверхъестественных сил. Пенрику довелось распутать несколько таких незабываемых случаев.

В этом мечущемся призраке не было ничего выдающегося. Судя по всему, это был кривоногий юнец лет двадцати, облаченный в воспоминания об одежде, в которой умер: моряцкие штаны и тунику, что могли принадлежать любой команде. Здесь его держали растерянность и отчаяние, по экспертному мнению Пена.

Пен уже стоял на коленях, хотя его связанные за спиной руки не могли исполнить божественное знамение. Однако он мог постучать пальцами по большому пальцу — и так и сделал, мысленно назвав божество для каждого пальца. Он не осмеливался произносить молитвы вслух, чтобы не выдать свое призвание пиратам. Но подобные церемонии были в основном для скорбящих. Мысленная речь годилась для богов. И покойников.

Призрак подплыл ближе, когда Пенрик начал мысленно произносить слова, двигая языком за сомкнутыми губами. Скорее разогреваясь, пока не сможет понять, кем являлся этот бедняга. Парень изумленно уставился на него. Пен переключился с адриакского на седонийский и начал сначала.

Тот же результат. Призрак сосредоточился на нем, осознав, что Пен был единственным, кто мог его *видеть*. Но не слышать: бестелесный рот не издавал звуков. Однако движения губ стали подсказкой.

Пен переключился на рокнарийский. Его произношение было слегка архаичным, как сообщила ему Дез, пусть и понятным для тех, кто изъяснялся на высшем или низшем диалекте этого языка. *Ага. Он из рокнарийских квадренцев.* Отвергнутый Отцом зимы и Сыном осени, предпочтительными и ожидаемыми богами, а значит, вероятно, один их пиратов. *Кто ты?* кричали широко распахнутые глаза юноши, глядя на странную духовную ауру светловолосого незнакомца, носившего в себе демона. Который, насколько знал Пен, в случае Дез производил впечатление.

— Если ты выбрал свою четырехугольную веру, следовало выбрать другую работу, — прошептал вслух Пен, удивив самого себя. — Или наоборот. Теперь слишком поздно. Белый бог ждет тебя — пусть и ненадолго.

Пен чувствовал, хотя не видел — никогда не видел — огромное Присутствие где-то на той стороне воздуха. Дез тоже, потому что она отступила поглубже, бормоча: *Я бы предпочла, чтобы ты*

хотя бы не приманивал *Их.*

Это не я, Дез. Смерть могла открыть дверь богам, как не могло ничто иное — за исключением угодников, полагал Пен, а он к ним определенно не относился. Боги же, в свою очередь, были единственной силой, способной уничтожить демонов хаоса, обосновавшихся в живом существе. Этим и объяснялся страх Дез.

Иногда, Дез, мне действительно приходится делать работу, которую я поклялся делать. Хотя и не для Храма.

Да, да… проворчала она, но — доблестно, по мнению Пена — оставила ему доступ к своим силам под напором этого божественного шторма. За тринадцать лет, что он ее знал, она мастерски освоила этот фокус. Благодаря уверенности в том, что он ее защитит?

— Все будет хорошо, — сказал Пен юноше, не имея на то никаких оснований. Он не знал, было ли умение пристально смотреть на человека, пока тот не поверит тебе, талантом святых или лицемеров — и была ли разница. Идея заключалась в том, что человек, всю свою недолгую жизнь позволявший другим говорить ему, что думать, мог нуждаться в разрешении даже после смерти. А у этого юноши больше не будет шанса дорасти

до своих богов. — Все будет отлично. Пять богов благословляют тебя на твоем пути.

Правда? — безмолвно спросил растерянный юноша.

— Да, — ответил Пен. — И пусть лишь один из Них протянул тебе Свою руку, я обещаю, что Его хватка крепка, и он не уронит тебя в воображаемую преисподнюю.

А вот в странность — может. Пен повидал достаточно свидетельств странности мира по ту сторону реальности. Один из наставников в семинарии утверждал, что человек не может представить его себе, как не может младенец в утробе матери представить жизнь в мире, которая ждет его после родовых испытаний. Пен до сих пор время от времени с опаской вспоминал эти слова.

Он предпочел бы потратить год на то, чтобы наставить юношу, чтобы обезвредить внедренную квадренцами ложь, которая не давала тому выбрать своего неизбранного бога, однако года у них не было. И все же…очевидно, неуклюжих слов и поступков Пена оказалось достаточно, чтобы момент принятия наступил, потому что призрак и Присутствие внезапно исчезли.

И никакая божественная рука не погладила его

по голове. Эта работа была не для святого. Пен не служил проводником бога — он просто не мог им служить. В нем уже обитала сущность. Однако он вполне мог убедить человека от лица бога. Со вздохом облегчения Пен отпустил Взгляд.

Отдых был недолгим. Он слишком отвлекся от материального мира. Очевидно, решив, что пленник истерически что-то бормочет, человек с молотом ударил его по лицу, к счастью, открытой ладонью, а не оружием — которое при тусклом свете дня оказалось старым, ржавым седонийским боевым молотом, рассеянно отметил Пен. Затем пират схватил его за шиворот и потащил по палубе. Пен не сопротивлялся, пытаясь вновь сориентироваться.

— Что там у тебя? — спросил очередной хриплый голос.

— Белый кролик. — Пират с жестокой радостью встряхнул Пена. — Говорит, он писец. Чтобы ты с ним сделал?

— Может, это приз. Или красотка. Брось его в маленькую клетку к девицам.

— Это безопасно?

Толстая рука проверила петлю на запястьях Пена, вывернув его руки так, как им не полагалось сгибаться. Пен взвизгнул, отнюдь не притворно.

— Что он может сделать со связанными за спиной руками? Мы потом с ним разберемся.

Безопасно для кого? — подумал Пен, когда пираты перекинули его через поручень на палубу другого корабля. Он успел заметить мачту и гик, рангоут и швартовы; потом тяжелую деревянную решетку в палубе подняли, и его затолкнули в темную квадратную дыру. К счастью, ногами вперед.

Он упал с высоты, чуть превышавшей его рост, но без рук, которые помогали сохранить равновесие, приземлился неудачно, сначала завалившись на бок и врезавшись в переборку, а потом рухнув на пол. Мгновение Пен лежал, пытаясь восстановить дыхание. Решетку вернули на место, и он видел над головой черное плетение с серыми квадратами. Темнота пахла старой древесиной и дегтем, рыбой и прогорклым маслом, старым пролитым вином и свежей мочой и блевотой. Пену доводилось бывать в темницах похуже, хотя это было давно.

Более того, здесь он был не один.

…Точнее, менее один, чем обычно. Стоило ему пожелать видеть в темноте, и включился Взгляд, разогнавший тени. *Спасибо, Дез.*

В любое время. Казалось, ей было так же лю-

бопытно, как и ему; а тревожилась она меньше, теперь, когда их захватчики оказались за пределами радиуса удара молотом и собирающий души бог отбыл.

Пен с кряхтением поднялся и привалился плечом к переборке. В самом дальнем углу — то есть примерно в шести футах от Пена — съежились две фигурки.

О. Дети. Пен начал перемещаться в противоположный угол, потом осознал, что тот служил туалетом, и остался на месте. Повинуясь его мыслям, Дез развязала ремень на запястьях Пена, и тот вернул его на законное место. После чего сел, прислонился спиной к стене, заняв более удобную позицию, вытянул длинные ноги и огляделся.

Две девочки. Десяти и восьми лет? Возможно, сестры, хотя по округлым детским лицам было трудно судить. Их одежда была обычной — туники длиной до икры с окрашенными плетеными поясами, простые, но аккуратно сшитые; короткие куртки и кожаные сандалии. Пен рефлекторно оценил физическое состояние девочек — не смог удержаться, хотя и отказался от профессии целителя. Они страдали от жажды и голода, были напряжены и покрыты синяками — но никаких переломов, порезов и более серьезных

ран. *Могло быть хуже.*

И могло стать хуже.

Пен облизнул собственные пересохшие губы и заговорил мягким голосом. Сначала на адриакском:

— Что ж, привет, девчонки.

Они отпрянули и еще крепче вцепились друг в друга, уставившись на него безумными глазами.

Седонийский.

— Я не причиню вам вреда.

Безрезультатно. Он повторил свое приветствие на дартакийском, затем на ибранском. Девочки содрогнулись. Ладно, еще одна попытка…

— Привет. — И продолжил, используя высокий рокнарийский, где окончания подразумевали общение учителя с учеником: — Меня зовут мастер Пенрик. Мой ранг — писец. Как вас зовут?

Их крепко вцепившиеся друг в друга руки не ослабили хватку, но после паузы старшая девочка сбивчиво ответила:

— Я умею писать. Немного.

Попытка социального взаимодействия? Желание придать себе значимость? В любом случае, отважный ответ заслуживал награды.

— Это очень хорошо.

Не желая отставать, младшая девочка сказала:

— Я умею рисовать.

Сестры, вне всякого сомнения. Губы Пена дрогнули в искренней улыбке.

— И как мне к вам обращаться?

Сглотнув, старшая ответила:

— Меня зовут Ленчия Корва.

— А я Сьюка, — сказала младшая, нахмурилась и добавила: — Корва.

Сьюка — рокнарийское имя, Ленчия — ибранское, а Корва… Корва было чем-то интересным. Произношение девочек о многом говорило: не чистый рокнарийский с Архипелага, а мелодичный диалект рокнарийских княжеств, что венчали огромный полуостров Ибра на северном побережье. Девочки поняли вежливые окончания, которые ставили ранг Пена выше их собственного. Рокнарийский князек обратился бы к писцу как к слуге. Или к рабу, мрачно подумал Пен.

В нараставшем свете дня, лившемся через решетку, Пен различил подстриженные каштановые кудри старшей девочки — и еще более крутые рыжеватые кудри младшей; их непокорные пружинки удерживала на затылке грязная лента. У обеих были светлые глаза, хотя Пен не смог различить цвет. Девочки были худые, но не истощенные, несмотря на голод.

— Тебя тоже поймали пираты? — спросила Ленчия.

— Боюсь, что так. — Пен откинул голову — которая, конечно же, болела — на деревянную переборку. — Из-за шторма я страдал от морской болезни, а потом уснул. Я направлялся в Вилнок в Орбасе.

Он подумал, не успокоить ли их, упомянув жену, которая ждала его там — если повезет, пока не слишком тревожась. *Нет.* Он сохранит в тайне Никис и все прочие свои слабые места. Хотя эти словесные крошки, как будто он подманивал птиц, вроде бы приносили плоды.

— Мы плыли в Лоди, чтобы отыскать папу, — сказала Ленчия. — Но все пошло не так.

— Он *должен был быть* в Агенно, но его там не оказалось, — обиженно добавила Сьюка.

Агенно был крупным портом на побережье Карпагамо, возле границы с Саоном; примерно на середине восьмисотмильного пути, что протянулся с востока на запад между Ибранским полуостровом и Лоди. Эти девочки оказались дальше от места своего рождения, чем Пен — от своего.

Хм, хмыкнула Дез. Сто лет назад «Корва» было ибранским прозвищем для шлюх. Вороньи девоч-

ки. Не очень грубо. Однако это плохо сочетается с папой. Надо полагать, с тех пор прозвище стало фамилией…

— Значит, ваш отец — мастер Корва из Лоди? — спросил Пен.

— Нет, наш отец — мастер Уби Гетаф, — педантично ответила Ленчия. — Он торговец из Загозура.

Который был столицей Ибры и ее главным перевалочным пунктом.

— Таспейг написала ему после смерти мамы, но письмо вернулось с пометкой, что он уехал торговать в Агенно. Тогда Таспейг попыталась отвезти нас туда, но в конторе управляющего ей сказали, что он в Лоди, и дальше она ехать не захотела.

Таспейг было еще одним рокнарийским именем, по крайней мере по происхождению.

— Это ваша родственница?

— Нет, мамина служанка. У нас нет родственников. Мама говорила, это потому, что она была сиротой.

Пен отчетливо почувствовал, как его ноги засасывает в болото, все глубже и глубже.

— Папа снял маме маленький домик в Распэе, — продолжила Сьюка. — Мне там нравилось. Мы спали на крыльце над садом позади дома,

когда было жарко. Но хозяин сказал, что мы не можем жить там одни, без мамы.

Распэй был скромным портовым городком в княжестве Джокона, на западной стороне полуострова. Торговец из Загозура вполне мог сделать его конечной точкой какого-нибудь личного прибрежного торгового пути.

— У вашего отца не было семьи в Загозуре?

Ленчия нахмурилась.

— Была, и еще какая. У него там жена и дети. Он не хотел брать нас с собой, чтобы познакомиться с ними, а мама говорила, что *она* не знает, и нам не следует к нему приставать.

Очевидно, *она* была законной женой. Некоторые жены спокойно относились к внебрачным детям своих мужей. Но таких было меньшинство. И потому, даже если сестер нельзя было назвать круглыми сиротами, они определенно осиротели наполовину, бастарды по ибранским законам, а также по джоконским, если второй брак не был зарегистрирован официально.

И, конечно же, теперь они оказались здесь. Как и он сам. Считалось ли родство теологической угрозой?

— Значит, Джокона, — вздохнул Пен. — Вы квадренцы или квинтарианцы?

Сестры напряглись и встревоженно переглянулись.

— А ты? — после опасливой паузы спросила Ленчия.

— Квинтарианец, — твердо ответил Пен. — В моей стране это обычное дело. — *В странах*, подумал он. За последние годы он забрался далеко от холодных кантонов.

Узкие плечи девочек расслабились.

— Папа — квинтарианец, — сказала Ленчия. — Мама говорила, что мы можем быть квинтарианцами дома, но должны быть квадренцами снаружи. И потому… я не знаю… отчасти?

Пен ощутил новую вспышку ненависти к фанатичным идиотам, которые заставляли бояться даже детей.

Что ж. Обученный святой-чародей казался щедрым даром сестрам по вере в белого бога, здесь, в этой клетке. Хотя, конечно же, любой приличный взрослый человек позаботился бы о беспомощных…

Боги расчетливы, прошептала Дез, насмешливо цитируя самого Пена. Едва уловимое чувство гордости.

Похоже на то. Пен мрачно подумал, что хотел бы хоть один раз *получить* ответ на свои молит-

вы, а не *стать* им.

И куда дальше? Если бы у его бестелесного демона были глаза помимо собственных глаз Пена, они бы весело прищурились.

В Лоди. Очевидно. Он чувствовал, как новая тяжесть ложится ему на плечи, словно тюк на вьючную лошадь. *Как-то.*

* * *

Переборка задрожала от ударов и лязга, затем послышался топот. Крики на адриакском и рокнарийском проникали в трюм через решетку; это были приказы и их подтверждение, а не вопли. Корабль качнулся вбок, очевидно, отцепляясь от грузового судна. Хлопающая парусина натянулась, и корабль накренился в ответ.

Дез, что ты можешь понять? Давно пора более полно оценить ситуацию, в которой оказался Пен, и его ресурсы.

Кажется, пираты разделили команду. Видимо, решили забрать грузовое судно целиком в качестве добычи. Полагаю, теперь они отправятся караваном в порт, где обычно продают пленников и товары.

Какой порт — вот в чем заключался главный вопрос. В военное время солдаты отвезли бы

захваченных пленников домой, чтобы продать за выкуп или обратить в рабство, в зависимости от положения. Но хотя между государствами, окружавшими это море, почти всегда кипели конфликты, Пен не слышал об открытых военных действиях в этом сезоне. Захватившие их пираты действовали из коммерческих соображений и не были профессионалами.

Смесь языков в команде пиратов могла поведать о многом. Говорившие на адриакском жители Карпагамо боролись с рокнарийцами за гегемонию над длинной цепью горных островов, что тянулась на север и загибалась к востоку, оставляя выход в открытое море перед собственно Архипелагом. На ближайших к материку островах прочно обосновалось Карпагамо, хотя иногда Адрия или Дартака заставляли ее потесниться. Острова на конце изгиба обычно были под властью какого-нибудь рокнарийского князя. Острова, что располагались посередине, являлись спорными территориями, которые переходили из рук в руки или становились нейтральной зоной во времена мира. Очевидно, эта пестрая компания моряков была с одного из таких терзаемых буферных островов, и Пен мог лишь пожелать, чтобы квадренцы и квинтарианцы могли объ-

единяться с более благими целями.

Умелан, шестая по счету хозяйка Дездемоны, была жертвой войны: ее похитили с родного острова во время дартакийского военного рейда и продали на юг, в Лоди. Людей с материка рокнарийцы продавали на север, на Архипелаг. В обоих случаях схема укрощения пленников работала одинаково, лишая их семьи, привычного общества, языка и религии, оставляя растерянными в незнакомом, враждебном месте. У них не было выбора, им приходилось сотрудничать с рабовладельцами, пытаясь тяжким трудом заработать на выкуп, или надеяться, что милосердные хозяева подарят им свободу. Умелан получила такой дар по завещанию пятой хозяйки Дез, куртизанки Миры из Лоди. То, что к свободе прилагался демон, не входило в их планы.

Знания Умелан устарели на сотню лет, и обычно Пен предпочитал не углубляться в ее несчастливые воспоминания и не впускать их в свои сновидения, однако как источник информации она превосходила любой свиток. Поместим ее в столбик плюсов.

(Язвительное фырканье, очевидно, от того из двенадцати слоев Дездемоны, что был Умелан. В ответ Пен мысленно отдал ей честь. В конце

концов, она подарила ему свой язык, пусть впоследствии он и отточил владение им благодаря собственным исследованиям.)

В порту буферного острова собирались мелкие торговцы и купцы со всего света, и потому пленников можно было продать как на север, так и на юг. Неизвестно, что было хуже — попасть рабом на галеры или в рудники, но и того и другого следовало всячески избегать. Женщинам-пленницам обычно поручали те же обязанности, что им пришлось бы выполнять дома: они пряли, ткали, работали в саду, убирались, готовили, присматривали за детьми. Рожали детей. Неизвестно, какая судьба ждала этих джоконских девочек, хотя едва ли их держали отдельно и не наносили им увечий исключительно по доброте.

Как бы там ни было, необходимость быстро избавиться от хрупкой добычи, а также разделение команды означало, что островные пираты пойдут прямиком в порт. Пен не надеялся, что еще какая-нибудь стычка изменит положение дел и освободит его.

— Ваш отец — богатый торговец? — спросил он сестер Корва. — Как думаете, он выкупит вас, если ему отправят весточку в Лоди?

При условии, что мастер Гетаф по-прежнему

был в Лоди, среди прочего. Но обещание выкупа, превышающего цену, за которую девочек удалось бы продать в рабство, могло стать их главной защитой. Возможно, это было безопаснее, чем связаться с заплутавшим чародеем в бегах.

Сестры изумленно переглянулись, словно такая мысль не приходила им в голову. Хм.

— Я… наверное, не *очень* богатый, — сказала Ленчия.

— Он привозил нам подарки, — так же неуверенно добавила Сьюка.

И содержал постоянную любовницу, но если у мастера Гетафа не имелось по семье в каждом порту, возможно, эта любовница была единственной. Отложим пока идею выкупа.

Уже пытаешься избавиться от багажа? — прошептала Дез.

Пытаюсь мыслить рационально. Утро выдалось недобрым.

Я могу потопить этот корабль за пять минут.

Я знаю, что ты можешь. Пожалуйста, воздержись, хотя бы пока мы не окажемся на суше. Пен поразмыслил. *Возможно, тогда я разрешу тебе это сделать.*

В качестве подарка? Дез явно развеселила та-

кая возможность устроить хаос.

Ты не моя любовница. К счастью. Пусть Дез и неизменно присутствовала на его брачном ложе, а также на любом другом. Хвала богам за терпеливую, мудрую Никис. Пен пытался не думать о ней, потому что тревога делала его безрассудным и глупым.

Ему хватало других тревог. Пробормотав девочкам через плечо: «Прошу прощения», — он склонился над углом с уборной. Емкость не была герметичной, и жидкость постепенно вытекала. Поэтому качка не расплескала ее по всему полу, но все равно, фу. *Давай сделаем что-нибудь с этой грязью. Что находится внизу?*

…Днище и балласт.

Жаль, что не пиратские гамаки. *Сделай нам слив. Тихо.*

Дез применила немного хаоса, Пенрик — немного порядка или, по крайней мере, цели, и в полу открылась неровная дыра. Памятуя о свидетелях, он облегчился со всей возможной скромностью.

Справившись с этой проблемой, он решил, что следующей задачей станет чистая питьевая вода. Что было несложно, если не считать отсутствия кружки. В таком влажном воздухе он мог пустить воду с пальцев прямо в рот или любую другую

емкость, но это приводило к проблеме сокрытия магии от девочек. Он понятия не имел, какие безумные истории о чародеях они слышали в квадренских землях. Квинтарианцы тоже мало о них знали, но, скорее всего, первой реакцией на его умения станет паника.

На борту есть другие пленники? — спросил он Дез.

Вызывавшее головокружение двойное зрение демонического восприятия включилось, словно было его собственным, и Пен задумался, не наступит ли однажды день, когда он не сможет больше отличить себя от своего демона. Граница между его волей и ее магией уже была невидимой, когда он слишком торопился, чтобы об этом задуматься.

В другом трюме, на корме, находилось еще полдюжины измученных людей, среди которых были раненые. Не с корабля Пена; захваченные члены команды остались на борту своего судна. Экипаж пиратов по численности едва ли превосходил пленников, хотя вначале у них должна была быть толпа головорезов, чтобы одолеть противника. Судя по всему, торговое судно Пена стало их второй жертвой в этой вылазке, и ресурсы пиратов были на пределе.

— Сколько вы здесь провели? — спросил Пен сестер Корва. — На каком корабле вы плыли, и где он был захвачен? Вряд ли на большом.

Лев может завалить огромного быка, но диким псам приходится довольствоваться кроликами, мышами и падалью.

Ленчия покачала головой.

— Таспейг посадила нас в Агенно на большой корабль, который должен был доплыть прямо до Лоди, но ему пришлось встать на якорь в другом порту из-за древоточца. Тогда мы нашли корабль поменьше, который направлялся в нужную сторону и был готов взять нас при условии, что папа заплатит. Вот только другой пассажир заплатил, чтобы его сначала отвезли на какой-то остров на севере, и там на нас напали пираты.

Простое невезение? Или тот богатый на вид пассажир специально выбрал и заманил в ловушку добычу подходящего размера? Если так, сукин сын был хитер. Пен решил, что при возможности разберется с этим позже.

— Капитан сражался, но его убили, — Сьюка содрогнулась, и ее лицо сморщилось, — а остальные очень быстро сдались.

— Это было… шесть дней назад? — неуверенно сказала Ленчия, сглотнув. — А потом случился

шторм. И теперь я не знаю, где мы.

— Ну и приключение у вас выдалось, — заметил Пен, пытаясь говорить дружелюбно, но не спровоцировать поток слез, который угрожали вызвать эти воспоминания.

Ленчия нахмурилась.

— Мне не нравится это приключение.

— Вынужден с тобой согласиться, — криво улыбнулся Пен.

Он потер затылок под косичкой, поднялся и шагнул в растянутые четырехугольники солнечного света, падавшего сквозь решетку. Облака разошлись — или корабль ушел от их покрова. Обе сестры уставились на Пена, приоткрыв губы.

Восточный наклон солнечных лучей в этот час был очевиден; следовательно, корабль шел примерно на север, с поправкой на ветра или течения. Ничего удивительного. Пен попытался крикнуть вверх на общем адриакском:

— Эй! Нам нужна питьевая вода! И пища! — Раз уж он за это взялся. — Эй!

Пен бы предпочел содержимому корабельной бочки очень чистую воду, которую делала Дез, но если вода будет в кружке, он сможет припрятать посуду и впоследствии использовать, чтобы поделиться с сестрами.

Пен поспешно убрал руки за спину, будто они по-прежнему были связаны. Над решеткой возникло лицо. Судя по щетине, оно могло принадлежать как карпагамцу, который недавно подстриг бороду, так и рокнарийцу, который не имел возможности побриться. Загадка не разрешилась, потому что пират только хмыкнул, но чуть позже сквозь решетку упал кусок черствого хлеба, за которым последовала кожаная фляга вместе с привязанной к ней сыромятным ремешком деревянной чашкой. Хвала богам.

Очевидно, это был обычный способ кормить пленников, потому что девочки не испугались, однако Ленчия схватила отскочивший от пола хлеб и испуганно уставилась на Пена, словно боялась, что он его отнимет. Вместо этого, к ее явному ужасу, он поднял флягу с водой.

— Вы можете оставить себе хлеб, — с небрежной улыбкой сказал Пен. — Думаю, я в последний раз ел позже, чем вы.

Едва ли он сможет долго заниматься такой благотворительностью, поскольку Дез черпала ресурсы из его тела, но это позволило задать нужный тон. Держа флягу, Пен сел напротив сестер, отвязал чашку, вытащил пробку и проверил воду на вкус. Мутная и затхлая, как он и ожидал. Фу.

Подняв колени в качестве щита, Пен ловко пустил струйку воды в чашку из воздуха. Сьюка следила за ним, облизывая пересохшие губы. Когда Пен протянул ей первую чашку, ее глаза изумленно расширились. Она жадно проглотила половину, затем помедлила и покосилась на Ленчию.

— Пей, там есть еще, — сказал Пен, и она сразу допила воду.

Он по очереди протягивал чашку сестрам, пока те не перестали возвращать ее обратно пустой. Пен надеялся, девочки не заметят, что каждая из них выпила больше, чем вмещала фляга. Запыхавшись от усилий, он напоследок сам выпил чашку и отложил флягу в сторону. Быть может, впоследствии ему удастся использовать ее зловонное содержимое, чтобы смыть грязь в отхожем месте.

Трюм на время заполнил звук, напоминавший о грызущих обшивку крысах: это сестры разделили между собой черствый хлеб. Пока они трудились над ним, Пен откинул голову на переборку, закрыл глаза и быстро сосчитал настоящих крыс на борту. Хм, совсем немного. Уничтожение вредителей было допустимым и эффективным способом дать выход хаосу Дез, когда создававшая порядок восходящая магия приводила к еще

большему беспорядку, от которого требовалось избавиться. Как-то. В противном случае Пен мог потерять сознание от лихорадки, что редко шло на пользу делу. Нисходящая разрушительная магия стоила меньше… Но только не на корабле, затерянном в неведомых водах. Открыв глаза, Пен увидел, что обе девочки снова пристально разглядывают его, хотя теперь без страха. Скорее завороженно.

Сьюка показала на пятна света на полу, принявшие более квадратную форму теперь, когда солнце поднялось к зениту, а небо стало голубым.

— Сядь туда, — велела она.

— Мне не холодно, — немного смутившись, ответил Пен.

— Нет, это… — Она помахала руками над своей головой и показала на его голову. — Сделай это снова.

Недоумение разрешилось, когда Дез, усмехнувшись, сказала: *Твои волосы, Пен. Действуют на женщин всех возрастов.*

На Никис тоже, вспомнил Пен, ведь она заставила его отрастить косу в два раза длиннее прежнего, а значит, ему не следовало жаловаться на это внимание. Он переместился к солнеч-

ному пятну и сел, скрестив ноги, специально наклонившись так, чтобы солнце красивее всего подсвечивало волосы сзади. *Проклятье, это не магия.*

Эй, это заворожило нас, когда мы впервые увидели тебя на той злосчастной обочине в кантонах. Где лежала умирающая Ручия, бывшая владелица Дез.

Я думал, причина была в явной нехватке других желающих, проворчал он. *Я был тощим, прыщавым, неуклюжим юнцом.*

Который взял нас за руку и сказал нам: «Да». Нам и нашему богу.

Это было неожиданным дополнением к завещанию. Однако уголки рта Пена все равно поползли вверх при воспоминании.

Его рассеянная улыбка приободрила девочек, а может, причина была в воде и пище. При лучшем освещении Пен увидел, что их глаза были медно-карими, наводя на мысли о рокнарийской крови. Сестры подобрались к нему ближе.

— Можно потрогать? — спросила Сьюка, протянув маленькую ручку.

— Давай, трогай, — со вздохом ответил Пен, обхватив руками колени и прижавшись к ним лбом. Чтобы оставить немного личного простран-

ства — как себе, так и девочкам. Касания быстро перешли в расчесывание пальцами, к одной руке присоединилась другая, затем еще две, и завязка покинула его волосы. Затем, конечно же, пришло время заплетать косу. И расплетать, и заплетать снова, потому что каждая сестра хотела в этом участвовать.

Где-то пролегала важная граница между тем, чтобы успокоить их страхи, и тем, чтобы заставить уважать себя в достаточной степени на случай необходимости сразу и без вопросов выполнить его приказы. Хотел бы он знать, где именно она пролегала. Хотя, если говорить о приручении, позволить девочкам причесывать его, будто пони, не нанесло такого уж урона чародейскому достоинству.

И это очень успокаивает, заметила Дез.

Тихо. Но его глаза закрывались, голова отяжелела.

Дернувшись, Пен проснулся прежде, чем начал храпеть, но не прежде, чем начал пускать слюни. Он потер мокрое пятно на колене, сказал: «Пока достаточно», — и отодвинул голову. Его горничные разочарованно нахмурились, но вернулись в свой угол.

— Когда меня тащили на борт, — снова начал

Пен, — я заметил еще один трюм, на корме. — Он не стал упоминать, что заметил это не собственными глазами. — В нем сидело шесть пленников. Не матросов. Это другие пассажиры с вашего корабля.

— Может быть, — ответила Ленчия. — Пираты захватили только наш корабль, а потом твой.

— С ними все в порядке? — спросила Сьюка, снова встревожившись.

— По крайней мере, они живы. Там была избитая пожилая пара. Кажется, у их спутника сломана рука.

Ленчия кивнула.

— Это их сын. Он пытался их защитить, но пират ударил его молотом. Звук был ужасный.

Снова боевой молот; очевидно, любимое оружие владельца. Сыну, который сам был немолод, очень повезло, что ему не проломили череп. В любом случае, вряд ли Пен мог рассчитывать на этих трех людей в схватке или управлении кораблем.

— Еще один мужчина средних лет, коренастый.

— Это купец из Адрии, — ответила Сьюка. — Он был хорошим. Мы спросили, встречал ли он папу, но он сказал, что нет. — Она уныло вздохнула.

— Еще один пожилой человек, тощий. Брюзгливый… э-э, ворчливый, — поправился Пен, и лица девочек озарились узнаванием.

Быть может, причина в червях, пробормотала Дез.

Что ж, в таком случае, у тебя будут паразиты, когда прижмет.

Его посетил образ недовольно высунутого языка.

— А, Поцени, — сказала Ленчия. — Капитан говорил, что он писец из Карпагамо, но когда пираты схватили его, он кричал, что он святой Отца и еще покажет им.

— И… какова правда? Вы знаете?

Ленчия сморщила нос.

— Я думаю, что он писец и просто пытался спасти свою жизнь.

— Похоже на то. — Быть может, от Поцени будет прок в управлении кораблем; в драке, если до нее дойдет — едва ли. — Там был еще один человек. Раненый, страдающий от лихорадки, слабый от потери крови.

— Да, это другой адриакский купец. Кажется, партнер толстяка. Он пытался драться. — Ленчия съежилась от жуткого воспоминания. — Ему удалось ненадолго сдержать их, но потом они

повалили его и будто сошли с ума. Я думала, он погиб.

Когда его захватили, Пен не понимал, что происходит, но собственная быстрая сдача в плен начала казаться ему несколько трусливой.

Но не мне, вмешалась Дез. *Даже твой недалекий шурин-военный предпочтет выжить, чтобы подраться завтра.*

И это говорило о… чем-то, раз Пен мог *пожелать*, чтобы Аделис Арисайдья оказался поблизости. Хотя ответ на вопрос: «Как бы поступил Аделис?» — едва ли стал бы хорошим руководством для Пена.

В любом случае, было очевидно, что за исключением писца пленники другого трюма были зрелыми, состоятельными людьми, которые едва ли годились для рабства, но отлично подходили для выкупа. Без сомнения, именно поэтому их посадили вместе. И они не слишком нуждались в спасении — им предложат спасти себя самостоятельно, за цену, которая болезненно ударит по кошельку, но не по телу.

Пен подумал, чье имя мог бы назвать для выкупа. Только не герцога Джурго; тогда цена будет слишком высокой. И не генерала Арисайдью, по той же причине; кроме того, он слишком близок

к Никис. Лучшим выбором будет архисвятой Орбаса, который, невзирая на протесты, отправил Пена в это злосчастное путешествие, а значит, был у него в долгу. Ну… ладно, просьба архисвятого Тригони прислать Пенрика для проверки потенциального кандидата в храмовые чародеи была законным использованием умений Пена. А вот дюжина административных поручений, которые выдали ему оба архисвятых под девизом *раз-уж-вы-все-равно-окажетесь-там*, вызывала раздражение.

Пен мог легко притвориться любимым писцом своей домашней курии; услышав его имя, начальство само догадается, на какую уловку он пошел. Возможно. Существовало хрупкое равновесие между тем, чтобы предложить выкуп, который превзойдет его стоимость как раба, и тем, чтобы не завысить ставку… Что заставило Пена задуматься о том, какая цена *заткнет глотку* его похитителям. Какова его цена для Орбаса?

Ниже, чем цена в Орбасе.

А кроме того, бюджет Храма всегда был ограничен.

Эти сестры из Джоконы никак не вписывались в подобные расчеты. Пен задумался, удастся ли ему вписать их в собственный счет: *Один за-*

блудший писец плюс две послушницы-сироты из моего Ордена. Едва ли получится представить их как единое целое посреднику, который будет торговаться, потому что пираты прекрасно знали правду.

День тянулся медленно. Еще дважды им кидали еду: немного ячменного хлеба; на удивление щедрую порцию кураги, которая явно была украдена с бывшего корабля Пена. Немного утолив аппетит, девочки решили поделиться со своим новым спутником, и Пен, у которого от голода разболелась голова, согласился. Кожаную флягу подняли наверх и вернули наполненной. В темноте у днища безмолвно умерла крыса, заплатив цену за чистую воду, которой Пен поделился с сестрами.

Когда свет померк, Пен, вместо того чтобы рассказывать слишком откровенные анекдоты про себя, припомнил старые кантонские сказки, которые могли показаться новыми его джоконским спутницам. С ходу переведенные на рокнарийский, некоторые звучали немного странно, однако все равно сработали. Девочки подобрались ближе к Пену, убаюканные переливами его голоса, и в конце концов уснули, свернувшись клубочком, положив головы на его

не слишком упитанные бедра. В результате чего Пену вновь пришлось сидеть, опершись спиной о переборку, и размышлять, что с помощью Дез он может заставить некоторые доски борта сгнить и сломаться, однако в море это бесполезно.

Неловко пошевелившись, стараясь не потревожить девочек, потому что сон, без сомнения, отлично восстанавливал силы, Пен подумал, что дети слишком легко привязывались к любому дружелюбному на вид взрослому. Хотя ему не составляло труда продолжать притворяться застенчивым писцом — несмотря на то, что за Пеном тянулся незаметный шлейф разрушения и смерти, которых стоила его магия, он никогда еще не чувствовал себя менее смертоносным. *Счет: невинные крысы — одна штука, жестокие пираты-убийцы — ноль.* Он повел плечами и попытался задремать.

* * *

На следующий день солнце карабкалось к зениту, когда наверху поднялась суматоха. Послышался топот ног и крики. Пен добавил в свой словарь пять новых терминов корабельного сленга на двух языках. Шуршали леера и лини, свистела и хлопала сворачиваемая парусина,

стонали, выбирая слабину, веревки и шпангоуты. *Швартуемся*, с облегчением прошептала Дез. Корабль качнулся в последний раз и застыл слишком неподвижно для простого дрейфа, наконец-то, о счастье, остановившись.

Порт, хвала пяти богам. Наверное.

Наконец решетку подняли, вниз спустили веревочную лестницу, и пленникам предложили выбраться из вонючей дыры. Пен сперва убедился, что сестры в целости и сохранности поднялись наверх, затем последовал за ними. Он прищурился в теплом туманном воздухе.

Их корабль был пришвартован к пирсу, построенному из камней и бревен, одному из двух, что тянулись к хаотичному поселению на берегу. Снаружи, в аккуратной гавани, образованной приземистой косой, стояли несколько рыбацких лодок и более крупных судов, включавших, к тревоге Пена, галеру с длинным рядом прорезей для весел — слишком широкую для боевой, но определенно рокнарийской постройки. Сухие зеленые склоны, обнимавшие город, поднимались к скалистым горным вершинам, недостаточно высоким, чтобы на них лежал снег.

По освещению Пен понял, что они на восточной от Седонии стороне моря, а значит, на карпагам-

ском или буферном острове. Узнав его название, он сможет отыскать остров на мысленной карте в своей голове. Но… оставались все те же проблемы, как и с бегством с корабля, разве что Дез не могла случайно потопить остров.

Два пирата смотрели назад, на горизонт, прикрыв глаза рукой и нахмурившись.

— Где эти проклятые дураки? — пробормотал один. — Я думал, они нас опередили.

Пен понял, что остался только один корабль. А не караван из двух. Кажется, его торговое судно пропало. Отделилось в ночи, а потом?.. Судя по всему, пираты тоже не знали.

Растрепанных пленников из другого трюма сгоняли на берег по сходням. Никто не потрудился сковать их вместе, и неудивительно. Пожилая женщина хромала между двумя мужчинами, которые тоже едва держались на ногах. Тощий, унылый мужчина ковылял, пошатываясь, опираясь на очень толстого спутника, — это были адриакские купцы-партнеры. Последним тащился костлявый человек, предположительно писец-или-святой, которого девочки назвали Поцени; он скулил, выражая протесты равнодушным охранникам, один из которых ткнул пленника в спину коротким мечом и ухмыльнул-

ся, когда тот взвизгнул.

Пират с сомнением оглядел Пена, который в сравнении с прочими выглядел неплохо.

— Затеваешь неприятности, красавчик?

Пен пожал плечами.

— А смысл? Мне не доплыть назад в Орбас.

— И то правда.

Фыркнув, пират взмахнул дубинкой, весело ткнул Пена в плечо, а потом жестом велел следовать за остальными.

Пока они шагали по неустойчивым сходням, одна сестра Корва схватила Пена за руку спереди, вторая — сзади. Когда они добрались до пристани, он не отпустил их, а девочки продолжили держаться за него, хотя Сьюка вместо ладони вцепилась в подол его туники. Толстый купец с любопытством оглянулся на них. Несколько мгновений спустя гулкие доски под ногами сменились твердой землей. Наконец-то. Пен заверил себя, что легкое покачивание было лишь иллюзией, возникшей потому, что он долго пробыл в море.

Сейчас? — прошептала Дез. *Ты обещал.*

Обещал, согласился Пен. Прошлой бессонной ночью он развлекал их обоих, прорабатывая детали, и план требовалось исполнить прежде,

чем пленников уведут слишком далеко.

Под его руководством Дез провела линию глубокой гнили через корпус корабля, по правому борту, от носа к корме. По левому борту, который был ближе к гавани, они расплели сверху все леера, что удерживали главную мачту, оставив несколько туго натянутых ниточек. Кроме того, Пен проложил тонкий слой гнили через середину мачты, на самой разрушительной, как он надеялся, высоте. Камбуз на судне был символическим и представлял собой стоявший под навесом на корме ящик с песком, с прикрытыми золой углями. Подпорки с одной стороны ящика сломались, песок и раскаленные угли рассыпались по палубе. Навес вспыхнул.

Поистине, ничто не повышало беспорядок так эффективно, как огонь. Пен прикусил губу и не стал оглядываться.

— По возможности держитесь рядом со мной, — сказал он вцепившимся в него маленьким спутницам. — Предоставьте разговоры мне. Если нас разлучат, я вас отыщу.

Он надеялся, что сдержит это обещание.

На берегу их повели к тому, что, несмотря на пиратскую гавань, явно было таможней. Неужели пиратам тоже приходилось платить налоги? Это

было длинное, приземистое здание с деревянной крышей, а не более привычное оштукатуренное строение с черепицей, и Пен подумал, уж не построили ли его из старой корабельной древесины. Когда группу пленников заводили в дверь, от пристани донесся первый крик тревоги.

Человек, которого Пен принял за капитана, судя по возрасту и тому, как он раздавал приказы, обернулся и ошеломленно выругался.

– *Это* что за!..

Глядя на столб дыма, он крикнул:

— Тотч, запиши их. Выясни портовые сборы и комиссию гильдии. Вы двое, со мной.

И он припустил вниз по склону, сопровождаемый двумя из трех пиратов.

Что могло бы стать отличной возможностью сбежать, вот только Пен был не один. Поморщившись, он позволил Тотчу, пирату с дубинкой, втолкнуть себя и своих подопечных в сарай, моргая, чтобы приспособиться к тусклому свету. Внутри было жарко и душно, слабо пахло застарелой мочой, кровью и потом.

Пол внутри был земляным. Помещение пустовало, если не считать скамей, сдвинутых к одной из стен. Толстяк сразу проводил раненого товарища к скамье и осторожно усадил. Муж и сын

устроили на соседней скамье пожилую женщину. Другую сторону комнаты занимали длинный стол и несколько табуретов, только один из которых был занят. Несмотря на неопрятную одежду, мужчина, который раскладывал на столе перья и бумагу, обладал всеми признаками таможенных клерков, которых доводилось встречать Пенрику: средних лет, перепачканный чернилами, недооцененный и недовольный. Стоявшие по бокам от него вооруженные громилы окинули вновь прибывших опытным взглядом и отступили, расслабленно прислонившись к стене.

— Тотч. — Клерк приветственно махнул пирату, которого Пен счел старшим помощником. — Это весь ваш улов? Фалун в порту. Он будет разочарован.

— Да, я видел его галеру. — Тотч окинул взглядом своих потрепанных пленников. — Эти в основном на выкуп. Мы добыли еще два корабля, они подойдут позже, и на них полно крепких мужчин. С первым мы разделились неделю назад, во время шторма. Второй… должен быть здесь. Скоро.

Пену послышалась неуверенность в его голосе.

— Что ж, начнем. — Клерк, сельский выговор которого отлично сочетался с бородой, жестом

велел Пену и его спутницам приблизиться.

Пен подчинился, не дожидаясь тычка дубинкой.

Клерк занес перо над бумагой.

— Имя?

— Пенрик кин Юральд.

Клерк замешкался, и Пен услужливо произнес свое имя по буквам. Он хотел, чтобы его узнали, если весть действительно дойдет до Орбаса.

— Возраст?

— Тридцать два.

Клерк фыркнул.

— Хорошая попытка, но это не поможет, если кто-то захочет тебя купить, Голубоглазый. Сколько тебе лет по правде?

— Тридцать два, — терпеливо повторил Пен. — Многим людям я кажусь моложе. — *И пусть так оно и будет.*

Клерк покачал головой и записал: «Двадцать два». Пен не стал спорить.

— Семья?

— Как таковой нет. Родители умерли некоторое время назад. В кантонах.

Последняя часть целиком и полностью соответствовала действительности. Разумеется, этот вопрос был нужен для того, чтобы оценить сумму

выкупа, которую удастся выманить у родственников, а потому многие пленники лгали. Как и сам Пенрик.

— Ага. — Клерк довольно сморщил губы, получив объяснение странному имени и цвету кожи Пена. — Профессия?

— Писец. Я работаю на курию архисвятого Орбаса, в Вилноке. — В некотором смысле — правда. — Я попрошу курию заплатить выкуп. За меня и моих племянниц. — Он опустил руки на плечи девочек, которые не говорили по-адриакски и встревоженно прижались к нему. Пен надеялся, что это придаст его словам убедительности. — Не разделяйте нас. Выкуп покроет всех троих.

— Это решать не мне. Хотя, думаю, курии Орбаса будет намного дешевле нанять нового клерка.

— Я очень хорошо выполняю свою работу.

— Как бы там ни было. А эти две? — Клерк с вялым подозрением оглядел девочек, которые ничуть не походили на Пена.

— Ленчия и Сьюка Корва. — Услышав свои имена, сестры подняли головы. — Дочери моей покойной сводной сестры. — Они с умершей проституткой были детьми белого бога, а значит, родичами по вере. — Семья очень долго ничего о ней не знала, а потом мы получили вести о ее

смерти в Джоконе. Я только что нашел ее девочек. Они не говорят по-адриакски.

— Значит, с Джоконы, да? — Клерк вскинул брови. — Ты говоришь на рокнарийском?

— Немного.

Довольный клерк сделал пометку.

— Еще на каком-нибудь?

— Ну, разумеется, на вельдском. Это родной язык моей матери.

Пен осознавал, что, сам того не желая, поднимает свою цену, но, раскрыв настоящее место своего рождения, ничего не мог с этим поделать. Грамотных переводчиков очень ценили, как рабов, так и свободных, а значит, о прочих его умениях лучше было умолчать.

— Правда? — Наверное, он очень красноречив. — Я бы принял тебя за мальчика для постельных утех из Лоди. Или для постельных утех в Лоди. Но чтобы работать в Орбасе, ты должен говорить и писать на седонийском.

— Ну… да, на нем тоже.

Еще одна пометка.

— Хм. Быть может, тебе и удастся спасти свою задницу.

— Я собираюсь это сделать. — Пен сдержал язвительные слова. Правдивые или нет.

К счастью, прежде чем он успел запутаться еще сильнее, клерк жестом велел ему уходить и вызвал следующих пленников. Пен подвел девочек к свободной скамье и усадил на нее.

— С этого момента зовите меня дядей Пенриком, — прошептал он на рокнарийском. — Я сказал, что ваша мать была моей сводной сестрой и что я только что вас нашел. Не знаю, поможет ли это тому, чтобы нас не разделили, но идей лучше у меня нет.

— Разве пиратам будет до этого дело? — с сомнением спросила Ленчия.

Очевидно, юность не означала невежество.

— Нет, но им будет дело до выкупа.

— О. — Она сжала губы и явно приободрилась.

Сьюка уставилась на Пена, словно он только что исполнил удивительный магический фокус… что было ему вполне по силам, но только, Бастардовы слезы, не здесь.

Мне нравятся эти девочки, радостно сообщила Дез. *Давай их оставим.*

По крайней мере, доставим в Вилнок. Верно, поиски неуловимого отца лучше всего вести из безопасного дома, никуда не торопясь. И предпочтительнее при помощи писем — у Пена были друзья и коллеги в Лоди, к которым он мог обра-

титься, — потому что, ступив на берег, он твердо собирался больше никогда не покидать их с Никис аккуратный, маленький домик, даже если его будет тащить воловья упряжка. Он знал, как избавиться от воловьей упряжки…

Но не от архисвятого, заметила Дез. *Или герцога.*

Или бога, согласно вздохнул Пен. Хотя если торговец Гетаф найдется, его можно убедить возместить курии расходы на детей и тем самым задобрить бухгалтера-ревизора.

Когда клерк разобрался с пожилым семейством, пришла очередь коренастого адриакского купца, который говорил за двоих. Он попросил чистой воды и медицинской помощи для своего друга, но в ответ услышал, что придется подождать следующего пункта назначения, и чем меньше проблем он создаст, тем быстрее их туда отведут. Пен задумался, какие целители могли жить в этом захолустье. Однако пираты и рыбаки часто получали серьезные травмы, и потому, возможно, у местных последователей Ордена Матери была обширная практика.

Затем тощий мужчина принялся требовать особого отношения по причине своего предполагаемого статуса святого Ордена Отца, который

вызывал сомнения у Пена и не интересовал клерка. Спор кончился лишь с возвращением капитана, злого и покрытого сажей. Увы, кажется, ему с командой удалось потушить пожар на камбузе. Ничего страшного. Пен подождет.

Пираты и вооруженные портовые стражники вновь собрали пленников и повели в город. Капитана ненадолго отвлекла троица суровых, покрытых татуировками женщин, желавших знать, где их мужья, которые, очевидно, остались на захваченных кораблях. Капитан попытался отделаться отговорками, которые явно не удовлетворили дам. Избавившись от этой угрозы, он наконец доставил свой… *улов*, вот отличное слово, подумал Пен, в другое здание, на этот раз — с более привычными белеными стенами. Стены были толстыми, и внутри царили полумрак и прохлада.

Пен не знал, чего ждать, тюрьмы или аукциона, но это было нечто иное. Передняя комната с гладким цементным полом была просторной, лестница в дальнем конце вела на верхний этаж. *Готова спорить, там спальни*, прошептала Дез. Из комнаты выходили коридоры в какие-то другие помещения, среди которых, предположительно, была кухня, потому что у стены стояли

несколько сложенных столов на козлах, а также несколько скамей. Значит, место предварительного содержания. С одной только группой Пена оно казалось пустым. Очевидно, люди здесь не задерживались? Хотя ожидалось еще два корабля с несчастными матросами.

Быть может, имелась какая-то более защищенная тюрьма для буйных пленников. Насколько велик этот остров? Есть ли на нем дикие места, где может спрятаться беглец, или другие города и деревни с лодками? Море не привлекало Пена, однако опытный моряк может увидеть в нем дорогу, а не преграду.

Судя по всему, о кандидатах на выкуп заботились. В некотором смысле. Сначала стражники согнали всех в маленький огороженный двор, где им разрешили вымыться и напиться у крана в стене, вода из которого стекала в желоб, а оттуда уходила в сток под стеной. За несколько дней, что они просидели в тесном трюме, размерами не превышавшем тот, где оказались Пен и сестры Корва, пленники избавились от всякой стеснительности, а потому мужчины разделись, чтобы хорошенько вымыться, передавая друг другу кусок грубого мыла и ведро. Пен безропотно терпел взгляды, которые украдкой бросали на него

другие во время этой процедуры. Возможность избавиться от корабельной вони того стоила.

Пожилая женщина мылась по частям, и все остальные вежливо игнорировали бессмысленность попытки ее пожилого мужа прикрыть супругу грязной рубашкой. Пен, в свою очередь, уговорил женщину помочь вымыться девочкам. Они в этом очень нуждались. Поморщившись, он вновь натянул грязную одежду, но, надо полагать, никто не захватил с собой чистой смены. Вернут ли им личные вещи, когда корабль придет в порт, или их просто украдут? Он не слишком надеялся получить что-то назад.

Пока все это происходило, явилась местная повитуха в тунике, подпоясанной зеленым поясом, — небрежной данью Ордену Матери. Она принесла аптечку, чтобы осмотреть раненого адриакского торговца, которого звали Алоро, и сына пожилой пары, у которого было сломано предплечье. По мнению Пена, руку требовалось сломать заново и вправить, но вместо этого повитуха лишь подергала ее туда-сюда, в результате чего ситуация не улучшилась, а мужчина потерял сознание. Но женщина хотя бы снабдила его перевязью. Она промыла и перевязала раны Алоро — несколько на руках и длинный порез

на торсе. В ходе этой небольшой пытки торговец лежал на спине, хватая ртом воздух, стиснув потную ладонь своего напуганного друга Ардити так, что пухлая розовая плоть побелела. Раны были красными и неприглядными от инфекции, процесс заживления шел плохо.

Не вмешивайся, прошептала Дез, встревоженная мятежными, рефлексивными размышлениями Пена. *Хотя бы до тех пор, пока мы не поймем, что можем себе это позволить.* Но Пен под предлогом помощи повитухе все равно снабдил раны хорошей дозой восходящей магии, поскольку его ресурсы от вызванного на корабле хаоса еще не истощились.

Когда они вернулись в главную комнату, появились местные мужчина и женщина, которые велели немногим крепким пленникам во главе с Пеном расставить столы и помочь принести пищу из задней кухни: простые, но щедрые порции плоских лепешек, сыра, оливок и сардин в масле, сушеных фиг и сильно разбавленного вина. Пен хмыкнул, когда пленники попросили «Просвещенного Поцени» в качестве святого Отца благословить трапезу. Что тот и сделал, вполне приемлемо, одновременно посредством ответных знамений раскрыв, что все присутствующие

были квинтарианцами — или делали вид, — за исключением девочек из Джоконы, которые не понимали незнакомого языка и сидели молча и неподвижно. Еды было много, и Пену не требовалось следить за тем, чтобы его «племянницам» достались их порции. Значит, их не станут морить голодом, чтобы заставить подчиниться.

По просьбе собравшихся Пен поведал, на городском лодийском адриакском, как по невероятной случайности встретил сестер, которых искал, в трюме пиратского корабля. Без сомнения, это было благословение белого бога. Этот драматичный и неправдоподобный рассказ пожилая женщина восприняла с изумлением, а все прочие — с явным недоверием. Хотел бы Пен тоже не сомневаться, что тут обошлось без божественного вмешательства. В ответ он услышал истории неудачливых путешественников, которые не слишком отличались от той, что Пен только что сочинил сам.

Когда они убрали со столов, Пен чувствовал себя настолько расслабленным после мытья и пищи, что с трудом держался на ногах и надеялся, что их вскоре отведут в спальни. Однако расслабленность и надежда мгновенно испарились, когда вернулся пиратский капитан — Пен узнал,

что его звали Валбин — в сопровождении портового клерка с ворохом бумаг в руках. За ними тащился Тотч с его дубинкой. После него в дверь вошли еще два незнакомца, одного из которых сопровождал слуга.

Приземистый, кряжистый мужчина с темными волосами и глазами был одет в тунику, штаны и кожаные туфли, как любой другой торговец на этих берегах, однако на пальцах у него красовались тяжелые золотые кольца, а куртка без рукавов, вышитый подол которой доходил до колен, была выкрашена в дорогой темно-красный цвет. Сопровождавший его молодой человек нес ящик с письменными принадлежностями. Ростом и цветом кожи и волос он походил на первого мужчину, хотя его платье было более скромным. Родственники или нет, но они определенно очень напоминали дартакийцев.

Догадка Пена подтвердилась, когда старший пробормотал на дартакийском:

— Следи за этими островитянами. Портовые власти без промедления вступят в сговор с вольными капитанами, чтобы сбагрить хлам, который не смогут впарить своим рокнарийским соседям.

Младший серьезно кивнул.

Более высокий и поджарый незнакомец был загорелым, и его бронзовая кожа буквально блестела, возможно, умащенная маслом. Рыжевато-бронзовые волосы были заплетены в сложную прическу, оставлявшую несколько живописных локонов качаться на висках. Широкая туника без рукавов доходила до лодыжек, позволяя обойтись без штанов в такую жару. Отбеленная ткань была перехвачена на поясе ремнем, украшенным разноцветными камушками, которые могли быть как настоящими, так и стеклянными. С ремня свисали выделанные ножны с длинным кинжалом. Ноги защищали крепкие, хорошо разношенные кожаные сандалии. Как и в случае дартакийца, его одежда напоминала повседневное рабочее платье успешного торговца, подразумевая, что эти мужчины не испытывали необходимости произвести впечатление.

Они обменялись выверенными кивками.

— Капитан Фалун, — сказал дартакиец. — Приятно видеть вас в добром здравии.

На что получил немного сухой ответ:

— Мастер Марле. Полагаю, ваше последнее дело было успешным.

Оба говорили на приличном торговом адриакском, пусть и с сильным акцентом, и это задало

язык встречи, а заодно продемонстрировало, что ни один не владел языком другого.

— Приемлемым, приемлемым, — ответил коренастый Марле. — А ваше?

— В последнем путешествии море было к нам благосклонно.

— И это всегда благословение. — Дартакиец, очевидно, бывший квинтарианцем, вежливо не стал уточнять, чье именно.

— Верно, — согласился квадренский капитан, столь же вежливо не вдаваясь в детали.

Это свидетельствовало о том, что темой встречи будет бизнес, а не теология. Пен действительно испытал облегчение.

Слуги принесли важным гостям кресла с подушками. Покупатели? Тотч взмахнул дубинкой, скорее показывая, чем угрожая, чтобы пленники перетащили свои скамьи к ближайшей стене и расселись рядком. Он велел им сидеть тихо и помалкивать — и тогда, быть может, их будут ждать добрые вести.

Сомневаюсь, пробормотала Дез.

М-м, подумал в ответ Пен. Он прошептал на рокнарийском перепуганным девочкам, которые прижались к нему с обеих сторон:

— Я думаю, один из этих людей пришел сюда

по поводу выкупа. Ведите себя тихо и ждите, а я пока выясню, что происходит.

Обе доверчиво кивнули. Пен сдержался и не поморщился от их безосновательной веры в него.

Дартакиец и портовый клерк склонились над таможенными бумагами. Помощник дартакийца открыл ящик с письменными принадлежностями и приготовился делать пометки. Капитан Фалун, а следом за ним и капитан Валбин поднялись и подошли к пленникам.

При виде престарелой четы Фалун недовольно фыркнул. Заставил их немолодого сына вытащить распухшую, побагровевшую руку из перевязи и вытянуть. Провел по ней длинными крепкими пальцами, и мужчина с трудом подавил крик боли. Фалун хмуро посмотрел на Валбина и сказал на рокнарийском:

— Этого вы покалечили так, что я не смогу его использовать. *Это* никогда не срастется нормально.

Валбин пожал плечами.

— Значит, Марле заберет всю семью.

— Пусть забирает. — Фалун оглядел чуть более молодых адриакских торговцев с таким же сомнением. Или притворным сомнением, осознал Пен: скорее всего, это были первые шаги в изящ-

ном танце вокруг цен. — Та же проблема с этим парнем. Похоже, у него лихорадка. Он вообще переживет обратный путь в Ратнатту?

Он приложил ладонь ко лбу Алоро, и тот отпрянул. Пен подумал, что торговец немного понимает рокнарийский и смысл беседы.

Значит, щеголь Фалун был ратнаттцем. Это полунезависимое княжество располагалось либо на самом северном крупном острове Карпагамской цепи, либо на самом западном острове Архипелага, в зависимости от того, где в этом году проходила граница.

— Вероятно, тебе удастся согнать жир с этого, — заметил Валбин, кивнув на Ардити, который поддерживал обмякшего на скамье Алоро.

— Или его хватит удар прямо за веслом.

Торговец и пират говорили на низшем диалекте рокнарийского, быстром и энергичном, без специальных окончаний и титулов. Пен подозревал, что, по крайней мере, Фалун при необходимости мог переключиться на придворный рокнарийский.

Фалун перешел к тощему карпагамцу.

— Серьезно, Валбин. Ты не мог справиться получше?

— Он называет себя святым Отца.

— И ты ему веришь?

— Мне все равно. Если это правда, Марле выбьет выкуп из Храма.

Фалун подошел к следующей скамье. Одобрительно скользнул взглядом по девочкам, затем поднял глаза на Пена и замер.

— О.

Его возглас был мелодичным, изумленным и вопрошающим.

Валбин подавил усмешку.

— Точно. Говорит, что он писец курии в Орбасе.

Фалун схватил Пена за руки — тот, притворяясь, что не владеет рокнарийским, стиснул зубы и не стал сопротивляться — и осмотрел их.

— В это я могу поверить. Благословение Дочери, они прекрасны.

— Как и все прочее, согласен?

Фалун завороженно уставился в лицо Пену.

— Откуда эти *глаза*? Я никогда таких не видел.

— Говорит, из кантонов. Но семьи у него там не осталось. Он рассчитывает, что курия его выкупит.

— Звучит оптимистично.

Фалун выпустил руки Пена и шагнул назад. Он даже не попытался сбить цену. Пен подумал, не

изобразить ли болезненный кашель, но у него слишком пересохло во рту.

Не важно, сказала Дез. *Мы разберемся с ним позже. Разнообразными способами.*

Пен вспомнил, что Просвещенная Ручия, прежний седок Дез, время от времени шпионила, хотя это было поколение назад и в другой стране. Быть может, у нее Дез научилась внимательно слушать и не прерывать поток полезной информации.

— Он утверждает, что эти девчонки из Джоконы — его племянницы, — вставил капитан.

Сестры Корва, в кои-то веки понимавшие большую часть разговора, несмотря на местное произношение, боязливо кивнули и вцепились в руки Пена, словно желая их спасти.

— Маловероятно, — ответил Фалун. — Ведь они были на разных кораблях? Чего он хочет добиться этой сказкой?

— Хороший вопрос, ведь, насколько мне известно, они впервые встретились вчера на рассвете, когда мы бросили его к ним в трюм. Будущие наложницы?

— Или настоящие, с учетом вкусов некоторых мужчин. Полагаю, они будут благодарны.

Он вновь оглядел Пена, размышляя.

Позже, сказал себе Пен. *Я разберу его на части*

так, как он не может даже себе представить.

Ой, да ладно, ответила Дез. *С его точки зрения, это логичное предположение. Уж конечно, ты успел узнать мир достаточно хорошо, в твоем-то возрасте.*

Кровожадный демон. Хотя Дез на протяжении жизней своих менее удачливых седоков не только узнала мир с худшей стороны, но и испытала это на собственной шкуре. Пен мудро решил промолчать.

Оскорбившиеся за Пена сестры таращились на ратнаттского торговца. И это означало, что они тоже слишком хорошо знают мир. Пен стиснул их руки, безмолвно призывая девочек к молчанию.

Их прервал крик на торговом адриакском.

— Все, я готов! — заявил Марле.

Фалун отошел назад, а Марле вышел вперед и присоединился к нему, без энтузиазма оглядывая пленников. Хотя он моргнул, дойдя до Пена, и задумчиво пождал губы при виде сестер.

Фалун обвел рукой ряд пленников и сказал своему коллеге — или сопернику:

— Вы можете забрать этих. А я возьму тех троих. — Он ткнул пальцем в Пена и сестер.

— Не так быстро, — возразил капитан Валбин. — Сперва ты должен перебить цену мастера

Марле.

— Сколько вы насчитали? — спросил Фалун, и Марле услужливо забрал соответствующую бумагу у писца и продемонстрировал расчеты. Фалун нахмурился. — Я хочу поближе рассмотреть блондинчика.

Губы Валбина растянулись в пиратской ухмылке.

— Хорошо. Давайте выведем его туда, где свет получше.

Повинуясь тычку дубинкой, Пен позволил вывести себя в маленький дворик. Там Валбин вытолкнул его в лучи солнца и заставил повернуться. Оба торговца плотью тихо ахнули, и Пен осознал, что осмотр без лишних глаз предназначался отнюдь не для того, чтобы не смущать товар, а для того, чтобы поднять его цену.

— Пусть снимет тунику, — велел Фалун, и Валбин перевел приказ.

Пен подчинился. Фалун обошел его кругом, издавая приглушенные звуки, как человек, осматривающий лошадь. Обхватил ладонью челюсть, но не стал изучать зубы. А вместо этого спросил на рокнарийском:

— Он ведь не *обрезанный*? У него такая гладкая кожа!

Благодаря одному из маленьких фокусов Дез бритье для Пена превратилось в простое протирание лица полотенцем. Быть может, не стоило заниматься этим во время недавнего мытья…

Валбин вновь переключился на язык Фалуна и ответил:

— Нет, взгляни на его телосложение.

Евнухи, кастрированные в очень юном возрасте, действительно вырастали другими, хотя один кастрат, в некотором смысле — друг Пена, был покалечен уже взрослым и по облику ничем не отличался от любого другого худого, поджарого убийцы лет сорока. Если не считать того, что у него не росла борода.

Фалун сдернул с Пена штаны, чтобы проверить, едва не лишившись если не жизни, то возможности пользоваться рукой. Пен злобно зашипел, и ратнаттец ухмыльнулся. Отошел и позволил Пену привести себя в порядок, больше не досаждая ему.

— До сих пор он вел себя вполне смирно, — заметил Валбин.

— Может быть. — Блестящие глаза Фалуна, прищурившись, изучали Пена. — А если и нет, это будет не моей проблемой. На скольких языках, ты говоришь, он пишет?

— Адриакский, седонийский, то варварское наречье, на котором говорят за великими горами, откуда он родом, и немного по-рокнарийски.

— Да?

— Я видел, как он шептался с джоконскими девочками. Похоже, они его понимали.

— Надо полагать, квинтарианец.

— Должно быть.

Фалун ухмыльнулся Пену и перешел на торговый адриакский:

— Значит, ты думаешь, что бог-демон ответит на твои молитвы, Морские глазки?

К сожалению, нет. Я думаю, бог-демон использует меня, чтобы ответить на них за Него. Ленивый Ублюдок.

Дез неуместно фыркнула.

Пен заставил себя пожать плечами. Некоторые глубоко религиозные квинтарианцы могли рискнуть стать мучениками, заявив о своей вере перед лицом подобных насмешек. Пен считал, что если бог хочет сделать из него мученика, то пусть справляется самостоятельно.

Хорошо, прошептала Дез, *считай так и дальше.*

У Марле был сердитый вид, потому что он не понимал, о чем они говорят, но Пен подумал, что

и так несложно догадаться.

Они вернулись в главную комнату. Девочки Корва встревоженно подняли глаза. Пен присоединился к ним на скамье.

Развернувшись, Фалун еще раз изучил Пена, поджав губы, затем сказал Валбину на торговом адриакском:

— Я его беру.

И назвал цену в ратнаттских серебряных риолах, которая заставила пирата расплыться в широкой ухмылке, а Марле — нахмуриться.

— Мастер Марле? — произнес Валбин зычным голосом. — Хотите перебить ставку?

Марле недовольно буркнул:

— Курия Орбаса не даст столько за писца, какими бы изящными ни были его руки.

Пен прочистил горло.

— Они могут немного поднять цену, — сказал он. — За нас троих.

— Я это уже посчитал. — Марле окинул взглядом троицу на скамье. — И сколько дадут за этих девчонок без него? Сомневаюсь, что Орбас заплатит выкуп за *них*. Полагаю, в его курии никогда про них не слышали. Уберите писца — и цена девчонок упадет почти до нуля.

— Не совсем так, — спокойно возразил Фа-

лун. — Девочек всегда можно продать. Но если они вам не нужны, я возьму их из сострадания, чтобы избавить от квинтарианской участи.

Торговцы уставились друг на друга: Марле — сердито, Фалун — насмешливо.

Валбин заскрипел зубами, явно не желая разочаровывать кого-либо из покупателей, потом просиял.

— Тогда компромисс. Почему бы каждому не взять по одной? По цене девочки-рабыни.

Фалун вскинул брови.

— Меня это устроит.

— М-м, — протянул Марле, услышав это слабое утешение. — Не идеально, но сойдет.

Валбин удовлетворенно кивнул.

— Сделано.

Пен вскочил на ноги.

— Нет! Мы должны оставаться вместе! *Я обещал…*

Тотч приблизился к Пену, грозя дубинкой. Довольный Валбин жестом велел ему отойти.

— Не порть покупку капитана Фалуна. — И пока разъяренный Пен стоял, пытаясь что-то придумать, спросил: — Кому какую?

— Старшую, — хором ответили оба.

Валбин испустил страдальческий вздох и до-

стал из кармана монету. Подозвал портового клерка и велел:

— Подбрось ее.

Портовый клерк, у которого был вид человека, желающего оказаться дома за ужином, молча взял монету, подкинул, поймал и прихлопнул ладонью.

— Выбирайте, — сказал Валбин, показав на Марле.

Немного помедлив, Марле ответил:

— Орел.

Портовый клерк убрал ладонь, открыв решку. Марле поморщился.

— Очень хорошо, любезные господа, — сказал Валбин, забирая монету, пока клерк не положил ее в свой карман. — Рассчитаемся?

Пен стоял, оцепеневший от ярости. Дез встревоженно пробормотала: *Ну ладно тебе, не устраивай сцену, которую мы не сможем довести до конца. Мы ведь в любом случае не покинем гавань на той галере, верно?*

Если на то будет моя воля, эта галера не покинет гавань.

Удивительно, что демону хаоса приходилось сдерживать Пена. Обычно все было наоборот. Немало битв началось по ошибке, незапланиро-

ванно, но если он в одиночку объявит чародейскую войну пиратскому порту, лучше продумать это заранее.

— Когда вы их заберете? — спросил портовый клерк Фалуна.

Ратнаттец импульсивно взмахнул рукой.

— Они могут остаться здесь на ночь. Я подожду, чтобы отплыть с полной загрузкой, ради собственной выгоды. Как по-твоему, кто еще пришвартуется на этой неделе, помимо кораблей Валбина?

— Капитан Гарнасвик может что-то прислать. Он отплыл за несколько дней до Валбина.

— М-м. Будем надеяться на попутный ветер в его парусах.

Не будем, подумал Пен и рухнул на скамью между сестрами.

Ленчия встревоженно дернула его.

— Что произошло?

Он не хотел паники и слез, но не осмеливался солгать. Пен опустил голову и понизил голос:

— Сегодня ничего не случится. Мы все останемся здесь на ночь, а может, и на несколько дней. Ратнаттский работорговец думает, что купил нас с тобой. Дартакийский охотник за выкупами думает, что купил Сьюку. Они оба ошибаются.

Мы сделаем кое-что другое.

— Что? — спросила Сьюка, глядя на него широко распахнутыми глазами.

— Это секрет, — выдавил он, сглотнув. *Очевидно, даже для меня.*

Дез милосердно не стала смеяться над ним, но он почувствовал, чего ей этого стоило.

Торговые переговоры завершились. Получив напоследок финансовую консультацию от портового клерка, Фалун ушел, как и Валбин. Марле и его писец согнали людей, за которых рассчитывали получить выкуп, к столу, чтобы более подробно изучить ожидания и ресурсы. Портовый клерк тоже задержался, очевидно, желая получить сбор за каждую душу.

Пена и джоконских девочек предоставили самим себе. Вооруженный портовый стражник, устроившийся на табурете возле двери, предотвратил бы любую попытку выйти. Пен, едва стоявший на ногах после нескольких ночей тревожного сна, не говоря уже о тревожной жизни, повел девочек наверх в поисках коек в спальнях. Они обнаружили две длинные комнаты с матросскими гамаками и одну комнату поменьше с настоящими кроватями. Окна были слишком узкие, чтобы протиснуться боком, даже для Пена,

но выходили на гавань.

Девочки, еще сильнее изнуренные долгими испытаниями, направились прямиком к одному набитому соломой матрасу и рухнули на него. Пен едва успел заставить их снять сандалии, как они уснули. Другая кровать, неподвижная и намного более притягательная, чем голый трюм, несмотря на жесткие клочья соломы, торчавшие из не слишком чистой ткани, манила его, но он вернулся к окну, чтобы в вечернем свете изучить вид.

Каждый тактический план следовало начинать с тщательной разведки местности — по крайней мере, так утверждал Аделис. И внимательной оценки физических возможностей. Некоторые поэтические эпосы восхваляли героизм воинов; Аделис был реальным солдатом и верил в логистику, отметил Пен. Не то чтобы отсюда он мог многое разглядеть — основная часть города лежала в противоположной стороне, — но, перемещаясь туда-сюда, Пен смог увидеть почти весь портовый район. На мысу восстанавливали разрушенную крепость. Пен не был уверен в разумности этой затеи, потому что, очевидно, крепость уже один раз пала.

Он уже собирался перестать искать вдохнове-

ние у пейзажа и тоже рухнуть на матрас, когда Дез сказала: *О-о, гляди. Наконец там что-то происходит.* Пен оглянулся на гавань.

У длинного пирса корабль Валбина начал крениться. Медленное движение, натянувшее швартовный канат, перешло в стремительный рывок, когда не выдержал первый крупный участок корпуса возле киля. Вода хлынула в трюмы, давление на другие ослабленные доски возросло — даже отсюда Пен слышал приглушенный треск. Все больше воды поступало в корпус корабля, и сначала один швартовный выдернул свой кнехт из причала, затем другой. Главная мачта внезапно сломалась, отправив за борт гик, свернутые паруса и клубок веревок. Покачиваясь, корабль погружался, пока со странным скрежещущим звуком не лег на каменистый песок на дне гавани. С берега донеслись слабые крики и вопли.

Губы Пена растянулись в неприятной ухмылке.

Ну надо же, самодовольно сказала Дез. *Как это мило.*

Вот она, вся прибыль Валбина. Более того, затонувшее судно надолго заблокирует одну четвертую пристаней. Чтобы убрать этот безнадежный остов, кому-то придется раскошелиться.

Веселье Пена поутихло, когда он сообразил, что, скорее всего, этим заставят заниматься рабов.

Этот момент величайшего, действительно *величайшего* личного удовлетворения не помог решить фундаментальные проблемы. Потопив все корабли в гавани, *Пен* лишится способа покинуть этот отсталый остров.

И все же… Пен не был уверен, кому из них двоих принадлежала эта мысль, кого следующим посетит эта удивительная полоса неудач?

* * *

Ночью Пен перекатился на бугристом матрасе, сонно потянувшись к теплой мягкости Никис. *О. Нет.* Он крепко обнял себя, желая, чтобы жена оказалась в его объятиях — но только не здесь. Чтобы он сам оказался в другом месте — иное дело.

Его жена не знала, когда и на каком корабле он покинул Тригони. Он не отправил ей послания, потому что рассчитывал оказаться дома раньше, чем оно прибудет. А потому она еще не должна тревожиться о нем, сказал он себе, не должна волноваться, хотя Пен и надеялся, что она скучает по нему в более общем смысле.

И по мне, вставила Дез, которую развеселили

эти жалобы.

И по тебе, согласился Пен. После неудачного начала Никис научилась получать удовольствие от общества его демона. Теща Пена даже считала Дез *подругой*, и это порой приводило к чрезвычайно странным беседам того толка, что, по мнению Пена, редко доводилось слушать мужьям.

Итак, Никис была в Вилноке, в безопасности. Каждый день она преодолевала небольшое расстояние до владений герцога Джурго, поскольку была фрейлиной его дочери, которой исполнилось восемь, а потому Никис исполняла обязанности компаньонки и гувернантки. Вечером дворец всегда отправлял крепкого пажа проводить ее домой, где она находилась под защитой матери, нескольких слуг и, в настоящий момент, брата Аделиса, вернувшегося из экспедиции в Грабьят и также служившего герцогу.

…Пен все равно считал, что в армии Никис недостает одного Храмового чародея.

Он подозревал, что она тоже так думает. Хотя Никис не жаловалась, она стала напряженной из-за все более частых отъездов Пена, пусть каждый успех и повышал его положение в Храме и при дворе.

Ну конечно, сказала Дез. *Она думает, что не*

родила ребенка от своего первого мужа, потому что он так редко посещал супружеское ложе из-за своих военных назначений… По крайней мере, она надеется, что причина в этом. Само собой, она боится, что с тобой произойдет то же самое.

Вплоть до трагического финала? Пен определенно собирался избавить ее от второго преждевременного вдовства. Что до другой проблемы, попытки решить ее были самым приятным занятием на свете… Он надеялся, что исходившая от его демона магия хаоса не мешала зачатию.

Могла бы помешать, но, поверь мне, не мешает, успокоила его Дез. — *Вы женаты совсем недолго. Вам просто нужно еще несколько месяцев. Тебе следовало бы это знать, целитель.*

Я не целитель. Я отказался от этой профессии.

Ха. Когда она забеременеет, герцог окажет ей любезность, если отошлет тебя по какому-нибудь поручению. Ты будешь как все эти студенты-медики, которые находят у себя каждую редкую смертельную болезнь, про которую только что узнали. Имей в виду, когда придет время, я не позволю тебе терзать ее своими мрачными опасениями.

Представив это, Пен не смог сдержать улыбку. Возможно, Дез просто пыталась подбодрить его

здесь, в темной почти-тюрьме, далеко от дома. И ей это удалось.

С соседней кровати донесся шорох, вздох, а потом шепот на рокнарийском:

— Ты спишь?

Пен понял, что эти слова не предназначались для его ушей, когда Ленчия раздраженно проворчала в ответ:

— Теперь нет. Спи.

— Не могу.

— Тогда перестань ворочаться. И хватит меня пинать.

— Я не пинаю.

— Еще как пинаешь.

Вздох. Потом:

— Я скучаю по маме. Я хочу *домой. Хочу* к маме.

— Не говори об этом, — укорила ее Ленчия, съежившись, словно от удара. — От этого только хуже.

— Все должно было быть не так. Почему папа не *приехал*?

— Ты сама видела, что он не получил письмо. Быть может, он даже не знает про маму.

— Может… может, он приехал в Распэй после того, как мы уехали. И теперь пытается нас до-

гнать.

— Если и так, он нас не найдет. Мы совсем не там, где должны были быть.

Мрачная тишина и отчаявшийся шепот:

— Да, я знаю… Я просто… не хочу, чтобы так было.

Неохотное согласное хмыканье.

— Я тоже, Сьюка.

Некоторое время спустя — снова шепот:

— Так что же нам *делать*? Мама умерла, папа не приехал, Таспейг нас бросила… этого бедного капитана убили… — Кто-то содрогнулся.

Неужели та бойня произошла на глазах у девочек?

— Я не знаю. Может, перестать надеяться, что взрослые все исправят. До сих пор это не работало.

— Может, нам попробовать убежать вместе?

— Я… возможно. Я не знаю. Может стать еще хуже. Если кто-то на этом острове поймает нас, то вернет назад, и нас побьют. А может, просто продаст в рабство в не очень богатый дом.

— По крайней мере, мы будем вместе.

— Только пока одну из нас не продадут. Или обеих.

Безмолвное *м-м*, словно скулит собака.

— Как насчет мастера Пенрика? Он сказал… э-э, я точно не знаю, что он сказал.

Внимание переместилось на соседнюю кровать, где лежал Пен. Он не открывал глаз, размеренно дышал и не шевелился.

— Я тоже не поняла. Думаю, он просто хвастался, как это делают мужчины.

— Но он кажется добрым. И умным. Он пытается помочь людям.

— Не думаю, что доброта поможет справиться с пиратами.

— Он достаточно красив, чтобы быть вороньим мальчиком. — Сьюка задумалась. — Может, раньше, до того как стать писцом.

— Похоже, ратнаттский капитан, который его купил, тоже так подумал.

— А он… как ты думаешь, мастер Пенрик это понял? Мы должны предупредить его?

— Не знаю. Мама говорит… — Звук икоты. — Мама говорила, что с вороньими мальчиками обращаются хуже, чем с уличными шлюхами. Не уверена насчет писцов. — Пауза. — В любом случае, что он сделает, если мы ему скажем? Он не выглядит очень сильным.

— Капитан был сильным, а пираты все равно разрубили его на куски. — Сьюка сглотнула. Нет,

они обе сглотнули, подтвердив предположения Пена. — Может, ум лучше сработает. Если будет на нашей стороне.

— На нашей стороне никого нет, Сьюка.

Долгий выдох.

— Думаю, ты права.

– *Спи* давай. — Ленчия начала было отворачиваться, потом неохотно повернулась обратно и крепко обняла сестру, будто тощую, нелепую, несчастную тряпичную куклу.

Они обе заснули раньше, чем Пен.

* * *

Пен проснулся на рассвете и тихо выскользнул из комнаты, стараясь не потревожить девочек, пожилых супругов и раненого Алоро, которые заняли оставшиеся кровати прошлой ночью, в то время как более крепким пленникам достались гамаки в спальне. Он явился на кухню как раз вовремя, чтобы перехватить слуг, которые пришли готовить завтрак.

Там, вызвавшись помочь и включив свое обаяние, он ловко добыл потенциально полезную информацию. Командовавшая всеми пожилая женщина, ее хромой брат и племянница были не прочь поболтать с дружелюбным писцом из

далеких ледяных гор, которые они едва ли когда-нибудь увидят. Пен отплатил за их рассказы красочным описанием своей родины — и понял, что скучает по дому.

Остров, как он вчера узнал, назывался Лантиера — это старое седонийское название намекало на долгую историю; когда-то он принадлежал империи, что объясняло остатки древней системы водоснабжения на заднем дворе. Более того, название наконец-то позволило Пену отыскать остров на своей мысленной карте. Личные истории и местные анекдоты слуг тоже немало сообщили ему.

Это не похожее на тюрьму здание предназначалось для пленников, за которых надеялись получить выкуп, а также для раненых и для покорных. Оно принадлежало порту — то есть городу, который назывался Гавань Ланти, или кратко Ланти, и который нанял на работу членов небольшого клана. Работа была сезонной; как и пиратам, зимние шторма не давали им выйти в море, и несвоевременная буря, от которой пострадал корабль Пена, оказалась неожиданной удачей.

Повариха объяснила Пену, что лето в городе обычно было тихим временем, когда большин-

ство кораблей и их команд отсутствовали. Зимой головорезы пили, играли в карты и таскались по шлюхам, чтобы к очередному весеннему рейду лишиться денег, а то и жизни. С учетом опасностей их ремесла Пен не мог назвать такой подход к жизни иррациональным, хотя женщина с восхищением упомянула нескольких выдающихся моряков, которым хватило ума или удачи отойти от дел, скопив богатство, по крайней мере по местным меркам.

Более надежная тюрьма для здоровых мужчин, предназначавшихся в рабство, находилась на другом конце гавани и принадлежала гильдии из пятнадцати пиратских капитанов, которые неохотно делили контроль над портом с городским советом. В обоих домах пленников старались не держать долго, а как можно быстрее избавиться от рисков, передав их торговцам плотью. Что делало Ланти не рынком рабов, а скорее оптовой базой, откуда людей вывозили крупными партиями.

Пен подумал, что если бы пираты Ланти захватывали людей и товары только для собственного пользования, остров вскоре оказался бы переполнен, и торговля угасла бы. Однако посредники, скупавшие награбленное и пленников, делали

спрос бездонным. Пен не знал, какая половина торговой цепочки вызывала у него меньше симпатий. Быть может, ему и не нужно было выбирать, кто выше в этой иерархии. Скорее кто ниже.

Рабство не практиковалось в аскетичных кантонах, хотя оставался вопрос непрерывного экспорта их жителей в отряды наемников, против которого так возражал Храм. Но, по крайней мере, эти люди сами себя продавали. В прежние времена, когда наступал голод, фермеры продавали своих детей торговцам, которые ради этого преодолевали северные горы. Эти поступки до сих пор помнили и осуждали. Пен гадал, какая участь выпала юным заморышам в более теплых краях — и встречал ли он их потомков, сам того не ведая.

Все это очень увлекательно, господин ученый, но если тебе нужны отвратительные подробности, спроси Умелан, сказала Дез. Я *не вижу необходимости повторять ее опыт в этой жизни. Пожалуйста, сосредоточься на деле. Без тебя мне не выбраться с этого острова.*

Да, да. Пен с улыбкой взял поднос с хлебом и оливками, чтобы отнести в главную комнату. Повариха озадаченно улыбнулась ему в ответ.

* * *

Успокоив девочек, которые ненадолго впали в панику, проснувшись и не увидев Пена — он не знал, за кого они тревожились, за себя или за него, — проследив за тем, чтобы они позавтракали, и заработав еще немного расположения на кухне, Пен изучил здание. Снаружи у парадной двери сидел вооруженный охранник, больше напоминавший дремлющего привратника; задняя дверь вообще не охранялась, хотя Пен пока не стал выходить. Единственным материалом, пригодным для чтения, оказалась забытая стопка старых счетов, однако даже он еще не настолько отчаялся, чтобы отложить их на потом. В конце коридора на верхнем этаже Пен обнаружил лестницу, ведущую на плоскую крышу, и поднялся по ней.

Здесь охраны не было; расстояние до соседних крыш было слишком велико даже для моряка и служило отличным воздушным рвом. Прыжок на каменную мостовую или вымощенный плитняком двор грозил переломом ног. Внимание Пена привлекла странная башенка, в которой он после секундных раздумий узнал кусок мачты с вороньим гнездом, позаимствованный с како-

го-то корабля и установленный здесь в качестве наблюдательного поста. Поддавшись соблазну, Пен вскарабкался в корзину, находившуюся в пятнадцати футах над крышей. Неплохой насест — когда стоит неподвижно. Пен представил, как его раскачивает в открытом море; ненавидевшая высоту Дез заскулила.

Он оглядел город, который, по словам поварихи, вмещал восемь тысяч душ. Теснившиеся в центре каменные, оштукатуренные и беленые дома ближе к окраинам на суровых холмах сменялись глинобитными мазанками с тростниковыми крышами. На другой стороне города, на склоне, стояло шестиугольное здание с куполом, не слишком возвышавшееся над соседними домами. Это был старый квинтарианский храм, построенный в седонийском стиле. Где-то должен был прятаться и квадренский храм, но его архитектура была не столь приметной.

Горы без снега не дадут воду в летнюю засуху. Скорее всего, основным занятием островитян было рыболовство, а не фермерство. Пиратство же являлось логичным способом справиться с местными тяготами.

Пен вновь повернулся к морю, сверкавшему в лучах утреннего солнца, обманчиво спокойному.

Вилнок и дом лежали в двух с половиной сотнях миль к юго-западу от этого острова. В четырех сотнях миль к югу был Лоди, а за ним Тригони, откуда Пен начал свой путь. Ха-ха. В трех сотнях миль к северу и востоку — совсем не в той стороне — была Ратнатта, которой следовало избегать. Менее чем в двух сотнях миль строго на запад лежало побережье Седонии. Если не думать о течениях и встречных ветрах, это было *государство*. Даже самый неопытный штурман-любитель не мог промахнуться мимо него. Сверни налево, плыви вдоль берега — и в конечном итоге окажешься на границе с Орбасом.

Украсть маленькую лодку? Эта мысль казалась заманчивой — до того, как Пен пережил шторм. На таких проворных суденышках Пен плавал по озерам в кантонах — и даже те прозрачные воды в бурю могли потопить неосторожного человека. Пен и двое детей на судне, которым он сможет управлять в одиночку? Он мог рискнуть своей жизнью, понадеявшись на хорошую погоду, но жизнями девочек? Достаточно ли они наивны, чтобы вслед за ним подвергнуть себя такой опасности?

Можно подкупить местного рыбака, чтобы тот переправил их в нужное место, но ему придется

сделать это в кредит, поверив Пену на слово, что он получит деньги по прибытии в Орбас. Едва ли на этом острове найдется кто-либо столь добрый и легковерный. Пен также подозревал, что, хотя для пиратов грабить считалось в порядке вещей, вряд ли они столь же спокойно относились к попыткам ограбить их самих. Вышеупомянутому рыбаку придется рискнуть не только своей работой, но и своей головой. Хм.

Дартакийский перекупщик Марле должен владеть каким-то приличным кораблем, следующим в нужном направлении, или оплатить проезд на его борту. Он увозит Сьюку. Сможет ли Пен вместе с Ленчией незаметно пробраться на борт и прятаться до тех пор, пока не станет поздно поворачивать назад? Известие о том, что Пен иногда выполнял обязанности придворного чародея герцога Орбаса, разожжет жадность Марле, хотя его моряки скорее захотят кинуть Пена за борт. Тот же риск поджидал Пена на борту любого судна, которым он не управлял сам.

Следует побольше разузнать насчет Марле. И Фалуна. Очень многое зависело от того, кто из торговцев людьми первым выполнит свою квоту и отплывет — и как скоро.

Разглядывая залитый солнцем пейзаж, Пен

осознал, что все возможные пути действия сходились в одной точке: ему требовалось судно. *А значит, мне нужен кратчайший путь к нему.*

И, сворачивая паруса, в гавань как раз входил новый корабль. Его осадка была достаточно мелкой, чтобы он мог пристать к свободному пирсу на дальнем конце гавани, где полдюжины мужчин поймали и затянули канаты, пришвартовав судно. С борта спустили крепкие сходни, и на палубе закипела работа — команда, портовые грузчики и портовые крысы потащили груз на берег, выстроившись в цепочку, словно муравьи. Эта цепочка тянулась к очередному таможенному сараю, где, как не сомневался Пен, раздраженные портовые клерки составляли опись, чтобы рассчитать долю города и, возможно, распределить добро между гильдией капитана, офицерами и командой. Некоторые из ближайших строений могли служить складами для нечестно нажитого пиратского груза. Товары казались слишком разнообразными, а разгрузка — слишком хаотичной и шумной для судна какого-нибудь приличного торговца. Был ли этот корабль пиратским трофеем? Быть может, первым судном Ленчии и Сьюки?

Догадка Пена подтвердилась, когда на палубу вывели группу людей в кандалах и парами

отправили на берег. Несколько стражников, намного более настороженных, чем те, что прежде попадались Пену, подгоняли их обнаженными мечами. Прищурившись в соленой дымке, Пен насчитал около тридцати человек. Их отвели не в таможню того пирса, а в более приземистое и крепкое здание дальше по берегу. Очевидно, это была более надежная тюрьма для рабов, и теперь Пен знал, где она находится.

Итак, вон там стоял корабль. А вон там находилась его команда. Пену требовалось всего лишь помочь им воссоединиться. Для Дез замки, цепи и кандалы представляли не большую трудность, чем бумага. Более того, спасенные будут *благодарны* Пену, и эту монету он сможет впоследствии потратить.

О-о, протянула Дез. *Мне нравится этот план.*

Пен не был уверен, имела ли она в виду, что этот план лучший или что он позволит ей причинить как можно больше хаоса.

Быть может, я имела в виду обе причины, запротестовала Дез.

– *Ах вот* ты где, — донесся снизу обиженный детский голосок.

Пен опустил глаза. На него смотрели недовольные сестры Корва.

— Ты обгоришь на солнце! — упрекнула его Ленчия.

— Я тоже хочу наверх! — воскликнула Сьюка.

И немедленно перешла от слов к действиям. Пен ахнул, когда она едва не сорвалась, пытаясь ухватиться за колышки, рассчитанные на взрослого моряка. К тому моменту как он смог выдавить из себя предупреждение, Сьюка уже скользнула в корзину и присоединилась к нему. Мгновение помедлив, Ленчия последовала за сестрой. Что ж, Пен весил немного. Вероятно, платформа выдержит их всех, несмотря на зловещий треск.

— Отсюда все видно! — сказала Сьюка, которой едва ли часто доводилось оказаться на высоте.

Не было смысла держать их в таком же неведении, в каком до недавнего времени пребывал сам Пен. Он повторил свой маленький урок по местной географии, обводя горизонт рукой. Сестер особенно заинтересовал путь в Лоди. Ленчия мрачно посмотрела на восток, в сторону далекой Джоконы, но взгляд ей преграждали холмы.

Девочка вновь повторила свои опасения, что бледная кожа Пена обгорит на солнце, и он позволил ей величественно отвести его обратно в дом. Там он припомнил способ отвлечь сестер от

тревог при помощи бесполезных старых счетов. Собрав бумаги, он отвел девочек на кухню, где под насмешливым взглядом поварихи показал, как изготовить приличные чернила из сажи, воды, яичного желтка и капли меда, а из заостренных веток для растопки — палочки для письма. На этом повариха выгнала их из кухни вместе со всей грязью, и Пен заново расположился за столом в большой комнате.

Он начал со списка полезных слов на адриакском и седонийском, и вскоре сестры, склонив головы и мило кусая губы, уже писали их, используя два алфавита. Они схватывали новый язык с завидной скоростью, свойственной юности. Сьюка отвлеклась, чтобы нарисовать зверинец из вполне узнаваемых лошади, кролика, собаки и кошки, и Пен показал ей слова для них. Наконец он научил девочек короткой вечерней молитве Матери и Дочери, адриакская и седонийская версии которых не отличались. Это стало отличным поводом отправить сестер наверх, чтобы отдохнуть от дневной жары, как было привычно для детей и взрослых в этих летних странах.

Пен решил, что, когда наступит ночь, сам будет рад тому, что вздремнул днем.

* * *

Остаток дня прошел спокойно. Пленникам принесли обед, после чего позволили бродить по зданию, конечно же, не покидая его. Притворившись, будто проверяет повязки, Пенрик смог влить еще одну дозу восходящей магии от инфекции в страдавшего от лихорадки Алоро, после чего торговцу загадочным образом полегчало.

— Мне говорили, что у меня легкая рука, — отмахнулся Пен.

В отличие от всех прочих, вечером сестры Корва уснули крепким детским сном. Пену удалось разбудить Ленчию в непроглядной тьме, встряхнув ее за плечо и прошептав:

— Иди за мной.

Сьюку ему пришлось вынести в коридор, тихо прикрыв за ними дверь.

— Что? — сонно пробормотала Сьюка, когда Пен поставил ее на ноги.

— Вот, держи свои сандалии и веди себя очень тихо. Мы уходим.

— Я не вижу даже, куда ступаю, — пожаловалась Ленчия. — Как ты что-то различаешь?

Коридор действительно был непроницаемо черным — но не для Пена.

— У меня очень хорошее ночное зрение. Дело в, э-э, голубых глазах.

— О.

— Просто возьмите меня за руки.

Зевая, они с сонной покорностью последовали за ним к лестнице. Пен не был уверен, как следует поступить. Оставить девочек здесь, в относительной безопасности, означало, что придется рисковать, возвращаясь за ними, если все пройдет быстро и успешно, не говоря уже о том, что придется дважды незаметно выбираться из здания. Взять их с собой означало подвергнуть девочек неведомым опасностям, подстерегавшим Пена на пути. Оба варианта выглядели плохо.

Он босиком спустился по лестнице и остановился. Следовавшие за ним сестры врезались в него.

Внизу обнаружился не один стражник, сидевший на табурете снаружи перед запертой дверью, а два, причем они расположились, скрестив ноги, на полу внутри здания. При свете свечи стражники коротали время, играя в кости на оливковые косточки, маленькие кучки которых лежали перед каждым из них. Оба с ленивым интересом посмотрели на Пена и девочек.

— Почему не спим? — спросил старший.

— Повариха сказала, что оставит перекус для

моих племянниц, — выпалил Пен первое правдоподобное объяснение, что пришло ему в голову. В качестве подтверждения он приподнял руки, в каждую из которых вцепилось по сестре. — По ночам они всегда хотят есть.

— Ха! — откликнулся младший стражник. — *Нам* она никогда ничего не оставляет! Как тебе удалось ее охмурить?

Старший фыркнул.

— Взгляни на него! Ты еще спрашиваешь? Женщины!

Пен направился к кухне. К его отчаянию, стражники поднялись и последовали за ними.

Кладовка была заперта, но открылась, повинуясь руке Пена. Старший стражник поставил свечу на исцарапанный кухонный стол и отправился проверять заднюю дверь. К его явному удовлетворению, та была крепко заперта на засов. Вернувшись, он плюхнулся на табурет, дружелюбным жестом велев девочкам сесть на скамью, где к ним присоединился младший стражник.

Порывшись в кладовке, Пен принес мешочек фиг, горшок с оливками и половину маленького круга сыра, завернутую в тряпку. Стражники присоединились к импровизированной трапезе, передавая пищу по кругу. Младший достал из-за

пояса острый нож и нарезал сыр, вручив первые куски девочкам. Сестры таращились на Пена широко распахнутыми глазами.

— О, глядите, здесь вино, — с наигранным удивлением сказал Пен. Поднял кувшин и поставил перед стражниками. Быть может, они напьются и вырубятся?

Младший отмахнулся.

— Мы не пьем на дежурстве.

Старший согласно кивнул, хотя на его лице читалось сожаление. Возможно, с примесью недовольства из-за правильности напарника. Однако на пищу запрет, похоже, не распространялся. Оба стражника откладывали в сторону оливковые косточки.

Потом стражники решили *поболтать*, задавая Пену и девочкам наводящие вопросы об их путешествиях и жизни за пределами этого острова. Пен отвлек внимание от непосредственного положения дел, повторив детские истории о заснеженных горах, которые заворожили повариху и увлекли девочек Корва. Ленчия изложила сокращенную версию их собственных злоключений, не забыв упомянуть Пена как чудесным образом обретенного сводного брата матери. Пен сомневался, что стражники ей поверили.

Очевидно, разговоры с пленниками во время ночной вахты были для этих островитян интереснее игры на оливковые косточки. Они явно занимались этим и прежде, потому что в ответ поделились удивительными историями других пленников. Старший стражник весьма ловко вставил в свой рассказ несколько описаний прежних неудачных побегов, которые пресекали самыми разными, зачастую жестокими способами.

Пен многое узнал о жизни ночной стражи в Ланти, но ценная темнота снаружи ускользала. Он подозревал, что стражники будут с радостью болтать до рассвета и прибытия кухонной команды, а также всех прочих опасностей, что принесет с собой новый день. Если завтра капитан Фалун решит, что захваченные моряки заполнят его трюм и можно отплывать, Пену вовсе не хотелось сражаться с новыми трудными проблемами.

Быть может, ему следовало придумать способ спуститься с крыши, несмотря на высоту.

Действительно, сказала Дез, разделявшая его растущую тревогу от этой социальной задержки. *Эти девочки молоды и легки, они бы просто отскочили…*

Пен понял, что скучает по своему далекому

другу-евнуху Суракосу и той дюжине незаметных ядов и лекарств, которые он, без сомнения, успешно спрятал бы на своем теле. Не говоря уже о том, что цена Суракоса вдвое превысила бы цену Пена. Он не знал, что хуже — пожелать пиратам встретиться с евнухом или евнуху — встретиться с пиратами. Но воспоминание об аптекарских талантах Суракоса наконец позволило Пену определиться с планом действий.

Давно пора, проворчала Дез.

Для столь тонкой работы Пен предпочел бы коснуться голов стражников, но едва ли те покорно позволят ему приблизиться. Если они и дальше будут сидеть спокойно, он может справиться и с другой стороны стола. На мгновение Пен задержал дыхание, чтобы сосредоточиться, призвал полное Зрение и направил магию глубоко в уши стражникам, чтобы нежно погладить внутренние поверхности крошечных лабиринтов в костяных капсулах, что, по-видимому, отвечали за равновесие. Когда он изучал медицину в Мартенсбридже, повреждения и инфекции этого таинственного органа, приводившие к ужасающим головокружениям, представляли собой увлекательную задачу для целителя-мага. В обратную сторону это тоже сработало.

Глаза обоих мужчин расширились, потом сузились от дурноты. Оба покачнулись, попытавшись опереться о стол и промахнувшись. Резкие движения усугубили ситуацию, и стражники свалились на кухонный пол. Старший открыл рот, чтобы крикнуть, но вместо слов наружу хлынула рвота. Девочки испуганно вскочили.

— Быстрее, помогите мне найти, чем их связать, — отвлек внимание сестер Пен, пока те не запаниковали.

Младший стражник сумел подняться на колени, после чего вновь беспомощно рухнул на пол и душераздирающе застонал.

— Простите, простите, — пробормотал Пен, бегая по кухне в поисках крепких пут. В кладовке нашлась бельевая веревка. Годится. Он связал руки стражников за спиной, потом связал ступни и притянул к рукам, отрывая куски веревки нужной длины при помощи хаоса. Это было избыточным — Пен сомневался, что кто-либо из мужчин в ближайшее время сможет ходить, — но убедительным, что ему и требовалось. Его магия была ценным инструментом защиты до тех пор, пока о ней никто не знал. Стоит врагам догадаться, с чем столкнулись, и они будут начеку.

Пен опустился на корточки рядом с головами

испуганных стражников.

— Яд вас не убьет, — сказал он. — И вам не нужно противоядие. Нужно просто переждать дурноту. Будет легче, если лежать неподвижно с закрытыми глазами. — И добавил, повинуясь внезапному порыву вдохновения: — И не пытайтесь говорить или кричать. Это только усугубит ситуацию.

В ответ — неблагодарные взгляды. Что ж, справедливо.

Пен с сомнением подумал, стоит ли рискнуть удушить кляпом людей, которых рвет, чтобы они не позвали на помощь. Разумеется, услышать их могли только другие пленники, спавшие наверху. Если кто-то из них проснется и спустится вниз, неужели им достанет глупости развязать стражников? Он хотел получить время хотя бы до рассвета. Может, оставить записку?

Просто иди! — рявкнула Дез.

Кивнув, Пен начал подталкивать девочек к задней двери. Засов отвалился, повинуясь его скрытому прикосновению. В последний момент Пен метнулся назад и опустился на колени рядом с младшим стражником.

— Тебе правда нужно убираться с этого ужасного острова, пока ты еще можешь, — сказал

он ему, снимая с него сандалии и натягивая на себя. Длинные пальцы Пена торчали за пределы подошв, но сапоги другого стражника были еще короче. — Прежде чем жизнь здесь уничтожит тебя. Адрия подойдет. Отправляйся в Лоди и найди мою подругу, Просвещенную Изерну в курии архисвятого. Скажи, что тебя рекомендовал Пенрик. Она подберет тебе достойную работу, которая не связана с кражами, похищениями, убийствами и грабежами.

Ответом ему стал пьяный стон. Пен ободряюще потрепал молодого стражника по плечу и поспешил за девочками Корва.

* * *

Опасаясь свернуть не туда на узких, кривых улицах Ланти, Пен держался берега. Сестры вцепились в него. Света в городе почти не было: лишь серп заходящей луны и фонари над дверями выходивших к морю таверн и борделей. Два бредущих домой пьяницы не обратили на беглецов никакого внимания. Ночной воздух был прохладным и влажным, густым от запахов порта, рыбы, соли, дегтя и навоза.

Ведя девочек мимо раскиданных тут и там ворохов сушащихся сетей и другой рыболовной

оснастки, Пенрик размышлял о крысах. Совершенно случайно он недавно обнаружил способ легко касаться хаосом одного участка в задней части их маленьких крысиных мозгов, в результате чего крысы погружались в глубокий сон, а не погибали. Хелвия, одна из двух чародеек-целительниц, прежде владевших Дез, не увидела ценности в умении получать спящих крыс, но другая, Амберейн, была заинтригована. Однажды она лечила, без особого успеха, человека, который страдал от приступов внезапного, неконтролируемого сна. Было весьма вероятно, что оба эффекта имели общую основу, а значит, этот фокус можно было провернуть с людьми.

Когда он вернется домой, надо уговорить какого-нибудь живодера в Вилноке разрешить ему поэкспериментировать с более крупными животными. Потому что если Пен разберется, как проделывать такое с *людьми*, не убивая их, это может заменить более жестокие и болезненные ухищрения.

А дальше понадобится практика, потому что едва ли враги согласятся стоять спокойно, пока он по очереди ощупывает им головы. Скорее он окажется лицом к лицу с бандой головорезов, желающих его прикончить, а потому беспоря-

дочно скачущих вокруг… Идея никогда больше не покидать дом и Никис обрела еще большую привлекательность.

Однако до тех пор придется пользоваться проверенным методом возбуждения крупного седалищного или подмышечного нерва, причиняя столь сильную боль, что жертва не сможет пошевелиться. И если Пен не рассчитает силу и порвет нервы, это хотя бы не убьет человека, а только покалечит.

Он постарался не обращать внимания на шепот — исходивший не от Дез, — что некоторые люди заслуживали смерти. Даже будучи просвещенным святым, он не имел права судить человеческие души. В Свое время боги сами сделают это — и намного мудрее.

Ленчия, лицо которой было напряженным с тех пор, как они покинули дом выкупа, наконец спросила:

— Что ты сделал с теми людьми?

— Отравил их оливки, — ответил Пен. И после напряженной паузы добавил: — Не наши, конечно же.

Он надеялся, что вопросы вроде *как?* и *когда?* потребуют дальнейших размышлений, на которые сейчас ни у кого не было времени. *Это была*

не магия, нет, конечно же, нет.

— О.

Наконец впереди замаячила тюрьма для рабов. Пен завел девочек в ближайший переулок, отыскал нишу между зданиями и спрятал их там.

— Затаитесь и ждите, пока я не вернусь, — прошептал он. — Не знаю, сколько на это уйдет времени. Но если все получится, вы увидите оживление на пирсе.

— А если ты не вернешься? — прошептала Сьюка.

— Если я не вернусь за вами до рассвета… прокрадитесь обратно в дом выкупа. По крайней мере, там вас накормят.

Ответом ему стало полное сомнений молчание. Он взъерошил сестрам волосы, заменив безмолвной лаской ложь, и выскользнул в темноту.

Теперь перед ним стояла трудная задача, поскольку требовалось разведывать и действовать одновременно. Для начала он обошел здание, касаясь одной рукой шершавой штукатурки, напрягая все чувства Дез. В старых зданиях часто обитали старые призраки, отлученные души на пути к забвению, но здесь их было особенно много. Он бесцельно коснулся рукой смутного силуэта, который пульсировал перед его лицом,

словно туманная медуза. Призрак слишком угас, и уже не мог вознестись к какому-либо богу; у Пена не было способов — обычных или сверхъестественных — повлиять на него. И наоборот, подумал он. *Да*, согласилась Дез, *а потому займись тем, на что мы еще можем повлиять.*

Над его головой в стене тюрьмы виднелось несколько высоких зарешеченных окон. Можно было превратить прутья решетки в ржавчину. Позади здания ступени вели вниз, в темноту, к тяжелой двери с крепким замком и деревянным засовом, за которой, скорее всего, находились камеры. Пен тихо отпер замок, вытащил засов и отложил в сторону, на всякий случай. В верхней части здания, выступавшей над улицей параллельно берегу, могли располагаться административные помещения, сейчас пустовавшие. Пен прокрался к главной двери, выходившей на море и пирс, до которого было сто шагов и у которого сонно поскрипывал на прибрежных волнах трофейный корабль.

Внутри здания находилось намного больше людей, чем тридцать моряков, которых Пен видел раньше; быть может, человек сорок? Остатки предыдущего улова? Большинство дремали, кто-то не спал от боли, никто не радовался. Передние

двери, к которым также нужно было спускаться по ступеням, были двойными, из окованного железом дуба, такого старого, что он по крепости сравнялся с железом. Все эти материалы были подвержены воздействию трех видов сил, имевшихся в распоряжении Пена: гниения, ржавчины и огня. Однако затейливый железный замок был открыт. Пен тихо поднял скобу и скользнул внутрь.

Коридора не было; двери вели сразу в широкую переднюю комнату. Арка справа выходила на лестницу, поднимавшуюся к административному отделу. Запертая на замок и засов дверь впереди вела в саму тюрьму. За столом слева сидели под свисавшей с потолочной балки масляной лампой четверо мужчин. Очевидно, они коротали скучную ночь за игрой в карты. Привыкший к темноте Пен заморгал на ярком свету.

Когда он вошел, мужчины развернулись на табуретах, с любопытством, но без тревоги, потому что Пен был один. Похоже, главным предназначением графина с вином было сделать воду пригодной для питья, поскольку ни один из стражников не выглядел хотя бы немного пьяным. Седеющий, пожилой жилистый мужчина. Два крупных головореза. И костлявый юнец. Пен

окрестил их сержантом, мышцами и бегуном.

Поскольку теперь ему не надо было защищать девочек, он не стал тратить время на болтовню.

Сержант едва успел положить карты лицом вниз на стол и открыть рот, а Пен уже начал методично обезвреживать его команду. Мускулистые стражники казались самыми опасными, но Пен решил, что наибольшую угрозу для него представляет бегун, который может позвать подкрепление. Раз, два, три, четыре — Пен применил к каждому седалищному нерву за столом сильный хаос, едва не порвав их. Он уже приступил ко вторым ногам, когда нахмурившийся сержант попытался встать — и с криком рухнул на колени. Пока остальные пытались вскочить — и обнаруживали, что собственные конечности их предали, — Пен сделал третий проход, защемив крупные нервы, которые шли к языкам стражников. Это не заставит их онеметь, но определенно приглушит крики боли.

На полке над располагавшимся в углу очагом, холодным в такую жару, стояла коробка с сальными свечами. Пен взял ее. Один из крупных стражников полз по полу и сделал отважную, но бесплодную попытку схватить Пена за лодыжки, когда тот проходил мимо. Рядом с внутренней

дверью висели на колышках два кольца с железными ключами. Пен схватил их и надел на левую руку, словно звякающие браслеты. Он выбил засов на двери из пазов, хмуро оглядел избыток ключей, пожал плечами и открыл замок без механической помощи.

Шагнув в более густую темноту за дверью, Пен попал в центральный коридор с каменными стенами, по обеим сторонам которого располагались несколько запертых дверей. Две камеры справа, пустые. В более длинной камере слева обнаружились недавние пленники. Пен взял из коробки свечу, зажег при помощи мысли, другой мыслью отпер дверь — огонь и отпирание были у них с Дез одними из самых старых магических треков, и он даже улыбнулся — и открыл ее коленом. После чего отшатнулся от хлынувшей наружу волны зловония.

Это старая седонийская тюрьма. Неужели здесь нет стоков?

Почему же, ответила Дез секунду спустя. *Есть один в самом конце. Предполагалось, что его будут промывать морской водой. К сожалению, он засорился. Сомневаюсь, чтобы его чистили с тех пор, как тут все захватили пираты.*

Или с тех пор, как ушли седонийцы. Пен сделал

неглубокий вдох и шагнул в камеру.

Он высоко поднял дымящую свечу, скорее чтобы показать себя своим будущим спутникам, чем чтобы разглядеть их. Увидел в тенях блики от широко распахнутых глаз и кусочков металла. Люди лежали по всей комнате на голом каменном полу. Их обездвижили различными способами — кого-то сковали вместе за запястья, на кого-то надели ножные кандалы, кому-то заперли руки в доске с замком. Пленники было отпрянули, потом угрожающе подались вперед, разглядев, что незваный гость явился в одиночку.

Чтобы предотвратить досадное непонимание, Пен быстро крикнул на торговом адриакском:

— Я пришел, чтобы вытащить вас отсюда! Ваш корабль по-прежнему пришвартован у пирса, и там нет никого, кроме ночной стражи. Вы сможете захватить его!

Мужчины зашевелились, одни будили других. Пен быстро наклонился к ближайшей скованной паре и разъединил цепи. Затем вручил пленникам ключи и свечи.

— Начинайте освобождать остальных, — велел он и, выпрямившись, снова крикнул: — Кто из вас офицеры с корабля?

Коренастый мужчина с неприглядным зе-

леным синяком на лбу поднялся на ноги и, пошатываясь, вышел вперед, держа перед собой запертые в доске руки. Пока в камере не стало слишком светло от свечей, которые зажигали первые освобожденные пленники, Пен незаметно провел рукой над замком, и мужчина смог стряхнуть доску.

— Я старший помощник «Сердца осени», — произнес он сиплым голосом. — Капитан убит. Из какой Бастардовой преисподней ты взялся?

— Из самой настоящей, уж поверь мне, — ответила, хм, наверное, Дез. Откашлявшись, Пен продолжил: — Это ваш корабль захватили две недели назад по пути в Лоди, с двумя джоконскими девочками на борту?

— Да… — Мужчина помедлил, с все большим изумлением глядя на Пена. — Ты знаешь, что с ними стало?

— Их… поручили моим заботам. — Пен не стал уточнять, кто именно. Или Кто именно. — Позже я все объясню. А сейчас в передней комнате лежат четыре стражника, которых нужно связать, пока к ним, э-э, не вернулась способность двигаться. Там вы также найдете предметы, которые можно использовать в качестве оружия… По крайней мере, лежавшая в углу куча выглядела

многообещающе.

Среди пленников были раненые — большинство отделались синяками, как старший помощник, но у некоторых обнаружились резаные раны и переломы. *Не отвлекайся на них сейчас*, проворчала Дез. *Развлечешься позже, когда мы выйдем в море.*

Верно. Однако Пен произнес:

— Те, кто целы, помогите раненым!

В озаренных свечами тенях началось движение — пленники оценивали состояние друг друга. Если большинство из них составляли команду одного корабля, они должны были привыкнуть работать сообща в опасных условиях. По крайней мере, Пен так надеялся. Он снова повернулся к старшему помощнику.

— Когда я помогу вам попасть на корабль, вы отвезете меня и моих племянниц — э-э, тех джоконских девочек — в Вилнок. За определенное вознаграждение. После этого можете плыть, куда пожелаете.

— Это даже не мой корабль. Полагаю, теперь он принадлежит вдове капитана. И я лишился всего нашего груза!

Иногда от растерянности люди начинали вдаваться в совершенно ненужные подробности.

— Быть может, вам удастся начать все заново с товарами в Вилноке, прежде чем вернуть корабль вдове. Она захочет как можно скорее узнать новости — скорбь лучше бесконечной неопределенности. Главное, что у вас есть шанс вместе с товарищами убраться с Лантиеры. Потому что я встретил здесь ратнаттца, который покупает рабов на галеры, и поверьте мне, к нему в руки лучше не попадать.

Это наконец заставило старшего помощника сосредоточиться. Он мрачно кивнул.

Тем временем к ним подошел еще один моряк: жилистый, с бронзовой от загара кожей, потрепанный и небритый. Его сопровождал такой же загорелый и потрепанный человек помоложе. Все здесь пропахли уборной, от этого было никуда не деться, но эти мужчины словно впитывали зловоние дольше других.

— О чем они говорят? — спросил Жилистый своего спутника на рокнарийском.

— Что-то насчет Вилнока. Или Ратнатты, я не уверен.

— Мы не хотим в Вилнок!

Обернувшись, Пенрик плавно переключился на низший рокнарийский:

— А кто вы такой, сэр?

Моряк схватил его за рукав туники.

— Ты умеешь говорить!

— И слушать. Как вы сюда попали?

— Я просто бедный рыбак с Аствика. — Очередного острова в Карпагамской цепи, как смутно припомнил Пен. — Они забрали мою лодку! Это все, что у меня было! — Вспомнив пережитое, он чуть не заплакал. — Почему мы? Это была всего лишь дешевая лодка! И немного рыбы!

Пен невольно задумался, было бы возмущение рыбака меньше, если бы добыча пиратов оказалась более щедрой.

— Добычей были вы сами. Ради этого пираты нападают на нищие лодки и нищие деревни, поскольку их плохо защищают, и они становятся легкой мишенью. Все равно что сорвать плод с самой нижней ветки.

— Но что ты говорил насчет Вилнока?

— Я пришел освободить вас, и мы сбежим в Вилнок. — При условии, что его предположения верны, но Пен надеялся, что если будет предполагать достаточно уверенно, то все получится. — Когда мы окажемся там в безопасности, все остальные проблемы можно будет решить.

— Что мне делать в Вилноке без моей лодки и с пустыми карманами? Нас просто продадут в

долговую кабалу!

Спастись из долговой кабалы было намного проще, чем из рабства; большинство попавших в нее людей считали, что это временно. Разумеется, некоторые ошибались: умирали раньше, чем выкупали свой договор или истекал его срок, либо обнаруживали, что их все устраивает, и смирялись со своим новым статусом. Однако Пен прекрасно понимал, почему рыбаков не радует эта перспектива.

— Если это вас успокоит, я могу лично гарантировать, что ничего подобного не случится.

Это обещание было Пену не по карману; вероятно, придется прибегнуть к помощи покровителей.

— А кто ты такой, чтобы это обещать?

— Человек, из которого получится очень скверный галерный раб.

Что определенно было правдоподобным утверждением. Рыбак отошел, чтобы побеседовать на родном языке с другими членами команды своего украденного судна.

Несколько матросов вернулись, волоча наполовину парализованных и безоружных стражников из передней комнаты. Один воспользовался шансом, чтобы мстительно пнуть пленников. Ладонь

Пена легла ему на плечо.

— Это излишне. Можешь их связать. Или просто запереть тут, когда мы уйдем.

Выругавшись, моряк повернулся к нему, нахмурив брови, уже произнося какие-то резкие слова. Потом умолк и смущенно шагнул в сторону.

Другой моряк притащил к старшему помощнику одного из своих товарищей, лязгая цепями.

— Ни один из ключей не подходит!

Пен со вздохом наклонился к ножным кандалам.

— Дай я попробую. Ну вот.

Болты упали в его ладонь. Моряк стряхнул оковы. Все трое уставились на выпрямившегося Пена.

— Как ты это сделал? — спросил моряк.

— Есть один фокус, — уклончиво ответил Пен. — Это загадка. Вроде той, с гнутыми гвоздями.

Которая, как он помнил, постоянно ставила его в тупик в детстве. *Но не теперь.* Он ухмыльнулся себе под нос.

Трое моряков промолчали и торопливо присоединились к своим товарищам, которые по очереди покидали камеру, выходя в коридор и переднюю комнату. Но старший помощник сме-

рил Пена хмурым взглядом, и откуда-то донесся нежеланный шепот: «Магия! Он чародей!»

Толпа моряков была слишком шумной, чтобы соответствовать представлениям Пена о ночном набеге, но при удаче все пройдет быстро. Самые крепкие протолкались в первые ряды, а помогавшие друг другу раненые тащились за ними. Встревоженный, но целеустремленный старший помощник взял руководство на себя — или был вынужден взять. Пен вспомнил, что в прошлый раз этот человек предпочел плен смерти, но, быть может, пережитые невзгоды закалили его характер.

Тем временем рыбак с Аствика собрал свою команду в дальнем конце коридора, собираясь выйти через заднюю дверь и, предположительно, отправиться на поиски своей любимой лодки. Пен не думал, что это хорошая идея, но не собирался спорить, при условии, что они не будут мешать его собственному побегу. Хаос работал во всех направлениях.

Моряки с «Сердца осени» покинули тюрьму и теперь продвигались в темноте, словно большая бормочущая гусеница, скорее спотыкающаяся, нежели спешащая в атаку. Однако до пирса было близко, и дорога шла под уклон, а потому бывшие

пленники невольно набрали скорость.

Пен держался позади, пока не убедился, что они добрались до своего корабля. Стражники на пристани скорее привыкли бороться с пожарами, чем с людьми, и моряки быстро задавили их числом. Пен услышал приглушенные крики и пару всплесков, когда тела упали в воду, а потом — вселяющий надежду топот ног по палубе, за которым последовали более уверенные корабельные приказы.

Развернувшись, Пен побежал к переулку.

К счастью, сестры сидели там, где он их оставил. Они не убрели прочь и даже не уснули, а ждали, встревоженно прижавшись друг к другу. Когда он подбежал, они затаили дыхание, но не отпрянули и не взвизгнули, а значит, скорее всего, узнали его в темноте по росту и светлым волосам.

— Идем. Пора! Бегом! — запыхавшись, произнес Пен, и девочки поднялись на ноги.

Они очень старались, однако ноги Пена были, конечно же, длиннее. Он тащил их по улице маленькими прыжками, словно оленят.

— Куда мы идем, мастер Пенрик? — пропыхтела Сьюка.

— Я нашел для нас корабль. Он отвезет нас ко мне домой, в Вилнок.

При условии, что сможет достаточно быстро выйти из гавани и опередить пиратское подкрепление, которое, несомненно, явится, когда суматоху в тюрьме и на пирсе наконец заметят.

Команда уже подняла один кливер, чтобы поймать легкий ветер с суши и отойти от пристани. Несколько фигур суетились на краю пирса, отдавая швартовы.

— Быстрее! — крикнул кто-то с банки, всматриваясь в направлении тюрьмы и Пена. — Я вижу его, он возвращается!

Побросав концы в воду, фигуры с пристани пробежали по сходням, которые закачались и заскрипели, когда корабль тронулся.

— Эй! — завопил Пен. — Стойте! Мы здесь!

Два моряка *посмотрели прямо на него* и втянули сходни на борт. Корабль медленно отошел от пирса, полоска черной воды внизу становилась все шире. Уже шире, чем мог перепрыгнуть Пен, и определенно шире, чем он мог перекинуть сестер, даже по очереди. *Вороньи девочки не летают…* Как и чародеи.

— Идиоты, что вы *делаете*? — крикнул им вслед Пен.

Старший помощник с наигранно виноватым видом перегнулся через поручень.

— Прости! Но мы не могли взять на борт чародея. Ты навлек бы на нас неудачу!

Я вам покажу неудачу! К вашему сведению, я могу потопить вас прямо отсюда! Задыхаясь от бега и ярости, Пен едва не дал угрозе сорваться с языка. Точнее, с кипящего разума.

Несколько моряков встали у поручня рядом со своим предводителем и сделали отгоняющие зло святые знаки.

Ответные знаки Пена были отнюдь не святыми.

— Вы невежественные, неблагодарные, эгоистичные сукины дети!

Он бежал по пирсу параллельно уходящему кораблю, и с его губ срывался ураган давно забытых вельдских ругательств. Это был прекрасный язык для оскорблений — горловой, резкий, изобретательно грубый. Брань вельдов имела *вес*. Она на время отогнала испуганных слушателей от поручня, но, увы, не возымела другого эффекта. И даже достигнутого Пен лишился, когда старший помощник отвесил матросам оплеуху и отправил поднимать паруса. На носу развернулся спинакер — и корабль тихо заскользил прочь по ночным волнам.

Остановившись на краю пирса, Пен заорал

ему вслед:

— Бастардовы *зубы*, ненавижу моряков!

* * *

Пенрик был горячим и мокрым от пота, отчасти от бега, но в основном от того, что слишком быстро применил слишком много магии. И слишком безрассудно. Слишком откровенно. *Откровенно.*

Развернувшись, Пен обнаружил, что девочки Корва прижались друг к другу и с ужасом смотрят на него.

Даже без магического Зрения он видел, что по берегу к ним приближаются новые проблемы. Об этом свидетельствовали мерцающие факелы. Пен сказал на рокнарийском:

— Нам нужно убраться с этого пирса и спрятаться. Если они нас не увидят, то наверняка подумают, что мы сбежали на том корабле, и это даст нам время. Теперь мы не можем вернуться в дом выкупа.

Если сестры спрячутся там, их наверняка разделят в соответствии с исходными условиями сделки: одну отправят на север, а другую — на юг, несмотря на отсутствие Пенрика. Как сильно — и на кого — рассердится Фалун, обнаружив, что ему продали фальшивого писца? Пену запоздало

пришло в голову, что правда об истинном призвании может спасти его от корабля Фалуна. Что произойдет вместо этого, он не знал.

— Ты правда злой чародей? — прошептала Сьюка.

Когда она выучила это слово на адриакском?

Пен раздраженно вытер лицо.

— Я правда *храмовый* чародей. Очень мирный. Просвещенный Пенрик. Святой белого бога, окончивший — почти с отличием — великую семинарию в Роузхолле, которая… забудьте, вы все равно никогда о ней не слышали. Будь я *злым* чародеем, потопил бы этих неблагодарных адриакских мерзавцев.

Или поджег бы корабль. Это было бы приятно. И красиво. Урок, стоящий полудюжины проповедей. Пенрик сожалел об упущенной преподавательской возможности.

Ну, ну, меня весьма впечатлило твое самообладание, прошептала Дез. Быть может, белый бог все-таки знал, что делает, когда вручил меня тебе.

Рад, что хоть кто-то это знал, огрызнулся Пен.

— Ты накладывал заклятье? — спросила Ленчия.

— Это *звучало* как магические слова… — опасливо добавила Сьюка.

Лучше нескромные вопросы, чем крики и бегство, решил Пен.

— Я всего лишь ругался. На вельдском. И в этом языке нет ничего магического, уверяю вас. Магия так не работает. — Сейчас едва ли стоило хватать девочек и тащить за собой. Вместо этого Пен замахал руками, пытаясь направить их в нужную сторону. — Шевелитесь, шевелитесь! Пираты близко. — И в отчаянии добавил: — Я все объясню, как только мы окажемся в безопасности. — *Временной безопасности.*

Судя по всему, пиратов они боялись чуть больше, чем чародеев, а может, он вызывал у них непреодолимое любопытство, потому что сестры повернулись и наконец заковыляли по пирсу. Пен повел их направо, забирая в сторону от берега. Когда они нырнули в глубокие тени узких улочек, сестры неохотно снова взяли Пена за руки. Хотя выбора у них особо не было.

Куда ты нас ведешь? — спросила Дез.

К тому квинтарианскому храму, который мы видели из вороньего гнезда. Он должен быть где-то в этой части города, наверху. Помоги мне сориентироваться.

Само собой, но если ты думаешь укрыться там, возможно, твои планы слишком оптимистичны. Его наверняка превратили в квадренский. Или в склад.

Если последнее, тем лучше. Мне просто нужно место, чтобы подумать. Снова. Два хороших плана — выкуп и групповой побег — пошли прахом, потому что другие люди вели себя неразумно. Быть может, ему требовался план, который не зависел от других людей. Или их разумности.

Им пришлось всего дважды выбираться из тупиков, прежде чем они вышли на узкую площадь перед храмом. На ней располагался фонтан, из которого брали воду жители ближайших улиц; слабая струйка едва текла. Рассвет наступал беглецам на пятки, небо над холмами на востоке уже просветлело. Пен завел девочек под передний портик храма. Фонарный крюк имелся, но фонаря на нем не было. Занесли на ночь, чтобы не украли? Фыркнув, Пен проверил замок на двойных дверях. Тот поддался не сразу, но больше по причине ржавчины, нежели сложности. Сейчас людей внутри не было. Пен скользнул в дверь, поманив за собой сестер, и тихо прикрыл створку.

По крайней мере, это был не склад. Пен насчитал пять алтарей, по одному у каждой сте-

ны, и облегченно вдохнул застарелый аромат благовоний. Еще одно опасение Дез не оправдалось. Скромный клеристорий между стенами и плоским куполом, окулюс над головой и узкие арочные окна над алтарями впускали внутрь свет — днем. Огонь на священном пьедестале в центре храма прогорел, холодные угли давно нужно было выгрести, а пламя разжечь заново. Кто-то проявил безответственность — или дрова стоили слишком дорого. Или то и другое.

— Здесь безопасно? — спросила Ленчия с сомнением в голосе.

— Следующий час-другой — возможно. Пока храм не откроется.

Рядом с каждым алтарем лежали в ожидании просителей стопки плесневелых молитвенных ковриков и подушек. Пен взял несколько штук из ниши Бастарда и сложил перед ней на каменном полу, соорудив импровизированную постель.

— Вот. Можете прилечь и немного отдохнуть, а я пока осмотрюсь.

— А бог не будет против? — спросила Сьюка. — Я никогда раньше не была в *квинтарианском* храме…

— Он не слишком отличается, — сказал Пен, потом осознал, что сам никогда не был в квадрен-

ском храме. *Это на четыре пятых правда*, — заметила Дез. — Что до белого бога, у меня с Ним в некотором роде договоренность.

Иногда весьма сомнительная, но определенно достаточно тесная, чтобы поделиться постелью. Согласятся ли с этим смотрители храма, было неизвестно.

Девочки сели, но не стали ложиться, хмуро глядя на Пена сквозь тени. Пен сомневался, что они смогут различить что-либо, кроме пятна его лица и блеска глаз и волос. А еще запах высыхающего пота и грязной одежды, но они все так пахли. Быть может, прошлый вечер следовало потратить на стирку, а не на уроки языка.

— Э-э, — начала Ленчия, — и как давно ты стал чародеем?

Очень взрослое начало беседы, если не считать легкой дрожи в голосе. Смертельно испуганная десятилетняя сирота, пытающаяся вести себя по-взрослому. Ну конечно же. Пен прикусил губу и изложил сокращенную версию.

— С девятнадцати лет. Я ехал по дороге недалеко от дома и случайно встретил путешествовавшую храмовую чародейку, старую, у которой случился сердечный приступ. Я остановился, чтобы помочь, но она умирала. Создание духа вроде

демона — или человеческой души, если на то пошло — не может существовать в материальном мире без материального тела, которое бы его поддерживало. Демон счел меня приемлемым и перепрыгнул в мое тело. — *И мое будущее полностью изменилось.*

К *лучшему, я надеюсь*, пробормотала Дез.

Не напрашивайся на комплименты. Но Пен с трудом подавил улыбку.

— Тобой *овладел демон*? — потрясенно прошептала Сьюка.

— И до сих пор владеет? — уточнила Ленчия, соображавшая чуть быстрее. Девочка отодвинулась подальше, к краю коврика, но не на твердый камень.

— Нет, это я овладел демоном. И, соответственно, магией. Это сделало меня чародеем. Важное отличие заключается в том, кто главный. Мы говорим, что демон вознесся, когда он оказывается главным. И тогда настоящим храмовым чародеям и угодникам приходится улаживать вопрос. — Пен чувствовал, что сейчас не время и не место вдаваться в неприглядные подробности. — После этого я выучился на святого. Обычно бывает наоборот, человек сначала учится, а потом Храм вручает ему демона, но наш случай был

чрезвычайным. Она — как голос в моей голове. — *Который со мной спорит.*

Лучше не упоминать двенадцатикратные сложности.

— Твой демон — *девочка*? — ахнула Сьюка.

— М-м, в некотором смысле. Ее зовут Дездемона.

Судя по крепко сжатым губам и широко распахнутым глазам слушательниц, это не слишком помогло.

— Она отлично ладит с моей женой, — добавил Пен в защиту своего демона. — И это хорошо, потому что быть замужем за чародеем — иногда все равно что быть замужем за двумя совершенно разными людьми, живущими в одном теле.

У Ленчии отвисла челюсть.

— Ты *женат*?

Судя по ее тону, наличие у Пена жены удивило ее еще сильнее, чем наличие демона. Что ж, в данном случае, возможно, владели им — и он был этому рад. *Излагай проще.*

— Да, мы живем в маленьком домике в Орбасе, вместе с ее матерью. Некоторые мужчины не ладят с тещей, но мы весьма привязаны друг к другу. Там хорошо. — Точнее, было хорошо, пока его не отправили в безнадежное путешествие, и

он не *попался в лапы пиратам*. И чем скорее он это исправит, тем лучше. Пен не знал, находят ли девочки этот поток домашних подробностей утешительным или нет. — Я действительно служу архисвятому Орбаса. Который одалживает меня герцогу Джурго, если у того возникает проблема, которую он хочет решить с моей помощью. В перерывах я могу заниматься собственными исследованиями, и потому это оправданно. Но за всем этим, всегда, я служу белому богу. — *Желаю я того или нет.* — Который является защитником сирот, в квинтарианской теологии.

Он подождал несколько секунд, чтобы сестры поняли этот недвусмысленный намек.

Опасливость никуда не делась. Пен не сдался.

— Итак, я рассказал вам все о себе. А теперь расскажите мне больше о вашей матери. — *Джедула Корва*, они упомянули ее имя в те долгие часы в трюме пиратского корабля. — Была ли она тайной квинтарианкой? Какой бог отметил ее на похоронах?

Он не сомневался, что оба родителя молились о безопасности девочек, но лишь один из них точно встречал бога лицом к лицу. Один раз.

Резкое движение, дрожь, возросшее, а не снизившееся напряжение. Сглотнув, Ленчия

сказала:

— Богу-демону запрещено являть себя на квадренских похоронах.

— С этим должны быть проблемы. Как квадренские святые в Джоконе не дают белому богу явить себя?

— У него нет рыбы, — ответила Сьюка, пожав плечами, словно говоря: все это знают.

Ага, радостно откликнулась Дез. Подстроить поведение погребальных животных, что, конечно же, проще, когда в сосуде плавает четыре рыбы, а святой объясняет их поступки. Или, если не получается, сделать вид, будто душа отлучена. Они признают правду, только если покойный или его семья успели очень им насолить.

Да, Пен об этом слышал. *Квадренцы должны верить, что живут по колено в призраках.* Он задумался о том, следует ли ему оскорбиться за Бастарда, с учетом того, что бог и Его души улетали прочь вместе за пределы досягаемости людских махинаций. Оставались только живые скорбящие, которых обделяли… Или чью ношу облегчали.

Дело случая, согласилась Дез. *Даже в квинтарианских землях.*

Но Пена интересовала более конкретная ин-

формация.

Пусть расскажут, что знают.

— Ее отметила рыба Матери лета, — наконец ответила Ленчия. — Так сказал святой. Потому что она была матерью. Но… — Девочка настороженно умолкла.

Не столь сдержанная Сьюка решительно продолжила:

— Но *нам* она сказала совсем другое.

Пен прислонился спиной к алтарному столу Бастарда, ощущая бедрами холодные, шершавые каменные плиты пола, и сделал вид, будто расслабился.

— Да?.. И что же она вам сказала? И когда?

Тени отступали: небо над окулюсом светлело. Девочки переглянулись, словно спрашивая разрешения или ища поддержки, после чего Ленчия ответила:

— У нее была лихорадка.

Воспоминания — ненадежная штука, но некоторые оказывались крепче других. Пен до сих пор живо помнил, как метался в бреду его умирающий отец, а с тех пор минуло двадцать лет. И потому он задал вопрос:

— Что именно она сказала?

Сьюка нахмурилась.

— Она велела Таспейг позвать нас. Ей было трудно дышать.

Ленчия, перед мысленным взором которой явно вновь разыгрывалась эта сцена, продолжила:

— Она сказала: «С вами все будет в порядке. Всю жизнь я торговала своим телом, так почему бы не продать и душу? В обмен я отдала вас в его руки». Потом она начала задыхаться, и Таспейг помогла ей сесть, чтобы она попила, и она сказала: «Лучшая цена, что мне когда-либо предлагали, и от самого надежного клиента». А потом она снова начала задыхаться, и замахала рукой, и Таспейг нас прогнала.

— Мы не знали, что той ночью она умрет, — сказала Сьюка, сглотнув. — Потом я решила, что она имела в виду, что нас удочерит один из ее постоянных клиентов. Но этого не произошло.

— Она не назвала имени, — добавила Ленчия. — Таспейг сказала, что тоже ничего не знает.

Было бы странно, если бы даже в предсмертном бреду женщина доверила свое устное завещание двум детям, которые никак не смогли бы воплотить его в жизнь. Служанка едва ли была лучшим свидетелем. Судя по всему, воронья женщина вела со своими детьми достойную, независимую жизнь, по меркам ее ремесла; не блеск и богат-

ство высококлассной куртизанки вроде Миры из Лоди, но и не уличная грязь и даже не защита борделя ценой собственной свободы. Однако свой маленький домик они снимали, и девочки явно не получили ничего ценного, иначе их сразу захватил бы кто-нибудь из Джоконы. И, вероятно, быстро обобрал бы до нитки.

Какая храбрая куртизанка! — с чувством пробормотала Дез. — *Даже Мира никогда не заключала сделок с богом!*

Хотел бы я знать, какую монету принимают боги.

Ты уже знаешь. Ее душу, разумеется.

Думаешь, она пригрозила собственным отлучением? Пен резко втянул воздух. Не похоже, чтобы женщина была в отчаянии, но любая душа могла сопротивляться богам. А некоторые женщины способны были на удивительное самопожертвование ради своих детей.

Вовсе нет. Я думаю, рядом с ее постелью стояла еще одна богиня и торговалась за нее. Ради возможности увести возлюбленную дочь из-под носа у Матери лета Бастард мог пообещать многое.

Пен в очередной раз вспомнил, что боги оценивали людей по иным стандартам, нежели сами люди. Люди с великими душами и вели-

чайшие угодники встречались не только среди великих людей — скорее наоборот. Разумеется, простых людей изначально было больше. Можно ли сосчитать благочестивые души и понять, равномерно ли распределялась святость? Едва ли; о высших классах было известно намного больше, чем о низших. А может, человеческому взгляду недоступно было увидеть, за что бог так ценил Свою дочь.

Но, возможно, пытаясь понять, почему эти сестры казались настолько важными, что бог случая отправил им на помощь собственного чародея, Пен смотрел не в ту сторону. *Не судьба, а наследство.*

Он едва сдержал кошмарную ухмылку. Значит, белый бог выпил избранную Им душу, словно гуляка в таверне, и сбежал, оставив меня платить по Его счетам?

Думать так о боге было грубо — но и Бастард мог быть очень грубым богом. И в действительности боги ничего не могли сделать в материальном мире, не прибегнув к помощи материальных существ. Эту истину Пену приходилось постоянно объяснять людям, которые пытались молиться о хорошей погоде или отсутствии землетрясений — и которые никогда его не слушали. В конце

концов Пен решил, что они просто не хотели ему верить. Боги не управляли погодой. Или миром. Или душами.

Но смерть… о да, смерть принадлежала им.

Пен осенил себя пятикратным божественным знамением, коснувшись лба, рта, пупка и чресл, а затем раскинул пальцы над сердцем, после чего поднял кулак и дважды постучал тыльной стороной большого пальца по губам — большой палец и язык были особыми символами белого бога, добрыми или злыми в зависимости от личных убеждений.

— Ваш джоконский святой солгал, — сказал он девочкам. — Думаю, Джедула из Распэя пришла в руки к белому богу, радостная, как новобрачная на свадебном пиру. И нашла великое утешение. Все прочее, — он вздохнул, — зависит от нас.

Пен не знал, сочли ли девочки это признаком веры или свидетельством его кроткого безумия.

Но…

— О, — выдохнула Ленчия, а Сьюка сглотнула.

Пен впервые увидел в ее глазах слезы. Это мать научила их не плакать перед лицом страха?

Бояться легко. Трудно радоваться, заметила Дез.

М-м.

Пен встал на ноги. Изнуренное тело затекло, пока он сидел, но этот разговор того стоил.

— Мне нужно найти место получше, чтобы спрятать вас, пока люди не начали просыпаться. Я скоро вернусь.

* * *

Дверь в стене рядом с алтарем Бастарда вела на задний двор. Пен скользнул в нее — и оказался под короткой колоннадой. Слева высились ворота наружу. Впереди лежал не столько храмовый комплекс, сколько храмовый симплекс — типичное прямоугольное каменное здание, окружавшее центральный двор с маленьким фонтаном, сейчас сухим. Лестница и деревянная галерея вели к верхним комнатам.

Жильцы? — спросил Пен у Дез.

Только трое, спят наверху.

Людей должно было быть больше, даже в таком маленьком храме. Пен быстро проверил первый этаж. Комната, где переодевался святой, кабинет и библиотека, сзади — кухня, трапезная, кладовые, лекторий, превращенный в чулан… последний лучше всего подходил для временного укрытия. Или пустовавшая комната наверху.

Пен вернулся к колоннаде и выглянул за воро-

та. К стене был пристроен хлев для священных животных, под низкой крышей со скатами. Старые бревна были крепкими, их украшала замысловатая резьба. Новые доски в отремонтированных местах выглядели грубо. Длинный сарай пустовал, в нем обитали только куры, пара коз и дремавший на соломе ослик. Зверинец был скорее практичным, нежели святым, хотя одно не исключало другого.

Пен вернулся в храм. Его дыхание прервалось, и он зашагал быстрее, услышав ворчливый голос:

— Кто оставил дверь открытой?.. Эй! Уличные крысы, вы не можете тут спать!

Рассветные лучи сочились через окулюс, арочные окна и широко распахнутую парадную дверь. Мужчина — горожанин или крестьянин, по его простой одежде трудно было понять — стоял возле пьедестала для огня, уперев руки в бедра. На спине у него была корзина, из которой торчали срезанные ветки. Он стряхнул ее и бросил на пол. Открыл было рот, чтобы вновь прикрикнуть на нарушителей, да так и остался стоять с отвисшей челюстью, когда Пен возник рядом с полусонными-полуиспуганными девочками, пытавшимися выпутаться из ковриков.

Человек с ветками сделал шаг назад, его рука

метнулась к ножу за поясом. По его лицу Пен видел, как он пытается оценить угрозу: высокий незнакомец опасен, маленькие дети — нет. Оружия не видно — тем лучше. Мужчина вновь расправил плечи.

— Вы не можете тут спать. Быстро убирайтесь, и я больше ничего не скажу. — Его крепкий островной адриакский выговор отлично сочетался с приземистым, мощным телосложением.

Пен сдержал сердитые проклятия и заговорил в вежливой лодийской манере:

— Однако мне есть что сказать. Для начала, кто вы такой?

Очевидно, храмовый слуга, который принес дрова для огня. Или для кухни.

Лицо мужчины подозрительно сморщилось.

— Брат Годино. Я управляю этим местом, насколько это возможно.

— Мне нужно поговорить со святым.

— Он перед тобой. Других нет.

Пен вскинул брови.

— В этом храме нет обученного святого? Или служителя?

— Был когда-то. — Годино смерил хмурым взглядом Пена, а затем и девочек.

Пен помедлил. Сработает ли это?

— Я Просвещенный Пенрик из Орбаса. Я прошу убежища в этом храме, во имя святых аспектов богов и по праву моих обетов, для себя и своих подопечных.

Годино вцепился себе в волосы и испустил ужасный смешок.

— О боги. Вы сбежавшие рабы, да?

— Сбежавшие — да. Рабы — еще нет.

— Они все так говорят. Думаешь, ты первый это придумал? От гильдии здесь не скроешься. Они идут куда хотят и делают что хотят, и когда они явятся, чтобы вытащить вас отсюда, *быть может*, мне повезет, и я отделаюсь побоями за то, что сразу не поднял тревогу.

— Едва ли так будет. — *Поначалу.* Но если его враги соберут достаточно людей, даже чародей не справится. Такой ситуации следовало избегать, тут он был согласен с Годино. — Пираты думают, что мы сбежали прошлой ночью на корабле. Если вы нас спрячете, они вряд ли сюда придут. Мы можем довольно долго не привлекать ничьего внимания.

— А потом что?

— А потом вы отправите просьбу о помощи через храмового посыльного, и кто-нибудь прибудет и избавит вас от нас.

— Ну конечно, увезет на волшебной птице и оставит меня разбираться с гневом гильдии? Не говоря уже о том, что тут нет никаких посыльных. Если ты такой важный, можешь выкупить себя, а меня оставить в покое.

— Я… — Пен поскреб голову. — Полагаю, я немного рассердил пиратов. И не рассчитывал бы на выкуп.

Годино отошел назад и указал дрожащей рукой на дверь.

— Вон!

Пенрик прочистил горло и застенчиво произнес:

— Я, э-э, не собирался об этом упоминать, но так получилось, что я еще и придворный чародей герцога Орбасского. — Время от времени, но сейчас ему явно требовалось укрепить репутацию. — Я действительно думаю, что в ваших интересах помочь нам.

Годино сдавленно усмехнулся.

— Неплохая попытка, лодийский мальчишка. Ты такой же чародей, как и святой. *Вон!*

Дез?..

О, да.

Пен драматично вытянул руку, нацелился на пьедестал и щелкнул пальцами.

Взревев, как свирепая львица, вверх взметнулось семифутовое пламя.

Годино с проклятием отскочил назад. Девочки сжались на одном коврике и молча вцепились друг в друга, напуганные и завороженные одновременно. Зажечь огонь можно было и не прибегая к сценическому мастерству, однако оно требовалось Годино. В пепле почти не было углей, и пламя быстро погасло, но Пенрик подумал, что донес свою мысль.

— Я храмовый ученый и просвещенный святой, — провозгласил Пенрик, — выпускник великого Роузхолла и избранник белого бога, и я здесь, чтобы вновь разжечь ваш священный огонь. Тем или иным способом. — Он сосредоточился, вспомнил одну из самых устрашающих проповедей в своей жизни и прогремел: — *Ты понял?*

По мнению Пенрика, Годино понял, что оказался в ловушке между кровожадными пиратами и разгневанным чародеем. И пусть пиратов было больше, но чародей находился *прямо перед ним*.

– *Да*, — пискнул он, выпучив глаза. И покосился на дверь.

— И не пытайся сбежать, — сказал Пенрик. — Ты не сможешь обогнать магию.

Вообще-то он мог, но Пен не счел нужным это объяснять. Он шагнул вперед, испытывая нечто среднее между удовлетворением и дурнотой. Запугать храмового слугу было намного проще, чем запугать пиратов. Для настоящих негодяев не годятся простые угрозы, с ними ситуация быстро станет плохой. Еще хуже. Но ему требовалось подчинить себе этого человека, и быстро, иначе они лишатся единственного преимущества, оставшегося после ночного фиаско.

— А теперь спрячь нас, — убедительно произнес Пенрик. — Ты всегда успеешь нас предать… Или попытаться.

Кривая ухмылка, которой он сопроводил свои слова, заставила Годино вздрогнуть. Пен видел момент, когда тот сдался: его плечи обмякли. Годино стиснул зубы, сдерживая молитву или проклятие, и пробормотал:

— Тогда идите сюда. И тихо. Чем меньше людей будет знать, что вы здесь, тем лучше.

Девочки следили за беседой взглядами, встревоженно переводя глаза с одного резкого собеседника на другого. Пен поднял их, повторив призыв к тишине на рокнарийском. Он подумал, что эта шустрая парочка не привыкла быть пугливыми мышатами дома, до того как их мир рухнул, но

отлично освоила эту роль за последние недели. Ленчия стиснула ладонь Сьюки, и они почти на цыпочках двинулись за Годино, опасаясь очередного подозрительного незнакомца, парад которых и не думал прекращаться.

Годино отвел их наверх по лестнице в галерею, в пустовавшую комнату, которая, очевидно, использовалась для гостей. Здесь имелись две узкие кровати, умывальник, старый сундук и рваные коврики. В одном углу лежала груда поеденных молью занавесок; в другом стоял приличный на вид стул-туалет с горшком. Судя по тонкому слою пыли, со времени последней уборки прошло несколько месяцев, а не лет, однако Ленчия все равно чихнула.

Пен обошел хозяина, чтобы осмотреть высокое окно с резной деревянной решеткой. Достаточно широкое, чтобы Пен и при необходимости его подопечные смогли вылезти наружу, и выходящее на крышу конюшни. Доступный путь к бегству; хорошо. Запереть их тоже не удастся, хотя Пен не собирался говорить об этом. Он подозревал, что Годино только обрадуется, если они сбегут, и как можно скорее.

Тихо прикрыв дверь, Годино сказал:

— Можете пока остаться здесь. Скоро придут

люди, а потому не шумите. Этим утром у нас похороны.

— Да? Чьи?

Пен надеялся, что прошлой ночью не убил никого своей магией.

Если бы убил, мы бы об этом знали, мрачно сказала Дез.

Верно.

— Старушка с соседней улицы. Будет много родственников.

Пен подумал, что жизни и смерти нет дела до пиратов.

— Их проведешь ты?

— Да… Я научился этому, наблюдая за Просвещенным Бокали, который был до меня. Вроде боги не против.

И он с новым подозрением оглядел гостя, словно ожидая сакраментальной критики.

Поскольку в настоящий момент Пен запахом и видом не напоминал ни просвещенного, ни святого, он решил, что все дело в убедительном лодийском акценте.

— Думаю, нет, — лаконично ответил он. И добавил: — Но сначала детям нужна чистая вода. И еда, когда будет возможность. А потом нам нужно поговорить.

— Хм.

С этим храмовый слуга и отбыл.

Несколько минут спустя он едва слышно постучал в дверь и молча вручил Пену кувшин с водой. Пен шепотом поблагодарил Годино и вернулся к своим проблемам. Снова.

— Мы в безопасности? — спросила Сьюка.

Пен потер усталое лицо и честно ответил:

— Нет, пока не окажемся в Вилноке. Но не думаю, что сейчас нам удалось бы найти что-то лучше.

Прошлой ночью девочкам удалось поспать всего пару часов, а Пенрик вообще не спал. Когда он напоил сестер, умыл и уложил на одну из кроватей — по зевающей юной голове с каждой стороны, босые ноги свисают за край, — они быстро погрузились в сон, который почти настиг их в храме. Настороженно ложась на другую кровать, Пен им позавидовал.

Могли ли они найти укрытие получше? Будь Пен один, он мог бы выбрать из десятка других вариантов, исполнить десяток иных ролей. Но в текущей ситуации… Наверное, нет. Благодаря образованию и привычке храмы казались Пену укрытием, хотя в действительности боги находились возле Своих алтарей не больше, чем в любом

другом месте. *И не меньше, надо полагать.* Храмы предназначались для удобства — и, возможно, концентрации разума — людей, которые их возводили. Ранг также обычно обеспечивал Пену молчаливую поддержку формальной храмовой иерархии, которой здесь не наблюдалось; Годино казался слишком тонкой соломинкой, чтобы на него опереться.

Вопреки сомнениям рассудка изнуренное тело явно решило, что здесь вполне безопасно, потому что Пен сам не заметил, как уснул.

* * *

Он резко проснулся, когда дверь со скрипом приоткрылась. Ахнув, Пенрик сел и потянулся к Дез, как другие тянутся к мечу. *Перед тобой, Пен.* Но это оказался всего лишь Годино, который вернулся с корзиной на руке. Один, а не подталкиваемый толпой кровожадных пиратов. В комнате царил полумрак, но судя по углу пыльных солнечных лучей и ярким узорам, которые отбрасывало на коврики зарешеченное окно, недавно миновал полдень.

— Еда, — проворчал Годино, ставя корзину на умывальник. Отошел назад и посмотрел на Пена, словно опасаясь, что тот опять что-нибудь

подожжет.

— Спасибо, — сказал Пен, садясь на край кровати. Сердце немного успокоилось. Он изучил содержимое корзины, обнаружив плоские лепешки, неизменные оливки, сыр, полоски сушеной рыбы, которые местные люди считали съедобными, и, хвала богам, вареные яйца. Также в корзине нашелся кувшин красного вина и четыре глиняных кружки. Это число получило объяснение, когда Годино взял два табурета и уселся на один, а второй поставил к столу. Быть может, Пен был не единственным, кто хотел поговорить.

Скудные резервы Пена, истощенные трудами прошлой ночи, требовали сначала подкрепиться. Он очистил яйцо и положил в рот, а Годино разбавил водой вино в двух кружках. Покосившись на спящих девочек, служитель храма понизил голос:

— На службах шептались, что прошлой ночью из гавани сбежал корабль «Сердце осени». Одни говорят, что команду освободил отравитель. Другие — что чародей, облаченный в плащ из дыма и молний, швырявший ужасные заклятья. Третьи считают, что там никого не было, а стражники просто придумали себе оправдание. Что кажется весьма правдоподобным, с учетом того, что их

накажут.

Годино смотрел на Пена, и тот не впервые пожалел, что Дез не умеет читать мысли.

— А что думаешь ты? — пробормотал Пен ртом, набитым сыром и хлебом.

— Если бы вы не явились сюда, я бы склонялся к последнему.

Пен прочистил горло глотком разбавленного вина.

— Есть признаки того, что пираты по-прежнему ищут этого волшебного дымного отравителя здесь, на Лантиере?

— Пока нет, — неохотно признался Годино.

— Насколько надежны твои слухи?

— Кое-кто по соседству работает на гильдию, тем или иным способом. На самом деле, таких немало по всей Гавани Ланти, потому что пираты платят деньги. Не только членам команды, головорезам и трактирщикам, но и честным людям вроде корабельных плотников или снабженцев.

— Как пираты захватили власть на этом острове?

Годино пожал плечами.

— Они были здесь всегда — сгружали добычу и пленников, пополняли запасы. Как и контрабандисты. Когда Карпагамо держала здесь

гарнизон, они управляли пиратами и взимали портовые сборы. Как и Ратнатта, когда мы принадлежали какому-то из князей. Потом, лет десять-пятнадцать назад, Карпагамо затеяла одну из своих войн с Адрией и отозвала людей, чтобы те трудились ближе к дому. Обычно это служило сигналом для Ратнатты, но в ней шла собственная гражданская война — три брата-князя не могли поделить кресло покойного отца. И тогда пираты собрались вместе и основали свой конклав.

— И ни один из островов не сопротивлялся?

— Э. Пусть лучше пираты работают одной командой, чем дерутся друг с другом по всему городу и разносят его в щепки. И без налогов, которые нужно было платить Карпагамо или Ратнатте, денег стало больше, доходы выросли, и прибыли новые пираты. Не успели мы опомниться, как город принадлежал им, купленный или захваченный. — Годино вздохнул. — Я думаю, что однажды Карпагамо или Ратнатта вспомнят про нас и вернутся. Никто этого особо не ждет.

— Хм?..

— Когда здесь Карпагамо, страдают квадренцы. Когда Ратнатта — мы, квинтарианцы. По крайней мере, гильдия следит за тем, чтобы каждого, кто обижает местных девочек, настигла кара. — Го-

дино хмуро посмотрел на спящих сестер. — И пираты не трогают оба храма. Если только кто-то не совершит что-нибудь очень глупое, например, попробует укрыть беглых пленников. — Он сжал губы.

— Ты сказал, в этом храме раньше был святой. Он подчинялся архисвятому Карпагамо? И покинул остров вместе с гарнизоном?

— Он отказался. Потом я об этом пожалел. — Годино уставился на свои сандалии. — Я начинал здесь конюшенным мальчишкой, присматривал за священными животными. Тогда у нас были отличные экземпляры. И я быстро стал старшим смотрителем. Когда здесь обосновалась гильдия, однажды ночью к нам пришли сбежавшие пленники и попросили укрытия в храме, совсем как вы. Просвещенный Бокали встал на крыльце и сказал членам гильдии, что если они хотят получить просителей, то им придется пройти через него. Так они и сделали. Схватка была короткой, потому что из оружия у него имелся только латунный подсвечник. Нашего служителя убили, когда он попытался защитить алтарные сокровища, которые головорезы решили забрать в качестве штрафа.

Пен припомнил, что нынешние алтарные

принадлежности, подсвечники, курильницы и масляные лампы были дешевой керамикой.

— Их похороны были первыми, что я провел сам, на следующий день, потому что больше никого не было. А потом я просто… продолжил работу. Ведь люди не перестали рождаться, или нуждаться в утешении, или умирать. Храм Карпагамо не вернулся за нами и никого больше не прислал, — у него был такой вид, словно он хотел сплюнуть, — а Ратнатта… уж они мне точно ни к чему.

Пен помассировал напряженный, пульсировавший болью затылок.

— Ясно.

Может, Годино и не хватало образованности, зато хватало ума и наблюдательности. И веры. Просто… он столкнулся с превосходящим по силе противником. Судя по всему, ему довелось повидать кровавые убийства, которые явно произвели на него глубокое впечатление.

Бросив взгляд на другую кровать, Пен обнаружил, что обе девочки лежат с широко раскрытыми глазами и встревоженно прислушиваются к непонятной адриакской речи.

— Брат Годино принес нам поесть, — сказал им Пен на рокнарийском. — Уже за полдень, и пора

вставать. Постарайтесь не слишком топать.

Он проследил, чтобы сестры умылись и поели, что получалось у него все лучше. Ему удалось скормить им все рыбные полоски — очевидно, в приморском Распэе люди питались чем-то подобным, — создав незаслуженное впечатление собственной щедрости и одновременно заполучив большую часть вареных яиц. Годино молча наблюдал. Пен подумал, что он немного понимает их негромкий разговор на рокнарийском.

Пен вкратце пересказал ему злоключения сестер, не упоминая собственные теологические рассуждения или свою магию.

— Если ты поможешь нам пробраться на борт корабля, направляющегося в Вилнок или Лоди, то мы не задержимся в твоем храме, — приглашающе закончил свой рассказ Пен.

— М-м, — отозвался Годино. Без энтузиазма, но хотя бы не мгновенный отказ. Напоследок велев им не шуметь, он ушел исполнять свои храмовые обязанности.

Пен вынужден был признать, что, как бы ему ни хотелось *что-то* сделать — ведь сам собой этот остров в Вилнок не прибудет, — новое исследование прибрежного города и его возможностей подождет до темноты. Некоторое время они

вполголоса занимались седонийским, пока его ученицы не заупрямились.

Затем ему пришло в голову позволить Дез рассказывать истории на рокнарийском. Шесть из десяти ее человеческих седоков когда-то были матерями, да и Пен слышал отнюдь не все воспоминания из ее двухвекового запаса, хотя и владел ею тринадцать лет. Мрачная Умелан особенно обрадовалась, когда ее пригласили. И даже получила в ответ несколько прерывистых джоконских сказок, которые Пен с удовольствием запомнил. Было намного приятнее коротать время таким образом, пока солнечные пятна ползли по полу.

Полагаю, всем вам, дети, нежно шепнула Дез.

Пен не смог ее упрекнуть.

* * *

Проведя три дня в этой более приятной тюрьме, Пен начал молчаливо сходить с ума. Несколько тайных визитов в крошечную храмовую библиотеку не принесли облегчения. *Библиотека* была слишком серьезным словом для двух полупустых шкафов, прислонившихся к стене в кабинете прежнего святого. Когда пираты грабили храм, они унесли все тома с хорошим кожаным пе-

реплетом или позолотой, которые можно было дорого продать, оставив только ветхие манускрипты, прикрытые тонкими дощечками или прошитой шпагатом вощеной тканью, и несколько рваных свитков.

Потрепанная обложка вовсе не означала, что внутри не прячется сокровище, как напомнил Пену пример Джедулы Корва, и потому, ожидая, пока Годино отыщет помощь, он пролистал все книги. Несмотря на усердие, он не обнаружил никаких следов приза, за которым вечно гнался — какого-нибудь утраченного труда по чародейству, что поведает ему о его ремесле больше, чем знали они с Дез.

Да уж, это действительно редкость, протянула Дез.

Не могло же оказаться так, что он уже был — они уже были — самой знающей живой парой чародей-демон в современном мире.

Кто-то должен быть, разумно заметила Дез.

Только не я. У меня еще столько вопросов!

По крайней мере, ему удалось найти для своих юных сокамерниц пару простых детских книг на адриакском и пару на седонийском и рокнарийском. Пен полагал, что зачитанные экземпляры остались с тех времен, когда прежний служитель

учил соседских ребятишек в лектории. Это были религиозные истории и легенды о святых. Он надеялся, что какие-то из них окажутся достаточно увлекательными, чтобы развлечь девочек и придать смысл языковым урокам, которыми Пен, за неимением лучших развлечений, занимал их время бодрствования.

Быть может, они уже начали сомневаться, не был ли он в действительности скучным писцом, выдававшим себя за чародея, как Поцени выдавал себя за святого. До настоящего момента Пен сопротивлялся их просьбам показать им магию, если не считать зажигания ночной свечи: это умение было слишком полезным, чтобы от него отказываться. Ах да, еще он продемонстрировал, как обеспечивал их водой в трюме, удовлетворенно отметив широко распахнутые глаза сестер. Особенно после того, как завершил демонстрацию получением маленьких градин, которые девочки взяли, изумленно оглядели, а затем, конечно же, сунули в рот и, улыбаясь, с хрустом раскусили.

Милые маленькие фокусы, совсем не страшные. *Если не задумываться.* Он мог с такой же легкостью заставить ледяной шар сформироваться в легком или в яичке. Или, конечно же, в опухоли.

Но только не в мозгу, потому что это мгновенная смерть, и Дез останется без защиты перед лицом своего бога. Таковы тонкости ремесла.

В храме Годино имелся запас пожертвованной старой одежды для нуждающихся; Пен решил, что они с девочками подпадают под эту категорию. Так ему удалось одеть всех, а потом ночью прокрасться на площадь с фонтаном, чтобы постирать их зловонные вещи; на удивление богатый арсенал мелкой домашней магии Дез облегчил эту задачу. *Серьезно, Пен. Десять женщин. Неужели, по-твоему, мы могли пренебречь такими возможностями?* Получив к ним доступ, Пен обнаружил, что благодаря помощи Дез намного лучше справляется с белыми мантиями, которые Орден выбрал для своих просвещенных святых. Он уже скучал по этим мантиям и всему тому, что к ним прилагалось.

Годино исправно приносил еду и питье, а также обрывки сплетен, согласно которым никто не подозревал, что Пен и его подопечные до сих пор на острове. Однако храмовый слуга был изобретательно уклончив в том, что касалось его неспособности договориться с верным рыбаком о переправке в Вилнок или — Пен становился все менее привередливым — *куда-нибудь* на

противоположном берегу, откуда они хотя бы смогут дойти до Вилнока. Пен начал гадать, уж не пытается ли Годино взять их измором, заставить потерять терпение и уйти самостоятельно, чтобы ему самому не пришлось противостоять грозному чародею. Или грозным пиратам. То, что Пен прекрасно понимал его точку зрения, ничуть не утешало.

Девочкам тоже надоело сидеть в тишине. Малопомалу они приходили в себя, по крайней мере, физически, после пережитого испытания. Испытания, которое началось с последней болезни матери и до сих пор не закончилось.

На четвертую ночь Пен стиснул зубы и выбрался в окно, чтобы провести новую разведку в гавани.

* * *

На погруженных во тьму кривых улочках Ланти не было робких и трезвых жителей, в отличие от их противоположностей. Пен выбрал из запасов Годино тунику и штаны грязно-зеленого цвета и позволил девочкам собрать себе волосы в узел на затылке, а сверху повязать черным платком, чтобы не сиять, словно луна в ночи. Пробираясь к гавани, он при помощи Взгляда Дез

и ночного зрения избегал бредущих домой припозднившихся гуляк и более тревожных мрачных фигур, притаившихся в переулках. Последние не нападут на него, если он не будет выглядеть слабым, но лучше, чтобы его вообще не видели.

Он обогнул склады и здание таможни. Рядом с пирсом, возле тюрьмы, стоял погрузочный кран на тяжелых деревянных колесах, и Пен тихо взобрался на него, чтобы оглядеться.

У причала стояли два новых корабля, хотя оставалось неясно, были ли они торговыми, пиратскими или пиратской добычей. Однако в тюрьме появились новые обитатели, и ее караулили новые стражники, а значит, по крайней мере, одно судно было добычей. Помимо пожарной охраны, патрулировавшей берег, на борту кораблей оставалась команда, и у сходней мерцали оранжевые фонари. Галера Фалуна по-прежнему стояла на якоре в гавани, а значит, ратнаттский работорговец еще не выполнил свою квоту.

Как бы я хотел потопить ту штуку, вздохнул Пен.

Я за, радостно согласилась Дез. *Сейчас?*

Соблазнительно. Но в трюме могли быть прикованы пленники, и потому он не мог просто совершить свой любимый вид саботажа отсюда.

Придется подплыть к галере, взобраться на борт и сначала освободить людей, что умножит риск. А также откроет, что чародей по-прежнему в Ланти, и это приведет к серьезной охоте на него. Одно судно, загадочным образом потонувшее в штиль, можно списать на целый ряд причин. Два будут выглядеть очень странно.

А спасенные пленники все равно окажутся в ловушке на этом острове, с разъяренными захватчиками. Пен не хотел жертвовать ими ради развлечения, в котором не нуждался.

Ты зануда, сказала Дез. Пусть и дружелюбно.

Он соскользнул со своего насеста и пробрался между грудами рыболовных снастей, сетей и гребных лодок, разбросанных по изгибу прибрежной полосы. Большинство лодок предназначались для того, чтобы переправлять команды на более крупные суда, стоявшие на якоре в гавани, или рыбачить в гавани в тихую погоду, и требовалось по меньшей мере два крепких мужчины, чтобы сдвинуть их с песка во время отлива. Несколько кораблей, пришвартованных к покачивавшимся на волнах буям, представляли собой одномачтовые суда, предназначавшиеся для небольшого экипажа; это была возможность, хотя самое маленькое судно, на каком Пен когда-либо ходил

по седонийским морям, вмещало команду из трех человек. Будет непросто в одиночку поднять тяжелый парус, даже с помощью двух крепких девочек, хотя, быть может, для этой цели найдется какой-нибудь рычаг.

Умеют ли сестры Корва плавать? Большинство людей не умели, даже, к изумлению Пена, многие моряки. Едва ли девочек окажется легко буксировать, хотя Пен думал, что справится, если прижмет.

Плеск волн в гавани заставил его вздрогнуть, и он вгляделся во мрак, задействовав Зрение и способность видеть в темноте. По чернильной поверхности расходились волны, над которыми виднелся едва заметный сатиновый блеск. *А. Дельфины.* Стая из четырех или пяти, прыгают друг за другом, преследуя рыбу.

Пен задумался, подействует ли его шаманское внушение на дельфинов. На других животных действовало. Или пролитая в воду кровь, плата за этот вид магии, лишь привлечет акул?.. Подействует ли внушение на акул? Будет неловко на собственном опыте обнаружить, что нет.

Дельфины — скользкие существа, и ему будет трудно за них держаться, а у девочек, возможно, вообще ничего не выйдет. Так может, пристег-

нуть дельфина или дельфинов к маленькой лодке? Что за упряжь для этого понадобится? Какой-нибудь хомут или подбитое кольцо, которое будет удобным для животного и которое будет легко надевать и снимать…

Только ты, Пен, сердито сказала Дез.

Пен с сожалением отложил манящий образ дельфиньей упряжки, что тянула их домой в Вилнок, на потом, для дальнейших экспериментов, вместе с нарколептическими крысами. Или на случай крайней нужды.

Очень маловероятный случай. Тебе следует выбрать судно, чтобы украсть, помнишь?

Присев на корточки, Пен изучил варианты. Он полагал, что три самых маленьких лодки приплывали и уплывали по своим делам, но они казались дневными судами, а значит, наверняка были тут по ночам. Так или иначе, для него должна найтись лодка.

Он даст Годино еще один день, чтобы подыскать помощь получше. Если этого не произойдет, быть может, завтра ночью придет его время попытать счастья с беспощадным морем… Их время. Поморщившись, Пен поднялся и двинулся обратно к храму.

* * *

Следующим вечером небо затянули тучи, и поднялся ветер. Пен отыскал лестницу и прокрался по выступу под клеристорием на крышу портика, где лег и выглянул наружу. С высоты он отлично видел город и гавань. Мелкие суда спешили обратно к причалам, рыбаки гребли к берегу лишь с половиной дневного улова. Серые ветровые волны отрастили белые макушки, с которых летела пена.

Что ж, *мертвый штиль* тоже едва ли помог бы им сбежать, как бы Пен того ни хотел, но это был перебор. Он зашипел сквозь зубы, совсем как ветер, и вернулся в укрытие.

Пен приложил усилия, чтобы его не заметили немногочисленные храмовые слуги — по словам Годино, конюх, повариха-судомойка и местный паренек, изображавший служителя при святом, такой же необразованный, но отважный помощник. Насколько понял Пен, местные женщины по очереди приходили убирать и наводить порядок в редких цветах и других подношениях, которые оставляли на алтарях, до церемоний и после них. Во время службы Пену и девочкам велели затаиться и не дышать.

Той ночью ветер швырял дождь в оконную решетку. Пен выругался на вельдском, повернулся на другой бок и снова уснул.

* * *

Они были вознаграждены за эту задержку на следующий день, когда Годино проскользнул в комнату и сообщил, что договорился с перевозчиком.

— Безопасно и тайно? — спросил Пен.

Годино пожал плечами.

— Я доверяю Джато. А он ручается за свою команду.

— Ты ведь сказал, что они получат награду за риск, когда мы доберемся до Вилнока? — И, при удаче, привезут кое-что назад Годино.

— Разумеется. Они не из тех парней, что могут позволить себе благотворительность. Или неповиновение, а потому, если их постигнет неудача, награда им не поможет. Помни об этом, Просвещенный.

Он был прав, и Пен не стал спорить.

— Когда мы сможем отплыть?

— С завтрашним вечерним приливом.

— При свете дня? — нахмурился Пен.

— Это самое оживленное время. И не так подо-

зрительно, как отплывать среди ночи.

— Хм. Надо полагать. — Каким бы ненадежным ни был выбор Годино, это все равно лучше, чем искать лодочника вслепую, не зная никого из местных. — Ты, конечно же, не сказал ему, что я чародей.

— Если бы сказал, он бы не согласился тебя взять.

— А что ты ему сказал?

— Что ты человек, который хочет втайне отправиться в Вилнок.

— Ты не говорил, что мы беглые пленники?

— Нет, по той же причине, хотя не сомневаюсь, он догадывается, что дело нечисто. Но если ты воображаешь, будто, заявив о своем неведении, он спасется от наказания гильдии, то мы можем только позавидовать твоему оптимизму.

Годино выгрузил их обед и заменил ночной горшок. Пен задумался, действительно ли ему удавалось скрывать своих незваных гостей от других храмовых слуг. То, что сюда до сих пор не явился отряд головорезов, чтобы снова их поймать — точнее, попытаться, — было единственным свидетельством в пользу этого; храмовые люди либо были очень преданными, либо действительно пребывали в неведении.

Я одобряю неведение, заметила Дез. *Оно не может стать почвой для предательства.*

— Что сказал брат Годино? — встревоженно спросила Ленчия, когда за мужчиной закрылась дверь.

— Он ведь говорил о лодках, да? — сказала напряженная Сьюка, выпрямляясь. — Он нашел для нас лодку?

— Да, и команду, — ответил Пен. — Я собирался украсть лодку две ночи назад, но эта безопаснее. Больше. — И без новичка за штурвалом. — А кроме того, мне не придется лишать какого-то честного бедного рыбака средств к существованию. На Лантиере не так уж много честных людей.

Он подумал, не дать ли сестрам оружие. Ножи, с которыми те смогли бы справиться, даже в умелых руках едва ли помогут против боевого молота. Хрупкая безопасность девочек крылась в их цене, которая не была высокой. Встретив сопротивление, пират может быстро решить, что ему не нужны проблемы, и легко избавиться от помехи. Пираты предпочитали слабых противников. И все же…

— Попросить Годино достать для вас поясные ножи?

— Да! — воскликнула Сьюка.

Однако Ленчия отреагировала более сдержанно:

— У тебя нет ножа.

— Его забрали у меня в первый день. Обычно я точил им перья.

— Ножи лучше, чем ничего, — признала она.

Пен отнюдь не был в этом уверен. Но, быть может, так они почувствуют себя лучше — и с чуть меньшей вероятностью запаникуют в ответственный момент.

— Я посмотрю, что можно достать.

Раздавая лепешки и козий сыр, Пен продолжил думать вслух:

— С вещами проблем не будет. Равно как и с водой, хотя лучше нам не показывать этот фокус команде. Быть может, стоит убедить Годино дать нам немного пищи для путешествия. Которое должно быть коротким. — Его сердце охватила надежда, которую он подавлял с тех пор, как попал в плен; она слишком отвлекала. — Уже через три дня мы можем оказаться дома.

Он прожил в Вилноке всего год, а потому не слишком скучал по этому городу. Он скучал по их маленькому дому, а точнее, по его обитателям — Никис, ее матери Идрене и даже ее брату Аде-

лису. Пен не знал, стали ли они его семьей или он — их, но в любом случае, они стали новым, неожиданным якорем для блуждающего судна его жизни.

Девочки вновь бросали на него опасливые взгляды, и он вспомнил, что эта предполагаемая цель была для них не домом, а скорее очередной незнакомой остановкой в изгнании. Очередным незнакомым местом, где незнакомые взрослые будут распоряжаться их жизнями — более мягко, чем работорговцы, но точно так же не оставляя им выбора.

Желая поделиться с сестрами своей надеждой, Пен принялся описывать свой дом и общий задний двор с его суматохой, свой тихий кабинет, заставленный книгами, Никис и Идрену. Хотя вопросы девочек сразу увели его прочь, от описания воспитанницы Никис, которая была как раз возраста Сьюки, к величественным владениям герцога. Это заворожило их сильнее, словно сказка наподобие тех, которыми они делились в один из дней. Пен помнил это ощущение из детства, когда мальчишкой читал истории о храбрых аристократах в далеких краях, хотя служба при трех дворах лишила его остатков восхищения. Но он не спешил разочаровывать девочек.

* * *

На следующий день, вскоре после полудня, Годино отослал слуг с разными поручениями и привел Пена и девочек к боковому входу возле конюшни. Его друг — по крайней мере, Пен так надеялся — Джато стоял, опершись о стойку ворот, и, скрестив на груди могучие руки, чертил ногой в пыли. Кирпично-красный загар наводил на мысли о седонийских корнях, что подчеркивали черные волосы и коротко подстриженная борода. На Джато была обычная одежда обычного моряка: рубашка без рукавов, штаны до середины икры, кушак и ремень с ножом. При их приближении мужчина хмуро поднял глаза.

Пен попытался замаскировать свою приметную внешность, снова завязав косичку узлом и надев грязную, потрепанную соломенную шляпу. И ссутулив плечи. На всякий случай он оделся в местную одежду грязно-зеленого цвета. Девочки, после долгих споров над предложенными Годино обносками, переоделись в мальчиков. Темные кудри Ленчии не хотели держаться в косе, а к рыжим вихрам Сьюки пришлось применить силу, но в целом из сестер получились приемлемые уличные беспризорники, на которых едва

ли кто-то посмотрел бы дважды. Все вместе они определенно мало походили на сбежавшего лодийского писца и его племянниц.

Джато оглядел их.

— Вилнок, значит?

Пен коснулся края шляпы.

— Если сможете. Когда мы прибудем туда в целости и сохранности, вам заплатят, как только я все устрою.

— Хм.

Без дальнейших комментариев Джато оттолкнулся от столба и поманил их за собой. Годио закрыл ворота, испустив шумный выдох облегчения. На глазах у Джато Пен не мог осенить его формальным благословляющим знамением, как подобало просвещенному святому, но он сделал это мысленно, постучав пальцами и понадеявшись, что боги узнают.

Девочки потянулись было к рукам Пена, затем опомнились и зашагали рядом с ним, как подобало мальчишкам, стиснув кулаки возле своих новых-старых поясных ножей. Пен одобрительно кивнул обеим и молча последовал за Джато по извилистым улицам, не позволяя себе шагать слишком широко. Он не мог дождаться, когда наконец уберется с этого острова.

Будь начеку, больше, чем когда-либо, раздался шепот в его голове. Пен узнал Умелан, и не только по свойственному Архипелагу выговору. *Очень распространенный способ убить чародея состоит в том, чтобы заманить его в лодку обещанием помощи, или удовольствия, или транспорта, отплыть от берега на несколько миль, а потом бросить его за борт и уплыть, пока чародей не утонул, а его демон не перепрыгнул. Так мой клан попытался поступить со мной, после того как смерть Миры в Лоди одновременно освободила и связала меня.* Пронзительная скорбь от того давнего предательства по-прежнему звучала в бестелесном голосе. Я *тоже думала, что еду домой.*

Я *буду внимателен,* — пообещал Пен.

Действительно, убить чародея вне зависимости от его опыта можно было, только обманув его и застав врасплох. Но Джато хотя бы не шарахался от Пена, не был напряжен, что говорило бы о запланированной ловушке, и не проявлял чрезмерной осторожности по отношению к случайному пассажиру.

В этот час встречными прохожими были в основном женщины и слуги, которые шли на рынок или с рынка либо несли кувшины с водой

и скользили по путникам взглядом лишь для того, чтобы убедиться в их безобидности. Наконец они выбрались из переулков где-то посередине между двумя пирсами.

Рядом с вытащенной на песок тяжелой гребной лодкой ждали четверо мужчин, лениво прислонившись к банке или присев на корточки в скудной тени. При виде Джато и его спутников мужчины выпрямились, и один помахал рукой.

Остановившись, Джато оглядел свою команду.

— Где еще двое?

— Сказали, скоро подойдут, — ответил махавший человек.

Они напоминали обычных моряков из Ланти, одетых, как их капитан, с кожей и волосами разных оттенков, скорее жилистых, чем массивных. Ни один ростом не превосходил Пена. Тот, что махал, внимательно оглядел берег. Слишком внимательно.

Проследив за его взглядом, Пен мысленно произнес несколько слов на вельдском. Очевидно, для предательства ему не придется ждать, пока они выйдут в море.

Дюжина людей бежала к ним. На всех, кроме двух, были накидки портовой стражи, а из оружия у них имелись короткие мечи, длинные

ножи, пара пик, два арбалета и два коротких лука. Был ли тот взмах рукой сигналом? Судя по тому, как вздрогнул и выругался Джато, эта делегация стала сюрпризом и для него, а также для трех других членов команды.

Логика была очевидна. Последовав за Джато, команда получила бы деньги позже в Вилноке. А предав его здесь — получила бы деньги прямо сейчас, с большей вероятностью и меньшими усилиями. Помимо награды, которую гильдия давала за поимку беглых рабов, если у Джато возникнут проблемы, моряки могли надеяться захватить его лодку.

— Держитесь за мной, и поближе, — велел Пен девочкам, которые, с ужасом глядя на происходящее, едва ли нуждались в этой инструкции. — Дело принимает скверный оборот.

Портовая стража рассредоточилась, ожидая, что беглецы разумно оценят свои шансы и сдадутся. Джато и двое из троих верных помощников сбились плотнее, а третий отступил с поднятыми руками, мрачно ожидая развития событий.

Одно было очевидно. Хотя кто-то узнал в отряде Пена беглых пленников, до сих пор ни один человек не подозревал, что он был тем чародеем, который совершил налет на тюрьму в ночь бег-

ства «Сердца осени». Иначе они привели бы пару сотен головорезов, а не дюжину.

Предводитель стражников шагнул вперед.

— Сдавайся, Джато, — добродушно посоветовал он. — Тебе нас не одолеть. А кроме того, мы знаем, где твоя берлога.

Джато вздрогнул, и Пен подумал, есть ли у него семья.

Бастардовы зубы, как он от этого устал. И вообще устал, и скучал по дому, и *сердился. Знаешь…* послал он мысль Дез. *Давай приступим.*

На краю его сознания прозвучал звук, напоминавший мурлыканье. Разве львицы мурлычут?

Нет, фыркнула Дез. *Но демоны хаоса могут.*

Почти небрежно Пен порвал тетивы луков и арбалетов. После дальнобойного оружия наибольшую опасность представляли пики и их носители, затем мечи и ножи. И кулаки и сапоги. Со столь многочисленными противниками нужна эффективность. Не время для красивых трюков. Использовать магию для уничтожения оружия — недопустимая трата сил. Оставались те, кто держал это оружие. *Но ненадолго.*

Пен принялся с силой дергать седалищные нервы, начав с ближайших людей. Его жертвы обнаружили это, когда попытались шагнуть

вперед, а вместо этого упали или пошатнулись, вскрикнув от изумления и боли. Потребовалась минута сосредоточенности, чтобы разобраться со всей дюжиной.

Кто-то ахнул. Пен обернулся. Вокруг глаз Джато появились белые круги.

— Ты тот чародей!

Не было смысла отпираться.

— Ну да, но для тебя опасности не представляю. Мы еще можем сбежать. — Пен толкнул лодку. Она не шелохнулась. — Мы вчетвером, считая меня, еще можем уплыть. Торопись!

И Джато поторопился — помчался со всех ног по песку, а за ним неслись оставшиеся члены его команды.

— Да обмочит вас Бастард, проклятые трусы! — бессильно заорал им вслед Пен.

Он крутанулся, торопливо высматривая в гавани суда помельче и маленькие гребные лодки, чтобы до них добраться. Тех, что он выбрал ночью, уже не было — владельцы воспользовались ясным днем, чтобы отправиться на рыбную ловлю или еще куда; шлюпки стояли у причалов, ожидая их возвращения. Пен не видел ни одного судна, до которого можно было добраться на гребной лодке или хотя бы вплавь, хотя два более

крупных, вероятно, пиратских корабля недавно бросили якорь и ждали своей очереди, чтобы встать у занятого пирса.

Сзади раздался вскрик, за которым последовал вопль Ленчии:

— Сьюка!

Пен снова крутанулся.

Он совсем забыл об одном человеке, члене команды, который сразу сдался. По какой-то причине тот решил схватить Сьюку и побежать в город. Чтобы получить награду? Предложить девочку гильдии в качестве извинения в надежде получить прощение? Спасти ее от злого чародея? Пен понятия не имел, но сукин сын бежал *быстро*, несмотря на то, что Сьюка брыкалась и сопротивлялась.

Хуже того, Ленчия побежала за ними.

— Ленчия, стой! — крикнул ей вслед Пен, и, конечно же, она его проигнорировала. — *Отлучись* оно все!

Стиснув зубы, он кинулся в погоню, потеряв соломенную шляпу.

Похититель — или спаситель — петлял, огибая лежавший на берегу хлам. Пен догнал Ленчию, которая работала ногами, сосредоточенно сморщив лицо. Он не остановился. Нанести изящную,

но очень эффективную внутреннюю травму движущейся мишени было непросто, и этот парень не являлся исключением. Несмотря на всю свою ярость, Пен не мог рисковать смертью и Дез.

Ему не пришлось. Когда моряк пробегал мимо склада рядом с ближайшей к тюрьме таможней, Сьюке наконец удалось ухватиться за свой поясной нож, достать его и пырнуть похитителя. Тот хрипло вскрикнул скорее от изумления, чем от боли, и рефлекторно отшвырнул девочку. Она врезалась в беленую стену и сползла по ней. Мужчина протянул было руку, чтобы снова схватить ее, но оглянулся на приближающегося разгневанного Пена, содрогнулся от ужаса, бросил добычу и сбежал.

Пен дал ему уйти. Задыхаясь, он остановился рядом со Сьюкой, которая садилась, с трудом сдерживая слезы.

— Ты в порядке?

— Да, — всхлипнула она, запыхавшись. По крайней мере, обошлось без переломов. Синяки проявятся позже.

Ленчия подбежала к ним, тоже запыхавшаяся и не плачущая — по крайней мере, игнорирующая свежие потеки на раскрасневшихся щеках.

— Сьюка, ты дурочка! Зачем ты позволила ему

схватить себя?

— Я не *позволяла*! Он просто схватил!

Пен повернулся, чтобы посмотреть, что происходит на берегу. К сожалению, происходило многое: люди подбегали к стражникам, которых Пен оставил лежать стонущими грудами возле лодки Джато, и убегали прочь. Через считаные минуты начнется охота, и на этот раз они едва ли совершат ошибку и попробуют захватить Пена столь малыми силами.

Лучше дать им какой-нибудь другой повод для беспокойства.

Дез, что скажешь о содержимом этого склада?

Забит под завязку. Рулоны ткани, груды одежды, мебель, всевозможное награбленное добро. Гипсовый пол, но деревянная крыша. Впечатление коварной ухмылки. *Очень сухая.*

Сделай это.

Да, Пенрик, любовь моя.

Он оперся рукой о стену и наклонился, ощущая волну жара, который порождала в его теле даже самая нисходящая магия. А эта магия была воистину нисходящей.

Достаточно. Пусть пламя белого бога само вершит работу. Компенсация за тот остывший

храмовый пьедестал.

Правильно. Оставь место для десерта, мой лорд.

Губы Пенрика растянулись в ухмылке. Дез использовала его старый титул лишь тогда, когда была чрезвычайно им довольна.

— Поднимайся, быстро, — сказал он Сьюке, протянув ей руку. Она встала, такая худая и легкая. Неудивительно, что похититель так быстро бежал. — Идите за мной. Обойдем это здание сзади.

Так их не будет видно с берега, хотя многие должны были заметить, куда они направились.

Они прокрались вдоль стены, выходившей в город, миновали запертую двойную дверь. По пути Пен пинком распахнул ее, чтобы обеспечить тягу для будущей печи. На углу он помедлил. Из следующего здания, в котором располагалась таможня, выбежало несколько человек, чтобы узнать о причинах суматохи рядом с лодкой Джато. Пен провел девочек вдоль задней стены длинного сарая, ведя рукой по доскам, ощущая каждую слабую волну жара. *Магическое трение*, так это называла Просвещенная Ручия. Действительно сухая древесина.

Дальше располагалась тюрьма. Полдюжины стражников собрались на крыше и, прикрыв

глаза ладонями от солнца, смотрели в сторону берега. Пен оценил варианты. *Быстрое движение* едва ли принесет долгосрочную пользу, но он подумал, что сможет совершить еще одну вылазку.

Оставлять сестер рядом со зданием, которое скоро вспыхнет, не годилось, и потому он взял их за руки, чтобы не отстали, и заставил опуститься на корточки возле угла тюрьмы, приложив палец к губам в знак молчания. Пен свернул за угол и направился к заднему входу, где на этот раз стояли два стражника; они опирались о каменную стену, но в остальном сохраняли бдительность. Оба оттолкнулись от стены, потянулись к своим коротким мечам и нахмурились при виде улыбки на лице Пена, который шагал к ним, подняв пустые руки. На мгновение, готовые к действию, стражники удачно замерли.

Язычные нервы, седалищные нервы, подмышечные нервы — *щелк-щелк-щелк*, — и стражники рухнули, извиваясь и задыхаясь. Обогнув их, Пен спустился по ступеням, поднял засов и открыл задвижку. Пробежался по темному центральному коридору — и все замки открылись. Пен просунул голову в главную камеру, которая, как и несколько ночей назад, была снова полна несчастных людей — этой торговле не было *кон-*

ца, — и крикнул на адриакском:

— Задние двери открыты. Что вы сделаете с этой информацией, зависит только от вас.

Он поспешил назад, туда, где стояли девочки, потрясенно уставившись на стражников, которых обезвредил Пен.

— Это было *заклинание*? — спросила Ленчия.

— Нет. Точнее, технически — нет. Для меня *заклинание* — это только шаманское внушение, или гейс. — Девочки недоверчиво наморщили лбы. — Я объясню различия, если вам будет интересно, когда мы доберемся домой. Но сначала мы должны добраться домой. *Сюда.*

Они зашагали прочь от тюрьмы. Пен не оглянулся, когда первые хриплые голоса зазвучали у задних дверей, стали громче, сочась пугливым изумлением. Кто-то из этих людей может погибнуть при попытке к бегству, но… не от его руки.

Ты не можешь спасти всех, Пен, утешила его Дез.

Да. Я хорошо это усвоил в Мартенсбридже. И вряд ли забуду.

Он раскраснелся от жара, пот стекал по его шее и спине. Следующее здание, похоже, было обшарпанной таверной. Пара слуг, бездельничавших у задней двери, уставились на пробегавших мимо

Пена и девочек, но не попытались их остановить. Внимание слуг привлек поток людей, вытекавший из тюрьмы. Они поспешно метнулись внутрь и заперли дверь, выкрикивая предостережения. Пен провел девочек вдоль задней стены ветхого здания туда, откуда он мог снова увидеть гавань.

Кран, на который он взбирался несколько дней назад, перетащили на пирс, вероятно, при помощи воловьей упряжки, чтобы разгрузить или загрузить одно из судов. Грузчики побросали работу и с криками показывали на берег, на таможню и склад, откуда валили клубы темно-серого дыма. В мягком соленом воздухе разлился едкий запах. Большинство грузчиков побежали в сторону пожара. Пен подумал, что скоро на берегу выстроится пожарная цепочка, передающая воду из моря. Он сомневался, что им удастся спасти какое-либо из зданий, но почему не попробовать.

Его же ноги все еще стояли на этом проклятом острове. Корабли. Шлюпки. Гребные лодки. Плоты, бочки, что угодно.

В гавани за пирсом по-прежнему стояла галера Фалуна. До сих пор Пену не слишком везло с благодарностью освобожденных узников, однако заключение в кандалах в трюме такого корабля очень помогает сосредоточить разум.

Если выбор стоит между рабством в Ратнатте и свободой в Вилноке, уж конечно, ему не придется их убеждать?.. Быть может, он проплывет такое расстояние, но…

— Вы видите какие-нибудь гребные лодки? — спросил Пен девочек, прищурившись.

Ленчия встала на цыпочки.

— Вон там! В тенях под пирсом.

— А. Точно. Что ж, теперь это наша лодка. Идем!

Очевидно, в сражении между ужасом и возбуждением победило последнее, потому что девочки с немного безумным смехом охотно последовали за ним. Они спустились вниз и неуклюже перелезли через камни у тенистого подножия насыпи. Лодка была привязана к ржавому железному кольцу, вбитому в один из крупных валунов. Пен без промедления вошел в мутную воду с хлопьями коричневой пены. По его меркам она не была холодной — в *кантонах* можно было проехаться на лошади и санях по *действительно* холодной воде, — но оказалась холоднее его тела и изгнала из крови опасный жар. На всякий случай Пен окунулся с головой, затем подогнал лодку туда, где в нее смогли забраться девочки.

Весла лежали под банкой. Пена больше удиви-

ло их наличие, чем удивило бы отсутствие. Он мог бы плыть впереди, буксируя лодку за веревку, совсем как его воображаемый дельфин, но это было бы слишком медленно. Пен развязал узел, закинул ногу на борт и оттолкнулся, плюхнувшись на мокрое дно, где секунду лежал, пытаясь отдышаться.

Видимо, девочкам уже доводилось ездить на гребных лодках — все-таки Распэй был портовым городом, — потому что они серьезно достали тяжелые весла и смогли вставить их в уключины, не уронив за борт. Потом сестры посмотрели на Пена.

— Куда мы поедем? — спросила Ленчия. — Мы не сможем догрести до Вилнока.

— Увы, нет. Только до той галеры. — Пен показал рукой. — Вы, мальчики, можете грести, если хотите.

— О!

Сьюка просияла от удовольствия, и девочки поспешно уселись на скамью, взяв по веслу. Они гребли достаточно согласованно, и лодка медленно двинулась вдоль корабля, который был пришвартован у этой стороны пирса. Его корпус вздымался ввысь, словно деревянная стена.

Сверху над бортом возникла голова и плечи.

— Эй! — крикнул силуэт. — Что вы делаете?

Хороший вопрос. Хотел бы Пен знать на него ответ. Он подобрался к борту лодки, положил подбородок на банку и принялся изучать проплывавший мимо корпус. Провести двойную полосу гнили длиной несколько ярдов сразу под ватерлинией казалось почти рутинным делом, но он был готов на все. Пен не знал, топит ли пиратский корабль или пиратскую добычу, а может, честное торговое судно, но его это не волновало.

Дез *захихикала*. Как и девочки, она была опасно возбуждена, однако Пен не мог дать выход ее нервной энергии при помощи гребли.

Когда они вышли на солнечный свет, и обзор стал шире, Пен перекатился на спину и оглядел снасти корабля, пришвартованного у дальней стороны пирса. Едва дотянувшись, он порвал штаги и поджег свернутые паруса в нескольких местах.

— Да пребудет со всеми вами благословение Бастарда, — пробормотал он и поцеловал большой палец.

Ленчия кинула на него опасливый взгляд. Поглощенная греблей Сьюка лишь прикусила губу.

Пен обдумал свой следующий шаг. Вполне вероятно, что большая часть команды Фалуна

развлекалась на берегу, хотя некоторые могли заниматься снабжением. Пленники, даже прикованные, требовали охраны. Пен научился отлично справляться с охраной, но это был не повод для беспечности. Кроме того, он был одет в обноски, ему было жарко и тревожно, и в его венах предательски пульсировала красная ярость, однако задумываться об этом сейчас не было смысла. Он сел прямо и, прищурившись, оглядел галеру.

— Кажется, я вижу сетку, свисающую с левого борта. Гребите туда.

Они прошли рядом с еще одним стоявшим на якоре судном — очевидно, преуспевающим пиратским кораблем, судя по изящным очертаниям и трем мачтам, позволявшим поднять много парусов для быстрого хода. Несколько членов команды толпились у бортового ограждения, смотревшего на сушу, и, тыча пальцами, таращились на пылавшие на берегу пожары: на солнечном свету пламя приобрело странный прозрачный оранжевый оттенок, воздух над ним дрожал. Пен систематически порвал все штаги, до которых мог дотянуться, и поджег рухнувшую оснастку. Крики стали воплями.

На борту галеры действительно *был* экипаж,

который тоже собрался по правому борту, чтобы наблюдать за необъяснимой катастрофой. С пирса наконец потянулся столб дыма. Пробитый Пеном корпус корабля начал крениться наружу, пока совсем незаметно.

На фоне этого представления никто не обратил внимания на двух мальчишек и мужчину в лодке.

— Разве это не рабская галера капитана Фалуна? — с опаской спросила Ленчия, когда они скользнули в тень ее дальнего борта.

— Ага, — откликнулся Пен, скидывая мокрые, рваные ворованные сандалии, скользкие и бесполезные. И приготовился схватиться за сетку.

— А это не *опасно*?

— Может, и опасно, — вздохнул Пен. — Думаю, я начинаю к этому привыкать. — Он посмотрел вверх, за линию весельных портов, затем вновь перевел взгляд на девочек. — Держитесь на небольшом расстоянии от корабля и будьте готовы уплыть прочь, если вас попробуют схватить.

Они переглянулись.

— Без тебя? — нерешительно спросила Сьюка.

— При необходимости.

Склонив голову, Ленчия спросила, на удивление сухим тоном для десятилетней девочки:

— Куда?

Пен оглядел охваченную хаосом гавань.

— Я… вернусь.

— Очень на это надеюсь, — выразительно сказала Сьюка.

Пен повис на грубом веревочном плетении и, обернувшись, ухмыльнулся сестрам.

— Я думал, что я злой чародей.

— Да, но ты *наш* злой чародей, — парировала Ленчия.

— О. — Секунду Пен висел, пытаясь осознать это утверждение. Внезапно он испытал странную нежность. — Да. Полагаю, так оно и есть.

Сьюка уверенно кивнула.

— А потому не дай порубить себя на куски.

— Сделаю все, что смогу. — И, помедлив, исправился: — Все, что мы сможем.

Потому что, во что бы Пен ни собирался ввязаться, он будет не один. Он постучал большим пальцем по губам, нащупал опоры для пальцев ног и подтянулся на борт.

Я же говорила, *что мне нравятся эти девочки*, самодовольно заявила Дез.

Ты была права. Он помедлил, прежде чем подняться на палубу. *Взгляд.* В непосредственной близости никого не было, хотя это не означало,

что кто-то чуть дальше не смотрит сейчас в эту сторону. Пен тихо перекатился через поручень и пригнулся, оглядываясь. Он оказался на чем-то вроде трапа между поручнем и одной из двух низких надстроек или кают, которые стояли на палубе перед грот-мачтой и за ней. У этой галеры были старомодные квадратные паруса, однако ближе к носу имелась мачта поменьше для некой разновидности кливера; судя по всему, ее добавили позже. Где-то должны быть люки, ведущие в трюм… вот они. Пен обошел кабину, увидел темный квадрат в палубе и скользнул вниз по смертоносному гибриду лестницы и трапа.

Потолок был низким — Пен обнаружил это, ударившись головой. Очевидно, здесь располагались груз и команда — судя по висевшим там и тут гамакам. Еще ниже. Это была гребная палуба, овальные пятна солнечного света падали через порты на палубу и ряд скамей, отражения волн плясали на низком потолке. На удивление, здесь совсем не пахло. И снова вниз, в непроглядную темноту. Не задумываясь, Пен включил ночное зрение и огляделся. *Здес*ь Фалум перевозил ценный человеческий груз. Пен понял это по длинным рядам ножных кандалов, пристегнутых к скобам в корпусе корабля.

Пусто. Фалун еще не загрузил судно.

Бастард, я мог потопить этот проклятый корабль еще той ночью!

Пен рухнул на колени. Это была не совсем молитва. Лорд господь Бастард, я посвящаю этот день тебе. Надеюсь, ты получишь удовольствие. На самом деле, можешь забрать себе всю эту отвратительную неделю…

Если не считать двух сестер, что с надеждой ждали его в лодке снаружи. Этот божественный дар Пен сохранит. А потому он не мог позволить себе кататься по палубе комком ярости и отчаяния и колотить ногами, словно очень опасный двухлетний ребенок.

Не стоит, промурлыкала Дез. *Сам знаешь, мы, опытные матери, умеем пресекать подобные выходки.*

Я бы предпочел не выяснять подробности.

Вздохнув, он поднялся на ноги и вернулся на верхнюю палубу. Пленников, которые могли бы стать командой, нет. Корабль слишком велик, чтобы управлять им в одиночку. Что дальше?

Если ты опять вспомнишь тех дельфинов, я дам тебе пощечину, пригрозила Дез.

Вопреки всему губы Пена изогнулись. *Думаю, это* шикарная *идея…*

Выйдя на солнечный свет, Пен обнаружил, что дальше его ждала встреча с капитаном Фалуном, который вышел из задней каюты и остановился, изумленно уставившись на гостя.

— Ты!

Пен почесал голову, мокрую, липкую и зудящую от морской воды.

— Знаешь что, — непринужденно сказал он на высшем рокнарийском — стиль общения ученого со слугой был приятно оскорбительным, — у меня выдался чрезвычайно трудный день. И не стоит его *усугублять*.

Разумеется, Фалун не стал слушать. Люди редко слушали. Вместо этого он шагнул назад, схватил острую саблю со стойки на стене каюты, повернулся и кинулся на Пена.

Пен аккуратно разрезал надвое сложное нервное сплетение в подмышке Фалуна. Рука работорговца обмякла и повисла, сабля выпала из онемевших пальцев и с лязгом упала на палубу.

— Что за?..

Фалун споткнулся, потеряв равновесие, рука болталась на плече, словно тяжелый мешок, на удивление не причиняя боли.

Он больше никогда не поднимет меч. Или ложку.

— Я мог бы сделать то же самое с твоими глазными нервами, — сообщил ему Пен. — Теологически это даже не запрещено.

Несмотря на свой элегантный вид, Фалун заставлял повиноваться пленников-рабов — или управлял головорезами, которые заставляли повиноваться пленников-рабов — отнюдь не добротой и медлительностью. Взревев, он наклонился и схватил саблю рабочей рукой. Пен отпрыгнул от поднимающегося лезвия и резко порвал седалищные нервы Фалуна, после чего тот упал и больше не поднялся.

Конечно же на шум прибежали столпившиеся у поручня члены команды, а также слуга или раб из каюты, и Пену пришлось разбираться с *ними*. К счастью, на борту оказалось всего полдюжины людей, и их озадаченность происходящим дала Пену небольшое преимущество, которое он использовал по полной программе.

Он оглядел получившуюся в результате груду человеческих тел, бившихся у его ног, словно рыбный улов. Он *мог бы* столкнуть их всех за борт и утопить в гавани, как преданных чародеев. Мог бы. По крайней мере, физически. Теологическая грань: подобные убийства — отправка незрелых душ к их богам.

Вместо этого он перешагнул через стонущие тела, подошел к основанию грот-мачты и посмотрел вверх. Ряд штырьков для рук, воронье гнездо наверху. Дез заскулила.

Да, да. Корабль почти не качается. Потерпи, любовь моя. Он подтянулся и полез; на середине пути руки у него начали дрожать, и он понял, как сильно устал. Дез снова заскулила, но он добрался до голого насеста впередсмотрящего, не свалившись, обхватил ногами мачту и вцепился в нее.

Первым делом он проверил сестер Корва в их лодке. Они были на месте, по-прежнему покачивались в тени галеры. Пен помахал им. Они помахали в ответ, их поднятые лица были озадаченными, но полными надежды.

Потом он развернулся, чтобы посмотреть на берег.

Ничего себе, сказала Дез. Можно было принять это за изумление, но Пен решил, что это скорее восторг.

Три колонны черного дыма тянулись в небеса и смешивались вверху: одна от склада, одна от таможни и одна с пирса. Сам пирс и два пришвартованных у него корабля пылали. Точнее, на одном корабле поднимающаяся вода соперничала с нисходящим огнем. Пен не знал, что победит,

но было очевидно, что корабль проиграет. Во всех трех случаях люди перестали бегать вокруг с криками и передавать ведра и просто стояли в отдалении маленькими группами, с мрачным изумлением наблюдая.

Богатый пиратский корабль поблизости тоже поживал не слишком хорошо — или, напротив, весьма неплохо, в зависимости от точки зрения. Пен решил, что это красивое зрелище — и, судя по одобрительному гудению Дез, она тоже так считала. Огонь с упавшей оснастки распространился на палубу и под нее, и матросы покидали судно, залезая в кренящуюся шлюпку или плывя к берегу при помощи сброшенных за борт досок либо брусьев.

Пен изучил оставленный им след хаоса. В*ряд ли нам будут снова рады в Ланти.*

Ой, вряд ли, согласилась Дез.

Ну и хорошо. Все равно мне не понравился этот город.

Пен выдохнул и принялся оглядывать гавань в поисках чего-то — хоть чего-нибудь, — что держалось на воде, было оснащено парусом и размерами уступало киту. Теперь у них была лодка, чтобы добраться до нового судна, и потому, благодаря всем его усилиям, дела хоть немного,

но изменились к лучшему. Неужели, несмотря на все это, он загнал их в тупик?

Отблеск света и цветная вспышка в широком устье гавани отвлекли его внимание от зрелища на берегу. Пен повернулся и прищурился.

Это была галера. Цвет оказался парусом, который убирали, а свет — бликом на длинном двойном ряду мокрых весел, которые поднимались и опускались, разворачивая корабль к городу. Очередной рокнарийский работорговец? Нет, слишком узкий, слишком быстрый…

Это боевая галера, сказала Дез. Она не могла встревоженно выпрямиться, но Пен мог сделать это за двоих. Он встал и вгляделся, прикрыв глаза рукой.

Нет… не просто боевая галера… Одна, две, три… шесть, а за ними еще: семь, девять, десять… Следом тащились два пузатых грузовых судна, морской эквивалент обоза. Карпагамцы, наконец решившие вернуть себе остров? Или какой-то ратнаттский князь, явившийся за тем же? Внешне корабли больше напоминали современный седонийский стиль.

Дуновение ветра в мягком вечернем воздухе развернуло флаги на первом корабле.

…Что *здесь* делает половина флота герцога

Орбаса?

И конечно, Пен узнал знамя командующего. В конце концов, Никис сама, с любовью, вышила его для своего дорогого брата.

Генерал Аделис Арисайдья, бич Русилли, страх и гордость своих отрядов. Насколько понял Пен, страх являлся причиной гордости, потому что таков был солдатский образ мышления.

Он сидел с открытым ртом и ошеломленно смотрел, как орбасский флот входит в Гавань Ланти.

* * *

Секунду спустя Пен справился с оцепенением и скатился с мачты так быстро, что Дез взвизгнула. Он промчался по палубе, перепрыгивая стонущие и сквернословящие тела, которые продолжали лежать, и высунул голову за борт.

— Ленчия! Сьюка! Заберите меня, быстро!

Встревоженные девочки подгребли к кораблю, а Пен повис на сетке и прыгнул в лодку, едва ее не опрокинув.

— Теперь на весла сяду я.

— Они за тобой гонятся? — спросила Сьюка, кинув яростный взгляд на галеру Фалуна.

— Нет, но мне нужно перехватить моего шу-

рина.

— Что? — спросила Ленчия, уступая место Пену. — У тебя есть шурин?

— Да, и он здесь. Каким-то образом.

Пен навалился на весла, и лодка прыгнула вперед. Мимоходом он успел посадить несколько пятен гнили размером с кулак под ватерлинией галеры Фалуна, что не принесло ему особого облегчения.

Когда они обогнули корабль работорговца, Пен оглянулся через плечо, пытаясь выбрать курс, чтобы перехватить флагманский корабль. Несправедливо, что у Аделиса было намного больше весел, чем у него, но и корабль генерала — или ради этого предприятия его сделали адмиралом? — весил не одну тонну. Много тонн. У него была большая инерция и бронзовый нос, который мог пробивать вражеские корпуса еще быстрее, чем Пен.

А если эти корабли кишели ветеранами, закаленными Русиллийской кампанией, значит, Аделис возглавлял отряд головорезов, которые могли стереть пиратов в порошок — и, возможно, так и собирались поступить.

Когда два судна сблизились, Пен встал на колени на скамью, закричал и отчаянно замахал

руками. Впередсмотрящие заметили его и доложили вниз; мгновение спустя широкая, крепкая знакомая фигура в армейской кирасе из пластин из вареной кожи и откинутом за спину красном плаще подошла к поручню, увидела Пена и выкрикнула приказы через плечо. Еще через секунду все весла поднялись и замерли. Забегали люди, и сетка опустилась с носа перед гребными скамьями.

Пен начал грести быстрее, корабль замедлился, и чародею удалось подвести лодку к нужному месту.

— Хватайтесь! — крикнул он девочкам, которые потянулись к сетке.

Не успели они схватиться, как банка уплыла у них из-под ног; Пен торопливо последовал за ними, готовый прыгнуть или при необходимости нырнуть за падающим юным телом, но сестры держались и продолжали карабкаться. Лодка отскочила от корпуса галеры и, вращаясь, поплыла прочь. Пен надеялся, что несчастный хозяин в конце концов отыщет свое судно.

Множество сильных рук потянулись сверху, чтобы втащить на борт сначала девочек, а затем и Пена.

— Ах!

Вцепившись в поручень, он поднялся на ноги и огляделся.

По палубе застучали сапоги, и перед Пеном возник Аделис, который упер руки в бедра, сердито качая головой.

— Вот ты где. Почему я не удивлен?

— Откуда ты знал, где меня искать?

— Я подумал, что столбы дыма — отличный указатель.

— Э-э, да, но… — Пен осознал, что сестры жмутся к нему, со страхом глядя на Аделиса.

Пен вовсе не считал Аделиса страшным, но он привык к нему. Мускулистое телосложение, седонийская кирпичная кожа, черные волосы, по-армейски подстриженные, чисто выбритое лицо, совершенно нормальное внизу. Ужасные красно-белые шрамы от ожогов обрамляли глаза Аделиса, словно совиные перья. Радужки были странного гранатового цвета и светились под черными арками бровей, будто угли, когда на них падал свет. Пен знал каждый дюйм этого лица, потому что исцелил его после кипящего уксуса, ккоторый должен был навсегда лишить Аделиса зрения. То, что Аделис ловко использовал чудесное исцеление и кошмарные шрамы, чтобы подкрепить свою репутацию командующего,

было очень в его духе.

Пен признавал, что в первый раз эффект был немного пугающим. Однако он не думал, что шурин обрадуется, если маленькие девочки будут кричать при виде него, а потому поспешно представил их друг другу, сперва на рокнарийском, которым Аделис неплохо владел.

— Ленчия, Сьюка, это брат-близнец моей жены, генерал Аделис Арисайдья, — произнес Пен демонстративно радостным голосом. — Он служит герцогу Орбаса, как и мы с Никис.

Но немного другим образом, сообщили дернувшиеся брови Аделиса.

Пен переключился на седонийский:

— Аделис, это Ленчия и Сьюка Корва, из Распэя, сироты и воспитанницы моего Ордена. И мои, в настоящий момент. Я пока не успел толком научить их седонийскому, но мы над этим работаем.

— А, — сказал Аделис, насмешливо оглядывая сестер. Затем на приличном низшем рокнарийском произнес:

— Ленчия и Сьюка Корва, добро пожаловать на мой флагманский корабль «Око Орбаса». Как вы познакомились с нашим Пенриком?

— Он… свалился с неба? — застенчиво ответила

Сьюка.

— Пираты бросили его в трюм, в котором держали нас, — уточнила Ленчия. — Потом нас всех привезли на Лантиеру и продали, а затем мы пытались сбежать.

— Это долгая история, и я могу рассказать ее позже, — вмешался Пен. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: дел у Аделиса хватает. Встревоженные офицеры роились вокруг него, словно пчелы вокруг королевы; за судном тянулся караван судов, на которых мелькали сигнальные флажки. — Но… как ты оказался на Лантиере? Ты собираешься захватить остров?

— Брат осени упаси, нет. — Аделис серьезно постучал кулаком по груди над сердцем. — Он слишком далеко от побережья Орбаса, чтобы мы смогли его оборонять, и не имеет для нас стратегической ценности. Скорее наоборот. Однако нам не нужно сообщать им об этом. — Он презрительно кивнул в сторону горящего берега. — Но лантийские пираты уже давно беспокоят Орбас. Твой корабль стал третьим захваченным в этом году, а недавно они напали на деревню на Палпи. — Это был один из немногих прибрежных островов герцогства. — Терпение герцога Джурго лопнуло, и он отправил меня, чтобы я убедил их

остановиться.

А вместе с Аделисом и пару тысяч его друзей.

— Он дозволил мне самому выбирать методы. Я думал, что самой сложной задачей будет извлечь тебя, но это оказалось неожиданно легко. И стирать с лица земли город, чтобы отомстить, похоже… не придется. Ты сотворил весь этот хаос?

— В некотором смысле. — Пенрик потер усталые, зудящие, слезящиеся от дыма глаза. — День выдался скверным.

— Я вижу. — Аделис наклонил голову и заговорил более любезным тоном: — У вас все в порядке, мадам Дездемона?

— Разумеется, генерал, — ответила Дез ртом Пена, который вежливо уступил ей место. — Я наслаждаюсь прогулкой.

Губы Аделиса изогнулись. Поначалу демон Пенрика приводил его в ужас, но постепенно он примирился с Дез и в последнее время начал относиться к ней как к невидимой золовке. По мнению Пена, лед треснул под напором их общей кровожадности.

— Но как ты узнал, что я здесь? — спросил Пенрик.

Аделис фыркнул.

— Сначала корабль, на борт которого ты сел

в Тригони, прибыл в Вилнок и пожаловался на нападение. Команда отбила его ночью, и, возможно, он пришел ненамного позже, чем тебя доставили на Лантиеру, хотя потребовался еще день, чтобы описание пропавшего пассажира достигло ушей тех, кто тебя знал. Потом какие-то рыбаки поймали в сети твой сундук, не смогли открыть и притащили Никис. Которая не обрадовалась. — Аделис поморщился. — Затем объявилось адриакское торговое судно с поврежденными бочками для пресной воды и ужасной историей своего бегства, которая исказила тебя почти до неузнаваемости — но только почти. Один раз — случайность. Два — совпадение. Три — больше напоминает послание, которое не следует игнорировать. — Он прочистил горло. — И, конечно же, Никис. Очень расстроенная. Которую тоже не следует игнорировать.

— О, — сказал Пенрик. Ему было приятно. Тревожно, но приятно.

Аделис потер затылок и хмыкнул.

— То, что мы первым делом выудили тебя из гавани, смешало все мои планы. Вечно так бывает. Но, думаю, я все равно смогу сделать кое-что интересное.

Он не выглядел слишком огорченным.

Аделис подозвал безбородого молодого офицера и велел проводить Пенрика и сестер Корва в генеральскую каюту.

— Достаньте им все, что понадобится.

Молодой человек повел Пенрика и его подопечных прочь по оживленной палубе. Размахивающий руками Аделис вновь стал средоточием суеты, люди бегали туда-сюда, торопливо поднимали новые сигнальные флажки. Пен подумал, что править кораблями намного сложнее, чем их топить. Но с этого корабля его хотя бы не сбросят.

* * *

Каюта Аделиса располагалась в углу на корме и оказалась еще теснее гроба, в котором Пен путешествовал на первом корабле. Однако здесь имелась крепкая койка, а не гамак, которая быстро превратилась в складной стол для таза и воды, что принес по просьбе Пена их помощник, а также еды — или по крайней мере пайков. Пен позволил девочкам выбрать первыми, а потом, голодный до спазмов в желудке, проглотил оливки, черствые хлебные галеты, сухофрукты, сыр, снова оливки и даже рыбную полоску.

Они с Дез лично снабдили всех намного более

чистой питьевой водой, чтобы разбавить крепкое армейское красное вино; это стоило того, чтобы попотеть. Каждый по очереди экономно воспользовался тазом, куском мыла и полотенцем, и Пен пожертвовал остаток пресной воды из кувшина, чтобы намылить и промыть слипшиеся волосы.

Из чистых тельняшек и сплетенных жгутов получились отличные скромные платья для девочек, хотя те заявили, что хотят сохранить мальчишескую одежду как ценную добычу. Пен без сожаления расстался с туникой и штанами, в которых его поймали — они не были новыми и сильно износились, — но задумался, как скоро девочки осознают, что мешок с одеждой и едой, которого они лишись, когда на них напали на пляже, вмещал последнюю работу их матери.

Уже собираясь с отвращением снова надеть влажные грязно-зеленые обноски, Пен удивился, когда помощник принес и вручил ему аккуратный узел с его собственной одеждой из Вилнока.

— Мадам Никис прислала их с генералом, — гордо сообщил молодой офицер. — Она очень ему верит.

Тонкое льняное белье. Узкие коричневые брюки. Летняя туника его ранга и Ордена: бледная льняная рубашка без рукавов, единственная

неудобная деталь — посеребренное ожерелье, поддерживающее высокий ворот. С разрезами от бедра, она спускалась до икр; разрезы и подолы были отделаны лентой, расшитой священными животными Бастарда в Орбасе: крысами и воронами, чайками и грифами, какими-то непонятными насекомыми, намного более симпатичными, чем в жизни. К рубашке прилагался плетеный пояс: белая и кремовая нити свидетельствовали о ранге старшего святого, а третья, серебряная нить говорила — или предупреждала — о статусе храмового чародея.

Каждый стежок, каждая ниточка была любовно спрядена, соткана и сшита Никис. Надеть эту рубашку было все равно что скользнуть в ее объятия. Кроме того, Пен получил возможность преподать небольшой урок квинтарианской теологии девочкам, которых заинтриговали значимые детали, но еще больше увлекли резвящиеся существа.

Вместе с одеждой на его плечи будто снова легли ранг и призвание — не изнутри, где они пребывали всегда, но снаружи, судя по тому, как юный офицер отступил на полшага с новым уважением. Или с осторожностью.

Хорошо, промурлыкала Дез. *Нам давно пора*

получить причитающееся.

Очевидно, за стенами каюты не вспыхнуло яростное сражение. Некоторое время назад Пен слышал скрежет, с которым спустили корабельный каменный якорь; это была прямая противоположность головокружительной атаки на обреченную мишень. Если таковые остались.

Когда они снова вышли на палубу, Пен быстро узнал, что Аделис отправился на берег для переговоров с кворумом, который удалось поспешно собрать гильдии и городскому совету. С собой он взял почетный караул из нескольких сотен крепких, до зубов вооруженных солдат. Другие корабли покачивались на воде, пока мирные, но настороженные. Мелкие лантийские суда рассеялись, будто вспугнутые утки.

Пен встал у обращенного к суше поручня. В порту царил полный хаос. Пять кораблей потоплены у причала, полузатопленная галера Фалуна лежит на боку, три еще дымятся, обугленные обломки одного пирса обрушились в воду, большая часть портового района сгорела дотла; работы для орбасского флота действительно почти не осталось. Половина кораблей и капитанов гильдии была в море, и она не могла оказать сопротивления. Скорее всего, город уцепился за

предложение переговоров.

Ожидая развития событий, Пен уговорил помощника провести им с девочками экскурсию по боевой галере. Однажды Аделис уже показывал ему завораживающую сложность этого судна — несколько месяцев назад, когда галере проводили зимнее обслуживание на верфи Вилнока, — и потому многие узнали храмового родственника своего генерала, заставив Пена отвечать на приветствия вежливыми знамениями и благословлениями. Отдыхавшие на скамьях гребцы были армейскими добровольцами, а не рабами; как и солдаты, они видели в Пене не угрозу, а талисман. То же самое относилось и к его подопечным, которые их забавляли. Хотя некоторые люди, сходившие посмотреть на свою прежнюю цель в Ланти, бросали на чародея опасливые взгляды.

Аделис не любил терять времени даром, и потому Пенрик не удивился, когда к закату тот вернулся на «Око Орбаса». Характерная слабая усмешка, блуждавшая по его лицу, когда он взобрался на борт, свидетельствовала о хорошем настроении генерала, что, похоже, воодушевило приветствовавших его людей. Пен отнесся к этому с большей настороженностью, но объяснение

он получил, лишь когда они вместе собрались за ужином.

Под выгнутым навесом, укрывавшим часть кормы, при свете висячих фонарей, они уселись, скрестив ноги, на подушки и насладились корабельным пикником, который оказался намного лучше обеденных пайков. Девочки устроились у ног Пена. Пен подлил Аделису вина, не слишком разбавленного, и попросил рассказать о том, что произошло на берегу.

Ухмыльнувшись, Аделис отказался рассказывать, пока не услышит историю Пена. Тот начал с нападения на рассвете, хотя не преминул пожаловаться на архисвятого Тригони, из-за промедления которого Пен вообще оказался на этом корабле. Он не стал упоминать свое общение с богами, хотя, судя по тому, как насмешливо прищурились искрящиеся алым глаза Аделиса, тот заметил пробелы. Провал первого плана, что их выкупят, и второго, что им помогут освобожденные из тюрьмы пленники, Пен описал кратко; едва ли стоило позволять Аделису хохотать над тем, как сыплющего проклятиями Пена бросили на пристани. Затем последовал рассказ об их жизни в храме.

— Ты собираешься атаковать город Ланти? —

спросил Пен.

— Не сейчас, — ответил Аделис.

— Там есть не только плохие люди, но и хорошие. — Пен вспомнил всех, кого встретил: Джато, Годино, дружелюбную повариху, повитуху Матери и так далее.

— Может, богам и под силу отделить праведных от неправедных, душа за душой. Но армиям приходится иметь дело с массами.

— М-м, — отчасти согласился с ним Пен. — Интересно, все ли хорошо у бедного Годино. Попытка спасти нас могла привлечь к нему нежелательное внимание.

— Возможно. Если твой брат Годино — разумный человек, он уже укрылся в холмах.

— Надеюсь.

Пен закончил рассказ как можно более кратким описанием последнего дня. Но Аделис все равно вскинул брови.

— Знаешь, мое предложение, чтобы ты эпизодически служил наемником в моей армии, по-прежнему в силе, — многозначительно произнес он.

— Как и мой отказ, — со вздохом ответил Пен.

Это был старый спор. Аделис не стал настаивать, а принялся вытягивать из сестер Корва их

версию событий. Его попытки вести себя дружелюбно были более вымученными, чем его рокнарийский, но сестры сочли их искренними.

– *Переговоры*, Аделис, — напомнил Пен, когда Аделис покончил с этим развлечением.

— Ах да. Я заставил Гильдию Лантиеры подписать договор.

Пен моргнул.

— Какой?

— Соглашение оставить в покое Орбас, его острова и корабли.

— Думаешь, они станут его соблюдать?

— Возможно, в течение сезона. Я оставил на берегу несколько агентов, чтобы ждать неизбежного нарушения. В следующий раз мы сможем вернуться в более подобающем виде. Или, еще лучше, убедить карпагамцев сделать это.

— Я бы не назвал ваш вид неподобающим. Вы выглядите весьма грозно.

— Просвещенный, вы понятия не имеете, какое чудо логистики перед вами. Если бы не морские маневры, на которые я уговорил Джурго и которые должны были состояться на следующей неделе, мы бы еще месяц стояли в Вилноке.

— Верю. Итак… договор в обмен на то, что ты не нападешь на Лантиеру, чего ты делать и так

не собирался?

Неудивительно, что Аделис выглядел таким самодовольным.

— Я подсластил зелье, пообещав не давать своим морякам трехдневный отпуск на берег.

— Между этим и осадой города есть разница?

— Небольшая. Совет меня понял. Ты оказался более серьезным камнем преткновения. На сумму тридцать тысяч серебряных риолов.

Пен ахнул от ужаса.

— Да такой выкуп дают за князя! Или нет, погоди, они требовали репараций?..

Аделис уставился на него, потом расхохотался.

— О нет, Пенрик! Я бы не дал им и медяка. Нет, это они заплатят *нам* за то, чтобы мы забрали тебя отсюда.

Дез взвизгнула от удовольствия.

Пенрик просто… выпил.

* * *

Орбасский флот отплыл с утренним приливом, сразу после того, как доставили сундуки с деньгами.

Прислонившись к поручню на корме, Пен вместе с Аделисом смотрел, как удаляется город. Это было самое приятное зрелище, что он мог себе

представить.

— Как ты поступишь с моим, э-э, антивыкупом? — спросил Пен.

— Разделю его. Часть пойдет моим отрядам, в качестве компенсации прискорбного отсутствия добычи по причине прискорбного отсутствия битвы. Остальное отправится Джурго, в оплату этой морской прогулки.

— Маневров, — поправил его Пен. — Просто чуть более реалистичных.

— Этот аргумент я приберегу.

— Не забудь поделиться с Храмом.

— Предоставлю это герцогу.

Пен фыркнул. Паруса были подняты, весла вставлены в уключины, ветер по своей воле нес корабли в нужном направлении. Серо-белые прибрежные чайки пикировали и кричали за кормой, вознося немелодичный гимн их уходу. Пен вспомнил, что смелые птицы-падальщики считались в этих морях созданиями Бастарда.

— Сам знаешь, ничего не выйдет, — наконец сказал Пен. — Все эти корабли и товары, что я уничтожил, были краденными. Лантийские пираты просто вернутся к своему ремеслу, удвоив усилия, чтобы восполнить потери.

— Полагаю, что так, — ответил Аделис. — Мы

еще можем повернуть обратно и стереть город с лица земли. — Пен не был уверен, что это пустая шутка. — Вероятно, это стоит сделать прежде, чем они восстановят ту старую карпагамскую крепость.

Пен отмахнулся.

— Не знаю, что может остановить пиратов. Торговцы-посредники, скупающие товары и людей, — такая же часть системы, равно как и те, кому они их продают, однако отыскать их и справиться с ними намного сложнее. Это может быть каждый. — Пен мрачно задумался. — *Кантоны* обходятся без рабства.

— И, по твоим словам, очень бедны.

— М-м. — Пен не мог этого отрицать — Не настолько. У нас все нормально.

— Я слышал, что дартакийцы строят на своем дальнем восточном берегу торговые и боевые корабли, которые ходят только на парусах и не требуют гребцов, — сказал Аделис. — Те неспокойные моря потопили больше галер, чем когда-либо погибло в битвах, и потому в этом есть смысл. Если такая конструкция действительно будет иметь преимущество, возможно, дни галерных рабов будут сочтены без необходимости прибегать к целомудренному аскетизму кантонов.

— Но в рудниках все равно будут требоваться рабы. И в качестве наложниц и слуг. А также судомоек и писцов.

— Тут я тебе не помощник. Это не мое дело. Молись своим богам, Просвещенный.

— Боги принимают почти каждого, кто их не отвергает, свободного или раба. Не уверен, что они различают виды человеческих страданий. Ход их мыслей отличен от нашего. Душа за душой, как ты говоришь.

Черные брови Аделиса взметнулись вверх; быть может, ему было тревожно стоять рядом с человеком, который мог *рассуждать* о том, как мыслят боги.

— Воры все равно будут желать заполучить сокровища, которые не могут достать иным способом, или просто грабить ради безумной удали. А солдат будут отправлять, чтобы справиться с ними. Я не вижу конца ни одному из этих занятий при моей жизни.

— Я тоже. Занятию или жизни.

Повернувшись, Пен прислонился спиной к поручню и посмотрел на сестер Корва, сидевших со скрещенными ногами на другой стороне кормы. Дружелюбный матрос учил их вязать узлы.

Аделис проследил за его взглядом и с непри-

вычной робостью спросил:

— Тебе известно, коснулся ли их бог?

Потому что Пен мог ответить на этот вопрос, поскольку, в смутном, хаотическом смысле, бог коснулся его самого?

Аделис продолжил:

— Судя по всему, они пережили удивительную череду везения и невезения, удач и неудач. Из которых самым удивительным было то, что ты свалился на них сверху. Работа белой руки твоего бога?

— Хотел бы я знать, — вздохнул Пен. — Ничто из случившегося не требует сверхъестественного объяснения. Все просто, э-э, накопилось. — Он сжал губы. — Надеюсь, у меня будет возможность разгадать их тайну.

— В таком случае, прошу, поделись со мной. — Аделис оттолкнулся от поручня, услышав призыв офицера, который нуждался в своем командующем. — Если сможешь.

— Хорошо, — ответил Пенрик.

Эпилог

Как бы Пену ни нравился его кабинет наверху, выходивший в общий двор с колодцем, он вынужден был признать, что жарким летним вилнокским утром там было душновато. И потому он перенес языковые уроки с девочками в заднюю беседку, дощатый стол и скамьи которой затеняли виноградные листья, а стоявшие вокруг горшки с кухонными травами создавали приятную сельскую обстановку. Сосредоточенное выписывание седонийских букв мелом на грифельной доске в ленивом теплом воздухе сменилось пением детских храмовых гимнов. Пен считал, что рифма, ритм и припевки быстрее закрепляли слова в юном мозгу, чем скучное чтение или заучивание текстов, хотя последним они тоже занимались.

И ему удалось, без скучного труда, вплести необходимые повторения в поиск гармонии, когда его легкий баритон сливался (красиво, как он надеялся) с девичьими сопрано. Как ни странно, Сьюка лучше попадала в ноты, чем Ленчия; Пен подозревал, что энергичный ум Ленчии слишком

напрягался. Слишком сильно пытался заменить их осиротевшей семье отца и мать, когда, по мнению Пена, роль старшей сестры уже была достаточно трудной.

Их попытки хорового пения прервала Никис, которая постучала по столбу беседки. Она улыбалась, так что причина, по-видимому, была не в шуме.

— Пенрик, у нас гость.

Подняв глаза, он посмотрел за ее плечо. Там переминался с ноги на ногу мужчина средних лет и среднего роста, скорее крепкий, чем полный. Его одежда была простой, пусть и хорошо сшитой: туника с поясом и брюки. На ногах — разумные в такую погоду сандалии. В темных волосах и бороде виднелась седина, кожа была не кирпичной, как у седонийцев, а более светлого теплого оттенка, какой можно встретить на любом из материковых побережий к востоку. Пен решил, что он из Ибры, по знакомому письму, которое мужчина сжимал в руке. И по реакции девочек.

— Папа! — крикнула Ленчия.

После заминки — прошло больше года с их последней встречи с отцом — Сьюка помчалась вслед за сестрой.

Мужчина упал на колени, раскинул руки и

крепко обнял обеих.

— Ах! — Его мокрые глаза закрылись, лицо исказили радость и боль. — Ах, значит, это правда…

— Мастер Уби Гетаф, как я понимаю, — сказал Пен, поднимаясь, чтобы поприветствовать нежданного гостя. Письмо, которое тот комкал в большом кулаке, Пен отправил Просвещенной Изерне в Лоди три недели назад, когда они только добрались до Вилнока. В письме он кратко изложил свои последние приключения и попросил помощи в поиске странствующего торговца. Судя по всему, Изерна отлично справилась.

— Просвещенный Пенрик? — не столь уверенно спросил Гетаф.

Он поднялся на ноги и, удерживаемый вцепившимися в обе его руки дочерями, кивнул Пенрику. Потом, запинаясь, продолжил на седонийском:

— Как я понимаю, я должен благодарить вас за спасение моих детей.

Пен ответил на беглом ибранском:

— Так бы поступил любой приличный взрослый человек, с учетом обстоятельств.

Возможно, не совсем *так*, насмешливо прошептала Дез. Пен решил, что подождет, прежде

чем ее представить.

Гетаф вскинул голову, пытаясь распознать ибранский выговор Пена.

— Вы… из Браджара?

— Нет, но тот, кто научил меня языку, жил там, давным-давно.

И я благодарен вам за это, Просвещенная Аулия, послал он мысль тому слою Дез, которым являлась браджарская служительница храма, когда-то получившая Дез от умирающей Умелан, словно палочку в смертельной эстафете.

Гетаф кивнул, слишком растерянный чтобы проявить любопытство. Девочки потащили его к скамье, пытаясь хором рассказать свою историю на рокнарийском, который их отец, судя по всему, хорошо знал, с небольшой примесью ибранского. Мужчина тяжело сел, его голова крутилась туда-сюда, словно он пытался уследить за быстрой игрой в мяч или был медведем, которому досаждали пчелы.

Скрестив руки на груди, Никис прислонилась к столбу беседки, недоуменно вслушиваясь, что было понятно, поскольку она немного владела рокнарийским, но не ибранским. Однако Пен решил, что она отлично считывала эмоции — и одобряла их. Отодвинув свою скамью, он пома-

нил жену к себе, и они сели рядом, ее мягкое бедро под льняной тканью уютно прижалось к его жилистому бедру. *Только попробуй еще раз так исчезнуть*, получил он послание на языке более глубинном, чем те слова, что могли слетать с его языка. Он взял ее пухлую ручку и так же безмолвно ответил: *Повинуюсь, Мадам Сова.*

— Гетаф кажется тебе правильным человеком? — шепотом спросил Пен.

Не менее поглощенная воссоединением, что разыгрывалось у них на глазах, Никис шепнула в ответ:

— Взгляни на девочек. Думаю, такая безоглядная радость выходит за рамки простого облегчения при виде знакомого лица.

Благодаря по большей части заботам Никис девочки были чистыми, блестящие волосы аккуратно заплетены в косы и перевязаны цветными лентами. Они отъелись и если не стали упитанными, то хотя бы больше не выглядели истощенными от страданий. Одеты они были в приличные, пусть и поношенные платья, которые Никис выпросила при дворе герцогини. Пенрику было приятно, что они могли представить сестер отцу в столь приличном виде, как будто он вновь стал студентом, демонстри-

рующим особенно удачную работу одному из преподавателей семинарии. Он надеялся на хорошую оценку.

Лицо Гетафа стало серьезным, когда девочки добрались до рассказа о смерти матери, подробностей которой он не знал, поскольку в письме Пен, излагая причину всех бед, ограничился словами «умерла от болезни в Распэе».

— Мне так жаль, — сказал Гетаф дочерям. — Я ничего об этом не знал. Когда из-за приграничной стычки князя Джоконы с Иброй его побережья закрылись для торговли с Загозуром, я решил переждать и пока отправиться на запад. Загозурский агент должен был переслать ваше письмо мне, а не возвращать назад. И, конечно же, Таспейг следовало проводить вас до Лоди, а не бросать в Агенно, хотя… хотя, возможно, это бы не помогло.

— К тому моменту она очень устала и сердилась, — сказала в оправдание служанки Ленчия. — Как и все мы. И, думаю, у нее почти кончились деньги.

— И все же. Все же.

Сьюка подняла голову.

— Теперь ты заберешь нас домой, папа?

Гетаф ощутимо замешкался. Где теперь был дом

для этих сестер? Распэй лежал позади, как потонувший корабль, не оставив на поверхности даже мачты, за которую можно было бы держаться.

Ленчия, всегда более чуткая к трудностям, добавила:

— Или хотя бы возьмешь нас с собой?

Это была, хм, не такая уж и плохая картина — вести жизнь двух юных подмастерьев, которые постигают дело мастера и познают мир. Многие отцы учили так сыновей. А иногда и дочерей.

Нахмурившись, Гетаф вытер лоб.

— Тут есть определенные проблемы, которые я должен обдумать. Я не могу привезти вас в Загозур. Который, надо полагать, никогда и не был для вас домом. Но я не брошу вас без поддержки. Это я обещаю. — Он посмотрел на Пена и перешел на седонийский: — Просвещенный Пенрик, могу я переговорить с вами наедине?

Пен и Никис переглянулись. Никис встала и мягко сказала девочкам:

— Ленчия, Сьюка, поможете мне принести еду и питье для вашего папы?

Ленчия нахмурилась, а Сьюка выпятила нижнюю губу, опасаясь, что другие люди решат их судьбу, не спросив их мнения. Пенрик сочувствовал девочкам, но догадывался, что у Гетафа есть

личные дела, которыми он не хочет делиться с ними. Тем временем Никис может воспользоваться шансом поговорить с его дочерями начистоту. Пен радостно кивнул им, и они позволили увести себя прочь, почти не шаркая обутыми в сандалии ногами.

Гетаф проследил, как они скрываются в доме, затем понизил голос и спросил на ибранском:

— Я правильно понимаю, что пираты не надругались над ними?

— Правильно. Очевидно, потому, что выше ценятся девственницы. Каковыми они, э-э, и остались.

Гетаф с облегчением кивнул. Затем помедлил, подбирая слова.

— Ваша подруга, Просвещенная Изерна, очень вовремя отыскала меня в Лоди. Я как раз закончил собирать товары и через неделю был бы уже на обратном пути в Загозур. — Он пожевал губу. — Не думаю, что разумно привозить Ленчию и Сьюку в мой загозурский дом. Моя жена держит хозяйство в твердых руках, она очень надежный распорядитель, вырастила наших детей, имеет множество полезных родственников, но… вряд ли она будет им очень рада. Они заслуживают лучшего, чем забота без любви, а мой род заня-

тий не дает мне проводить много времени дома, чтобы восполнить это.

— Как я понимаю, мадам Гетаф не знает о вашей любовнице? — Или Джедула Корва была скорее второй женой?

Гетаф покачал головой.

— И я предпочел бы все так и оставить. С учетом того, что в Распэе больше ничего нет.

— Могу понять…

— Джедула была для меня якорем, но если я и размышлял о том, что что-нибудь случится с ней, а не со мной, то полагал, что заплачу Таспейг, и та будет заботиться о девочках в их доме, как и прежде. Не представляю, чтобы я смог вернуть их Таспейг теперь, после того как она так повела себя в Агенно. В любом случае, я думаю, что она отправилась искать для себя иной доли. А в Распэе положение наполовину квинтарианских сирот, даже небедных, оставляет желать лучшего.

— Так я слышал.

Гетаф уставился на свои руки, зажатые между колен, потом посмотрел на Пена более внимательно.

— Что вы можете мне рассказать про Орден Бастарда здесь, в Вилноке? Его дела идут хорошо?

Пен вскинул брови.

— Сиротский приют здесь приличный, насколько это возможно. Ему хронически не хватает денег и персонала, как и большинству таких мест, но его люди очень преданы своему делу.

Гетаф отмахнулся.

— Нет, нет, я скорее попытаю счастья в Загозуре, чем отдам девочек в приют. Оставьте эти ресурсы тем, кто действительно в них нуждается. Я думал о самом Ордене. Ленчия и особенно Сьюка немного маловаты, чтобы становиться посвященными с приданым, но… быть может, у вас есть там влияние?

— Хм. — Пен сложил руки на дощатом столе. — Интересная мысль.

— Хороший Орден сможет обеспечить им более приличный уход и образование, чем сиротский приют, и они останутся вместе, если так будет указано в контракте о приданом. И… и впервые их примут с большей радостью благодаря сословному положению, а не вопреки ему. Э-э… где они жили в Вилноке? В вашем письме это не уточнялось. — Он нервно разгладил мятую бумагу на столе.

— О, прошу прощения. Они живут здесь. Полагаю, можно считать мой дом филиалом Ордена,

нерегулярным старшим членом которого я и являюсь.

Гетаф нерешительно посмотрел на него.

— Как по-вашему, вы бы… А ваша жена?..

Пен обдумал дальнейшие слова. Он разделял опасения Гетафа. Никис по-доброму отнеслась к осиротевшим девочкам, но правильно ли заставлять ее заниматься этой работой до нескончаемых времен, если объявился настоящий родитель, желающий выполнить свой долг? И важнее того, какой выбор будет оптимальным для Ленчии и Сьюки?

— Я… на самом деле, думаю, что им лучше жить в доме Ордена, — медленно произнес Пен, — с учетом непредсказуемости моих обязанностей, а также обязанностей Никис и Аделиса. И там у них будет больше учителей и наставников, не говоря уже о толпе энергичных юных посвященных, с которыми можно подружиться. Но на самом деле, выбор не обязательно должен быть жестким. Дом Ордена расположен неподалеку. И мы сможем навещать друг друга.

Этого ты хочешь, Лорд Бастард? Пен помолился бы о наставлении, но его молитвы всегда оставались без ответа, поэтому он считал, что должен полагаться на собственное суждение.

Хотя заполучить две столь яркие души для Его Ордена — несомненно, достойное подношение.

— Как по-вашему, им нравится Вилнок? — тоскливо спросил Гетаф.

— Насколько я могу судить. Хотя любое место покажется лучше Лантиеры или грозившего им рабства.

Дерганый, неохотный кивок.

— Я позабочусь о том, чтобы мои маршруты вновь проходили через Лоди. И буду навещать девочек время от времени.

Он не упомянул опасности своей работы. Пен вспомнил Алоро и Ардити и понадеялся, что они вернулись в Адрию живыми.

— Что ж, в таком случае, я советую вам высказать ваше предложение дочерям и посмотреть, что они об этом думают. Со своей стороны я преград не вижу.

Напряженные плечи Гетафа обмякли.

— Все может получиться. Все может получиться очень хорошо.

— Может. — Пен перекинул вперед свою косичку — этим утром ее заплетала Сьюка — и принялся играть с ней, безуспешно пытаясь скрыть любопытство. — Как по-вашему, их мать одобрила бы это?

Торговец болезненно пожал плечами.

— Могу лишь молиться об этом. Но если у них все будет хорошо, то да. Это единственное, чего она всегда хотела для девочек. Чтобы у них все было хорошо.

— Как вы познакомились? — Ответ на этот вопрос он и так знал. Но вопрос: «Как между вами возникла связь, которую не смогла разорвать даже смерть?» — казался слишком личным для первой встречи.

Мимолетная улыбка.

— Благодаря ее работе, конечно же. Когда я впервые пытался наладить торговлю в Распэе, лет пятнадцать тому назад. Из разряда постоянных клиентов я переходил в эксклюзивного клиента, когда у меня хватало на это денег, что… случалось не всегда, к моей досаде. Но мы ладили. Иногда она была моим временным агентом, когда я не мог позволить себе иные услуги.

Что больше подходило супруге торговца, а не его любовнице. Если не считать ее подработку.

— Значит, тогда она была очень молодой и красивой?

Гетаф отмахнулся.

— Ненамного младше меня… хотя, конечно, тогда я тоже был моложе. Симпатичная, как и

подобает ее профессии. Но ее привлекательность основывалась на аккуратности и здоровье, а не на незаслуженном даре, который является одновременно благословением и проклятьем тех, кто рождены красивыми.

И он кинул проницательный взгляд на Пена, который Пен предпочел проигнорировать.

Лицо Гетафа смягчилось.

— Но она была самым добрым человеком из всех людей, что я встречал, любого пола и рода. Иногда ее бесстрашная забота пугала меня. Знаете, она брала к себе бродяжек, своих коллег, которые попали в скверную ситуацию. Особенно молодых, которые не обзавелись хитростью и лукавством, чтобы защитить себя. Я утратил счет скрытым квинтарианцам, и обиженным проституткам, и вороньим мальчикам, которых вывез с Распэя под видом слуг, чтобы высадить в каком-нибудь ибранском порту в надежде, что они смогут начать менее опасную жизнь. И несколько беглых квинтарианских рабов — это была опасная игра. Лично я предпочитал выкупать потрепанные экземпляры по указанию Джедулы, когда мог себе это позволить. Так лучше для моего слабого сердца.

От этой новой картины Пенрик моргнул.

— Ленчия и Сьюка знали об этом?

— Не думаю, разве что обрывки, когда Джедула прятала в нашем доме кого-то больного или раненого. В таких случаях она определенно не говорила им правды или заставила их поклясться молчать. Но по большей части она очень старалась не дать им узнать про эту деятельность. Потому что, несмотря на то, что в Распэе их чуралась, у девочек все равно было несколько юных друзей, пусть и детей женщин той же профессии. И контролировать их болтовню было бы невозможно.

— Ясно.

Подумать только, добавила Дез.

Впервые тайный бутон отношений Джедулы Корва с ее богом начал раскрывать свои секреты перед глазами Пена, словно распускающийся цветок. Возлюбленная, отмеченная богом, великодушная… быть может, даже угодница? Истинная душа, которая перемещалась по миру безмолвно, будто рыба, невидимая земным взглядам, которые замечали только внешнее превосходство и хвастовство. И никогда — маленькую женщину из маленького города, которая была *доброй*. Душа за душой.

И, похоже, ее верного лейтенанта. Пен новыми

глазами взглянул на невзрачного, немолодого торговца, который не догадывался об этих мыслях.

Гетаф вздохнул.

— Думаю, после Джедулы мне будет трудно смотреть на других женщин. На других людей вообще. Теперь моя жизнь станет намного… скучнее.

Его гримаса не слишком напоминала защитную улыбку, которую он, очевидно, пытался изобразить.

Значит, по меньшей мере, отмеченная богом. Пен узнал эту тоску потери, когда великое Присутствие становилось великим отсутствием. Эту скорбную утрату, ведомую лишь тем, кто благодаря какому-то опасному апогею *почти* уловил неясную, неописуемую сущность.

Полагаю, в конечном итоге бог примирит нас с этим. Но для некоторых ожидание будет долгим и трудным.

У двери в дом раздался шум: Никис и девочки вынесли подносы с холодной лимонной водой и вкусным печеньем. Пен удивил собравшихся и позабавил себя, создав шарики льда для напитков. Он также воспользовался этой мирной возможностью, чтобы представить Дез; им уда-

лось не слишком напугать гостя. В любом случае, развлечение дало ему время собраться с собственными разворошенными мыслями.

За трапезой Гетаф, который, по мнению Пена, был успешным торговцем, а значит, умел вести переговоры, высказал свое предложение девочкам. Пен пытался сохранять нейтральное выражение лица, но, очевидно, выдал себя широкой ухмылкой, когда девочки с радостью уцепились за возможность сходить всей семьей после обеда в дом Ордена на экскурсию, чтобы более подробно увидеть, что им предлагают. Гетаф определенно одобрил этот расчетливый аудит. Несмотря на то, что поведение сестер было очевидной попыткой не огорчать его откровенной радостью, что они избавятся от опеки отца.

* * *

Соглашение между Орденом и родителями либо опекунами юного посвященного было чем-то средним между выкупом и ученичеством; Гетаф, явно знавший толк в обоих видах контрактов, за пару дней уладил детали с домом Ордена Бастарда. Изучив вопрос, глава Ордена закрыл глаза на возрастные требования, что не было редкостью и едва ли требовало вмешательства Пена. По

достижении совершеннолетия такие дети получали выбор: они могли закрепить клятвы и стать полноценными членами Ордена или покинуть его ради мирской жизни. Пен понятия не имел, что в конечном итоге выберут Ленчия и Сьюка, и решил, что не нужно загадывать на столько лет вперед.

Хорошо, сказала Дез. *Ты и так заранее волнуешься о таком количестве вещей, что тебе скоро понадобится бухгалтерия для ведения счетов.*

Пен, Никис и Гетаф вместе проводили сестер в их новый дом. Девочки привязались к Никис — а кто бы не привязался, — и она отвечала им взаимностью. Все вместе они перенесли немногочисленные пожитки сестер с заднего двора в узкую комнату, где имелось застекленное окно, выходившее на город и долину, что извивалась среди раскинувшихся за ним холмов. Также в комнате был платяной шкаф, два сундука, умывальник со всеми атрибутами, заманчивая книжная полка — Пен одобрил — и две кровати, по одной с каждой стороны. Сьюка сразу плюхнулась на свою и оценивающе подпрыгнула. Ленчия огляделась с любопытством и трепетом, но Пен понадеялся, что первое было сильнее.

Затем пришло время попрощаться с Гетафом.

Тот явно разрывался между тревогой о Ленчии и Сьюке и опасениями насчет того, что могло происходить с плодами его годовых трудов, томившимися на лодийском складе. И Пен напомнил себе, что дочери Джедулы Корва были не единственными детьми Гетафа, которых тот доверил надеждам и заботе других людей, пока сам путешествовал, хотя торговец тактично не распространялся о своей семье в Загозуре.

Дорога от дома Ордена до гавани Вилнока была короткой. Небеса приобрели летний темно-синий оттенок, на фоне которого ослепительно-белыми вспышками мелькали чайки. Были объятия, были слезы, были, вероятно, тщетные предупреждения об опасностях жизни в Вилноке и на борту корабля. Затем торговец вложил монету в руку гребца и на лодке отправился к ждавшему его судну. Гетаф вскарабкался по сетке и в последний раз помахал, прежде чем команда заставила его отойти с дороги и не мешать.

— С ним все будет в порядке? — с тревогой спросила Сьюка. Теперь она слишком хорошо понимала не только опасности мира, но и хрупкость взрослых.

— Сезон бурь в этих водах закончился, — ответил Пенрик. — И я не думаю, что пираты в

ближайшем будущем станут нападать на корабли под флагами Орбаса. Он в такой же безопасности, как и любой из нас, живущих в этом мире.

— Мы можем заглянуть в храм Вилнока и помолиться за него, если хотите, — добавила Никис.

Ленчия посмотрела вниз, на свои сандалии, затем подняла взгляд на Пенрика.

— Это поможет?

— Определенно… только когда все путешествия подойдут к концу, — ответил Пенрик, который поклялся богу быть честным и сдержал утешительные банальности. — Но туда мы хотя бы отправимся не одни.

Серьезно подумав, Ленчия кивнула.

Они вернулись на городские улицы. Весело толкаясь между Пенриком, Дез и Никис, сестры Корва бесстрашно полезли вверх.

Мир Пяти Богов
Рокнарийский архипелаг
Джокона
Борасич
Вардо
Табака
Джарт
Шлаич
Ибра
Южная Ибра
Бриджар
Ниссе
Сеченя
Ордес
Грабит
Турнони
Адуя
Картальмо
Скоч
Кантони
Дарлака
Вестра
Вельд
Токи
Южные острова [Аффрастлекка]